

ПО КАМЕ И УРАЛУ

**Путевые записки
XIX – начала XX вв.**

Муниципальное учреждение культуры
Объединение муниципальных библиотек г. Перми
Центральная городская библиотека им. А. С. Пушкина
(Дом Смышляева)

Ф. Ф. Вигель

Л. А. Загоскин

П. И. Мельников-Печерский

П. И. Небольсин

И. Белов

П. А. Кропоткин

Н. А. Белоголовый

И. С. Левитов

С. А. Кельцев

Д. Н. Мамин-Сибиряк

Е. Ф. Шмурло

Д. Н. Пешков

Ф. А. Мейер

В. А. Поссе

А. И. Фирсов

ПО КАМЕ И УРАЛУ

**Путевые записки
XIX – начала XX вв.**

Составитель Д. А. Краснояёров

Пермь 2011

ББК 84Р1-4
УДК 882
П 54

По Каме и Уралу: путевые записки XIX – начала XX вв. / сост. и примеч. Д. А. Краснопёрова; вступит. статья Е. Г. Власовой; ред. Т. И. Быстрых; Центр. городская б-ка им. А. С. Пушкина (Дом Смышляева). – Пермь, 2011. – 297с.

В сборник включены путевые очерки, дорожные дневники, отчеты проезжавших через Пермь в XIX – начале XX вв. писателей, журналистов, военнослужащих, общественных и политических деятелей, – всего 15 очерков. Документы публикуются в авторской редакции с сохранением стиля и орфографии. Сборник может быть использован не только широким кругом читателей, интересующихся историей Пермского края, но и специалистами, учеными-историками и филологами.

ББК 84Р1-4
УДК 882

Составитель *Д. А. Краснопёров*

Редактор *Т. И. Быстрых*

Книга издана на средства вдовы Д. А. Краснопёрова, Нины Николаевны Краснопёровой, при поддержке книготорговой фирмы «Лира-2».

© Краснопёров Д. А.,
составление, примечания, 2011.
©Власова Е. Г., вступительная статья, 2011.

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ РЕДАКТОРА

Дмитрий Архипович Краснопёров – учитель, краевед, автор-составитель серии учебных хрестоматий по литературному краеведению для различных классов средней школы, объединенных названием «Родное Прикамье», книги «Я увез из Перми воспоминанье...» (Пермь, 1989), а также многочисленных краеведческих публикаций в периодических изданиях.

Сборник путевых записок «По Каме и Уралу» был составлен Д. А. Краснопёровым в 1990 году для серии Пермского книжного издательства «Литературные памятники Прикамья». В этой серии вышли замечательные краеведческие издания: «Как жили в Куморе» А. А. Кирпищиковой (1987), роман «Именинник» и очерки Д. Н. Мамина-Сибиряка (1989), «Любовь или дружба?» Е. А. Словцовой-Камской (1990), «Ставленник» Ф. М. Решетникова (1991), «Мемуарная проза» М. А. Осоргина (1992). В библиотечку вошел и сборник путевых очерков «В Парме» (1988, составитель Н. Ф. Аверина). Предполагалось издать в этой серии еще несколько томов путевых очерков, содержащих описание Перми и Пермской губернии, в том числе и сборник, составленный Д. А. Краснопёровым. Кроме этого, была готова к выходу в свет книга П. И. Мельникова-Печерского, готовилась к изданию книга Вас. И. Немировича-Данченко «Кама и Урал».

Но издательство закрылось, и уникальная краеведческая библиотечка осталась незавершенной. Неизданная рукопись Д. А. Краснопёрова сохранилась в его архиве. Дмитрий Архипович не возвращался к ней, сосредоточившись на задуманной им позднее книге «Литературная память Перми». Лишь после его смерти удалось подготовить к изданию и выпустить в свет обе книги, взаимно дополняющие друг друга.

«Литературная память Перми» (2010) – это краеведческие заметки о людях, в разное время побывавших в нашем городе и описавших его в своих дневниках, очерках, воспоминаниях, письмах, художественных произведениях.

В настоящем сборнике «По Каме и Уралу» опубликованы собственно тексты, «пермские» главы из путевых записок проезжавших через Пермь в XIX – начале XX вв. писателей, журналистов, военнослужащих, общественных и политических деятелей, – всего 15 очерков, не потерявших со временем художественного и исторического значения.

Путевые записки – признанный литературный жанр. Относящиеся к нему произведения назывались до середины XIX в. «путешествиями». Сюда входили путевые очерки, дневники и судовые журналы, письма, отчеты и другие сочинения, составленные как самими путешественниками, так и написанные с их слов и по их материалам.

В конце XIX – начале XX вв. произведения такого рода называли уже, как правило, путевыми записками или путевыми очерками. Они содержали описание географического, этнографического, социального облика увиденных автором местностей и народов; дорожные впечатления, наблюдения, обстоятельства самого путешествия или паломничества. Путевые записки всегда окрашены личным восприятием автора. Часто они сопровождаются экскурсами в историю края, включают архивные документы, образцы фольклора и местных говоров, иллюстрации и географические карты.

В последнее время в научной литературе утвердился новый термин – травелог – повествование о путешествии (от англ. travel – путешествие).

Но независимо от того, как именуется этот интереснейший вид произведений литературы, значение его для истории не становится меньше. Нередко путевые записки, как свидетельства очевидцев, оказываются впоследствии ценным, а в ряде случаев – важнейшим источником по изучению края.

В процессе подготовки к изданию рукопись Д. А. Краснопёрова (ее первоначальное название – «Старая Пермь») была отредактирована, содержание очерков выверено по первоисточникам; наряду с исправлениями во многих случаях восстановлены пропущенные составителем, но значительные на взгляд редактора отрывки. Кроме этого, в книгу добавлены главы из «Дорожных записок» П. И. Мельникова-Печерского, никогда не публиковавшихся полностью в современной краеведческой литературе. Документы публикуются в авторской редакции, с сохранением, в основном, стиля и орфографии. Оставлено авторское написание фамилий, например: Строгоновы – Строгановы, Дегеннин – де Геннин; географических названий: Егошиха – Ягошиха, Ягошихинский, Березники – Березняки, и пр.

Примечания к очеркам, сделанные Д. А. Краснопёровым, также в отдельных случаях дополнены и уточнены; составлен «Словарь забытых и устаревших слов и выражений».

Там, где это уместно, сохраняется разбивка источника по страницам, чтобы пользователи могли сделать ссылку на первоначальную публикацию.

Таким образом составители надеются, что сборник будет нужен не только широкому кругу читателей, интересующихся историей Пермского края, но и специалистам, ученым-историкам и филологам.

Вступительная статья к сборнику написана Е. Г. Власовой, кандидатом филологических наук, доцентом кафедры журналистики Пермского государственного университета.

Составленный Д. А. Краснопёровым сборник путевых записок «По Каме и Уралу» подготовлен к выходу в свет сотрудниками Пермской центральной городской библиотеки им. А. С. Пушкина (Дом Смышляева) и был издан благодаря инициативе и стараниям его вдовы, Н. Н. Краснопёровой, и на ее собственные средства.

Т. И. Быстрых.

В КОНТАКТЕ С ПРОСТРАНСТВОМ: ОБРАЗ УРАЛА В ЛИТЕРАТУРЕ ПУТЕШЕСТВИЙ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

В силу особого «пограничного» положения Урал долгое время оставался для российской культуры terra incognita. Практически до конца XIX века основной литературный опыт его описания был представлен в литературе путешествий. До XVIII века – это путевые отчеты европейских коммерсантов, потом – пионеров горного дела на Урале: сначала В.Н. Татищева, а ближе к концу XVIII столетия – ученых-путешественников, которые подробно исследовали горные богатства Урала от Оренбурга и Челябинска до Соликамска и Верхотурья, оставив подробные дневниковые записи своих наблюдений. XIX век сформировал литературу писательских и журналистских путешествий. Несложно заметить при этом, что пики активности уральского травелога связаны с развитием транспортного сообщения. Развитие почтовых дорог открыло путь на Урал и в Сибирь для любопытствующих путешественников. Пароходное сообщение по Волге и Каме сделало путешествие на восток еще более быстрым и удобным. Железные дороги отменили необходимость сложного почтового переезда через Уральские горы, и поток путешествующих по Уралу стал массовым.

Развитие транспортных магистралей определило не только простое увеличение количества литературных путешествий. Изменения способа путешествия повлияли на характер восприятия пространства и, в конечном итоге, на процесс формирования образа уральского пространства.

Уральский травелог XVIII-XIX вв. кажется более чем репрезентативным материалом для изучения взаимосвязи манеры путевого описания и характера передвижения. История транспортного освоения Урала позволяет проследить самые разнообразные способы путешествия – от волока до железных дорог. В соответствии с последовательным развитием транспортных сообщений и способов передвижения литература путешествий каждый раз разрабатывала новые подходы к описанию пространства, формируя своеобразные «дорожные» дискурсы. Эволюция уральского травелога XVIII-XIX вв. определяется, на наш взгляд, взаимодействием трех основных «дорожных» дискурсов – гужевого, включающего верховой и повозочный способы путешествия, пароходного и железнодорожного.

Представленная в данной книге подборка путешествий по Пермской губернии XIX – начала XX вв., а это самый активный период уральского травелога, иллюстрирует смену дорожных парадигм в описаниях северной – пермско-екатеринбургской – части Урала, которая являлась основным маршрутом в преодолении, а значит, и в описании Уральских гор этого времени.

Первый период путешествий по Пермской губернии связан с верховыми поездками по труднопроходимым горным местностям¹ и путешествиями, предпринятыми на повозках по проложенным трактам². Складывающийся в путевых отчетах этого времени дискурс описания определялся самым тесным взаимодействием путешественника с окружающим пространством. Путешествия этого типа наполнены тактильными контактами: здесь преобладают ощущения тесноты пространства, его плотности и труднодоступности.

Главными угрожающими персонажами цепкого и угрюмого уральского ландшафта становятся дремучие леса и горы, затяжные подъемы и крутые спуски, заставляющие путешественников с особой силой ощутить напряжение пространства. Пробираясь на север Пермской губернии, П.И. Мельников-Печерский, оставивший, пожалуй, самые подробные путевые описания Пермской губернии первой половины XIX века, так увидел уральский лес: «Дорога идет лесом почти до самого города. Природа однообразна: этот лес, весь состоящий из хвойных деревьев, смотрит так мрачно, так грустно. Мне показалось бы, что я где-нибудь в отдаленном севере, на берегах Печоры, в соседстве с дикими вогулами и оленями, если бы прекрасная гальковая дорога и покойный экипаж беспрестанно не уверяли меня в противном».

На восточном – екатеринбургском – направлении тема опасности уральского пространства подчеркивается заметным усилением перепадов ландшафта: «Целый день тащились по горам. Горы и леса. Вдали видны все леса, все шапки, конусы, сплошь обросшие ими. Наконец, вдали показалась главная цепь гор: синеватой грядой тянулась она перед глазами. Огромные леса покрывали ее» (П.А. Кропоткин); поселение «называемое Кленовская крепость, мне показалось примечательно и осталось памятно по ужасу, произведенному во мне местами, его окружающими, мрачным сосновым лесом, оврагами, пропастями, на каждой версте встречаемыми» (Ф.Ф. Вигель).

Путешественника окружают запахи, звуки и погодные катаклизмы: туман, дождь, ветер, снег, которые усиливают ощущение чуждости пространства. «Ужаснейшая гроза встретила нас на рубеже Европы и Азии; молния поминутно сверкала, дождь водопадом лился с неба, и эхо невидимых для нас гор повторяло сильные громовые удары. Это принудило нас более двух часов остановиться в Билимбаеве. Ручей более, чем речка, Чусовая (последняя на сей стороне Урала), ниспадающая с гор, от дождевой воды до того раздулась, что через нее нужно было сделать переправу; это еще нас остановило, так что в этот день опоздали мы приездом в Екатеринбург, от которого находились менее чем в пятидесяти верстах», – сетует на уральскую непогоду Ф.Ф. Вигель. При этом расстояния на Урале кажутся больше, чем они есть на самом деле. Один из путешественников по уральскому северу, В. Латкин, например, писал: «Здесь версты что-то очень длинны»³.

Плотность контакта с окружающим миром первых путешествий проявляется также в спонтанном этнографизме путевых записей: путешественник останавливается у местных жителей, включается в их быт. Нередко источником для подобного рода наблюдений оказывается ямщик «из местных». Так, услышанная от ямщика пермяцкая песня вводит в путевые заметки П.И. Мельникова-Печерского большой фрагмент, посвященный истории и быту коми-пермяков.

В триединстве горы, леса и реки, определяющем специфику уральского пространства, путешествия этого периода закономерно делают акцент на горном мире. Один из главных локусов воссозданного ими пространства – это горный завод. Чаще всего именно с посещением горных заводов была связана цель путешествия, в других случаях они служили опорными пунктами маршрута. В это время складывается горнозаводская семантика образа Урала. Доминирование горы и скалы закрепляется и в традиционном для этого типа путешествий пейзаже: как правило, это вид с высокой горы вниз: «Выехав из этого завода, мы должны были подняться на довольно значительную возвышенность, с которой вид был очень живописен. С одной стороны, как голубая ткань, расстилался пруд: берега его или опушены лесом, или обстроены домами, которые отражаются в зеркальной влаге. Направо Кама серебрится вдаль; возвышенный правый берег ее зеленою полосой отделяет воду от небосклона: ближе – белая, высокая Лунежская гора; огромные камни ее висят под ложбиною и кажутся ежеминутно угрожают падением; между этими камнями лепятся березки и елки, вершина горы опушена кудрявыми соснами» (П.И. Мельников-Печерский).

Тема горного мира символически закрепились в рассказах путешественников о древней Чуде. Особое внимание этому вопросу уделил П.И. Мельников-Печерский. Настаивая на родстве коми-пермяков с Чудью – горным народом, проживавшим на Уральских горах в древней Биармии, писатель ввел в образ пермской земли тему древности уральской цивилизации.

Нужно отметить, что в пространстве горного мира активную роль играют подземные, теллурические локусы: реки, уходящие под землю, рудные копи, пещеры; Кама и та сравнивалась с малахитом.

Благодаря особому физическому напряжению пространства в «гужевых» путешествиях Урал приобретает характер гипертрофированной и таинственной реальности – расстояния огромны и малолюдны, нехарактерный для русской равнины горный ландшафт усиливает ощущение непохожести и опасности; здесь живут наследники древних Болгар и загадочной Чуде. Можно утверждать, что путешествия этого типа закрепляют в образе Урала семантику экзотичности и легендарной древности.

Пароходные путешествия⁴, отсчет которых можно вести с начала 1850-х, когда открылось пассажирское пароходное сообщение по Каме и Волге, сформировали свою манеру описания. Путешествие на пароходе не предполагает физического контакта с окружающим. Путешественник находится в состоянии созерцателя, фланера, он не испытывает физической нагрузки, не преодолевает пространство, а свободно движется мимо него. Преобладает не пространство, а впечатление о нем. Созерцательность и книжное происхождение информации делают восприятие опосредованным, литературным. Не случайно путешественники сравнивают окрестный пейзаж то с картиной в раме (В.А. Поссе), то с экраном синематографа (А.А. Макк)⁵. Эти ассоциации как нельзя лучше подчеркивают особую визуальность пароходного путешествия. Зрение становится основным инструментом восприятия.

Природная составляющая уральского пространства в пароходных путешествиях представлена прежде всего рекой. Река никогда не выходит из поля зрения путешественника. Поэтический речной пейзаж становится общим местом пароходных описаний. Не удержался от этого и скептически настроенный по отношению к Прикамью Д.Н. Мамин-Сибиряк, точно ухватив основные мотивы складывающегося камского текста: «... А вот эта живая, движущая дорога поднимает в душе

такое бодрое и хорошее чувство, точно и небо выше, и мир раздвигается пред вами. Около таких могучих рек вместе с вековыми лесами выросла и сложилась своя поэзия, цикл духовных представлений и особый склад приподнятого душевного строя. <...> Даже ветер останавливается, а река всё идет, идет без конца, как шла тысячи лет до нас и как пойдет без нас новые тысячи лет. Движение – символ жизни, а отсюда всякая река – что-то живое, отвечающее неустанной работе, творящейся в неведомых глубинах души человека».

Описания Камы у большинства путешественников восходят к переживанию природной мощи, первозданной красоты и древности ее истории, что преемственно развивает магистральные смыслы образа Урала.

Ракурс обзора в речном путешествии – линейный, взгляд прикован к линии берега, пространство сгруппировано вдоль оси реки. Вертикальная ось состоит из двух частей. Верхняя прорисована высокими берегами реки и елями, стоящими у воды: «Нагорный берег определился правый; над рекой висят почти отвесные кручи из красной глины, заросшие лесом, преимущественно ельником...», «только и видно на горизонте, что острые верхушки елей; эти ели растут на обрывах, и Кама, размывая свой крутой берег, уносит их с собой...» (П.А. Кропоткин). Нависшие обрывы, размытые берега и унесенные «Бог весть куда» ели говорят о направленности вертикали не вверх, а вниз: к реке и ее глубинам. Этот вектор подчеркивается постоянными сопоставлениями мелких вод Волги и глубины Камы, закрепляя теллурическую составляющую уральского пространства.

Поскольку пейзаж меняется достаточно быстро, в описаниях окрестных видов появляется перечислительность: «Пароход идет параллельно набережной. Словно в синематографе плывет мимо панорама города: дом Мешкова, «Набережный сад», собор, семинария, мечеть, Слудская церковь, казенный винный склад, Заимка, кожевенный завод Агафуровых» (А.А. Макк)⁶. Вглядываться не позволяет скорость путешествия, и это, безусловно, накладывает отпечаток на характер восприятия. Описание впечатления больше напоминает зафиксированную копию окрестного пейзажа – быструю фотографию, в основе которой лежит репортажное воспроизведение.

Во взаимодействии основных символических элементов уральского пространства горы уходят на задний план. Они, как правило, сияют вдалеке или погружены в дымку. На первом плане – речные берега с темным еловым лесом и немногочисленными селениями.

Также «по сторонам Камы» (С.А. Кельцев) расположены и горные заводы. Роль главных транзитных пунктов в речном путешествии начинают играть пристани.

Скорость изменила и восприятие расстояний. Пароход резко сократил время пути до Урала, тем самым приблизив его к центру. Поездка из Перми до Нижнего Новгорода превратилась в прогулку. «А летом нас от Нижнего отделяет одна только приятная речная прогулка», – заявляет один из пермских собеседников В.А. Поссе.

Ощущение сократившегося расстояния усиливал новый тип героя путевых очерков – в основном, это были не местные жители, а люди проезжающие в Сибирь: переселенцы, купцы, священники. В это время преобладает семантика транзитного и торгового значения Урала.

Пароходные путешествия сделали репрезентативной частью Урала Прикамье. Северные его области по-прежнему оставались труднодоступными, а юг приблизился, благодаря возможности пароходного сообщения⁷, но незначительно. По Чусовой, Сылве, Вишере, Колве путешествия предпринимаются лишь в начале XX века, когда там налаживается пароходное сообщение. Они, как правило, носят характер специальной ознакомительной поездки в «историческую», по замечанию Д.Н. Мамина-Сибиряка, часть Перми⁸.

Итак, пароходные путешествия выделили в образе Урала камскую тематику и выработали своеобразный «фотографический» язык описания пространства, связанный с бесконтактным восприятием, а также с новым ощущением скорости движения.

В 1878–1879 гг. была открыта Уральская железная дорога. Одно из первых ее литературных описаний было сделано С.А. Кельцевым, сотрудником «Московских ведомостей», в поездке на Сибирско-Уральскую научно-промышленную выставку в Екатеринбург (1887). Размышляя об экономическом значении дороги, журналист не упустил возможность отметить и ее геокультурную миссию: она позволяла «воочию увидеть то, о чем многим приходится знать лишь из учебников географии».

Восприятие пространства у путешествующих по железной дороге⁹ опосредовано ощущением скорости. Стилистика описания быстро меняющегося за окном пространства как нельзя лучше передавала динамику горного ландшафта: «Но вот поезд от горного отрога круто завернул по покатоности к мосту, «на закрытых парах» не более чем в полминуты пролетел сквозь решетчатые предохранительные стены

казавшегося далеко моста, и, повернув еще круче вправо, остановился у самой большой на Уральской дороге станции Чусовой...» (С.А. Кельцев). В сравнении с пароходом железная дорога заставляет путешественника физически почувствовать пространство. Постоянные подъемы и повороты поезда требуют физического напряжения: «Находясь в вагоне, чувствуешь, как вагон сильно наклоняется то на один, то на другой бок, а выглянув в окно, видишь, что поезд постоянно изогнут в крутую дугу...» (С.А. Кельцев). Ведущими становятся ощущения кривизны пространства и высокой скорости движения: «Через два часа езды, после Верх-Нейвинска, поезд, пролетев стрелой через несколько выемок в отрогах скал и прорывов-тоннелей <...> подходит к Екатеринбург» (С.А. Кельцев).

В железнодорожном путешествии зрение подчинено скорости, ощущению быстрого и неровного движения. Пейзаж за окном дробится, панорама превращается в круговорот мелькающих «знаков»: «Смотришь в окно и видишь, как мелькают телеграфные столбы, знаки, лес, избушки, сторожа с флажками; картины меняются поминутно, и – то поезд мчится с подошвы гордо поднимающейся горы, то пересекает гору и входит словно в коридор, и в вагоне становится сумрачно и потом снова светло <...> а внизу, как пропасть, зияет болотное, заросшее травой и мохом, озерцо» (А.А. Колычев)¹⁰. Пожалуй, одним из самых точных определений этого типа описания может стать сопоставление его с калейдоскопом. Разрозненные фрагменты, вращаясь, собираются в картинку, конфигурация которой зависит от творческой воли наблюдателя. В отличие от парохода поезд не располагает к расслабленному созерцанию, он требует активного соучастия. Наверное поэтому железная дорога получила в начале XX века такой представительный корпус поэтических текстов.

Железнодорожное путешествие снова акцентировало горную семантику Урала. Доминирующими локусами становятся скалы, подходящие к полотну железной дороги; обрывы к реке, по узкому пространству которых прокладывался путь; тоннели: «Отходя от станции Чусовой версты две, поезд круто повертывает влево от скалистых уже здесь берегов Чусовой и входит в глубокий горный овраг; справа и слева от рельс возвышаются холмистые горные стены, и поезд идет как бы в коридоре»; «первый на восточном склоне прорыв скалы, через который проходит железная дорога, находится тотчас за станцией Азиатскою и тянется более чем на четверть

версты: обломанные стены из глинистого сланца и других каменистых пород возвышаются по бокам вагонов на 8-9 аршин» (С.А. Кельцев); «то видишь почти под собою страшные овраги, за которыми далеко-далеко вырастают гигантские холмы, покрытые лесом, то внезапно встречаешь у самой дороги дикие стены разрубленной надвое скалы, в которую поезд проскальзывает, как в ворота, и мчится среди зловещих изуродованных камней, сажени в три или четыре ростом...» (Н.Д. Телешов)¹¹. Лес отступает от дороги, возникает ощущение «борьбы» «богатой растительности Прикамья с каменистым Уралом» (С.А. Кельцев).

Снова активной становится тема уральских горных заводов, особенно в связи с описанием восточного, екатеринбургского склона. Заводской пейзаж начинает доминировать в пространстве: «Но вот лес начинает редеть, все больше и больше вырубленных пространств, и, наконец, открывается огромная ровная площадь, на которой не осталось ни одного дерева, а только торчат из земли голые пни и вдали виднеется громадный Надеждинский завод и широко раскинувшийся поселок. Большинство домиков чистенькие, похожие друг на друга, как родные братья. Громадные трубы с клубами черного дыма, высокие домны, выбрасывающие снопы пламени – все это господствует над окружающей местностью» (С. Геммельман)¹². По мнению же Д.Н. Мамина-Сибиряка, энергия заводского пейзажа как нельзя лучше соотносится с мощью уральского горного ландшафта: «Поезд медленно подползал к мосту через р. Чусовую, и в наше окно можно было рассмотреть постройки французской компании, основавшей здесь железоделательный завод. В утренней мгле дымились железные трубы, а по реке медленно плыла волна чисто заводских звуков – лязг железа, грохот вертевшихся колес и валов и глухой гул работавших молотов. Чусовая в этом месте выбегала из «каменей» и разливалась по волнистой равнине, едва сдавленной лесистыми отрогами, широким плесом. Картина получалась недурная, особенно после глухого безлюдья оставшегося назади горного перевала».

Движение на поезде по Уралу соединяло в себе ощущение особенностей горной уральской географии и технократического характера местной культуры, основным оплотом которой оставались горные заводы. Железнодорожные путешествия нашли органичный для горного Урала стиль описания, передающий особую кривизну ландшафта при помощи воссоздания скорости и смены высоты и направления движения.

Екатеринбургский Урал с открытием железной дороги существенно потеснил Пермь в объеме и масштабе путевых записей. Намечается противостояние речной Перми и делового, железного Екатеринбурга. Особенно настаивал на этом противопоставлении Д.Н. Мамин-Сибиряк. В известном вагонном споре о том, что «Перме не бывать супротив Екатеринбурга», один из основных аргументов отсылал к соперничеству реки и железной дороги: «Што, ежели будем говорить насчет реки, так опять зиму-то она мертвая, а чугунок все пыхтит и пыхтит»¹³. Впрочем, это замечание оказалось провидческим: после открытия Пермь-Котласской железной дороги, напрямую соединившей Пермь с центральной Россией, транспортное значение Камы, действительно, заметно упало.

Пермь в представленной подборке еще заметнее, чем в ранее изданном сборнике путешествий по Пермской губернии «В Парме» (1988), становится заложницей сложившейся традиции ее описания. Уже не раз пермские исследователи (В.В. Абашев, П.А. Корчагин) отмечали, что в путевых описаниях Перми XIX в. преобладают значения *вымороченного*, пустого и даже мертвого пространства. Таким наш город увидели П.И. Мельников-Печерский, В.И. Немирович-Данченко, К.М. Станюкович, Е.Ф. Шмурло, П.И. Небольсин и многие другие. Один из ведущих мотивов описания при этом связан с настойчивым утверждением отсутствия в Перми какой-либо промышленности.

Закрепился он, прежде всего, благодаря динамичному и хлесткому описанию П.И. Мельникова-Печерского, сделанному в 1839 году: «Рассматривая Пермь в отношении промышленном, мы увидим, что и тут состояние этого города едва ли выгодно. Вся пермская промышленность ограничивается канатным производством на фабрике купца Смышляева и кожевенным – в десяти банях, присваивающих себе название заводов. <...> Торговля Перми также не в завидном положении. Она страдательная: вся находится в руках вязниковских ходебщиков, в руках офеней, поселяющихся в Перми на время – впредь до обогащения».

Насколько повлияла эта характеристика на последующие путевые описания пермской экономики, можно судить по очевидной повторяемости ее основных тем в путевом очерке 1846 года, принадлежащем П.И. Небольсину, знаменитому знатоку Урала середины XIX века: «До сих пор Пермь не имеет никакого значения; то, что должно обуславливать существование какого бы то ни было города, здесь не существует, и потому Пермь – только жилище чиновников, составляющих губернское

управление. Большая часть обитателей Перми люди наезжие, а «кондовы», то есть коренные – или чиновники, или посадские, успевшие обзавестись своим домиком. Вся промышленность Перми ограничивается канатным производством; торговли – ровно никакой».

Повторяя Мельникова-Печерского, П.И. Небольсин как будто не замечает сделанное автором чуть раньше описание Мотовилихинского завода: «Первый из заводов, встретившийся нам на пути, был Мотовилихинский, казенный, медеплавильный. Он находится в 4 верстах от города, на речках Большой и Малой Мотовилихах и ручье Иве, и расположен между двух гор, из которых одна отделяет его от города, а другая находится выше по течению Камы. Мотовилихинский завод основан в 1736 году по указу Государственного Берг-Директориума на землях баронов Строгоновых и пошел в ход в 1738 году».

Следует заметить, однако, что описание Мотовилихи у П.И. Мельникова-Печерского отстоит на несколько страниц от описания самой Перми, кроме того, оно сделано в иной, нежели пермская часть, стилистике: преобладает сухой, констатирующий тон экономического отчета. Не стоит удивляться при этом, что читателям гораздо более запомнилась его почти фельетонная характеристика «мертвенной пустоты» самого города. Думается, подобная, литературная по своему характеру, избирательность восприятия и сказалась во многих последующих за Мельниковым-Печерским описаниях Перми и Мотовилихинского завода.

Безусловно, для выключения Мотовилихи из описаний города были объективные основания – прежде всего географического характера. Мотовилихинские заводы находились в нескольких верстах от центра Перми (путешественники пишут о четырех и даже шести верстах). Кроме того, завод, как точно подмечает Мельников-Печерский, был отделен от города горой, что затрудняло сообщение. При этом «ворота» города находились на пристани в его исторической части, и для того, чтобы увидеть завод, нужно было подняться выше по Каме или проехать на извозчике по мотовилихинской дороге. В любом случае, это должна быть специальная поездка, к которой не всякий путешественник был расположен.

Однако эти обстоятельства являлись лишь провоцирующим фактором. Впоследствии определяющую роль начала играть сама традиция описания Перми, которая, с легкой руки П.И. Мельникова-Печерского, утвердила Пермь *безжизненным* городом, а Мотовилиху исключила из пермского пространства.

Более того, в путевом тексте Перми XIX века мы сталкиваемся с феноменом сокрушительной победы литературного мифа над действительностью. Для этого нужно вспомнить, что после 1863 года, когда на месте старого медеплавильного завода строится сначала сталепушечный, а потом чугунопушечный завод, Мотовилиха становится одним из самых крупных и технологически развитых заводов России. В 1868 году на заводе отливается пушка, превосходящая по своим параметрам кремлевскую царь-пушку. Здесь открывается первая на Урале мартеновская печь (1776), строится гигантский царь-молот (1875), отмеченный на международной промышленной выставке в Вене. В 1875 году завод вышел на первое место в Европе по производству крупнокалиберной артиллерии.

Однако успехи завода упорно не замечались путешественниками.

«Заглянув в этот мертвый город и не встретив в нем в пятом часу дня буквально ни души, мы вернулись на вокзал, и в семь часов вечера поезд отошел в Екатеринбург», – писал в 1885 году К.М. Станюкович¹⁴.

«Другой оживленный пункт уже под самой Пермью – сталепушечный Мотовилихинский завод. На него положены большие казенные миллионы, но дело всё как-то не вяжется: то работы по горло, не хватает рабочих рук, то работы нет. Всё, конечно, зависит от большего или меньшего внимания военного министерства, и Мотовилиха, как комнатное растение, если его полиют вовремя, зеленеет и цветет, а если забудут – засыхает до следующей поливки» (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Старая Пермь).

Не смогли повлиять на общую ситуацию и даже более чем желательные путевые характеристики. Тот же С.А. Кельцев с нескрываемым восхищением и огромным уважением к труду местных рабочих описал свое посещение Мотовилихинских заводов: «Особую достопримечательностью молотовой фабрики и всего завода является этот 50-тонный паровой молот; вес падающей массы его свыше 3.000 пудов, а при действии верхнего пара сила удара его доводится до 10.000 пуд., так что молот этот с полною справедливостью считается одним из первых в свете. Под ним можно ковать слитки стали свыше 3.000 пуд. Молот построен на Пермском заводе целиком с основания русскими рабочими из русских материалов; постройка его с фундаментом продолжалась около пяти лет. Глубина фундамента под молотом около 16 сажен, «исторический, единственный в мире»

чугунный стул для помещения наковальни этого молота весит около 40.000 пуд. Отлит этот стул тоже на Пермском заводе, на том самом месте, где он находится теперь. Для отливки его устроено было 20 вагранок и установлена особая воздуходувная машина, а перевернуть его и установить на место удалось, при невероятных усилиях, лишь по истечении нескольких месяцев, и работа эта удалась вполне хорошо. Кроме 50-тонного молота в той же фабрике имеются молоты меньшей силы и веса. Когда все молоты, включая и 50-тонный, находятся в действии, то земля дрожит почти на протяжении версты».

Одним из самых грандиозных заводов на Урале в разное время называли Мотовилихинский пушечный завод Н.Д. Телешов и В.А. Поссе.

Несмотря на это, в описаниях Перми победил провинциальный миф русской культуры, нашедший свое историко-культурное соответствие в административной, чиновничьей части города. Завод выпал из образа пермского пространства, как не соответствующий этому мифу. Сказались при этом и географические (удаленность завода и сложный рельеф города), и общекультурные обстоятельства (въезд в город находился в центре его), однако не меньшую роль сыграли обстоятельства собственно литературные – формирование традиции описания Перми.

В целом путешественники XIX – начала XX вв. провели литературную разведку уральского ландшафта: авторы путевых очерков, основываясь на самом непосредственном опыте взаимодействия с пространством, искали язык его описания. Каждый из «дорожных» дискурсов акцентировал свои смыслы и свои подходы в описании, которые, наслаиваясь, с течением времени образовали неповторимую конфигурацию «уральской матрицы».

Е. Г. Власова.

Записки
[1805–1806 гг.]

[...]

[С. 103] В феврале месяце 1805 года все начали толковать о посольстве, отправляемом в Китай. В аристократическом мире только о том и было разговоров, потому что знатный барин, действительный тайный советник, обер-церемониймейстер Юрий [с. 104] Александрович Головкин назначен был чрезвычайным и полномочным послом. Столь многочисленного посольства никогда еще никуда отправляемо не было: оно должно было составиться из военных, ученых, духовных лиц и гражданских чиновников разных ведомств. Чего же лучше? Сказал я себе и, много не подумав, начал проситься о причислении меня к свите посольства. [...] С какою целью было отправляемо столь великолепное посольство? Вот о чем не догадался я даже спросить. Я был матрос, который, сев на корабль, не подумает узнать, зачем он плывет в Ост-Индию, Бразилию или Канаду. При сей мысли мне право стыдно иногда бывает самого себя; но как я вспомню большую часть моих товарищей, которые, как мне кажется, также в этом [с. 105] предприятии видели одну продолжительную веселую прогулку, то и нахожу себя извинительным.

Признаюсь, я и до сих пор полагаю, что само правительство в этом деле не имело никакого твердого намерения, и в Китай послало Головкина так, на всякий случай, на удачу, на авось. Все было так молодо, так зелено, все делалось так необдуманно; но все побуждения были великие, прекрасные. Молодость царя имела нужду в деятельности, а продолжающийся мир с европейскими державами давал ей мало пищи; тогда в благородных порывах своих обратился он к Востоку и к другим частям света, дабы и первые мирные годы царствования своего ознаменовать какими-нибудь полезными, памятными событиями. Вот почему русские корабли под начальством Крузенштерна и Лисянского сделали первое путешествие вокруг света; с ними Резанов отправлен был посланником в Японию; ему же поручено было в Америке стараться о распространении нашей торговли и наших владений; на берегах Черного и Азовского морей строились новые города, открывались новые пор-

ты; за Кавказом Цицианов вел счастливую, славную войну с персиянами; надобно было, наконец, подумать и о китайцах, отдаленнейших наших соседях.

[...]

[С. 143] От реки Вятки начинаются селения того народа или финского племени, которому она дала свое имя, равно как и всей области и главному ее городу, прежнему Хлынову. Тогда была рабочая пора; жители сии, вотяки, целый день были в поле, и мы мало их видели. Они рослее, дороднее и опрятнее других чухонцев, но мне показались столь же бессмысленны. Язык их должен быть не весьма благозвучен, судя по названиям их деревень, в коих учреждены были станции: Какси, Можги, Пумсы, Бокчегурты, Чемошуры¹. Они пугали избалованный мой слух, ибо тогда все романисты и поэты именами старались ласкать его: ныне с такими именами не только можно написать героическую поэму, но, пожалуй, втереть их и в идиллию.

Мы ехали дремучими лесами, почти того не примечая; просеки были сажень в сто ширины, и вечно подле тени, мы никогда не знали ее: а жар был летне-северный, то есть нестерпимый. Потому-то решились мы ехать только ночью, а днем отдыхать; станционные же избы представляли к тому большие удобства, ибо простором своим они бы в маленьких городах могли называться домами. Лесу было вдоволь, щадить его было нечего, и строение сих изб стоило недорого.

Во время отдыха на одной из сих станций мы с удивлением увидели вошедшего к нам офицера в Преображенском мундире. Это был граф Толстой Федор Иванович, доселе столь известный под именем Американца. Он делал путешествие вокруг света с Крузенштерном и Резановым, со всеми перессорился, всех перессорил, как опасный человек был высажен на берег в Камчатке и сухим путем возвращался в Петербург. Чего про него не рассказывали! ... [С. 144] он пробыл с нами недолго, говорил все обыкновенное, но самую простую речь вел так умно, что мне внутренне было жаль, зачем он от нас, а не с нами едет.

[...] Скоро вступили мы в переднюю Сибири, в Пермскую губернию; тут опять появились русские селения. Мы нашли один только труп городишка Оханска, который за месяц до нашего приезда весь выгорел; на крутом берегу Камы высоко и одиноко торчал еще дом, занимаемый прикащиком Злобина², содержателя питейного откупа во

всей губернии. Он угостил нас по-злобински, пока через реку переправляли наши повозки. Славное вино развеселило сердца наши, и радость в нас умножилась, когда в сопровождении сего прикащика, на двенадцативёсельном его катере, оглашенные песнями его гребцов, мы стрелой полетели через широкую Каму. Долг благодарности заставил нас вспомнить о Юшковых³, о Гоньбе и о реке Вятке. Но что она в сравнении с Камой, с этим образчиком рек зауральских! Всем она взяла, сия величественная Кама, и шириной, и глубиной, и быстротой, и я не могу понять, почему полагают, что она в Волгу, а не Волга в неё впадает.

Ночью, часу во втором, приехали мы в губернский город Пермь и достучались у городничего до указания нам квартиры. Въехав в Пермь, особенно при темноте, некоторое время почитали мы себя в поле; не было тогда города, где бы улицы были шире и дома ниже. Это было не царство, как Казань и Астрахань, не княжеский удельный город, даже не слобода, которая, распространяясь, [с. 145] заставила посадить в себя сперва воеводу; это было пустое место, которому лет за двадцать перед тем велено быть губернским городом, и оно послушалось, но только медленно. Торговля есть первое условие существования новых городов; и здесь, хотя слабо, но она одна его поддерживала. Десяток каменных двухэтажных купеческих домов красовались уже в стороне на берегу Камы, тогда как главный въезд и главные улицы находились в том виде, в котором ночью не столько узрели мы, как угадали их. Утром мы ещё более изумились пустоте города Перми: только одна узкая дорога посреди улицы была наезжена; всё остальное обратилось в тучные луга, на которых паслись сотни гусей.

Приехавший прежде нас и зажившийся за починками казначей по сольства Осипов напугал нас рассказом о начальнике губернии, которого представил сущим медведем. Это был Карл Фёдорович Модерах, сын одного учителя математики в кадетском корпусе, как я слышал от отца моего. Верно, сын хорошо учился у отца, ибо в своё время почитался у нас одним из лучших инженеров; по его проекту и под его наблюдением берега Фонтанки были выложены гранитом. Года за два до смерти Екатерины назначен он был губернатором в Пермь и с тех пор никогда не выезжал из своей губернии; мысль о благе вверенного ему края так овладела им, что он день отлучки почитал вредным для него; однако же и по заочности был он уважаем и награждаем при Павле и при Александре. И в этом самом 1805 году к Пермской его губернии приба-

вили ему Вятскую, поставив его над обеими генерал-губернатором; в Пермь же покамест губернатора не назначали. Поистине он не был любезен, сей камергерской добродетели в нём не было; уединённая и вместе деятельная жизнь в отдалённом месте хоть кого заставит потерять желание забыть о способах нравиться, кольми паче людей серьёзных, со строгою нравственностью. Модерах был честен, добр, умён и сведущ в делах; но как всё, великими трудами приобретённое, ценится более, чем даровое, то и генерал-губернаторство своё, кажется, ставил он наравне с владетельным герцогством. К тому же, как в Перми нет других дворян, как богатых заводчиков, живущих в столицах, то более десяти лет и не видел он никого, кроме подчинённых, а между проезжими по большей части мелких чиновников и ссыльных: вот что обращению его давало холодность, сухость, которые не совсем были приятны.

Мы нарядились в мундиры и пошли к нему *in cognate*. Рядом с его домом был другой, одинаковой с ним величины, в котором [с. 146] находилось губернское правление⁴; он в это время там присутствовал, и нас, Бог весть зачем, туда повели. Доложили об нас, и он велел нам сказать, чтобы мы приходили в другой час, а что тут ни место, ни время ему нас принимать; мы то же думали, но только можно было ответ сделать поучтивее. Все это так нам не понравилось, что мы, возвратясь домой, замыслили, не выдавшись с ним, на другое утро пуститься далее. По крайней мере, мы были довольны нашей квартирой в чистеньком доме часовых дел мастера Розенберга, который уверял нас, будто он двоюродный брат генерала сего имени. Мы обедали в его саду, в который выход был прямо из наших комнат. После обеда приехал городничий от имени генерал-губернатора звать нас на другой день к нему обедать; и так отъезд наш должны мы были отложить до следующего вечера.

Мы нашли г. Модераха чрезвычайно важным, что нам весьма не полубилось, особливо после чересчур доброго Мансурова⁵. Семейство его состояло налицо из жены и шести дочерей, двух замужних и четырех девиц; единственный сын был в военной службе и в отсутствии. Генерал-губернаторша была добрая немка, которая, как нам казалось, охотно должна была ходить и на кухню, и на погреб. Старшая дочь, женщина весьма обыкновенная, была замужем за председателем уголовной палаты, статским советником Иваном Михайловичем Энгельгардтом, как бы то ни было двоюродным братом графинь Браницкой и Литы, княгинь Голицыной и Юсуповой, что ему было весьма не к роже. Четыре взрослые девки были только что молоды.

Но как алмаз, вправленный в олово, так сияла посреди сего семейства вторая дочь Модераха, Софья Карловна, выданная за гатчинского генерал-лейтенанта Аггея Степановича Певцова, инспектора пехотной дивизии и шефа Екатеринбургского полка, который в том городе и стоял на квартирах. Муж поехал осматривать полки, а жену покамест отправил к родителям. Она была двадцати трех лет. Столь милого личика и столь пристойного, умного кокетства трудно было найти. От ее взоров и речей все наше отделение вдруг воспламенилось, сам ледяной Сухтелен⁶ начал таять; а бедный наш Нелидов!⁷ Он не на шутку влюбился, за то более всех и полюбился; впрочем, и каждый из нас сначала мог считать себя предпочтённым. Чудесная сия женщина была вместе с тем и просвещеннейшая из всех тех, коих дотоле я видел; свободно выражаясь на иностранных языках, наслаждалась всеми цветами литературы, и в преддверии Азии, читая журналы, знала все, что [с. 147] происходит в Европе. Разумеется, что наш отъезд был еще отложен; нас тот же день пригласили еще на вечер.

Исключая Сухтелена, старика и брата генерал-инженера, Модерах почти никого из нас не замечал. Надобно думать, что старшие дочери в отсутствие наше шепнули ему что-нибудь для нас выгодное, представив людьми довольно порядочными и, может быть, кто знает, женихами для меньших его дочерей; потому что вечером был он внимательнее и приветливее к нам. Были собраны какие-то два-три аматёра, чтобы сопровождать (аккомпанировать) одну из сих младших дочерей, которая перед нами хотела блеснуть музыкальным искусством, довольно странным для женщины: она играла на скрипке. Но если б она играла и на контрабасе, то я мало бы тому подивился, быв совершенно углублен в созерцание сестры ее, Певцовой*. Сия чародейка, желая продлить наше пребывание в Перми, заставила зятя своего, Энгельгардта, пригласить нас на другой день к себе обедать. Третий день, 22 июля, был табельный, именины императрицы Марии Федоровны, в который генерал-губернатору надлежало дать официальный обед. Как Модерах был беден и расчетлив, то отпраздновали мы сей день партикулярным образом. На обед, на бал и на ужин пригласил нас пермский амфитрион, губернский

* Будучи вдовою, она была назначена начальницей Екатеринбургского института в Москве. (Примечание Ф. Ф. Вигеля).

казначей Дягилев, у которого в этот день жена была именинница. Мы было хотели отговориться, но Софья Карловна нам не велела. Мы знали одно только семейство Модераха; тут увидели мы все пермское общество, и я нашел, что оно двумя десятками годов отстало от пензенского и казанского. Мужчины без всеижайшего поклона не подходили к дамам и говорили им с беспрестанным словоерсом. Итак, вместо одних суток прожили мы почти пять, и только 23 июля вырвались из пустого города, оживленного присутствием превосходного существа.

Об нем были все помышления, все разговоры согласных соперников в первый день разлуки с ним; но дорожные впечатления, как бы сильны ни были, скоро изглаживаются новыми. На другой же день, по прибытии в уездный город Кунгур, свежие прелести двадцатилетней городничихи, княгини Маматказиной, жены шестидесятипятилетнего городничего, нас взволновали: взоры ее и даже слова сулили нам счастье и, конечно, по одиночке каждому умели бы дать его, но, к сожалению, мы ехали толпой и не могли долго останавливаться.

[С. 148] Город Кунгур, самый старинный в Пермской губернии, был прежде местопребыванием воеводы и, так сказать, столицей Биармии или Великой Перми, когда города сего имени еще не было. Он не имел и третьей доли пространства, занимаемого Пермью, зато жителей втрое более. Все в нем возвещало жизнь и действие, и он казался в отношении к Перми как плотный, здоровый старичок, невысокого росту, к длинному, вытянутому юноше, который едва держится на ногах. Строение в нем было довольно нерегулярно, но оно стоит на высоком месте, в приятном положении и орошается двумя речками, коих берега столь же красивы как и названия: их зовут Ирень и Сильва*.

С самого въезда в Пермскую губернию ошутительна в ней становилась рука Модераха: он устроил в ней такие дороги, с которыми можно было бы обойтись без шоссе. Посыпаны горы, накатаны, убиты дороги, со спусками для воды в канавы, прорытые по бокам; для предохранения откосов гор от осыпи укреплены они простыми плетнями во всю их высоту, и за них брошены семена разных растений; прорастая сквозь сии плетни, обвивая их и покрывая их цветами, они давали им вид пестрых тканей и занавесок. По ту сторону

* Здесь у Ф. Ф. Вигеля ошибка: название реки – Сылва (ред.).

Перми дороги сии недавно были кончены, а к Кунгуру и за ним уже успели утвердиться. К несчастью, да, точно можно сказать, к несчастью, через несколько лет провели о том в Петербурге, и, видя с какими малыми средствами и как успешно произведены сии работы, вздумали им подражать. Забыли только, что Модерах делал все исподволь, год за годом, со знанием инженера и с бережливостью немца. В великороссийских же наших губерниях, где всему велят кипеть, построение новых дорог перепортило, истребило только старые, разорило жителей, обогатило надсмотрщиков и губернаторам доставило награды.

В пятидесяти верстах от Кунгура начинается неприметно постепенное возвышение Уральского хребта, и тут ступаешь на землю, чреватую металлическими богатствами. Тут, недалеко в стороне от большой дороги, верстах в двух, находится железный Суксунский завод, принадлежавший Николаю Никитичу Демидову. О его роскоши и о скупости вместе гласят Россия, Франция и Италия; но знает ли кто, слышал ли кто о беспримерном гостеприимстве, завезенном им на Суксунском заводе? Всякий проезжий, какого бы звания он ни был, в одиночку или с обозом, казенным или собственным, имеет право на сем заводе остановиться и потребовать, чтобы в экипажах или повозках его починки, как бы велики ни были, сделаны были даром. Сего мало: во все время, что продолжается [с. 149] сия починка, имеет он, также даром, квартиру со столом, а в зимнее время с отоплением и с освещением.

Сими щедротами мы воспользовались и хорошо сделали, что в этом случае не поспесивились. Наши экипажи были в жалком состоянии по неопытности или небрежности служителей, при нас находившихся, и мы о том не догадывались; по осмотре оказалось, что потребуется по крайней мере полторы сутки на их совершенную починку. Нам отвели просторный и покойный дом, достаточно снабженный мебелью, и доставили съестных припасов суток на трое. Управитель Пермьяков, простой крестьянин с бороною, которого по всей справедливости можно было назвать господином Пермьяковым (так он был умен и учтив), явился к нам, как сказал он, за приказаниями и с просьбою посетить его жилище. Оно было в каменном доме о двух этажах, с пребольшим садом над пребольшим прудом; полы лоснились чистотою; главным украшением просто выбеленных комнат были картины, довольно искусно писанные на жести; все они были произ-

ведения мастеров другого дальнего Демидовского завода, называемого Тагильским. От скуки ходили мы бродить по окрестностям и находили места живописные; когда бы не климат, тут можно бы было век остаться. Производства работ на заводе мы не могли видеть, ибо рабочие летом трудятся в поле.

Русское население по большой Сибирской дороге как будто надвое разрезывает Пермскую губернию, отбросив пермяков, зырян и вогуличей, коренных, первобытных жителей на север, а на юг тептерей и башкирцев. Сии последние не раз бунтовали и принимались за оружие; для обуздания их выстроен был ряд крепостей по восточной отлогости Урала. Когда башкирцы присмирели, укрепления пали, и только имена крепостей Ачитской, Бисерской, Киргишанской, Кленовской сохранились селениям, заступившим их место. Мы меняли в них лошадей; одно только, называемое Кленовская крепость, мне показалось примечательно и осталось памятно по ужасу, произведенному во мне местами, его окружающими, мрачным сосновым лесом, оврагами, пропастями, на каждой версте встречаемыми.

Казенный Билимбаевский завод находится на самой вершине Урала; следующая же за ним станция Решета на противоположном спуске. Мы не заметили, как перевалились чрез эту знаменитую цепь Уральских гор; более ста верст, все на изволюк въезжали мы, и немного круче стали спускаться. Ужаснейшая гроза встретила нас на рубеже Европы и Азии; молния поминутно сверкала, дождь водопадом лился с неба, и эхо невидимых для нас гор повторяло [с. 150] сильные громовые удары. Это принудило нас более двух часов остановиться в Билимбаеве. Ручей более, чем речка, Чусовая (последняя на сей стороне Урала), ниспадающая с гор, от дождевой воды до того раздулась, что через нее нужно было сделать переправу; это еще нас остановило, так что в этот день опоздали мы приездом в Екатеринбург, от которого находились менее чем в пятидесяти верстах.

Соседству с первыми в России золотыми приисками обязан сей город своим рождением; за два года до кончины своей Петр Великий окрестил его во имя супруги своей, с прибавкою неизбежного для всех новосозидаемых при нем городов немецкого *бурга*; при Бироне, кажется, учрежден в нем первый бергамт. Города, подобно людям, наружностью показывают свои лета. Екатеринбург не был старик, как Кунгур, ни мальчик, как Пермь: в нем было чувствительно недавнее, но не вчерашнее. По сю сторону длинной плотины через реку Исеть, приводящую в движение шлифовальные и золотопромывальные фаб-

рики, поместили нас в просторном двухэтажном деревянном доме. Он нам показался новостью, потому что был построен совсем по образцу молдавских домов, с длинною и широкою поперечною комнатою, с четырьмя малыми по четырем ее углам, с крытою галереей вокруг всего дома и с верхним этажом, совершенно подобным нижнему.

Дом сей был ветх и запущен; давно уже не жила в нем владелица его, довольно богатая заводчица, госпожа Фелицата Турчанинова⁸. Её имущество, тогда еще в одних руках, сравнивала одна умная женщина с порядочным слитком золота, который раскололся на кусочки между тремя сыновьями ее и пятью дочерьми, Титовой, Кокошкиной, Ивеличевой, Зубовой и Колтовской; после них же кусочки разлетелись на блестящие, за которые третье поколение, кажется, по сю пору грызется и режется.

Мы пробыли три дня в Екатеринбурге, не познакомившись ни с кем из его жителей. Пользуясь прекраснейшею погодою, мы предпочли гуляя, осматривать все примечательное в нем; видели, как промывают в нем золото, как из большой глыбы желто-красноватого песку добывается металла менее чем на полчервонца; заходили в мастерские, где для петербургских дворцов отделяются [с. 151] огромной величины и превосходной работы малахитовые, порфиновые, яшмовые разных цветов вазы, также табакерки и другие изделия для продажи. Ходили за город, видели лагерь Екатеринбургского пехотного полка, коего шефа, мужа нашей Певцовой, все еще не было. Подле самого почти лагеря любовались богатыми, там дешевыми, мраморными памятниками над усопшими, в монастыре поставленными.

От Екатеринбурга пролегают две дороги во внутренность Сибири: одна идет на Тобольск, другая через уездный город Ишим, и последняя тремястами верстами короче первой. Мы избрали последнюю, тем более, что на ней было для нас приготовлено большее число лошадей. С первой станции Косулиной, где дорога делится надвое, своротили мы вправо и через несколько часов приехали на казенный чугуноплавильный Каменский завод. Как для жителей Петербурга отработка чугуна не представляет ничего нового, то и отклонили мы предложение идти смотреть ее; но как заводы в Сибири суть настоящие города, то и воспользовались приглашением управляющего провести у него вечер и ночь. Это было с 31-го июля на 1-е августа. Когда мы встали, чтобы продолжать путь, то с чувством не совсем приятным нашли, что воздух сделался вдруг гораздо свежее; и в России август почитается осенним месяцем, а мы ехали в Сибирь.

Мы стали более торопиться, чтобы менее времени провести в дороге, и для того начали скакать день и ночь. Таким образом, решительно не видел я заштатного города Долматова, ибо спал, когда переменили в нем лошадей; в уездном же за тем городе Шадринске мы едва кое-что успели перекусить. Спешили, мучились мы напрасно, проезжая через места изобильные, приятные, где везде можно было найти припасы и чистые, удобные ночлеги; там только, где нет их, надобно вести скаковую жизнь в коляске. Чрезмерно уставши, на общем совете положили мы остановиться и переночевать в селе Сопинине и там проститься с Пермскою губернией и Модерахом, то есть с прекрасными дорогами. Однако же в этом селении не мог я много отдохнуть: мне отвели особую избу, где первый раз в жизни увидел я человека с рваными ноздрями; это был ее хозяин. Каюсь в своей трусости: я заставил солдата нашего отделения ночевать с собою.

[...]

[Обратный путь из Сибири. 1806 год].

[С. 193] ...Я продолжал ехать все так же быстро, и станции, право, как будто мелькали передо мной. Вот показался и Тобольск. Главным украшением служила ему крутая укрепленная гора, на высоте которой стояли каменный сгоревший наместнический дом, соборная церковь и арсенал, в коем как святыня хранилось знамя Ермака и доспехи его; самый же город выстроен был внизу.

Следуя обычаю старины, без всякого приглашения выехал я прямо к старинному киевскому знакомому, приятелю моих родителей, Никол. Никол. Дурасову, [с. 194] сибирскому почт-директору. Они оба с женой Варварой Яковлевной, киевскою уроженкой, обрадовались мне как земляку, как родному. Он был человек благоразумный и весьма приятного обхождения; она же добрая, милая говорунья. Тут у почт-директора за новостями мне недалеко было ходить: все прочитанные газеты принесены мне. Увы, зачем мне было так спешить! Всё разом узнал я, и был убит, как громом⁹.

Не знаю, откуда у иных берется патриотизм, когда я вижу так много людей, лишенных чувства любви к отечеству? Много хвалиться им кажется нечего; я полагаю, что оно должно быть врожденное, как всякая другая страсть, похвальная, простительная или постыдная, как страсть к музыке, к древностям, или к игре и к вину. Может быть, это не что иное, как особого рода хвастовство; один чванится жиле-

том, прической, другой лихими рысаками, а я люблю хвастаться пространством, силою и богатством моей отчизны, умом и храбростию моих сограждан; у всякого свое. Виноват ли же я, что нахожу мало охотников до того, что сам так люблю?

[...] Тут в Тобольске, правда в Сибири, печаль моя казалась непонятною, чуть ли не смешною. Казалось, говорили, да какое ему дело? Приказана ему, что ли, Россия? Аустерлиц ровно ударил меня по щеке. Величие происшествия должно было бы меня несколько утешить: битва трех императоров напоминала и Фарсалу, и Акцииум. Больно мне было даже самое имя Острельниц, обстрелянными нашими [с. 195] солдатами угаданное название, данное месту сражения; оно как будто находилось уже в Польше, в земле славянской, нашей. Без грусти не мог я также вспомнить царя, боготворимого Александра, столь скромного в счастье, ныне с поникшим от стыда челом возвратившегося в свою столицу, и без досады слышать грубые замечания, что ему не следовало бы путаться не в свое дело.

Хозяева, может быть, не разделяя моей печали, старались, однако же, утешить меня. Дурасов повез меня ко всем властям и потом пригласил их к себе на обед, данный, как уверял он, по случаю моего приезда. Генерал-губернатор Селифонтов, которому представился я в Иркутске, первый позвал меня обедать; после него два немца, гражданский губернатор Гермес и вице-губернатор Штейнгель, сделали то же.

Первый из двух, бывший артиллерист, Богдан Андреевич Гермес, с многочисленным семейством, жил одним жалованьем, следовательно скромно, даже скудно; к тому же не охотник был много говорить, и потому в великороссийских губерниях нашли бы его дурным губернатором. Но в Сибири его любили и уважали за его бескорыстие, доброту и строгость только в случае надобности. Другой, отставной моряк Иван Федорович Штейнгель, немного богаче первого, но столько же честен, был общительнее и нравом несколько веселее его.

[...] Никогда еще Сибирский [с. 196] край не был управляем столь достойными людьми, каковы были три губернатора, Гермес, Хвостов и Корнилов; при Пестеле скоро ни один из них не остался на месте. Гермес со Штейнгелем заблаговременно успели убраться в Пермь к Модераху; Корнилов же и Хвостов, мало помалу опутанные его кознями, привлечены им были к ответу в Сенат.

[...]

[С. 198] Я бы скоро оставил Тобольск, но морозы начали доходить до сорока градусов, и я все выжидал, чтобы холод уменьшился. Долее пяти или шести дней прождать я не мог и выехал в ужаснейший мороз, какой я запомню.

В закутанной отовсюду кибитке надобно было еще мне думать о спасении ушей и носа; приподняв шубу и завязав ее над головой, сидел я в совершенных потьмах; куда как мне весело было! С двумя уездными городами, Тюменем в Тобольской губернии и Камышловым в Пермской, обошелся я как с простыми станциями, только что погрелся в них да переменял лошадей. В одиннадцать часов вечера 3 февраля приехал я в Екатеринбург.

[...]

Я вспомнил Софью Карловну Певцову, оделся и в мороз пошел пешком ее отыскивать. Найти было нетрудно в уездном городе генеральский собственный каменный дом в два этажа. Я был допущен к генералу, которого нашел я в зале, среди стоящих вокруг него штаб- и обер-офицеров его полка. Я отнюдь не был поражен величием сего зрелища, тем более, что с первого взгляда Аггей Степанович показался мне фельдфебелем, который [с. 199] только что надел генеральский мундир и ленту. Объяснив ему свое имя и качество, я прибавил, что, пользуясь приглашением его супруги, желал бы и ей представиться. Он отвечал мне сухо и даже сурово: «Она на сносях брюхата, вам нельзя ее видеть». Я поклонился, повернулся и вышел. На лестнице слышу, что кто-то меня догоняет; поравнявшись со мной, невысокого роста, толстенький человек в военном мундире обратил ко мне следующие слова: «Мне, право, совестно за нашего генерала, он совсем не умеет жить; такие гости как вы у нас редки; надобно стараться их удерживать. Позвольте мне предложить вам мои сани и проводить вас в один дом, где уже, конечно, будут уметь оценить вас». Что могло быть любезнее такого предложения? Я принял его.

[...]

[С. 200] Накануне на бале один горный чиновник пятого класса, Иван Козьмич Савков, подошел ко мне и сказал потихоньку, что Софья Карловна в отчаянии от неучтивости своего мужа, что она просит меня не уезжать, не повидавшись с нею и не приняв от нее поручений к родителям в Пермь, и что сам муж ее приказал принять меня, коль скоро я приду. Этим случаем не оставил я воспользоваться.

Я уже успел заметить, что в Екатеринбурге нет большого согласия между двумя ведомствами: военным и горным, и что в обоих станах встречаются переметчики. Я гордо возвестил г-же Герман, что немедленно уеду, но что наперед должен увидиться с г-жой Певцовой, и пошел к сей последней.

Муж ее был прав, она едва могла передвигаться, но и в сем состоянии была мила и приятна. Не так уже смотрел я на нее, [с. 201] как за семь месяцев перед этим: в голове моей все еще был один свежий женский образ, при котором в глазах моих померкли другие женские прелести. Певцова расхохоталась, когда я с видом горести и смирения стал рассказывать ей о непонятной для меня внезапной перемене в обхождении со мною почтенной Елисаветы Гавриловны Герман. По приказанию генерала нашли мне квартиру близко от его дома.

[...]

Вечер провел я у Певцовых и на другой день уехал из Екатеринбурга, не простясь с Гйрманшей.

По приезде в Пермь остановился я у прежнего своего хозяина, часовых дел мастера Розенберга. Город сей имел вид еще более унылый, чем летом: перед каждым рядом низких домов стоял вал из снегу, на широких улицах метелями нанесенного. Не располагая тут долго пробыть, я в тот же вечер пошел к Модераху с письмом от Певцовой. Жена его была нездорова, дочери не показывались, и я пробыл с ним наедине. Он сделался разговорчивее; заметив, какое участие, несмотря на мою молодость, принимаю я в заграничных происшествиях, начал он изъясняться об них с чувством, как немец времен Екатерины, который дорожит русскою честью. С прискорбием говорил он о последствиях Аустерлицкого сражения и Пресбургского мира; с негодованием о принятии двумя курфирстами короны из рук не всеми признанного императора и об унижении чрез то королевского достоинства; но веровал еще в могущество России и надеялся на сильное содействие Пруссии. Утешенный им, преисполненный к нему уважения, оставил я его.

[С. 202] От Перми в Казань дорога показалась мне весьма приятною, потому что воздух сделался вдруг гораздо теплее: после продолжительных морозов в пути оттепель покажется всегда благополучием. При масленичной погоде во вторник на Масленице приехал я в Казань.

[...]

Заметки жителя того света

[1839 г.]

Статья I

Поездка на тот свет

Если бы Чукотскому носу называться не носом, а перешейком, то в российско-американские колонии можно бы приехать в повозке или на нарте; при настоящем же порядке вещей должно 6300 верст просидеть в повозке, 2400 верст прокатиться по реке, 1400 проехать верхом или на оленях и собаках и – 80° долготы, полагая косин широты 60° равным половине градуса или 51 версте, надо 4080 проплыть по Восточному океану; а всего сделать с лишком 14 тысяч верст. Есть от чего, по крайней мере, соскучиться. Почти половину этого пути совершил я в 28 дней. Закутавшись в кибитке, отдав себя на волю почтовым лошадям, можно ли получить глубокие сведения о стране, совершенно новой, занимательной и природой, и людьми, и обычаями, и потому нельзя ожидать от меня подробного описания какого-либо предмета; остались в моей памяти только легкие обозрения, собранные мимоездом.

Петербург оставил я 30 декабря прошедшего года в 2 часа пополудни. Метель приветствовала мой въезд в Новгород. В Крестцах у станционного смотрителя соловей поздравил с Новым годом. Римлянин счел бы это хорошим предзнаменованием, но меня соловей остановил, усypил, и только на рассвете самовар своим змеиным шипением разбудил к дальнейшей дороге.

[...]

Дорога до Коломны сносна, но за две станции до Рязани и далее к Козлову и Тамбову обыкновение извозчиков прокладывать путь по бульварам, между насаженными деревьями, делает дорогу невыносимою: двум повозкам никак нельзя разъехаться. Никакие запрещения со стороны земской полиции не могут пресечь этого зла, истребляющего целые аллеи по дороге от Рязани к Тамбову и Кирсанову. Конечно, если углубиться в исследование предмета, относящегося к нравственной стороне человека или целого общества людей, то всегда откроем при-

чину упорства или невнимательности со стороны целой массы народа к наставлениям, несогласным с его выгодами.

«Дороги наши сад для глаз,
Аллеи, с дерном вал, канавы,
Работы много, много славы,
Да жаль, проезда нет подчас».

Так описывает П. Вяземский состояние наших дорог в осень и весну, но то же или хуже бывает и среди самой зимы.

[...]

В Пензе я пробыл с 14 января до 8 февраля. Симбирск, несмотря на ярмарку, пробежал мимо, спеша на прямой путь к Иркутску, в Казань.

Как бы кто ни был развлечен мыслями, оставляя отечество и все милое и драгоценное в нем, невольно сосредоточится его внимание при взгляде с Услонской горы на первый монумент самостоятельности и силы России. Здесь пред стенами Казани положен первый краеугольный камень будущему величию Руси: татары, через два с половиной века властители ее, первые почувствовали над собою силу ее соединения в лице одного владыки. Памятник воинам, падшим под стенами Казани, поставлен на огромном поле, между городом и «слободой» на берегу Казанки; он мне показался в виде часовни. Жаль, что в Казани, городе торговом и ученом, до сих пор не нашлось человека, который принял бы на себя труд передать просвещенным любителям отечественных видов многие истинно живописные пейзажи. Не так в Германии и других иностранных государствах, не так в наших остзейских губерниях. В Ревеле, Риге, Либаве и других городах можно найти литографированные виды со всех точек зрения как городов, так и замечательных их окрестностей, и путешественник может иметь такие виды за самую сходную цену. Эстампы пособляют памяти, украшая портфель любителя.

Теплая зима пугала ранней распутицей. Я спешил из Казани, не осмотрев ни университета, ни других замечательных заведений и фабрик. Снега, глубокие под Казанью, лежали в меньшем количестве под городом Малмыш¹. Дорога ощутительно поправилась; повозка мало ныряла в ухабах. В 10 верстах за Малмышем село Гоньба г-на Юшкова на правом берегу Вятки, несмотря на ночное время и зиму, разостлавшую однообразный свой покров на все предметы, невольно обратило мое внимание живописностью своего положения и чистотой постройки изб. С левого берега Вятки начинаются сосновые леса, протяги-

вающиеся через весь участок Вятской губернии, пересекаемый большой дорогой, на расстоянии 250 верст. По дороге, кроме станций, раскинуто еще несколько деревень, отстроенных вообще с отменной чистотой. Здесь не увидите курной тамбовской избы или не встретите в избе телят и поросят, как у пензенской мордвы. Многие из вотяков живут в довольстве, имея на гумне десяти- и пятнадцатилетние хлеба. Приходские деревни расположены в 25 верстах от сел, что крайне затрудняет духовный надзор за мало просвещенными вотяками.

В 12 верстах от с. Мелети к Порекской стоит стеклянный завод г-на Юшкова; осмотреть завод по ночному времени мне не удалось. В Большемецкой станционный смотритель предварил меня, что два большие транспорта с порохом, идущие в Пермь, трудно будет объехать. И точно, к вечеру 15 февраля от станции Зятцов я нагнал первый транспорт. Обоз стоял верстах в двух от станции, по обе стороны большой дороги, и менял лошадей. Дорога была довольно широка, но проехать между подводами не было никакой возможности, потому что каждые два воза были перекрещены оглоблями. Сторожевой солдат встретил вопросом: «Кто едет?» Подошедший унтер-офицер, увидя, что едет служащий, приказал поднять оглобли, и я кой-как проехал.

17 февраля в 8 часов вечера проехал г. Оханск, расположенный в двух верстах от р. Камы. Это небольшой город с собором замечательной архитектуры. Подъезжая к Перми, никак нельзя предполагать приближения к губернскому городу. В южных и средних губерниях России обыкновенно народонаселение сосредотачивается около губернских городов. Близ Перми этого нет по причине множества заводов; лес тянется под самый город, открывающийся за 4 версты. Завод княгини Бутеро с красивой больницей почти соединяется с городом. Из замечательных зданий Перми особенно отличаются как архитектурой, так и местоположением Александровская больница и училище канцелярских детей. Присутственные места рассеяны по городу. Церквей две, обе незамечательной архитектуры, покрыты белым железом. Если взять в рассуждение недавнее переименование Перми в звание губернского города, то можно быть уверенным, что через пятьдесят лет город будет в цветущем состоянии. Величая Кама катит волны свои под самым городом и может служить выгодным средством к торговым оборотам. Въезжая в Пермь, невольно заглядишься на городскую заставу постройки купца Мясникова. Это две чугунные пирамиды, обтянутые белым железом; на верху каждой пирамиды орлы держат в когтях бронзовые венки; исполнение изящно.

Дорога от Перми лежит скатертью, независимо от того, что ждут пермского губернатора на Ирбитскую ярмарку; под городом Кунгур спускаетесь с довольно крутой горы; от Молгуновенной станции начинают показываться небольшими лесистыми холмами отроги Уральских гор. Лес по большей части сосновый и березовый; по большой дороге попадаются довольно обширные вырубленные дачи, засеянные разным хлебом; конечно, хлеб нужен для продовольствия жителей, но казалось бы, лучше бы не вырубать лесу близ дороги: от этого ее не заносило бы снегом. Подъезжая к Кленовской станции, подымаешься 4 версты в гору того же названия; спуск с горы около 6 верст. Березовой горой от Кленовской станции к Кыргышану оканчиваются высокие отроги Уральского хребта.

В станциях Кленовская и Бисерская замечательны церкви; в первой – новой, а во второй – древней архитектуры. 20 февраля, в 4 часа вечера приехал в Екатеринбург, проехал 352 версты в 26 часов. Здесь впервые я ощутил наслаждение сибирской скорой езды.

Екатеринбург расположен правильно при пруде и речке Исеть, которые снабжают водой все городские и заводские заведения. Церквей в городе шесть, все каменные; кроме казенных каменных домов, довольно и обывательских. Женский Троицкий монастырь 1-го класса почти за городом.

Приближаясь к городу, вы проезжаете через Верхне-Исетский завод г-на Яковлева. Ваше внимание останавливается на огромном изящном здании конторы, которой черные капители колонн можно принять за чугунные. От завода до города на расстоянии 15 версты идет прекрасный широкий бульвар, наподобие екатерингофского. На середине этого расстояния расположена Верхне-Исетская больница – красивое здание с колоннами; при ней разводится довольно обширный сад.

На другой день в 10 часов утра, несмотря на 27S° мороза, я пустился осматривать заведения Екатеринбурга, по справедливости называемого Русским Фрейбургом. Управляющий монетным двором поручил меня своему помощнику А.Е.Ч., которому я обязан всем, что мне удалось видеть.

На Екатеринбургском монетном дворе² чеканится медная монета, расходящаяся отсюда по всей России. Булавка – это губительное оружие женщин, прежде поступления своего в руки своим владычицам, кажется, переходит через четырнадцать различных операций; пятак, на который дают 40 булавок, выходит на свет следующим образом.

Медь в штыках, получаемая на монетный двор со всех заводов Уральского хребта по наряду, расплавляется и выливается в полосы, которые, проходя через плющильную машину, получают потребную толщину. Эти полосы поступают к прорезному производству, где посредством двух нажимов, приводимых в действие водяным колесом, вырезывается очерк пятака. Отсюда мерные кружочки переходят в гуртильную, где по рассортировке и откидке негодных, делают на годных обвод севки. С гуртильной будущие пятаки поступают в полировальную. Полируются они сами собой в бочках, через непрерывное на них действие воды. Получив достаточную гладкость и цвет, поступают в тиснильную, где становится герб, а отсюда, по рассортировке, в печатную, где кладут клеймо управляющего заводом. Тиснильная машина, как и все другие, приводится в действие водой, через наливные колеса.

Переводные столбики, через которые пятаки получают герб и клеймо, заслуживают особого описания. Они приготавливаются в кузнице из стали, потом середина их обваривается железом, чтобы не треснуть в переводной, а концы навариваются тагильской сталью для лучшего удержания клейма. В таком виде столбики поступают в переводную машину, которая есть не что иное, как огромный нажим, рычаг которого приводится в действие людьми для вернейшего соразмерения удара. Получив герб, столбики поступают в калильную, где снова закаливаются, потом в слесарную – для выправки, в штемпельную – для вытиснения имени мастера; в токарную, где обтачивают шейку, в полировальную для окончательной обработки, а оттуда в тискальную – к делу пятаков.

По множеству виденного мною браку, почти от всех производств, можно бы было заключить о худом состоянии машин, чего сказать нельзя, судя по возможной чистоте, в какой они содержатся. Это должно происходить от старого устройства машин. Мне говорили, что с 1840 года будет введен лучший механизм.

На гранильной фабрике я видел только начатки. За неделю до меня директор фабрики г-н Вейс увез с собою в Санкт-Петербург все оконченные для дворца вещи. Из виденных мною замечу яшмовую вазу с виноградными листьями по наружному обводу: над ней трудился Благословленный, и вазу, обклеиваемую малахитом. Малахит находится единственно во владениях г-на Демидова. Сверх открытой массы в 4 тыс. пуд., ныне открыты жилы малахита на большое пространство,

так что понадобится снимать некоторые заводские строения. В казну куплено на 12 тыс. рублей, по установленной цене, 800 тысяч пудов. Употребляемый на оклейку вазы – высокой красоты.

На Екатеринбургскую гранильную фабрику поступают все драгоценные камни, добываемые в Сибири. В отделке таких камней мне удалось видеть опаловый сосуд, делаемый для пермского архиепископа, по заказу одного тамошнего купца. Видел также несколько ограненных изумрудов. Какое нечеловеческое терпение надобно иметь посвятившему себя гранильному искусству!

В школе рисования видел несколько хороших слепков, делаемых учениками; ланкастерская школа³ для детей мастеровых монетного двора и гранильной фабрики содержится в отличном порядке. В ней до ста воспитанников обучаются читать, писать, закону Божию и четырем правилам арифметики. В горном кабинете собраны все горные породы, добываемые в Сибири; жаль, что они не расположены по губерниям или местам, из которых получают, а также не надписаны; это служило бы для нас, профанов, некоторым способом обучения. При кабинете находится небольшая библиотека горных книг и несколько моделей для просевки золотоносных песков.

[...]

22 февраля вечером я оставил Екатеринбург, не осмотрев Березовских золотоносных россыпей, отстоящих от города в 14 верстах; на это понадобилось бы два дня. Время на службе дорого. В Тюмень приехал около полдня 24-го числа.

[...]

Павел Иванович Мельников-Печерский

Дорожные записки

(На пути из Тамбовской губернии в Сибирь)

[1842 г.]

III

Въезд в Пермскую губернию. – Оханск и Кама. – Дорога в Пермь. – Начало Перми. – Пристань. – Монастырь и памятники. – Ермаково оружие. – Дорога к устью Чусовой. – Чусовая. – Полазна

[С. 533]

... Наконец мы выехали из земли вотяков: вот каменный столб с медведем и луком, – мы в Пермской губернии. Начали встречаться и деревни с русскими названиями, и люди с русским наречием. Живя так долго в Вятской губернии, прислушиваясь к ломаному русскому языку, который употребляют уды-морты (так называют себя вотяки), я был очень-очень рад, приехав в русскую сторону.

При первом взгляде на Пермскую губернию я заметил, что жители её более, нежели жители прочей России, сохранили в себе русского духа. Они гостеприимны, радушны; все русское, вытесненное в других местах обстоятельствами и временем, здесь господствует во всей силе, во всей красоте старины заповедной. Здесь преддверие Сибири, той Сибири, которая, будучи удалена от тех мест, где более действуют или действовали иноземные нововведения, осталась по наружности тою же Русью, какою была за полтора столетия лет пред сим. Милое радушие и редкая честность отличают пермского крестьянина от крестьян волжских, не говорю уже о живущих близ столиц. Надобно тому пожить в Сибири или в Пермской губернии, кто хочет узнать русский дух в неподдельной простоте. Здесь всё – и образ жизни, и предания, и обряды – носит на себе отпечаток глубокой старины.

Мы подъезжали к Оханску; верст за 14 до этого города мне особенно понравилось местоположение. Это именно то место, где находится село Очёрский Острожок: на первом плане картины довольно широкая река Очёр или Ошшор извивается по зеленой долине; несколько деревень расположено по берегам её. Вдали, направо и налево, идут горы, покрытые зеленью и пихтовыми рощами, такими угрюмыми, такими мрачными. Некоторые из гор стоят отдельно, и одна из них, находящаяся направо, очень высока.

Горы идут хребтом, и против них, верстах в полуторах, возвышенность, которая однако гораздо ниже этих гор. Ложбина между этими двумя возвышенностями была, мне кажется, некогда руслом Камы, которая теперь течет от этого места верстах в 12. В этом убеждало меня, во-первых, что по всей этой ложбине нет леса, которого много на возвышенностях; во-вторых, что в ложбине почва земли иловатая и глинистая, когда на возвышенностях она каменистая; в-третьих, что городища расположены по этой горе; думаю, что такой торговый народ как биармийцы скорее бы построили свои города и укрепления на той реке, по которой производились у них и [с. 534] торговля, и все сношения, нежели на горе, в таком незначительном расстоянии от Камы.

Мы доехали до Оханска, уездного города Пермской губернии, который расположен на возвышенном берегу Камы. Город маленький и чрезвычайно беден, потому что малое число жителей его не имеет никаких средств к улучшению его. В нем всего один каменный дом, да и тот казенный; из улиц немного получше та, через которую идет большая дорога, да и на той лачуга возле лачуги; окружные деревни гораздо лучше Оханска. Чтобы лучше показать незначительность этого города, довольно сказать, что у него нет даже городского выгона. Оханск сделан городом в 1781 г., т.е. во время открытия Пермского наместничества, – до того времени здесь было экономическое село Оханное, жители которого занимались преимущественно рыболовством. От этого произошло как самое название города, так и герб его, представляющий рыбацьи сети.

Версты полторы ехали мы берегом Камы прежде, нежели приехали на перевоз; здесь Кама довольно широка (около 460 сажень), берега – совершенная пустыня: лес, лес и больше ничего. Редко-редко попадет на глаза вам бедная землянка рыбака и возле нее колеблющаяся на воде лодочка и раскинутая сеть. Кроме этих лодочек ничего нет на Каме: река совершенно пуста; это не то что на Волге, где круглое лето одно судно перегоняет другое и дощаники беспрестанно ходят то вверх, то вниз. Судходство по Каме бывает по временам: во-первых, тотчас после вскрытия реки идет железный караван; за ним следует соляной, недели две спустя после вскрытия; во-вторых, в конце июня или начале июля идут суда с сибирскими товарами в Нижний на ярмарку; а потом в сентябре, незадолго до замерзания Камы, возят хлеб из Сарапула в Усолье, Соликамск и Чердынь. В другое время вы не увидите жизни на Каме, она вам представляется совершенно пустынною рекою.

Кама течет около 900 верст по Пермской губернии. Положение берегов ее непостоянно: то левая сторона возвышеннее, то правая; впрочем, крутых берегов более на левой стороне, которая почти вся покрыта лесом; на правой в иных местах есть луга, в других болота. Здесь она замерзает обыкновенно в начале ноября и вскрывается в апреле.

Ступив на левый берег Камы, мы были в Пермском уезде; с версту от берега идет дорога песчаная по тем местам, которые весною покрываются водою. Проехав эту версту, мы нашли опять прекрасную гальковую дорогу и совершенно не заметили, как доехали до Югокамского завода. Этот завод не слишком значителен в сравнении с другими уральскими заводами. Он основан в 1746 году и принадлежит княгине Бутеро.

Мы проехали лес, поднялись на гору, и глазам нашим представилась Пермь. Почти вся она скрыта была [с. 535] за бульваром, который идет от Московской заставы направо до Кунгурского выезда. Сквозь пушистые березы кое-где мелькали домики и, показавшись на одну минуту, будто прятались в ветвях. Я взглянул на Пермь: налево стояло красивое здание Александровской больницы; богатая чугунная решетка, окружавшая это здание, еще более увеличивала красоту его. Взглянув на этот дом, я подумал, что Пермь, должно быть, очень красивый город, но впоследствии узнал, что это здание точно так же как и здание училища детей канцелярских служителей, находящееся у Сибирской заставы, были не больше как хитрость пермских жителей, выстроивших такие дома у заставы для того, чтобы с первого взгляда поразить приезжего красотой и отвлечь внимание его от прочего строения, весьма незатейливого. Прямо над домами возвышалась церковь неизвестной архитектуры. Это собор или монастырь, как угодно назовите, – это будет все равно.

Пермь, единственный губернский город, стоящий на Каме, расположен на левом, возвышенном берегу этой реки в 18 верстах ниже устья реки Чусовой. Он выстроен правильно, можно сказать, правильнее Нью-Йорка: ровные, большие кварталы, прямое и параллельное направление улиц и переулков бросаются в глаза при первом взгляде каждому приезжему и вместе с тем свидетельствуют о недавнем основании этого города. Прежде на месте Перми была деревня, принадлежавшая к огромному имени баронов Строгоновых; в 1723 году главный правитель казанских и сибирских заводов Дегеннин построил по повелению Петра Великого здесь медеплавильный завод, кото-

рый назван был Егошихинским по имени речки, на которой был основан. До царствования Елизаветы Петровны он принадлежал казне, а императрица Елизавета пожаловала его канцлеру графу Воронцову, которому он и принадлежал до самого основания Перми.

В 1780 году казанский губернатор князь П. С. Мещерский во время проезда из Казани в провинциальный город Соликамск осматривал этот завод. Ему понравилось его местоположение, и он представил государыне об устройстве на этом месте губернского города для предположенного Пермского наместничества. Екатерина была согласна, и в 1781 году Егошихинский завод превращен был в главный город Пермского наместничества и получил название Перми. Обстроился он скоро, так что через 10 лет после своего начала он занимал столько же пространства, сколько и теперь.

Местоположение Перми выгодно и красиво. Между двух довольно высоких гор, находящихся на берегу Камы, образуется ложбина, возвышенная сажень на 15 от уровня реки. С одной стороны эта ложбина омывается речкою Егошихою и ручьем, которому пермские выдумщики нашлись дать название классического Стикса, а с другой – речкою Данилихою, в которой найдены были слабые признаки золотого песка. На этой-то ровной ложбине расположен город.

[С. 536] Незначительность возвышения над рекою была очень удобна для устройства пристани. На пермской пристани выгрузка товаров легка, и суда могут быть нагружаемы с большею скоростью, нежели на других каких-нибудь пристанях. Здесь более всего заслуживает внимания *сгрузка чая* и других китайских товаров, которые так же, как и произведения Сибири, везутся до Перми сухим путем, а здесь нагружаются в барки для сплава на Нижегородскую ярмарку. Эта операция обыкновенно производится в конце июня, между 20 и 30 числом. Тогда деятельность на набережной улице, в другое время безжизненной и совершенно пустой, увеличивается; толпы рабочих людей покрывают берег и барки. Кроме этого времени деятельность на пристани бывает еще в то время, когда приходит соляной караван: в пермские запасные магазины ежегодно доставляется из соляных промыслов, казенных и частных, до 404.000 пудов соли. Вскоре после вскрытия реки приходят ладьи с солью и начинается выгрузка. Тогда из окружающих селений стекаются женщины, которые за довольно хорошую цену носят кулями соль из ладей в магазины.

В другое время пристань совершенно пуста, и вы, сидя в ротонде, устроенной над рекою, смотрите хоть целый день на Каму, не увидите на ней ничего, кроме рыбацких лодок. С этой ротонды вид очень хорош. Кама у вас под ногами; там, на противоположном берегу, лес и пустыня; направо, вдаль, высокая и крутая гора, будто опаленная молнией: ни одной былинки не растет на скате ее. Под этой горой расположен завод Мотовилихинский; далее, за этою горою, на берегу Камы, которая от нее заворачивает на север, идут те же пустые леса, а за ними вдаль виден зеленеющий правый берег Чусовой. Этот берег, покрытый пашнями и по высоте своей господствующий над лесами, резко отличается от них; в мрачной раме пустыни он как будто улыбается и, окруженный угрюмыми лесами, кажется как бы светлою мыслью в омраченной душе ожесточенного грешника.

Я был в монастыре. В этом монастыре живет епархиальный епископ; викарий его находится в Екатеринбурге. Монастырь, находящейся в Перми, первоначально был построен в 1570 году на устье реки Пысکورки (около Соликамска) зажиточным человеком Максимом Строгоновым и, пользуясь доходами с соляных Дедюхинских промыслов, отданных в пользу его Строгоновыми, был чрезвычайно богат. В 1775 году он был переведен в Соликамск, а в 1781 году – в новый город Пермь. В теплой церкви этого монастыря, сооруженной во имя св. Стефана Великопермского, иконостас сделан из мрамора темно-кофейного цвета. Находясь в темной церкви, он не имеет хорошего вида. Я уже после узнал, что он мраморный; в первый раз, когда я был в церкви, я принял его за простой деревянный старый иконостас, подобный тем, какие бывают в старинных церквях. В ограде монастыря есть кладбище, и на нем [с. 537] много красивых чугунных и мраморных памятников, которые здесь по своей дешевизне не редкость.

Здесьняя гимназия довольно обширна для Перми. В ней обращает на себя внимание так называемое ермаково оружие, привезенное сюда из Екатеринбургского арсенала. Это оружие состоит: а) из железного большого ружья, весом фунтов в 60, с замком и деревянною ложею; б) из двух чугунных пушек, одна длиною аршина в 2 S, другая в 2, с узкими дулами, так что их надобно заряжать ружейною пулею; в) из фитиля. Большое ружье украшено резьбою в виде чешуи и насечками. Никаких доказательств нет однако, чтобы это оружие принадлежало завоевателю Сибири. Надобно заметить, что Ермак живет в памяти жителей Пермской губернии; много преданий и песен о нем сохранилось до сих пор.

В селах и деревнях у всякого зажиточного крестьянина, у всякого священника вы встретите портрет Ермака, рисованный большею частью на железе. Ермак изображается на этих портретах в кольчуге, иногда в шишаке, с золотою медалью на груди. Приписывая своему герою чудесные деяния, сибиряки хотят освятить его именем всякую старинную вещь; и потому каждый из них, имеющий у себя старинную пищаль или какое-нибудь другое оружие, называет его *ермаковым*, и готов пожертвовать всем, чем вам угодно, чтобы только уверить вас, что ружье, валяющееся у него в пыли, было прежде в руках Ермака, или, по крайней мере, у кого-нибудь из его сподвижников. Таким образом 3 пищали, которые я видел в Кунгуре у купцов Пиликиных, выдаются тоже за ермаковы. Я не думаю даже, чтобы это оружие можно было отнести и к началу XVII века, – разве к концу его. Вероятно, оно было прежде в острожках и крепостях, во множестве находившихся в Пермской губернии для защиты от набегов башкирцев.

Первый из заводов, встретившийся нам на пути, был Мотовилихинский, казенный, медеплавильный. Он находится в 4 верстах от города, на речках Большой и Малой Мотовилихах и ручье Иве, и расположен между двух гор, из которых одна отделяет его от города, а другая находится выше по течению Камы. Мотовилихинский завод основан в 1736 году по указу Государственного Берг-Директориума на землях баронов Строгоновых и пошел в ход в 1738 году. По управлению он зависит от казенного Юговского завода, находящегося также в Пермском уезде. Медную руду, впрочем, очень бедную, доставляют в шахтах, находящихся около Перми.

До устья Чусовой мы ехали лугами по самому берегу Камы, потому что дорогу в горах в это время поправляли. Мы видели на лугах мастеровых, занимавшихся уборкою сена. Тут я имел случай заметить здешний образ кошения сена, совершенно отличный от того, который употребляется в наших внутренних губерниях. Здесь, точно [с. 538] так же, как и в Вятской губернии, косят *горбушами*. Горбуша длиннее нашей косы; она насаживается на коротенький, кривой черенок, называемый *косником*. Чтобы косить горбушею, надобно беспрестанно нагибаться; следовательно, это еще труднее, нежели жать. Русские косы здесь зовут *литвянками*, и к этим литвянкам никак не могут приучиться крестьяне. Они говорят, что горбушей сено

косится и скорее, и чище; что лезвие ее берет траву под самый корень; и что тут ни одна былинка не пропадает. Конечно, это справедливо, особенно в отношении к скорости, потому что размах горбуши больше; но какое различие в удобстве! Укладывают сено здесь не *стогами*, а *зарядами*. Заряд бывает длинный, гораздо ниже нашего стога, и скат его круче. Это очень хорошо, потому что при крутом скате сено менее портится от дождей.

Смерклось. В воздухе тихо. Кама ровна, гладка, как стекло. Противоположный берег, покрытый пирамидальными соснами, отражаясь в воде, придавал поверхности реки вид огромного полированного малахита. В сумраке нельзя было различить границу между лесом настоящим и отражавшимся в воде: все сливалось в одну темно-зеленую массу. Картина была превосходная. Мы любовались ею и не заметили, как доехали до перевоза через Чусовую, который устроен в полуверсте от ее устья у деревни Лёвшина.

Вода в Чусовой гораздо чернее камской; самый лед ее, идущий весною, легко можно отличить от льда камского. В устье ширина ее около 80 сажен, а глубина до 7 аршин. Она течет всего 550 верст и делается судоходною от деревни Кургановой (в Кунгурском уезде), в 475 верстах от устья. Берега Чусовой замечательны своей крутизною: представьте себе две белые известковые стены вышиною от 10 до 20 сажен. Между этими стенами быстро несется Чусовая. От необыкновенной быстроты своей эта река *неспособна* к судоходству, мало того, что никакие усилия человеческие не могут ввести судна вверх ее, – даже и вниз, по ее течению, сплав барок возможен только весною, при полной воде. Имея чрезвычайно быстрое течение, Чусовая наносит множество мелей из галек и песка, так что во многих местах ее можно перейти вброд. Сверх того, на ней находится более 17 камней, затрудняющих в весеннее время судоходство; некоторые из этих камней чрезвычайно велики; камень *Разбойник*, например, длиною будет сажень 20 вдоль по течению реки; другие находятся не в воде, а выдаются с берегового утеса как, например, Волегов, близ деревни этого же имени (в Кунгурском уезде). Он высунулся с правого берега и, вися над водою, кажется, хочет упасть и запрудить реку. Находясь же невысоко от уровня воды, он очень много препятствует ходу барок.

Замечателен образ судоходства по Чусовой. Судоходство по этой реке возможно только весною; но и в это время нужны некоторые приготовления для удобного сплава судов. Из множества рек и речек, [с. 539]

текущих в Чусовую, очень немногие прямо, всюю массою воды вливаются в нее: почти на всех устроены заводы, для которых необходимы пруды, потому что паровые машины введены еще в немногих местах, и до сих пор все заводские работы приводятся в действие водою. Количество же воды, происходящей от таяния снега по берегам Чусовой и по низовьям запруженных рек, недостаточно для того, чтобы покрыть хотя ненадолго все мели и откосы на Чусовой.

Слишком большой склон русла реки производит то, что новая вода скоро сбегает в Каму, не покрыв камней и мелей. Чтобы отвратить это неудобство, сплавляют товары следующим образом: еще в то время, когда начинает ломаться лёд, спешат нагрузить караваны судов чугуном, железом, медью и рудою, заготовленными в продолжение целого года. После этого начинают спускать пруды, один прежде, другой позже, смотря по расстоянию его от Чусовой. Вода из прудов вдруг наполняет Чусовую, и теперь быстрым током воды несется суда в Каму. Несколько дней продолжается эта искусственная прибыль. Но как скоро вода в прудах придет в такое положение, какое необходимо для производства работ, опять затворяют плотины, и Чусовая делается мелка по-прежнему. Кто опоздал отправить свой караван в урочный *час*, тот должен дожидаться другой весны. Поэтому, говорят, и река названа *Часовою* или *Чусовою*, по пермскому выговору. Разумеется, это несправедливо: название Чусовой принадлежало этой реке еще и тогда, когда не было на ней ни заводов, ни караванов, ни прудов на побочных реках ее. Название Чусовая взято из языка пермячского. Видя много рек камской системы, я не мог не заметить, что реки, текущие в нее с левой стороны, несравненно быстрее тех, которые вливаются в нее с правой. Причина этому очевидна. Камский бассейн находится в ложбине, у которой с одной стороны тянется Урал, а с другой незначительные, в сравнении с Уралом, возвышенности, находящиеся в Вятской губернии.

Кама проходит по самым низким местам этой ложбины, а реки, впадающие в нее, текут по скатам возвышенностей. Скат хребта Уральского гораздо круче, нежели скат вятских возвышенностей, что зависит от вышины гор. Естественно, что реки, проходящие по крутому скату Урала, должны быть гораздо быстрее, нежели те, которые текут по скату более отлогому. На самом устье Чусовой, на правом берегу этой реки есть маленькая деревня, называемая Усть-Чусовая. Я слышал, что прежде тут были остатки вала, которого устройство предание

приписывает не Чудакам, а Строгоновым. Теперь решительно неизвестно название этого городка; хотя Карамзин, Миллер и Свиньин и думали, что тут был или Канкар, или Орел-городок, но это несправедливо. Ни Канкара, ни Орла, ни Кергедана, ни даже Чусовского Городка никогда не бывало на этом месте. Орел до сих пор существует под этим же названием близ Нового Усолья, Канкар или [с. 540] Камгор был построен против *Пыскорской курьи*, которая и теперь, и во времена Строгоновых находилась в 145 верстах выше устья Чусовой. Кергедан был тоже около нынешнего Усолья, а Чусовской Городок существует и до сих пор, но все же не на этом месте. Но что это был Строгоновский городок, в этом нет сомнений, ибо в грамотах, пожалованных Строгоновым, прямо говорится, что они имели в этих местах крепостцы для защиты от диких соседей.

Ночью мы приехали в завод Полазну, принадлежащий гг. Лазаревым. Он основан в 1794 г., следовательно, позже прочих лазаревских заводов. Он находится верстах в 2 от Камы, в 26 верстах от Перми. Бульшая часть руды и чугуна, получаемых Лазаревыми в Кизеловских дачах, обрабатывается на Чермозском заводе, а на Полазне и в Хохловском заводе производство очень невелико; на последнем выработка железа еще вдвое менее выработки полазненской. Но оба эти завода привозят готовый уже чугун с Кизеловского завода. Сплавляют его по реке Косве весною, когда мелкие закамские реки наполняются водою и *тулуны* их закрываются. Чугун на Полазне передельвается в полосовое железо в кричных горнах. Выделанное здесь железо отправляют на общих караванах Камою и Волгою до Нижнего Новгорода. Заводских зданий в Полазне 2; в них находится 8 кричных горнов, которые раздуваются мехами. Эти мехи приводятся в движение водою. В Полазне выделяется железа от 40 до 65 тысяч пудов в год.

Выехав из этого завода, мы должны были подняться на довольно значительную возвышенность, с которой вид был очень живописен. С одной стороны, как голубая ткань, расстился пруд: берега его или опушены лесом, или обстроены домами, которые отражаются в зеркальной влаге. Направо Кама серебрится вдали; возвышенный правый берег ее зеленою полосой отделяет воду от небосклона: ближе – белая, высокая Лунежская гора; огромные камни ее висят под ложбиною и кажется ежеминутно угрожают падением; между этими камнями лепятся березки и елки, вершина горы опушена кудрявыми соснами. Прямо пред вами пустынный лес, состоящий из сосны, ели,

пихты, лиственницы и других хвойных деревьев: редко-редко встретится молоденькая береза или трепещущая осина, одиноко, как сирота, растущая между чуждыми ей деревьями. Мы ехали этим лесом, то поднимаясь на возвышенности, то спускаясь с них: наконец лес начал перемежаться, и мы поехали местами низкими, сырыми, грязными. Проехав дорогу, лепившуюся у этой пасмурной горы, мы вскоре приехали к реке Косве. Эта река чрезвычайно быстра, гораздо быстрее Чусовой: за 100 сажен слышно, как шумит она, пробираясь через камни. Такие же наносные мели, такие же косы из галек, как на Чусовой, находятся и на этой реке. На ней очень много *тулунов*, и некоторые из них довольно высоки (четверти 2) и даже образуют пороги. Берега и дно ее усыпаны [с. 541] розовыми, малиновыми и зелеными кремнями, разноцветными яшмами, агатами и кругленькими кварцами. По Косве сплавляют из Кизеловского завода и рудников чугуны в Полазну и Хохловский завод и железную руду в Чермозский завод. Косва у перевоза в ширину будет с лишком 30 сажен. Тут на правом берегу ее находится довольно большое село Перемское. Имя его напоминает бывшую некогда здесь Биармию и Великую Пермью. Дорога идет берегом Косвы до станции Микулиной. Здесь река эта течет между двух равных по высоте своей крутых берегов. Невысокий лес и луга находятся по обеим сторонам реки. Пятьдесят верст мы ехали сырыми местами – лес, пустыня совершенная; множество мелких речек пересекали дорогу, такую однообразную, такую скучную... Наконец мы доехали до реки Яйвы, столь же быстрой, как и Косва. По ней сплавляют чугуны и руду из Кизеловских дач в Пожевский завод Всеволожского, который находится на той стороне Камы, близ устья Яйвы. Мы переехали Яйву и приехали в Романово.

IV

Дорога к Новому Усолюю. – История соляных промыслов. – Производство соли

Из Романова дорога идет лесом. Мы переехали чрез речки Пекурку, Зюзву, Волим, Песьянку, потом поднялись на крутую гору. Опять лес, опять дикая природа. На дороге нам попала деревня Балахонцова, населенная выходцами из Усоля *балахонского*, привлеченными сюда богатством соляных ключей здешнего края. Подле Балахонцова мы переехали речку Лёнву. Лес кончился, и мы увидели пред собой картину, которая чрезвычайно походила на картину внутренней

России. Леса нет – значит, мы близко от соляных промыслов, которых соседство для него столько же губительно, как дружба мотов для молодого человека, получившего богатое наследство. Налево, над мелким кустарником, закрывшим Каму, виднелся собор усольский, еще две церкви, каменные дома и огромные соляные складочные магазины: клубами развивавшийся в воздухе дым из варниц какою-то фантастическою пеленою раскинулся над Новым Усольем.

Ближе к нам находилась большая деревня Усть-Зырянка, прямо пред глазами село Веретия, за ними вдаль Лёнва, а на небольшой возвышенности – горный город Дедюхин, с облаками дыма, носившимися над варницами. Направо, на горе, село Зырянка. И все эти селения так близко одно от другого, и все они так красивы; окрестности их не угрюмы, не мрачны.

Из Веретии мы ехали песками, которые весною покрываются водою. Мы проехали мимо Лёнвенских промыслов, повернули направо [с. 542] и проехали на берег Камы напротив самого Усоля.

Берега Камы оживлены; прямо пред нами широко раскинулось Усолье; на обоих концах его дымятся варницы, и густой дым клубами развевается над всем селением. Ряд красивых каменных домов, которые не были бы лишними даже и в столице, тянулся по берегу Камы, или, сказать правду, не по берегу этой реки, а по краю возвышенности, у подошвы которой находятся преглубокие пески. Среди этих домов возвышается собор усольский с высокою колокольнею.

Направо от села высокая, крутая, полуобнаженная гора, и по ней живописно раскинулась деревня Камень; далее на косогоре видны две церкви и несколько домов – это остатки древнего монастыря Пыскорского и Пыскорского медеплавильного завода. На левой стороне Камы – Дедюхин, Лёнва, Усть-Зырянка, расположенные одно подле другого, оживляют берег. За ними вдаль, на возвышенности, село Зырянка, стоя на последнем плане, увеличивает красоту окрестностей и как бы господствует над живописным левым берегом Камы.

Новоусольские и Лёнвенские соляные промыслы принадлежат ныне (1842) пяти владельцам, а именно: графу Г.А. Строгонову, графине С.В. Строгоновой, князю С.М. Голицыну с племянниками, княгине В.П. Бутеро и господам Лазаревым. Эти промыслы получили свое начало еще в XVI столетии, а может быть, и ранее. Они основаны на землях, пожалованных Строгоновым в разные времена от государей русских. Полагают, что выварка соли началась здесь с 1556 года; но существование

соляных ключей в этом крае было известно и прежде, потому что в грамоте, данной царем Иваном Васильевичем Грозным Анике Строгонову в 7064 (1556) году, говорится: «а где в том месте росол найдет и ему варницы ставить и соль варити». Из этих слов ясно видно, что в 1556 году знали о соляных камских ключах, или росолах; может быть, в это время существовали уже и варницы (в Соли-Камской).

С землею, пожалованною Строгонову в 1556 году, было отдано ему во владение 2332 двора крестьян соликамских, обвенских и косвенских. Получив такую важную награду, Строгонов в 1564 году устроил первый соляной промысел на правой стороне Камы, напротив устья реки Яйвы. Здесь завел он одну варницу и поселил людей для работы. Место это сделалось постоянным местопребыванием Строгоновых и получило название Орла-города. Есть предание, объясняющее происхождение этого названия. Оно говорит, что на этом месте в старину стоял огромный кедр, и на этом кедре свил себе гнездо орел, величины и силы необыкновенной. Он был ужасом окрестностей: похищал мелкий скот и даже детей. Никто не отваживался убить этого хищника, все боялись близко подойти к гнезду его, и тревожимые страхом, оставляли его в покое. Аника Строгонов сам решился убить эту птицу, отправился к гнезду ее и успел в своем намерении. Место, [с. 543] на котором был кедр, понравилось ему, и он решился тут устроить городок. Вскоре нашли тут соляные ключи, и началось солеварение. Городок же оставил за собою название Орла-города, в память пернатого хищника, прежде тут обитавшего.

Что касается до соликамских варниц, то они, кажется, были устроенные ранее орловских, и если я не ошибаюсь, то промышленниками, пришедшими из Балахны и с промыслов сольвычегодских, тотемских и леденгских. Это доказывается названиями разных селений и мест этого края, например, Балахонцова, населенного балахонскими пришельцами, реки и деревни Зырянки, населенной пришельцами из того края, который населен был зырянами. Самое название Нового Усолья не есть местное: оно, происходя от слов *у соли*, было названием балахонских промыслов, существовавших гораздо ранее камских. Вероятно, все здешние промыслы заведены были опытными уже солеварями, пришедшими сюда или по своей воле, или по приглашению Строгоновых. Это подтверждает и соликамский летописец, в котором сказано, что Лёнвенские промыслы основаны были *балахонцем* Ивашкою Соколовым в 1610 году. Но как бы то ни было, в XVI столетии соликамские промыслы были

гораздо значительнее Строгоновских: в 1579 году писец Яхонтов, описывая соль камскую, нашел в ней уже 37 варниц. В начале XVII столетия число варниц и росолоизвлекательных труб на камских промыслах увеличилось: в 1610 году открыты Строгоновым промыслы в Новом Усолье, росол усольский найден чрезвычайно хорошим, и потому солеварни в Орле начали мало-помалу уменьшаться и к концу XVII столетия были вовсе уничтожены. Главною причиною закрытия варниц в Орле было то, что стремлением весенней воды они постепенно разрушались. Теперь на том месте, где прежде были трубы и варницы орловские, протекает Кама. В 1610 году также были открыты варницы на Лёнве, напротив Усолья, а немного позже Иван Нарыгин завел промысел на реке Зырянке и построил на этом месте село Веретию. Вскоре явились также соляные промыслы и на устье Зырянки, и в селе Зырянке.

Веретийские варницы перешли во владение Богдану Левашову, который в 1620 году продал их Григорию Никитникову. Тогда их было две. Зырянские и Веретийские промыслы в 1652 году отошли в казну, которая и владела ими до самого времени их уничтожения. Они были закрыты по причине слабости росола, а Усть-Зырянские как по этой же причине, так и потому, что Кама, постепенно уклоняясь к низменному левому берегу, обмывала берега более и более и, наконец, почти совсем разрушила промысел. До сих пор на дне Камы встречаются остатки усть-зырянских росолоизвлекательных труб.

Лёнвенский промысел, основанный в один год с Новоусольскими балахонцем Ивашкою Соколовым, впоследствии перешел во владение нижегородским гостям Семену Задорину и Владимиру Черкасову.

[С. 544] Эти продали его Михайле Шорину, а Шорин в 1681 году московским гостям Шустову и Филатьеву, которые, будучи привлечены выгодами в этот отдаленный край, завели варницы и в Соли-Камской. Лёнвенский промысел в 1681 году был незначителен: в нем была всего одна росолоизвлекательная труба; но Шустов и Филатьев привели его в цветущее состояние. Чрез 16 лет, т.е. в 1697 году на Лёнве было уже 44 варницы, 21 амбар, 23 росолоизвлекательные трубы и *мельница немецкая*. Но так как эти промыслы были устроены на землях Строгоновских, то у Филатьева и Шустова возникла тяжба с именитым человеком Григорием Дмитриевичем Строгоновым. Эта тяжба кончилась в 1697 г. Вследствие *жалованной правой грамматы* Г.Д. Строгонов получил Лёнвенский промысел в потомственное владение.

Дедюхинский промысел основан был вскоре после Орловского Аника Строгоновым. Этот Аника Строгонов пред смертью своею пошел в основанный им неподалеку от Орла и Дедюхина монастырь Пыскорский, постригся в нем и принял имя Иоасафа. В завещании своем он отдал новый Дедюхинский промысел монастырю, которому впоследствии достался и Березниковский промысел, находившийся возле Дедюхинского. От этих промыслов монастырь получил большие выгоды; довольно заметить то, что он в 1711 г. поставил в Нижний Новгород соли 584.238 пудов. В 1764 году, во время учреждения штатов монастырских, все промыслы, принадлежавшие Пыскорскому монастырю, отошли в казну. Дедюхинский был преобразован в горный город, а Березниковский закрыт по причине слабости росола.

Были еще Чусовские соляные промыслы на р. Чусовой; но они в 1773 году закрыты как по слабости росола, так и потому, что доставка дров к ним сделалась затруднительна; промыслы Яйвенские, Верхне-Веретийский (принадлежавший Новому Иерусалиму), Криветский, Куркесский на реке Зырянке, но все они давно закрыты по слабости росола.

В начале XVIII столетия все камские соляные промыслы, за исключением соликамских, принадлежавших разным солепромышленникам, и Дедюхинского, были во владении именитого человека Строгонова. До 1747 г. это огромное имение не дробилось, но с этого времени пошло в раздел между разными лицами строгоновской фамилии, а некоторые части его были даже проданы в посторонние руки (Лазаревым, Всеволожскому); от этого теперь Новоусольские и Лёнвенские соляные промыслы принадлежат пяти разным владельцам.

Казенный горный город Дедюхин находится на левой стороне реки Камы, немного повыше Лёнвенских соляных промыслов. Управляет работами на Дедюхинских солеварнях особенное соляное правление, состоящее из управляющего и двух советников. Образ производства в Дедюхине точно такой же, как на Новоусольских и Лёнвенских промыслах. Верстах в тридцати от Дедюхинских и Ново-Усольских промыслов находятся Соликамские промыслы. Они устроены [с. 545] в уездном городе Пермской губернии Соликамске, по реке Усолке, верстах в 7 от Камы. Прежде владели и ныне владеют ими частные солепромышленники. Соликамские промыслы не могут идти в сравнение с Новоусольскими или Дедюхинскими: в них и росол слаб, и производство небольшое. Впрочем, несмотря на всю бедность их, они далеко превосходят промыслы Балахонские (в Нижегородской губернии).

Всего в Пермской губернии получается соли до 7.000.000 пудов, следовательно, немного менее *одной трети* всего количества соли, добываемого в России (до 22 с половиною миллионов пудов). Если сравним производство соли в Пермской губернии с производством ее в других местах России, то увидим, что: 1) Одни только озера перекопские доставляют более соли (до 7.300.000 пудов); Бурназское и Хаджи-Ибраимское озера (в Бессарабии) могут доставлять также более, но не всегда: в 1832 году, например, с них получено только 350.000 пудов. 2) Количество соли, добываемой на пермских промыслах, более в 6 раз количества соли, добываемой с Елтона, в 9 раз более количества, получаемого в Илецкой-Защите, в 3 раза более против количества соли, получаемого из озер генических, в 6 раз более против керченских, в 6 раз против евпаторийских, в 6 раз против озер астраханских и кавказских, в 65 против старорусских и в 67 против леденгских. 3) Количество выварочной пермской соли (7.000.000) в 14 раз превосходит количество выварочной соли в других местах России (около 500.000 пудов), – это яснее можно видеть из следующей таблицы.

Добывается соли выварочной: в Пермской губернии до 7.000.000 пудов; в Вологодской губернии 228.000; в Архангельской губернии 148.000; в Старой-Русе 180.000; в Троицком заводе (Енисейской губ.) 50.000; в Иркутской губернии (на заводах Иркутском, Усть-Кутском и Охотском) 195.000; в Балахне до 100.000.

Из этого можно ясно видеть всю важность камских соляных промыслов, находящихся в Пермской губернии.

V

Новое-Усолье, Лёнва, Дедюхин и Пыскорский монастырь. – Соликамск. – История Соликамска. – Церкви и старинные дома. – Древности. – Поездка Камою. – Пожвенский завод

В Новом-Усолье три церкви: а) Соборная, стоящая на берегу Камы, прежде бывшая ставропигиальною; б) церковь Рубежская у Верхнего промысла и в) церковь Никольская, или графа Строгонова. Первая из них основана Строгоновыми; близ нее погребены были некоторые лица фамилии этой. Иконы в ней старинного письма и с богатыми серебряными и золотыми ризами. Рубежская церковь небольшая [с. 546] и ничем не замечательна. Никольская замечательна и архитектурою, и украшением, и некоторыми находящимися в ней вещами. Она выстроена в римском вкусе: довольно боль-

шой купол, четыре фронтона, поддерживаемые колоннами тосканского ордена, богатые чугунные решетки вокруг креста, по краям фронтонов и вокруг храма, – вот наружный вид Никольской церкви. В самой церкви живопись прекрасная, во вкусе итальянской школы. Особенно замечательны образа: 1) на царских дверях, которые вылиты из бронзы, два образа Девы Марии и Гавриила работы В.Л. Боровиковского. Как божественны черты Пресвятой, какое высокое выражение лица ее! Оно, несмотря на видимое смиренномудрие, так высоко, что сам небожитель, всегда предстоящий престолу Вышнего, взирает на нее очами благоговения. Это лучший образ во всей церкви: я не мог насмотреться на него, несколько раз подходил к нему, и когда отходил, мне хотелось еще раз взглянуть на него. Этот образ, так же точно, как и образа четырех евангелистов, писан на железе. 2) Список с корреджиевой «Ночи», работа нижегородского художника Веденецкого. Список очень хорош, жаль только, что стоит не на месте: свет скользит на картине. Из вещей, находящихся в Никольской церкви, замечательны как по драгоценности, так и по изящной работе: две дароносицы, блюдо, на котором во время всенощной освящают хлебы, и огромное бронзовое паникадило. Из древностей в этой церкви замечательно рукописное евангелие в лист. Оно написано было в начале XVII столетия и в 1603 году принесено в дар в церковь Похвалы Богородицы в Орле-городке именитым человеком Никитою Григорьевичем Строгоновым. В этой церкви оставалось оно до 1820 года, в котором, с разрешения пермского епископа Мелетия (бывшего после в Харькове), перенесено в эту церковь за долгие промыслам орловскую церковь деньги (350 руб.). Предание говорит, что это евангелие писано рукою схимонахини Татьяны, дочери Никиты Григорьевича. В одном с ним переплете находится грамота, данная в 1703 году Дионисию, епископом вятским и великопермским, в орловскую церковь... В Новом-Усолье замечательна общая любовь к изящным искусствам, и особенно к живописи. Не буду подтверждать слов моих тем, что я здесь повсюду встречал так много хороших картин, слышал так много толков о художествах, скажу только, что Новое-Усолье произвело двух известных русских художников, именно: А.Н. Воронихина, который родился здесь в 1780 году и составил себе славу построением Казанского собора в Петербурге; и Пищалкина, хорошего живописца и гравера.

В Новом-Усолье торговая деятельность очень велика. Здесь вы найдете все, что вам угодно – даже сукна, шелковые материи, галантерейные вещи, книги. Впрочем, в Пермской губернии такие села не редкость. В Усолье много мелочных лавок – в другом городе [с. 547] столько не встретите их. Зимой торг здесь еще обширнее; тогда бывают открытия лавки на *палоях*... Улицы очень нечисты, а все оттого, что жители, принадлежащие одному владельцу, ссылаются на принадлежащих другому, эти – на принадлежащих третьему, и так далее, а село разделено не по участкам, а по домам: здесь дом Строгоновский, рядом с ним голицынский, и так далее. Ужасный беспорядок! Я видел план Усолья, на котором часть каждого владельца означена особой краской. Боже мой, какая пестрота! Только в одном углу есть часть одного гр. Строгонова, и потому в этой части прекрасный порядок: устроены мостовые из галек, улицы всегда выметены... Солеварни находятся отдельно от села: одна часть их выше по течению Камы (*Верхний промысел*), другая ниже по этой реке (*Нижний промысел*). Последняя часть обширнее и лучше устроена. Разделение варниц и труб тоже не по правилам межеванья. Впрочем, этих правил и применить сюда невозможно. Село Лёнва гораздо хуже обстроено, нежели Новое-Усолье: дома в нем, хотя большие, но старые; зато планированы лучше Нового-Усолья. Возле Лёнвы есть канал, о котором я говорил уже... Горный город Дедюхин находится в версте от Лёнвы, вверх по течению Камы.

Напротив Дедюхина, над Камою, возвышается крутая гора, по скату которой кое-где попадаются великолепные кедры. Вершина ее опущена кустарником. Эта гора и деревня, стоящая на ней, называются Камень. Повыше этого Камня вы замечаете большое село, расположенное по скату горы, с двумя церквями, но без облаков дыма; следовательно, это не завод, не соляные промыслы. Это остатки славного во время уно Пыскорского монастыря и Пыскорского медеплавильного завода. Пыскорский монастырь основан в 1570 году Аникою Федоровичем Строгоновым, который и сам был в нем монахом под именем Иоасафа. Основатель монастыря обогатил его пожертвованием Дедюхинского и Березниковских соляных промыслов. От этих промыслов он получал огромные доходы и вскоре сделался одним из богатейших монастырей русских. При учреждении монастырских штатов соляные промыслы, ему принадлежавшие, были взяты в казну. Монастырь начал клониться к упадку; находясь в таком месте, в котором он не мог

иметь постоянных доходов, он не имел способов поддерживать свое существование. Правительство в 1775 году перевело его в Соликамск на место уничтоженного там еще в 1764 году монастыря Вознесенского. В 1781 году из Соликамска он был переведен в Пермь.

Пыскорский медеплавильный завод построен был в царствование императора Петра Великого и принадлежит казне. Это был первый медеплавильный завод, устроенный в стране этой. Вскоре он был закрыт по причине слабости руд.

Близ Пыскорского монастыря находился Канкор, построенный Строгоновым в первые годы его в этих странах поселения (прежде 1558). [С. 548] Надобно полагать, что на этом месте до прибытия Строгоновых находилось или селение туземцев, или одно из тех «селищ чудских пустых и заросших», которых так много в Пермской губернии и о которых упоминается в грамотах, данных Строгоновым. В этом уверяет меня самое название «Канкор», или «Кам-кар», или «Камгор», или, наконец, «Камгорд», как встречается оно в разных списках. Это чисто пермячское слово: Камгорд значит слово *дом на Каме*, Камкар – *жилье на Каме*. Есть также и предание, что тут было чудское городище. Теперь же имени Кам-кор в народе вы не услышите – осталась только речка Камкорка. Карамзин говорит, будто Камкор был основан близ устья Чушвай; это совершенно несправедливо. Здесь он сам противоречит словам своим: «основали... Камкор на мысу Пыскорском, где был монастырь Всемиловитового Спаса». Это, как видно, говорится именно о Пыскорском монастыре, который никогда не был на устье Чусовой. Сверх того, не Камкор основан там, где был монастырь, а монастырь там, где был Камкор. Городок построен ранее 1558, а монастырь уже в 1570 г.

Мы решились отправиться в Соликамск. Дорога идет лесом почти до самого города. Природа однообразна: этот лес, весь состоящий из хвойных деревьев, смотрит так мрачно, так грустно. Мне показалось бы, что я где-нибудь в отдаленном севере, на берегах Печоры, в соседстве с дикими вогулами и оленями, если бы прекрасная гальковая дорога и покойный экипаж беспрестанно не уверяли меня в противном. Изредка нам попадались кедры, эти красавцы северной природы; горделиво раскинув свои пышные ветви, они будто величались красотой своей пред окружающими их пирамидальными тонкими елями. Шумом, похожим на шум отдаленного водопада, они будто звали нас, утомленных жаром полудня, под гу-

стую тень свою. Чрез два с половиной часа после отъезда из Нового-Усоля мы были у Соликамска. Этот город расположен в ложбине, по которой протекает неширокая река Усолка, и его нельзя видеть издали: тогда только явятся глазам вашим его старинные церкви и старые, полуразвалившиеся дома, когда вы будете почти в самом городе. Кама в семи верстах – ее не видно.

За Соликамском начинается огромная и вместе с тем отлогая возвышенность, совершенно покрытая лесом и представляющаяся настоящею пустынею. Эта синеватая полоса отдаленного леса, сливающаяся в одно с синевой неба, кажется завесой, заграждающею смелому человеку путь в отдаленный север, еще девственный, еще не измятый его суетною стопою, еще не зараженный его дыханием. И точно, кроме дороги в Чердынь и немногого числа деревень близ этой дороги, все мертво в этой пустыне. Но все-таки далек еще от Соликамска тот девственный север, в котором редко бывает и стопа вогула, этого [с. 549] властелина лесов северных, в котором, разве изредка, гоняясь за сохатым, промчится на лыжах своих этот дикий сын дикой пустыни, или зароется в сугроб, чтоб отдохнуть от суточных трудов своих.

Соликамск расположен по обеим сторонам реки Усолки, впадающей в Каму. Берега этой реки низменны и ровны; весною вода выходит из берегов, и потому находящиеся близ реки дома много терпят от наводнения. Семь мостов, устроенных чрез Усолку, соединяют одну часть города с другою. Строение почти все старое, обветшалое; на всяком шагу заметно бывшее величие этого города: большие церкви, большие каменные дома стоят на берегах Усолки и видимо разрушаются. Город не улучшается, а с каждым годом падает более и более. Соликамск основан ранее половины XVI столетия промышленниками сольвычегодскими, тотемскими и балахонскими, нашедшими в этой стране богатые соляные ключи. Город после основания его быстро начал распространяться и улучшаться; в 1579 году, когда описывал его писец Иван Яхонтов, было в нем уже 190 домов, 26 лавок, 16 соляных варниц, но посадских людей немного – только 201 человек.

Вскоре в окрестностях Соликамска явились богатые выходцы из Соли-Вычегодской Строгоновы и, получив от государя много земли, завели на ней соляные промыслы и городки для защиты от соседних народов: татар, башкиров, вогулов и пр. К ним-то в Орел явился волжский удалец, донской казак Ермак Тимофеевич с предложением воевать беспокойных соседей их. Строгоновы согласились, дали ему

вспоможение, и волжский разбойник сделался покорителем царства Сибирского. Но в то время, как он еще не дошел до гор Уральских, нашла гроза на Соликамск и его окрестности. 1581 года, в самый Новый год (1-го сент.), пелымский князь Кихек, собрав 700 человек войска, призвав на помощь разных мурз и уланов сибирской земли и взяв с собой неволею татар сылвенских, иренских, косвенских, инвенских и обвинских, остяков и вогуличей, вотяков и башкирцев, бросился на Чердынь и едва не взял ее; оттуда пошел на Кай-городок, а отсюда в Соликамск. Соликамский посад был сожжен, множество людей погибло при этом случае; окрестные селения, а также Канкор, Кергедан, Чусовские городки, Яйвенский и Сылвенский острожки – все сделалось добычею Кихека. Соликамск лишился многих жителей, но вскоре новая жизнь возникла в опустошенном городе, и он скоро сделался одним из богатейших городов Руси: причиною этого была перемена сибирской дороги, что случилось в 1595 г.

Когда Сибирь была подчинена России совершенно, тогда русские купцы начали отправляться в это «золотое дно» за мехами драгоценными и другими произведениями сибирскими. Из Москвы купцы ездили на Вычегду, а оттуда в Верхотурье через Чердынь: прямого пути не было. Путь из Сольвычегодска в Чердынь чрез Кай-городок и [с. 550] Соликамск был удобнее, но очень многие купцы пускались в Чердынь другою, кратчайшею дорогою – берегами Вычегды и потом чрез леса на Каму. Таким образом Соликамск оставался в стороне и не пользовался от сибирской дороги никакими выгодами. Вскоре путь московский изменился: стали ездить чрез Нижний, Казань и Вятку в Чердынь – тут Соликамска нельзя было миновать. Но все-таки он не был главным складочным местом по сибирской дороге, все-таки Пермь-Великая отнимала у него выгоды. Наконец, вследствие жалоб купцов на дальность дороги, царь Феодор Иоаннович приказал «провесть» новый путь прямо из Соликамска в Верхотурье. В 1595 году проведаль его верх-усольский крестьянин Артюшка Бабинов, за что царь пожаловал его грамотою безданною и беспошлинною. Новая дорога была гораздо короче: вместо 2.500 верст, как было прежде, теперь вышло только 250 верст. Когда открыта была эта дорога, все промышленники стали ездить чрез Соликамск, и город начал богатеть. Но и тут сделалось то же, что почти везде делается в подобных случаях: богатеть начали богатые, а бедные – посадские и крестьяне – еще более разорялись. Они теперь должны были исправлять новые повинности: во-

зять царскую казну сибирскую, быть у сибирских запасов, поправлять дорогу и мосты, держать ямскую гоньбу и сверх того платить еще особые деньги. Все это вынуждало громкий ропот простолюдинов соликамских; жалобы их доходили до царя, и – то смягчаемы были налоги их, то увеличиваемы еще более. Такое время было тогда – время смутных царствований Годунова, Самозванца и Шуйского. Сверх того, временные перекоры соликамцев с вычегодцами, чердынцами, кайгородцами и вятчанами о ямской гоньбе вовлекли их в беспрестанные тяжбы. Все эти неустройства кончились не ранее 1660 года. До этого времени «наймы у них были дороги, потому что волоки гористы, а стройного яму не было, гоняли ямскую гоньбу миром от Соли-Камския на четыре стороны, зимою и летом, до Казани и до Соли-Вычегодской, и до Верхотурья, и до Кай-городка, и исходило у них на ямскую гоньбу с сохи тысячи по полутори и больше». В 1660 г. царь Алексей Михайлович приказал уже казенные вещи возить на наемных подводах.

В смутные времена начала XVII столетия жители Соли-Камской отличались преданностью законной власти. В 1608 году они опустили в Вологду рати своей вдвое более обыкновенного, тогда как соседи их пермичи и кайгородцы не делали этого. За это усердие к пользам царя Василия Ивановича Шуйского, они получили от него в 1609 году грамоту, которою сложено было с них взыскание денег, занятых ими из казны для найма ратников, и постановлено, чтобы они пользовались одинаковыми правами с пермичами и кайгородцами. В 1609 году на вызов нижегородцев идти к Москве для изгнания «воровских людей», они немедленно согласились исполнить это. [С. 551] Потом, когда вычегодцы звали их вместе с пермичами и кайгородцами на помощь Ярославлю, – они отправились и участвовали в поражении Лисовского и приверженцев Лжедмитрия II под Ярославлем. Кроме того, они беспрестанно посылали на ратное дело денежные вспоможения и участвовали в усмирении бунта в Вятской области (1609 г.). За такое усердие их Василий Иванович освободил их от платежа по 50 рублей с сохи на наем немецких ратных людей. Когда пришла к ним крестоцеловальная грамота «о бытии со всею землею в любви и в совете, и в соединении, и против врагов, разорителей веры христианския, польских и литовских людей со всею землею стояти за один и идти в сход под Москву к боярам, и к воеводам, и ко всей земле московского государства, московское государство очищать» – они с радостью приняли по ней присягу и отправили рать, которая участвовала в освобождении Руси от иноплеменников...

Соликамск вместе с Кай-городом, зависел в XVI и XVII столетиях от воевод чердынских. Впрочем, известно, что в 1622 году были там воеводы особые: Воин Корсаков и Василий Сеянов; но потом, в 1637 году, великопермский воевода Комынин называется и соликамским; бывший же перед ним воеводою Телегин не заведывал Соликамском. Между тем город увеличивался более и более: промышленность развивалась, торговля распространялась. В 1623 году, когда Соликамск был описываем Иваном Кайсаровым, считалось уже в нем 333 двора посадских, 24 бобыльских, 20 нищих келий и 12 пустых дворов, 620 человек людей, 59 лавок и 37 варниц. А в 1678 г. в нем уже считалось 465 домов. Соляное производство распространялось более и более, торговля тоже процветала в Соликамске. Жители его торговали с гостями иностранными в Архангельске, в Кяхте, в Якутске. В 1699 году Петром Великим пожалован был ковш серебряный Андреяну Жданову за то, что он, торгуя в Кяхте, принес важную пользу казне *у вина, у карт и у мены соболей*. Соликамск с 1682 года вместе с Чердынью находился под ведомством казанского приказа; потом, в 1719 году, был приписан к Вятской провинции, а в 1724 сам сделан был провинциальным городом Казанской губернии и имел в зависимости своей Чердынь и Кунгур; в 1737 провинциальное ведомство перенесено было из него в Кунгур, а в 1781, когда учреждено было Пермское наместничество, присоединен к нему в качестве уездного города.

Последнее время пред открытием наместничества было временем самого цветущего состояния Соликамска. Он находился на главной сибирской дороге и обогащался от обширной своей торговли; в 1770 году в нем было 1354 купца, по известию Чулкова. Когда же при основании Перми сибирская дорога была назначена новая, тогда [с. 552] Соликамск, равно как и другие, некогда богатейшие города северной части Пермской губернии, быстро начал клониться к упадку. Капиталы были переведены в другие города, купцы оставили Соликамск, и этот некогда великолепный город превратился ныне в полуразрушенное селение, в котором остались только некоторые следы его бывшего богатства.

В Соликамске десять церквей; все они носят на себе признаки старины. Вот о них некоторые известия, которые удалось мне собрать во время моего короткого пребывания в Соликамске:

1) Троицкий летний собор, находящейся близ Усолки, на главной площади города. Архитектура его старинная, подходящая более ко вкусу венецианскому, нежели к византийскому. В первый раз упоминается об

этом соборе в 1557 году, когда он сгорел от молнии; потом он сгорел в другой раз в 1635 году; в 1688 году пристроен к нему придел во имя Иоанна Предтечи, но на следующий год он в третий раз был истреблен огнем. В том же году он был снова заложен и выстроен к 1697 году на счет государственной казны из тамошних (соликамских) *усольских, таможенных и кабацких доходов*. Постройка его стоила в то время *двести* рублей. После этого он был поврежден от пожара в 1713 году и, поправленный в 1741, стоит до сих пор в том же виде. В знак того, что он построен на казенный счет, на южной стороне вставлен в стену небольшой, гончарной работы, российский герб. Внутри церковь довольна сумрачна. В этом соборе нам показали образ св. Николая Чудотворца весьма древней работы. Предание говорит, что в то самое время, когда царь Иван Васильевич находился с войском своим под Казанью, ногайские татары сделали набег на пермские земли. Соликамск находился в большой опасности, и жители его послали гонцов под Казань к царю с просьбою о помощи. Посланные прибыли в стан русский в то самое время, как подкопы были уже сделаны, и все с часа на час дожидались нападения на крепость казанскую. Царю нужно было войско, и он не мог послать помощи жителям осаждаемого Соликамска. Вместо рати он дал посланным эту икону и свою грамоту, поручая город их заступлению святителя. Предание молчит, избавился ли Соликамск от неприятелей, летописи молчат и о самом нашествии татар на этот город. Но как бы то ни было, до сих пор хранится в соборе этот образ, до сих пор все соликамцы имеют к нему большое почтение. О грамоте говорят, что она хранилась в этом же соборе, но сгорела в 1743 году. Важная потеря!

2) Крестовоздвиженский зимний собор стоит ближе к Усолке, готической архитектуры. Построен в 1730 году. В нем есть некоторые образы с богатыми венцами, сделанными из финифти. Между соборами Троицким и Крестовоздвиженским находится высокая старинная колокольня. Она устроена на большом трехэтажном доме, в котором помещаются [с. 553] магистрат, городская дума и духовное правление. Самая колокольня сделана с верхом в виде шатра. Наверху высокий шпиг с флюгером. Колокольня совсем отделена от обоих соборов.

3) Церковь Преображения Господня находится в северо-восточном крае города. Первоначально она была построена в 1687 г. при существовавшем уже на этом месте девичьем монастыре, иждивением вдовы Евдокии Никифоровны Щепоткиной; но во время пожара

1688 года церковь эта сгорела и вновь была построена уже в 1692. Из находящихся теперь церковей соликамских Преображенская всех древнее. Подле нее находится зимняя церковь Покрова Пресвятой Богородицы, построенная в 1702 году. Прежде она принадлежала к девичьему монастырю, который в 1764 году переведен отсюда в Уфу и известен ныне под именем Крестовоздвиженского.

4) Церковь Богоявления находится между Преображенскою и Соборною. Стиль архитектуры ее очень древний; массивные колонны внутри, двери низкие, устройство трапезы, иконостас – все это носит признаки неподдельной старины. В таком виде, как она находится теперь, устроена она в 1695 году. Она в два яруса; на верхней паперти сделаны с двух сторон во всю стену окна, в которых вместо стекол вставлена слюда – признак глубокой старины. Оклады икон, находящихся в этой церкви, очень богаты.

5) Воскресенская церковь находится близ самых соборов. Она построена на этом месте в 1713 году на месте бывшей тут деревянной церкви.

6) Церковь Нерукотворенного Спаса находится от соборов вниз по течению Усолки. Когда она построена – неизвестно, но надобно полагать, что не прежде конца XVII столетия. Стиль архитектуры ее древний, ближе подходящий к стилю византийскому. Ризница ее чрезвычайно богата: в приходе ее жили в старину главные богачи соликамские, которых огромные дома близ этой церкви до сих пор разрушаются временем. В ней также много образов, странных по своему устройству: они не четырехугольной формы, как делаются обыкновенно, а сердцеобразной, и притом складные. На всех почти из них венцы сделаны из финифти. При этой церкви находится зимняя церковь во имя архистратига Михаила, освященная в 1725 г. Говорят, тут прежде был монастырь: это несколько доказывается обширной оградой, которою обнесена Спасская церковь.

7) На кладбище церковь во имя Жен Мироносиц, построенная в 1780 году богатейшим из соликамских солепромышленников Максимом Суровцевым.

В Соликамске, при самом начале его, устроен был на реке Усолке монастырь Вознесенский, который был потом перестроен в 1608 году. Монастырь этот был довольно богат: до учреждения штатов за ним считалось 645 душ. При учреждении штатов он был упразднен, а в 1775 году на место его переведен был монастырь Пыскорский. Пыс-

корский монастырь находился здесь до 1781 г.; [с. 554] когда основана была Пермь, он был переведен в этот новый город и назначен для жительства епархиального архиерея. В Соликамск же на место его переведен из села Истобенского, находящегося на реке Вятке, в Вятской губернии. Этот Вознесенский Истобенский монастырь существует в Соликамске и до сих пор. В нем только один архимандрит и четыре монаха. Церковь старинная, но замечательного в ней ничего нет. Из часовен, находящихся в Соликамске, одна, находящаяся близ кладбища, заслуживает внимания любопытных. Она, как говорят, основана еще в половине XVI столетия и до сих пор существует без малейшей переделки. Другое предание говорит, что она построена несколько позже, именно в 1582 году, на том месте, где были погребены соликамцы, убитые во время осады города Кихеком...

Укреплений, ни древних, ни новых нет в Соликамске. Находившийся на горе «старинный рубленый деревянный городок с башнями и со многим другим строением» сгорел еще в 1672 году. Теперь не только нет следов его, но я даже не мог ни от кого узнать и места, где находился он. В Соликамском уездном суде находится, впрочем, очень много старинных бумаг и грамот, писанных в разное время к воеводам Великой-Перми и Соли-Камской. Несмотря на частые пожары, опустошавшие Соликамск, успели спасти эти драгоценные памятники до нашего времени. Древнейшие из них относятся к началу XVII столетия. Чтобы показать, как много в Соликамске древних актов и как любопытны эти акты, довольно заметить, что в «Актах Археологической Экспедиции» помещено их 184 (более, нежели из другого какого-нибудь места). В магистрате между другими древними актами, замечательны: «Книга Сошного Письма города Камского, составленная писцом Яхонтовым в 1579 году» и «Писцовая книга Кайсарова», относящаяся к 1623 году.

Дорога от Соликамска к Усолью идет лесом, прямо, почти без малейших изгибов. Двумя черными стенами тянулся лес перед нами, редко прерывались эти стены. Иногда только попадались нам то ложбина, покрытая болотами, то обгорелые деревья во время последних лесных пожаров.

Едва скрылось из глаз наших Новое-Усолье, как мы увидели на правом берегу деревню Гурдино, принадлежащую гр. Строгонову и заключающую в себе 25 домов. Жители ее работают на новоусольских варницах. В этой деревне находится самая глубокая росолоизвлека-

тельная труба и устроена пильная мельница на две рамы. Берега живописны. Что ни поворот катера, то новый пейзаж. Полдень. Солнце чуть-чуть не с самого зенита бросает раскаленные лучи свои, которые, скользя по воде, золотят ее. Поверхность Камы покрыта всеми возможными переливами света лазури и зелени, отражающейся у берегов. Но вот гора, которая издали кажется, будто выдалась в Каму, а теперь движется постепенно назад, прижимается [с. 555] к берегу. Поворот катера, несколько ударов веслами – и она уже стоит вровень с остальным берегом. За нею открылась ложбина и там небольшое село с каменной небольшой церковью.

– Вот Орел-город, – сказал мне мой спутник, – вот прежде бывшая столица Строгоновых. Здесь жил Аника до своего пострижения. Сюда пришел Ермак с просьбою о помощи; отсюда отправился он на покорение царства Сибирского; около этих мест был Кергедан.

Так вот Орел, – думал я. – Сколько исторических воспоминаний! Так вот это селение, 300 лет тому назад построенное в стране лесов и болот, в стране, которую давно уже оставили люди с гражданственностью.

Вот семья населения здешнего края, которое, вырастивши столько заводов, столько богатых селений, само так незначительно, так невидимо! Посмотрите: церковь очень обыкновенная; десятка три крестьянских домов самой обыкновенной физиономии – и только. Где же палаты владетеля пермского края? Где крепость, построенная от набегов диких соседей? Где первые варницы, заведенные здесь? – Ничего нет. Где памятники старины? – Их нет: они исчезли, погребены во времени, и если бы не история, никто бы не догадался, что это маленькое село Орел есть тот Орел-город, о котором столько преданий и исторических, и неисторических носится до сих пор в народе.

...Жители Орла приписаны к соляным промыслам, но так как село их довольно далеко от Нового-Усоля (восемь верст), то они употребляются на доставку соли в Пермь и Нижний. Летом в Орле остаются только женщины, старики и дети; все прочие уходят на ладьях. Место, где находится Орел, называется также орловским волоком; на этом-то волоке построен был Кергедан. Проехав четыре версты от Орла, мы увидели село Таман, принадлежащее графу Строгонову. От Тамана на низ пойдут горы, каких не видели мы от самой горы Пыскорской. В этих горах находится медная руда – главная порода в них песчаный камень, проникнутый медною рудою. Этот песчаный камень гораздо плотнее и зерна его гораздо крупнее в сравнении с песчаным камнем,

находящимся в рудниках Мотовилихинского, Юговского и других прикамских медеплавильных заводов. Притом самая руда более встречается так называемыми *гнездами*, нежели ровными пластами. Попадались и самородная медь в так называемом *тонко-налетном виде*, в камнях известковой породы, которые были проникнуты частицами меди, и наконец в виде *агрегатов*, которые простой народ называет *куреть*. Самородки и агрегаты составляют главное отличие руды этих гор от той, которая находится ниже по Каме. В Тамане в 1726 году по открытии здесь медных руд устроен был медеплавильный завод по указу главного правителя казанских и сибирских горных заводов, майора Дегеннина. Но он в 1774 году был закрыт по недостатку руд. Строение заводское уже давно совершенно [с. 556] разрушилось. Жители Тамана причислены к промыслам, но исправляют только внешние работы, т.е. смотрят за уборкой полей, приплавливают из магазинов дрова и т.п. Потом мы проехали мимо деревни Усть-Кондас; она стоит на устьях речки Кондас. Может быть, на этом месте было какое-нибудь поселение древнейших поселенцев этого края. Кон по-пермячски значит *ставка, шатер*, дас – *десять*; Кондас – *десять шатров*.

Мы миновали деревню Быструю, с которой начинается владение Всеволожского, село Городище, и пристали у перевоза в Питере. Лошади уже дожидались нас, и мы тотчас же отправились в Пожвенский завод, до которого оставалось только десять верст. К вечеру мы доехали до этого завода. Пожвенский или Пужевский завод находится на реке Пожеве, которая впадает в Каму. Он принадлежит г-ну Всеволожскому и замечателен по своему устройству. Везде действует пар; машины так хороши, удобны. Сперва заведена была здесь термолампа, но после того, как от нее произошел пожар, ее оставили. Этот завод основан в 1756 году по указу Государственной Берг-Коллегии на землях, купленных у баронов Строгоновых. В 1777 году в нем находилось уже две фабрики с восемью медеплавильными печами; руды медные доставлялись с близлежащих рудников; ежегодно добывали до 290 пудов чистой меди. Впрочем, вскоре этот медеплавильный завод был закрыт: по близости находившиеся руды истощились, и владелец завода почел лучшим завести завод железоплавильный, потому что железную руду удобнее можно было доставлять, нежели медную, несмотря на то, что она находилась в отдаленных Кизеловских дачах. Из Кизеловских дач можно приплавливать ее по реке Яйве, а медную руду надобно было бы возить сухим путем чрез значительное расстояние. В 1794 году построены были

две доменные печи для проплавки руды железной, а вскоре после этого пятнадцать кричных молотов и тридцать горнов для превращения руды в железо. Через шесть лет после этого, в 1800 году, здесь уже выплавлялось чугуна от 117.000 до 177.000 пудов и выковывалось железа от 83.000 до 120.000 пудов. Сверх этого тут же устроены были фабрики якорная, слесарная, кузнечная, на которых приготавливались разного рода поделки для производства соли на Новоусольских промыслах и для отправки ее водою. В то время еще была в Усолье и Всеволожского часть. Устроена была также *плющильня* или *катальня* для производства листового железа, которое однако не шло в продажу, а употреблялось только на црени в соляных промыслах. Кроме того, были разрезная фабрика, устроенная для разрезывания полосового железа на сортовое, и проволочная. При заводе тогда считалось 1646 человек мастеровых и 876 крепостных. После того Пожвенский завод пришел было в упадок, но в последние годы поднялся и теперь занимает первое место из всех [с. 557] камских заводов по чистоте отделки вещей, на нем делаемых, по машинам, по прекрасному разделению труда *сил естественных* (*des agents naturels*) и пр.

В этом заводе находится одна доменная печь и семь кричных горнов. Руда привозится из Кизеловских дач весною, в то время как Яйва разливается, а известь с Луневских гор, находящихся, как я уже говорил, около Полазнинского завода. Расстояние до Кизеловских дач 140 верст, а до Луневской горы 120. Известь возят летом Камою. Выпуск чугуна бывает два раза в сутки, каждый раз выпускается до 300 пудов. Для каждого выпуска потребно сорок коробов или сто шестьдесят маленок угля. На Пожвенском заводе ежегодно добывается чугуна более 100.000 пудов, а железа 85.000. Для производства железодельных работ устроена паровая машина в 36 сил, и в то время как мы были на этом заводе, устраивали еще другую в 12 сил.

К заводу этому принадлежит 114.000 десятин земли и 2.000 душ крестьян. Кроме разных поделок и машин, здесь делают прекрасные ножи, ножницы, которые однако далеко уступают завьяловским, также различные сельские орудия: косы, топоры, серпы и прочее. Но главное производство состоит в приготовлении полосового, листового и сортового железа, которое частью продается в Пермской и Вятской губерниях, частью отправляется водою на Нижегородскую ярмарку. Устраивают также разные машины. Сказывали, что в прошедшем (1841) году устроен был здесь и отправлен в Петербург паровоз «Пермяк».

На близ лежащем от Пожвенского завода Елизаветопожвенском заводе, устроенном на той же реке Пожеве в 1798 году и имеющем в себе четыре кричные горна, получается железа полосового, сортового и листового до 50.000 пудов в год. Оба эти завода имеют 104.300 десятин леса, из которого жгут уголь. Впрочем, здесь заботятся и об отыскании каменного угля. Еще в 1820 году в Кизеловских дачах Лазаревых и Всеволожского был найден каменный уголь. Тогда в одну весну на берегу Косвы и близ Губахинской пристани было добыто его до 7.000 пудов на глубине 5 сажен. Он найден хорошим и весьма удобным для производства работ, но по незнанию как обрабатывать и как употреблять его, добывание его было остановлено. После того находили еще в разных местах около Кизеловских дач каменный уголь, испытывали его, разлагали, но не ввели в употребление.

VI

Дорога к Чермозскому заводу. – Пермь. – Чермозский завод

...Ночь была прелестная. Я не назову ее итальянскою, нет, в изнеженной Италии не знают таких ночей. Это была ночь севера, [с. 558] ночь, прекрасная по-своему, очаровательная только для питомца снегов и морозов. Несмотря на то, что это было в конце июля месяца, холод постепенно увеличивался и заставил меня прикутаться. Я прилег: тихое качанье долгуши, монотонный звон колокольчика и холод клонили меня ко сну. Я начал засыпать, вдруг слышу: молчаливый до тех пор ямщик наш звонким голосом запел заунывно:

*Аэ да мамё озь любитё,
Соэ да вонё озь радэйтё –
Боста мэ, боста нопь сё,
Боста мэ, боста бёдь сё,
Муна мэ, муна кузь туй кузя,
Воа мэ, воа сёдь вёршэрё,
Вашка мэ, вашка ыжить кёзь сё,
Кая мэ, кая ыжить кёзь вылызь,
Визета мэ, визета ыжить вонёзь.*

То есть:

*Отец и мать не любят,
Сестра и брат не уважают (меня) –
Возьму я, возьму котомочку,*

*Возьму я, возьму дубиночку.
Пойду я, пойду по долгой дороге,
Буду я, буду в черном лесу,
Ударю я, ударю в большую елку,
Взлезу я, взлезу на верхушку елки,
Увижу я, увижу я большого брата.*

– Что это за тарабарская песня? – спросил меня мой путевой товарищ. – Если я не ошибаюсь, так этот ямщик вязниковец и пел офеньскую песню.

– Не думаю, – отвечал я: – язык офеньский составлен по формам русского, а в его песне грамматика, кажется, своя... Ты не русский? – спросил я певца.

– Пермяк, батюшка.

Прекрасно! Так вот пермяцкий язык, а я слышал от многих, что пермяки забыли язык свой и говорят по-русски. Принять к сведению и на станции попросить его, чтобы он продиктовал свою песню! Теперь же не до расспросов – ветер свежел, и мне становилось очень холодно. Я укутался сколько было возможно и, дрожа всем телом, засыпал под шум леса, под звон колокольчика и под звуки пермяцкой песни.

[...]

[С. 559] ...Конца песни я не слышал: сон одолел меня... Я не слышал, как переехали мы чрез Иньву, которая протекает в 15 верстах от Пожвенского завода. Пред нами в большой ложбине показался Чермозский завод. Какое большое селение!

Мы остановились на отводной квартире и в то время как начали пить чай, я послал за извозчиком-пермяком, который так заинтересовал меня своими песнями – *силанами*, как говорил он.

– Нет ли у вас каких-нибудь сказок? – спросил я пермяка.

– Как не быть сказка, – есть *вистасем*.

– Что такое вистасем?

– Ну – русская сказка, а наша пермяцка – вистасем.

– Говори же, говори поскорее, скажи нам самую лучшую, какую у вас рассказывают.

Пермяк начал...

[...]

[С. 560] ...Пермяки называют себя гоми-утюр, или коми-утир, то есть камскими людьми. Отчего они называются пермяками, об этом было много толков. В Пермской губернии есть предание, что это имя получили они от богатыря своего Пери, – предание, не имеющее вероятия. Говорят, будто этот Перя жил во времена Иоанна Васильевича Грозного, будто силою своею славился между единоплеменниками, будто жил он на Каме, верст пятьдесят повыше нынешнего села Гайна. Прибавляют, что этот Перя показал ближайшую дорогу в Сибирь одному русскому промышленнику и снабдил его съестными припасами на дальний путь; что этот промышленник, возвратясь в Русь, стал рассказывать соотчикам о силе и добродушии богатыря пермяцкого, что весть об этом достигла до Москвы, и царь сам захотел видеть Перю-богатыря. Посланы были за ним посланцы; явился Перя ко двору царскому, удивил царя и бояр своею силою необычайною. Грозный дал ему сети шелковые для ловли соболей и грамоту несудимую за собственною подписью. Принес Перя свою грамоту на родину; но воеводы великопермские понаскучили тем, что дети и правнуки Пери ссылались часто на эту грамоту, и постарались истребить ее. Г. Лепёхин верит этому преданию и тому, что пермяки от Пери получили свое название. Вероятно, он не знал о норманнском названии этой страны – Биармия, и о новгородских грамотах, в которых гораздо ранее Иоанна Грозного встречается имя Перми; не знал и о том, что, когда пожалована была Печора фрязианам, тогда эти владельцы брали для себя подводы из Перми, со времен Иоанна Калиты, кажется, до конца царствования Дмитрия Донского. Предание, о котором сказал я, кажется, позднейшего сочинения и, вероятно, имело основанием открытие дороги Артюшкою Бабиновым, который получил за это грамоту безданную и беспошлинную. Н.С. Попов, составивший в 1804 году «Хозяйственное описание Пермской губернии», думает, что названия «пермяк» [с. 561] и «Пермь» произошли оттого, что новгородцы, узнав прежде небольшие пермяцкие селения, называвшиеся Перем или Пармы, лежавшие ближе к Новгороду, стали и всю страну называть Пермиею. Может быть, это и правда: подобные случаи нередки в истории. Но надобно вспомнить, что еще прежде русских норманнам было известно название Биармии и слово Пермия. Пермь есть искаженное слово Биармия, Биормия. Кажется, всего вероятнее следующая гипотеза: норманны делали иногда вторжения в государства финские, или чудские, основанные издревле на севере Европы и Азии особым племенем, вышедшим из Средней Азии; с этими же государствами

они вели и торговлю. Государств чудских было много на всем пространстве от Лапландии до гор Алтайских, но все они имели между собою общую связь. Эти норманны проникли и в общество коми-утиров, то есть камских финнов, имели там притоны, которых имя норманское до сих пор звучит в названиях некоторых деревень и сел пермячских. Норманны называли коми-утиров – *горцами*, а страну их *Горною*, *Биармия*, *Беормия*, *Бярмия* (от норманнского слова *baigr*, *beorg* – гора), потому что они жили у высоких гор Уральских. Впоследствии русские, слышав от дедов своих о Биармии, распространили на страну эту свое влияние и назвали ее Пермиею, исказив слово Биармия. Коми-утиры продолжают до сих пор называть себя коми-утирами, а название «пермяк» им столько же приличествует, как чеченцам название горец, как дейчерам название немец, и проч. т.п. У них даже нет слов близких к слову *Пермь*, разве только *пырема* – уходить, и *парма* – крест. Поэтому пермяки думают, что мы их зовем пермяками, переводя русское слово «крещеный». Г. Попов думает, что название это произошло от названия деревень, близких к землям новгородским и называвшимся Перма и т.п. В землях, близких к бывшим новгородским владениям, известна только зырянская волость Пермца, да еще Лузская-Пермца (в Вологодской губернии), упоминаемая не раз в древних грамотах – и только. А если и есть несколько селений, которых название похоже на название Пермь, так это в самой внутренности земли пермяков: село Пармы в Юрминской волости Чердынского уезда, село Перемское, о котором я упоминал уже, и др. Притом, кто поручится за тысячелетнюю давность этих деревень? Самая древняя из них, Пермца-Лузская, в первый раз упоминается только в 1590 году.

Но обращаюсь к пермякам. История их мало известна. Не распространяясь теперь о биармийцах, я скажу только, что пермские племена издавна находились в сношениях с Русью и особенно с Новгородом. Под именем Перми того времени не должно однакоже подразумевать одних пермяков, или коми-утиров, – нет, кроме этого племени, было еще несколько племен, и все они теперь называются общим племенем – Пермь, так же точно, как прежде назывались [с. 562] общим именем биармийцев. Нашествие монголов имело влияние и на этих народов, и в особенности на коми-утиров. Многие из биармийцев бежали: одни за горы Уральские, другие в Норвегию, где конунг Гакон принял их благосклонно. Коми-утиры, без сомнения, не ходили в Норвегию; Уральские горы, пустынные степи печорские были ближе к ним. Во время Дмитрия Иоан-

новича Донского Стефан Храп просветил их крещением. Но не пермяков крестил он, а зырянам проповедовал, на их язык переводил св. писание, в их земле проповедовал он. Усть-Вымен, Старая-Пермь – все это в зырянской земле. Учение христианское проникло однако и к коми-утирам. Коми-утиры зависели издавна от великих князей и управлялись вместе с Кегролюю, Чакалою, Немьюгою и жителями у Пильих гор государевыми наместниками. Новгородцы всячески старались подчинить их себе, выгоняли не раз наместников великокняжеских и, наконец, около 1470 года совершенно их «за себя привели».

Москвитяне продолжали торговать с Пермью, которая в это время имела уже средоточием своим берега Камы и Колвы, где находились Пермь-Великая, Искор, Урос и другие города, где владели князья христианские в зависимости от Новгорода, и где главное народонаселение состояло из коми-утиров. В 1472 году несколько москвитян было обижено в Перми-Великой; Иоанн, желая отнять у новгородцев эту область, богатую серебром какамским, отправил на берега Колвы войско под предводительством князя Феодора Пёстрога. Пёстрый взял Искор и другие укрепленные места пермские, а воевода Нелидов завладел Уросом, осадил самую Пермь и вскоре взял ее. Князь пермский Михаил был взят в плен; коми-утиры покорились Иоанну. Между вещами, посланными из Перми ко двору Иоанна, упоминаются 29 поставов сукна немецкого, три панцыря, шлем и две сабли булатные. Не ясное ли это доказательство, что потомки торговых биармийцев не забыли совсем торговли до времен Иоанновых?.. Князь Михаил был возвращен из Москвы на родину; он и потомки его владели землею пермскою в виде присяжников государя московского. Наместником великокняжеским назначен был князь Ковер, который поселился в Перми. Коми-утиры, вытесненные с берегов Колвы, остались только между Иньюю и Камою: прочие смешались с русскими, вогулами и пр. Жившие же выше по Колве уцелели до сих пор. В 1535 году на месте Великой-Перми построена была Чердынь, и эта Чердынь, называемая часто и Великою-Пермиею, была резиденцею наместников до XVIII столетия.

Теперь (1842) пермяки живут большею частью в стране между Камою и Иньюю; Юксеевская волость в Чердынском уезде вся населена пермяками. Они занимаются хлебопашеством, но плохо: неблагоприятная почва редко вознаграждает труды их. Ловят они зверей, но это не составляет их главного занятия; больше всего они занимаются [с. 563] рубкою леса и сплавою его к соляным промыслам. Это занятие не при-

носит им большого дохода, и потому они живут в крайней бедности. Они все христиане, и у них решительно незаметно никаких обрядов, оставшихся от времен язычества. Их считается более сорока тысяч. Они более и более смешиваются с русскими, но несмотря на это сохраняют язык свой, и хотя влияние русских на них чрезвычайно сильно, однако он держится между ними. Он сходен с вотяцким, но на чувашский и черемисский, на которые татарский имел влияние, не походит, отличен также и от языка вогулов, соседей их. Язык пермяцкий можно видеть из песен и сказки, помещенных в этой статье. Но для образчика вот еще несколько слов: Ен – Бог. Сон – сын. Зон – молодой человек. Нянь – хлеб. Сорнас – рубашка. Куль – дьявол. Анну – дочь. Ныл – девушка. Тичёр – рыба. Ви – огонь. Аэ – отец. Итшиня – тетка. Соэ – сестра. Пэль – ухо. Ва – вода. Мамё – мать. Инь – женщина. Ом – рот. Пизь – мука. Вер – лес. Употребляются и русские слова, например: баба, зипун, дядя, батюшка и пр. Пермяки народ кроткий, послушливый и добродушный. Они невысокого роста; волосы у них по большей части темно-рыжие. В отношении домоводства они, хотя живут хуже русских, но зато гораздо опрятнее вотяков, соседей своих. Умственное развитие у этого народа невысокое: они даже не умеют читать. Есть у них своя поэзия, которой образчики видели читатели – поэзия безыскусственная, грубая, или, лучше сказать, такая же незамысловатая, как и сама жизнь пермяков. В ней не выражается высоких чувств, да они и не знают их; посмотрите: у них даже нет слова «любить»...

Чермозский завод, принадлежащий ныне Лазаревым, находится на реке Большом-Чермозе в Соликамском уезде, на левом берегу реки Камы, верстах в 7-ми от этой реки. Он построен в 1761 году бароном Н.Г. Строгоновым на собственной земле его и назначен был для плавки меди; но так как доставка руд медных была затруднительна, а в соседних местах рудники были слабы, то завод переделали вскоре в железо-плавильный и железоделательный, находя, что подвоз руды и чугуна с Кизеловского завода и из Артемьевского рудника гораздо удобнее, нежели подвоз медной руды с близких окрестностей Уральского хребта. По разделу 1763 года Чермозский завод перешел во владение старшему сыну Н.Г. Строгонова, барону Г.Н. Строгонову, а от него наследникам его, генерал-майору барону А.Н. Строгонову и малолетнему барону

А.С. Строгонову. Ими в 1778 году, апреля 20-го, продан он был д.с.с. И.В.Лазареву, а от него перешел к его племянникам, нынешним его владельцам. В 1800 году в Чермозском заводе было доменных печей две, кричных горнов девять и восемнадцать молотов; [с. 564] выплавлялось чугуна в год 110.000 пудов, выковывалось разного сорта железа от 151.000 до 180.000 пудов. Мастеровых считалось 1.082 человека. В последние сорок лет Чермозский завод значительно улучшился и пришел в такое цветущее состояние, что ныне считается одним из первых железных заводов хребта Уральского; даже по количеству выковываемого железа он занимает теперь шестое место во всем Урале и седьмое по всей России: на нем выковывается более 1/43 всего количества железа, выковываемого в России. Дома в нем так опрятны, так хорошо выстроены, улицы так правильно планированы, что Чермозский завод покажется всякому лучше многих уездных городов.

Поздно ночью мы подъехали к низменным берегам Обвы, реки, знаменитой своими лошадьми, известными здесь под именем *обвенков*, а в остальной России под именем «вятских». Мы приехали в село Ильинское, в котором находится главное управление имения графини Строгоновой.

VII

Обва. – Биармийцы. – Ильинское. – Завод Добрянский

...Низменными, зеленым ковром зелени покрытыми берегами Обвы ехали мы в это прелестное июльское утро. Как живописны берега этой Обвы! Какие пленительные ландшафты представлялись со всех сторон глазам нашим! Смотря на них, любуясь ими, я не видал более пред собой суровой Пермии; мне казалось, что я там, далеко – на юге. Представьте себе реку довольно широкую: низкие берега ее покрыты свежей зеленью: сочная трава блестит алмазами росы утренней; вдали в разных местах виднеются возвышенности с мрачными пихтовыми рощами; ближе живописно разбросанные кустарники, а на самых берегах Обвы качаются гибкие ивы. Множество селений с своими белыми церквями рисуются на последнем плане. Леса нет, горизонт широко раскинулся. Обва тихо, неприметно катит струи свои. Это не уральская река: она не шумит *тулунами*, не мутится серым песком, не перекатывает на дне своем цветных галек; тихо, безмятежно извивается она по зеленым полям и медленно несет свои светлые струи в широкую, быструю, угрюмую Каму. Представьте себе эту картину, освещенную первыми лу-

чами июльского солнца: вспомните, что эта картина – среди лесных пустынь, близ необъятных тундр, и вы поймете всю прелесть природы обвенской... Обва, протекая по долине, богатой прекрасными лугами, получила название *луговой реки* – Ыб-ва. Она имеет свое верховье в северо-западном углу Оханского уезда, близ Вятской губернии, течет 193 версты и имеет ширины от 40 до 60 сажен и глубины от [с. 565] 1 до 6 аршин. Она очень тиха в сравнении с прочими реками камской системы; берега ее частью низки, частью полого-гористы. Обва – река сплавная; судоходна она только весною – от села Ильинского. Берега ее очень населены: в долине, которою течет она, находится более 1.600 селений. Берега этой реки в древности были населены коми-утирами и входили в состав так называемой Биармии. Доказательства этому: самое ее название и соседство с Масляной горой, на которой до сих пор цело чудское городище и около которой находят много старинных вещей, бесспорно принадлежавших *чудакам*. После того, как финское народонаселение истребилось в этом краю, берега обвенские заняли люди строгиновские и другие выходцы русские. Места пустые отдавались просившим их в полное владение с значительными льготами, о которых мы можем судить из хранящейся в Соликамском уездном суде царской грамоты в Пермь-Великую к чердынскому воеводе Остафьеву (писанной 1639 года марта 17). Те берега Обвы, которые составляют ныне Ильинскую волость, входили в состав Обвенского и Ильинского станов, приписанных к Чердыни еще в то время, «как Пермь в крещение приведена». Волость Ильинская исстари славилась плодородием земли и большими удобствами. Интересно читать в грамоте, писанной слишком двести лет тому назад, о выгодах страны приобвенской в сравнении с выгодами Чердыни. Крестьяне Обвенского и Ильинского станов исходатайствовали у царя Михаила Феодоровича указ о приписке их к Соли-Камской, к *льготному месту*, как говорили чердынцы.

Пермские-чердынские старосты и крестьяне упростили однако царя изменить указ и *велеть быть им с обвенцами попрежнему*. Это было в 1639 году. Вот что говорили пермичи об удобстве земель обвенских и о неудобствах своих земель:

«Они (обвенские крестьяне) перед нами живут в великой льготе, потому что изо многих мест к ним на Обву и на Иньву крестьяне селятся многие, и пашни у них великие, и место теплое, и *земли родимые*, и хлеб, и медь, и хмель у них рождаются по вся годы, а... у пермичей – место подкаменное, студеное, хлеб не родится, побивает мороз по вся годы...»

Так было за двести лет, так и теперь, кроме только того, что ныне на Обву не приходят переселенцы. А это потому, что *земель нет пустых* – большая редкость в Пермском краю.

Эти «земли родимые и место теплое» обратили на себя внимание великого просветителя земли русской. От зоркого глаза первого и гениального императора не укрылись удобства земли, удаленной от мест его подвигов. Он в 1702 году, пожаловав обвенские земли именитому человеку Г.Д. Строгонову, выписал туда с острова Эзеля лошадей, устроил на Обве завод и подарил его Строгонову. Этих лошадей развелось множество как здесь на Обве, так и в Вятской губернии. Они все небольшого роста, круглы станом, но отличаются [с. 566] крепостью и быстротою в бегах, и известны в Пермской губернии под именем *обвенки*, а в остальной России под именем *вятских*. По берегам Обвы жители занимаются и хлебопашеством довольно успешно, и потому здесь редко покупается сарапульский хлеб, которым снабжается северная часть Пермской губернии. Горных работ здесь нет, и потому-то здешние страны имеют свою особенную физиономию; здесь народ богаче, здоровее, воздух чище, самая природа смотрит как-то веселее. Так и должно быть...

...Мы приехали в село Ильинское, принадлежащее графине Строгоновой. Церковь в Ильинском построена только около ста лет тому назад; но несмотря на это, я заметил в ней два-три образа старинной работы. Называли их греческими подлинниками, но несправедливо: они принадлежат к тому разряду икон, который слывет под названиями *сибирского, устюжского, строгиновского, баронского*, и который имеет по большей части золотое поле. В Пермской губернии много таких образов, особенно в Соликамске и его окрестностях. Во время моего путешествия я встречал там не раз образа *новгородские старого письма*, но подлинных греческих не видал.

В Ильинском строится еще церковь старообрядческая. Раскол, некогда в большой силе господствовавший в Пермской губернии, благодаря ревности миссионеров и увеличения числа приходских училищ, почти совсем прекратился. Старообрядческие церкви составляют переход от раскола к чистому православию, от заблуждений к истине. Раскольников и старообрядцев в Пермской губернии называют *кержаками*. Употребляют и глагол *кержачить* – раскольничать. Это слово образовалось следующим образом. До Петра Великого в Пермском краю раскола не было. Но когда этот просветитель Руси нашелся вынужденным употребить меры строгие против отщепенцев от цер-

кви православной, тогда явился раскол и в здешней стороне. Обширные леса Керженские, находящиеся в Нижегородской губернии и принадлежавшие прежде великим княгиням, были населены во времена Петра закоренелыми раскольниками. Питирим, сперва игумен Николаевского Переяславль-Залесского монастыря, а потом епископ нижегородский и алатырский, ревностно занимался *равноапостольским делом* обращения раскольников и при самом начале своих увещаний обратил более 2.000 человек духовного и мирского чина. Но когда некоторые закоренелые изуверы не только что не слушали увещаний Питирима, но еще старались увеличить как можно более число своих единомышленников, тогда Петр Великий принужден был сослать некоторых *керженских* раскольников в Сибирь и Пермскую губернию. Но в числе этих сосланных был лжеучитель их Власов. Он и клеветы его рассеяли гибельные семена раскола по Сибири и по Пермской губернии. Петр Великий в бытность свою в Астрахани отменил приказание [с. 567] это, узнав о следствиях, и повелел раскольников керженских впредь ссылатъ в Рогервик. Но зло, занесенное в Сибирь, развилось и только в нынешнее время почти кончилось. Сначала раскольников звали в Пермской губернии пришедшими с реки Керженца – кержаками; впоследствии это слово превратилось в нарицательное, имеющее одинаковое значение со словом «раскольник».

Ильинское не завод, а просто село, и жизнь в нем отлична от заводской. На заводах и в Новом-Усолье мы не видали ни одной женской души: там женщины не выходят, кажется, из своих гинекеев; здесь, напротив, они были налицо, изукрашенные, разрисованные...

Мы отправились в Пермь. Переехав Каму, мы были в Добрянском заводе. Он принадлежит графине Строгоновой и существует с 1752 года. Производство на нем железодельное, для которого чугун поставляется с Билимбаевского завода, находящегося в Кунгурском уезде, близ Уральского хребта. Сплавляют его весной вниз по реке Чусовой и потом возят вверх по Каме до Добрянского завода. В этом заводе мастеровых считается до 950 человек, 13 кричных и других горнов, на которых вырабатывается полосового и сортового железа от 90 до 100 тысяч пудов. Прежде производилась здесь плавка меди, которую добывали в близлежащих рудниках, было три медеплавильных горна, и на них выплавлялось до 150 пудов штыковой меди. Это бедное производство оставлено, потому что не покрывало даже издержек, на него употребляемых.

Мы отправились из Полазнинского завода после обеда. Доехали мы до Чусовой и благополучно переправились через эту реку. Я не прощался с ней, надеясь видеть ее верховье, но, к сожалению, обстоятельства не позволили мне этого сделать...

Вот и Пермь раскинулась пред нами. Вид на этот город с Камы и с низменных мест, находящихся у подошвы горы Мотовилихинской, очень хорош. Большие каменные дома тянутся длинною линией по берегу Камы; над ними возвышаются церкви и монастырь; по левую сторону города высокая и крутая гора с своими мелкими кустарниками еще более увеличивает красоту ландшафта. Ближе ее, в ущелье рисуется Мотовилиха с облаками дыма над заводскими зданиями. Но вот мы приехали в Пермь – и где тот прекрасный ландшафт, которым издавека любовались мы? Те большие каменные дома, которые находятся по берегу Камы, стоят без рам, без окон, с провалившимися крышами, с обвалившейся штукатуркой; на улицах нечистота, дырявые тротуары, крапива по колени. Воля ваша, а Пермь как хороша снаружи, так незавидна внутри.

VIII.

Пермь. – Наружное устройство города. – Промышленность и торговля. – Жизнь в Перми. – Заключение

[С. 568] В „Вивлиофике“ Новикова есть статья о Пермской губернии – статья небольшая, заключающая в себе некоторые географические сведения об этом крае. В этой статье, писанной лет десять спустя после основания Перми, находится описание этого города. И статья не устарела! Пермь в продолжение пятидесяти лет почти нисколько не улучшилась, не распространилась. Если вам случилось видеть план Перми – не судите по нем об этом городе: это только проект, проект, который едва ли когда-нибудь приведется в исполнение. Почти половина улиц пермских существует лишь на плане. В Перми только 28 улиц и переулков. Улицы расположены параллельно с берегом Камы и соединяются одна с другою посредством параллельных переулков, пересекающих улицы под прямыми углами. На улицах выстроены дома на довольно большом расстоянии один от другого; в переулках же (исключая только двух) – нет ни одного дома. Поэтому с первого взгляда Пермь представляется городом обширным; но как скоро вы въедете во внутренность ее, увидите какую-то мертвенную пустоту.

В Перми только три церкви: одна в монастыре, другая соборная, третья приходская. Есть еще церкви – на кладбище, в больнице, в тюрем-

ном замке, в квартире епархиального архиерея и старообрядческая. О церкви в монастыре и ее мраморном иконостасе я уже говорил прежде; прибавлю здесь несколько слов об иконах, в ней находящихся. В холодной церкви они очень обыкновенны, но в теплой довольно замечательны: они строгоновского стиля и хотя не древни, но отличаются красотами неподражаемыми. Особенно хороша икона св. евангелиста Иоанна: в пурпуровой одежде этот святой, кажется, совсем выходит из золотого поля иконы. Вместе с этим достоинством живописи образ этот не лишен и достоинств иконописи. Какой-то ревнитель итальянской живописи, подправляя эти иконы, положил на лица святых румянец и этим, разумеется, испортил все дело. Церковь в доме епархиальных архиереев устроена недавно. В приходской церкви во имя пресвятой Богородицы я встретил несколько устюжского стиля образов довольно высокой работы. Мало-численность церквей в Перми заставила прихожан позаботиться о распространении этой церкви: выломали в ней стены, построили другие, оставя прежний купол, и увидели, что здание должно скоро развалиться. Не знаю, успели ли предупредить это несчастье. Так как в Перми много поляков, то в ней открыт католический костел. Особого здания для него, впрочем, не существует: он помещается в одном [с. 569] из больших каменных домов, находящихся на берегу Камы и с каждым часом более и более разрушающихся.

Город обстроен очень незавидно: каменных домов только 40, и из этого небольшого количества едва ли не 20 стоят пустыми. Большая часть их находится на берегу Камы, на самом видном и на самом лучшем месте города. Когда Пермь была основана, богатые владельцы окрестных имений и заводов построили по одному или по два дома в новом городе. Эти-то дома, принадлежащие гр. Строгонову, гр. Строгоновой, Лазаревым, Яковлеву, Демидовым, кн. Голицыным и проч., ни кем, кроме поверенных, не заняты и, пустые, с каждым годом более и более приходят в ветхость. В Перми встретите и такие каменные дома, которые, не быв еще достроены, развалились. Лучшее здание в Перми – Александровская больница; присутственные места и гимназия помещаются в домах посредственных, и, кроме этих домов, во всей Перми нет ни одного порядочного дома. Гостиный двор самого жалкого вида: он чрезвычайно сходен с казанским дегтярным рядом.

Мостовых в городе нет, и от этого некоторые пермские улицы в ненастное время решительно непроходимы: весною и летом во время дождей по главной площади обыкновенно протекает огромный ручей,

который часто бывает похож на порядочную речку. Деревянные тротуары не приносят никакой пользы: опасно ступить на них, потому что легко можно от этого переломить ногу. Фонарей на улицах в Перми не знали и не знают, и потому в осенние вечера пешеходам бывает довольно нелегко добираться до своих квартир. Летом в Перми площади и улицы обильно покрываются злаками, зимой снегом, счищать который не имеют обыкновения. Поэтому по обеим сторонам дорог образуются обыкновенно высокие снежные стены, а площади покрываются огромнейшими сугробами. Снегу бывает каждый год в здешней стороне очень много, и потому в Перми маленькие домики, находящиеся близ поля, решительно заносятся им: тогда-то на дворы их приезжают и приходят *не в ворота, а через ворота*.

Рассматривая Пермь в отношении промышленном, мы увидим, что и тут состояние этого города едва ли выгодно. Вся пермская промышленность ограничивается канатным производством на фабрике купца Смышляева и кожевенным – в десяти банях, присваивающих себе название заводов. Первое производство поддерживается единственно тем, что в Перми производится грузка сибирских товаров на суда для отправки в Нижний Новгород; вторым же более занимаются выходцы из Кунгура – этого города, в котором всякий житель непременно или кожевник, или сапожник. Торговля Перми также не в завидном положении. Она страдательная: вся находится в руках вязниковских ходебщиков, в [с. 570] руках офеней, поселяющихся в Перми на время – впредь до обогащения.

Вот в коротких словах образ пермской внутренней торговли. Вязниковский или гороховский мальчик, не имеющий на своей многолюдной, но малоземельной родине хлеба насущного, нанимается в приказчики к ходебщику с книгами и красным товаром. Выйдя себе копеечку, он покупает галантерейных вещей и смело отправляется в Пермь за вернейшим барышом. Этот вернейший барыш чрезвычайно велик. Обыкновенно вязниковец покупает галантерейные вещи, вышедшие из употребления. Прежде эти вещи продавались, положим, за 1.300 рублей с лажем, т.е. за 1.000 ассигн., – но теперь они залежались, и купец с радостью продает их ходебщику за свою цену, или даже и в убыток себе, лишь бы только они не занимали у него в лавке места. Положим, он продает все это за 975 р., т.е. за 750 рублей ассигнациями. Этот товар он везет в Пермь и продает там закамским «невгласям» за самый модный, за привезенный недавно из Парижа.

«В Москве, – говорит пермяку торговец, – заплатил я за этот товар 1.300 руб.; к этому я прибавляю только 260 руб. Двадцать процентов, кажется, немного. Посудите сами: без малого полторы тысячи черт я вез товар этот, чтоб вам продать его».

Пермяк всем объемом души своей обрадовался такой дешевизне; он слышал, что в самом деле эти вещи были в моде, и, не говоря ни слова, дает бескорыстному торговцу просимые им 1.560 руб. ассигнациями. Торговец получает таким образом на 750 руб. 810 руб. барыша. На будущий год он все эти 1.560 руб. пускает в ход и получает уже на них около 1.600 р. барыша. Такими аферами он лет в семь составит себе капитал тысяч, по меньшей мере, в 35 или 40; и тогда, поклонившись пермякам, уезжает на свою родину, или в какой-нибудь торговый город, где заживает себе, благодаря чересчур патриархальной простоте степных жителей степной Перми.

Если покупатели жаловались на эти непомерные барыши и говорили, что купец должен продавать, напр., аршин сукна за 22 рубля, тогда последний с обычно своей ужимкою говорил: «Помилуйте-с, в Нижнем четыре рубля дороже того, что вы изволите жаловать-с». – Да это с лажем, а вы хотите взять без лажа. – «Потому-то я и желаю взять без лажа, что в Перми нет его». Что вы будете с ним делать? А вещь нужна; цена ее во всех лавках одинакова, и, хочешь-не хочешь, заплатишь за нее цену непомерную. Не выписывать же из-за тысячи черт вещь, которая нужна сейчас. При таком образе торговли возможно ли ее усовершенствование? Может ли Пермь сделаться торговым городом? Конечно, нет, тем более что в ней нет ни капиталов, ни купеческого сословия, а есть только торгаши, своими оборотами обирающие добрых, но не сметливых пермяков.

[С. 571] Торговля не может развиваться в Перми и по причине ее невыгодного положения. Отчего же Пермь основана? Оттого, что место, на котором она построена, понравилось казанскому губернатору князю Мещерскому. Нужно было образовать главный город наместничества – и основали Пермь, которая есть не что иное, как колония правительства. Других побудительных причин к основанию Перми не было, да и быть не могло. Что же вышло? Образовался город, но купцов в нем не было; учредили в нем три годовые ярмарки, но на них ничего не стали привозить; от недостатка капиталов явилось отсутствие всякой промышленности. Кёппен весьма справедливо заметил, что в России города не могут быть признаваемы исключительно местопребыванием промышленности, и что чаще учреждение их зависит от потребно-

сти правительственной, от необходимости иметь средоточие для управления каким-либо краем. Все это было причиной того, что в Перми нет постоянного местного общества, нет дворян, потому что немногочисленные, но зато богатейшие из всех русских помещиков, дворяне пермские живут в столицах.

Улучшение пермских фабрик едва ли возможно. Причиной этого можно считать существование Ирбитской ярмарки. Эта ярмарка, едва ли не третья в России, находясь близ Перми, значительно подрывает ее торговлю. Торговый Кунгур с довольно обширною ярмаркою находится только верстах в 90 от Перми, в окрестностях которой и сельских ярмарок множество. Все это служит сильным противодействием к развитию и усовершенствованию ярмарок пермских. Скажут: Пермь на Каме, на такой большой реке!.. На это отвечаю: если бы железные и соляные караваны, идущие в Нижний, суда с китайскими товарами, которых часть грузится в Перми, да коломенки с сарапульским хлебом, который везут в бесплодную Чердынь, – если бы все эти суда в срочное время, раз в год не оживляли Камы, тогда бы эта огромная, но пустынная река имела совершенное сходство с Обью, Енисеем, Леною, Колымою и пр. Кама только в древности видела на берегах своих места торговые – ныне она не видит их. И потому-то река эта не может для Перми сделать ничего больше того, что она сделала. А сделала она Пермь местом грузки части китайских товаров, отправляемых на Нижегородскую ярмарку. И то еще хорошо. Если бы не Нижний, плохо бы было Перми!

Кстати о языке в Перми. По-русски здесь говорят, не переменяя *о* на *а*; замечательно, что во внутренних губерниях России, где говорят вместо *о* – *а*, противный этому выговор называют *свысока*, а в Перми говорить *свысока* – значит говорить по московскому наречию. Другая заметная в Перми особенность языка состоит в том, что все говорят речитативом, и притом последнее слово речи поют. Это чрезвычайно неприятно для слуха, а особенно если слышишь говорящими [с. 572] так людей высшего класса. Много употребляется в Перми слов особенных. Не могу всех перечислить, но предлагаю здесь некоторые: шаньга – род ватрушки; глохтить – пить; заимка – дача; угобзить – поставить кого-нибудь в неприятное положение (говорится во время карточной игры); бардадым – трефовый король; баской – хороший; ланской – прошлогодний; бусой – дымчатый; робить – делать, работать; бахилы – широкие сапоги; шугай – верхнее платье женщин, душегрейка; шугать – пугать; балакирь – горшок, в котором держат молоко; отятой – проклятый, черт; шатун – бродяга, черт; крещеный –

русский, православный; кержак – раскольник; голбец – приступок у русской печи; знать – видно; казамат – неблагопристойный дом; утрь – утром, и многие другие.

Из них некоторые я замечал прежде.

На иных словах делаются неправильные ударения: пйреворот и др.; в действительных глаголах изъявительного наклонения настоящего времени второго и третьего лиц единственного и первого и второго множественного числа – опускают букву *e*, например: знаш, знат, знам, знате; делаш, делат, делам, делате, и проч. т.п.

Еще одна особенность пермской жизни – пельмени. Эти маленькие, из пшеничной муки сделанные пирожки с свиной играют важную роль в Перми. Название свое они получили оттого, что имеют форму уха, а по-пермяцки *пэль* значит ухо, *нянь* – хлеб. Этот хлеб в виде уха составляет любимейшее кушанье пермяков. В самом деле, пельмени очень вкусны – в Перми они едва ли не лучше всего прочего. Особенно в заговенье и в розговенье потребляется необъятное количество пельменей. Свинина рубится на деревянных досках, и один проказник высчитал, что в заговенье в Перми православные вместе с пельменями съедят четыре полена дров. В самом деле, если вы пойдете пешком вечером в заговенье по пермским улицам, в каждом доме услышите звук ножа, которым рубят свинину для пельменей. Все, не исключая и высших, часто зовут к себе гостей *на пельмени*. В таком случае почти весь стол состоит из пельменей. Едят их вареные с уксусом, едят пельмени под соусом, пельмени жареные и прочая, и прочая. Это кушанье имеет большое влияние на семейную жизнь пермяков. Сколько составилось свадеб, сколько людей влюблялось, дружились, ссорилось, мирилось – за пельменями!

Чем заключить описание Перми?.. Разве сказать несколько слов вообще о её характере. Пермь – городок порядочный, но безжизнен, торговли и промышленности в нем почти нет, грамотности много, образованности не бывало. Его жители радушны, гостеприимны, добры, довольно странны... Пермь тиха, безмятежна; жизнь в ней ровненькая, без бурь, только с крошечными страстишками. Знают только две [с. 573] страсти: в карточки поиграть да гостя получше угостить. И Пермь завистлива: она считает себя лучше всех городов и упорно стоит за свое. Пермь настоящий русский Китай... И какое китайство в ней – удивительно! Скоро ли она выйдет из своего безжизненного оцепенения? Давай Господи поскорее. Что ни говорите, а ведь Пермь на матушке Святой Руси; ведь не последняя же она спица в колеснице.

Павел Иванович Небольсин

Заметки на пути из Петербурга в Барнаул [1846 г.]

[...]

VI

Пермь и Екатеринбург

Что за прелестный город Пермь, когда в него въезжаешь. Во-первых, – застава: это два высокие столба, соединенные между собою чугунной цепью¹, под которой может пройти, не наклоняясь, сам Колосс-Родосский². На вершинах этих столбов сидит по орлу, а у подножия стоит по медведю; чрезвычайно живописно! К заставе прилегает обширный луг, окаймленный длинным бульваром: это тоже эффектно. С противоположной стороны стоят красивые здания, стройным рядом вытянувшиеся в линию и рекомендуемые собою прочих своих братий, размещенных внутри самого города. Богатая чугунная решетка больницы, выстроенной с большим вкусом, явно говорит о наклонности Пермтян или Пермич³ к изящному, в противоположность Пермьякам, которые все еще тяжело поддаются успехам цивилизации. Первое впечатление, производимое первым шагом в Пермь, действительно возрождает надежды видеть чем дальше, тем лучшие здания. Но...

Что за противоположное этому впечатление вселяет город Пермь, когда в него въедешь! Это не тот город, который в старину назывался Великою Пермью, как утверждают иные; это было местечко, маленькое заселение, которое сначала принадлежало к так называемым строгоновским *вотчинам*, но так как в древние времена у Строгоновых не было тут никакой вотчины, а были арендные имущества, то и это место отошло в ведение казны. Императрица Елисавета Петровна подарила его канцлеру графу Воронцову, а при Екатерине II местечко это полюбили одному важному сиятельному человеку⁴, он и донес Государыне, что пункт этот очень важен и должен быть, вместо Чердыни, средоточием наместничества. Местечко получило название Перми и значение главного города Пермского наместничества. До сих пор Пермь не имеет никакого значения; то, что должно обуславливать существование какого бы то ни было города, здесь не существует, и потому

Пермь – только жилище чиновников, составляющих губернское управление. Бульшая часть обитателей Перми люди наезжие, а «кондовые», то есть коренные – или чиновники, или посадские, успевшие обзавестись своим домиком. Вся промышленность Перми ограничивается канатным производством; торговли – ровно никакой.

Мне случилось однажды приехать в Пермь вскоре после пожара, истребившего бульшую часть города⁵. Это было в том же несчастном году, когда сгорела Казань и другие города.

Меня привезли к какому-то «дворнику», то есть содержателю постоялого двора и насилу впустили в комнаты. Время было около какой-то ярмарки, народа наехало множество, да и погорелые-то разместились по чужим квартирам; стало и немудрено, что услужливый дворник едва-едва впустил меня к себе за «пятитку» с условием однако ж поместиться, если мне угодно, под кроватью, которою заранее завладел уже другой проезжий, успевший более меня внушить к себе почтение хозяина. Условие было для меня унижительно, но необходимость починить экипаж заставила меня согласиться на все.

Я обязан был поместиться под чужою кроватью только на ночь; но всякое другое время дня мог удобно расхаживать по комнате. Чтоб не воспользоваться чужими, заранее абонированными стульями или скамейкой, я велел принести свой чемодан и устроил из него довольно удобное сиденье. Со мной был мой слуга. Надобно и об нем подумать. Место своего ночлега я уступил ему, а сам на ночь отправился в тарантас и очень спокойно провел в нем целую ночь.

Честная компания в комнате состояла, кроме меня, из «приказира» (это местное выражение, заметим мы для читателя), какого-то отставного чиновника, жирного толстяка-торговца да человек пяти-шести молодцов, караванных приказчиков.

– Чиновники-с, видно? – спросил приказир.

– Чиновник, мол.

– Видно, по своей надобности ехать изволите?

– По своей-с.

– На службе состоите?

– Нет.

– Я сам в отставке; тугие времена пришли: ученый народ, видишь, все набирают. Оно бы и ничего; я, то есть, и сам в некотором роде науки происходил, да уж нет; прошли блаженные времена! Туга нынче служба стала, не разживешься больно на маленьком месте.

– Полно «маргафунить» (лгать), Егор Кузьмич, – перебил его один ражий детина. – Знаю мы, что и ты «сгношил» (скопил, выгадал) не одни «балакири» (горшки) битые.

– Да чаво тут сгношил, сгношил? Ну, сгношил домишко, и деньги были, да обошел нас лешак – ничего не осталось, все сгорело, осталось лишь – «аська» (шапка) на голову, азиям, да чембары, да бахилы всей одежи, а про хозяйство один «межеумок» (топор меньшего против обыкновенного размера)... А что, милостивый государь мой, «прушку ширкать» изволите?

– Прушку ширкать? – спросил я с изумлением.

– Точно так-с, пружку ширкать?.. ну, табачок нюхать, по-вашему, изволите? Одолжитесь: у нас табак хрусский (крупно-молотый), не уступит какому угодно рапй⁶, – снова пристал ко мне приказир, подставляя дускань (табакерку).

Я поблагодарил за одолжение.

Пермь обладает всеми принадлежностями губернского города: в ней есть Палаты, Губернское Правление, одним словом, все учреждения, которые не могут не быть в губернском городе. Есть даже публичная библиотека, какова бы она там ни была незначительна на самом деле. При тамошней гимназии есть даже маленький музей, в котором хранится оружие, по сказкам, приписываемое Ермаку. Это именно большое ружье, пуда в полтора, с резьбою и насечками, две чугунные пушки, одна аршина в два длины, а другая в два с половиною, с узенькими дулами, и фитиль. Я уже имел случай в одном месте высказать свое мнение об ермаковых пушках⁷, следовательно, здесь довольно сказать, что тут дело не в правде, а в уважении, которое народ питает к покорителю Сибири.

В Пермской и Тобольской губернии нет зажиточного дома, в котором бы не висело ермакова портрета или на холсте, или на дереве, а большею частию на железе, на подносах. Ермака обыкновенно представляют здоровенным, широкоплечим детиной, с быстрыми черными глазами и с короткой черной окладистой бородой. Может быть, Ермак и в самом деле был брюнет, а может быть, он был и блондин, и заезжий по неволе в Сибирь немец, которому пришла в голову первая мысль нарисовать первый портрет Ермака, никак не мог избежать необходимости облечь русского человека иноземными украшениями. Обыкно-

венно его снабжают таким костюмом. На голову ему надевают красную скуфейку с золотым у лба галунчиком, а сверх её натягивают ток с завороченным кверху козырьком, а над ним рисуют богатую застежку с драгоценными камнями. Покорителя Сибири облачают в верхнее платье, как кажется, распашной нанковый халат с узенькими внизу рукавами и с разрезными обшлагами. Из-под халата выглядывает красный кушак, а сверх халата надета кольчуга, но только до половины груди и с кисточками у плеч. Из-под кольчуги у шеи выглядывает белая рубаха, сшитая не на русский манер, а сверх кольчуги повешена золотая цепь с образом Божией Матери. В левую руку Ермаку дают меч, у эфеса которого сделано изображение орлиной головы, а в правую влагают длинное копьё. Но с течением времени русские мастера заметили неказистость этого фантастического наряда и стали заменять немецкую шапку с козырьком простым шишаком. Много было попыток составить более близкий к истине портрет Ермака, но из всех их надобно, кажется, отдать предпочтение покойному Воронихину⁸ в известной его картине «Последняя битва».

В бытность в Перми мне не удалось собрать сведения о количестве всех училищ в Пермской губернии. Их должно быть очень много; если мы сообразим, что там, кроме обыкновенных везде заведений, подчиненных Министерству Народного Просвещения или духовному управлению, есть еще большее число подведомственных Министерству Государственных Имуществ, Министерству Военному, Министерству Финансов и собственно Кабинету Его Императорского Величества⁹, что, кроме того, на каждом частном заводе есть собственные свои училища, в которых всегда довольно учеников, что самый род занятий главной массы здешнего населения, именно заводское производство, само собой содействует быстрому развитию душевных способностей человека, то после этого не удивительно будет видеть на Урале всю массу народа русского в таком благосостоянии, с таким ясным взглядом на вещи и с таким точным пониманием своих прав и своих обязанностей, каких дай Бог найти хотя бы и в ближе к столицам лежащих губерниях.

Ничего нет забавнее, как слышать где-нибудь в подмосковных губерниях от людей из сословия гораздо выше крестьянского расспросы о подробностях того, «как турки в прошлом году Париж разграбили» или «как индийский шах приехал нынче в венский университет курсы слушать». С другой стороны, там уже давно знают, что «король Фи-

липп» уж не французский король; что теперь легко в Риме бывать, да папы не видать; там знают эти старые новости, но не следят за ними, как за предметом чуждым и не имеющим ничего общего с русской жизнью. Они слушают эти новости как волшебную сказку, пожалуй, покачают головой, скажут: «вишь ты, парень, дело-то каку вышло, подумаешь!» И не думав нисколько, опять все принимаются за исполнение своих обязанностей. Каждая партия поселенцев, каждый чиновник или приказчик, знакомый с «Московскими Ведомостями», передают по-своему чрезвычайные происшествия.

Проезжая Пермскую губернию, видишь на каждом шагу довольство, чистоту, опрятность и благосостояние, высшее против весьма многих великороссийских губерний.

Пермская губерния представляет площадь в пять раз более площади Воронежской губернии (6,000 и 1,200 кв. миль), и почти при одинаковой цифре народонаселения (около миллиона шести сот тысяч душ обоего пола) она, сравнительно, в пять раз менее населена, чем Воронежская губерния (в первой считается 261 человек на одну квадратную милю, в последней 1,372 человека на ту же единицу). Скота в ней считается до двух с половиной миллионов голов. За удовлетворением всех внутренних потребностей населения хлебом и картофелем, которого здесь снимается до полутора сот тысяч четвертей, в Пермской губернии выкуривается вина на сумму свыше 400,000 рублей серебром. Кожевенное производство представляет в итоге цифру около 700,000 рублей сер.; пчеловодство дает около 150,000 рублей сер. дохода; соли вываривается более чем на миллион рублей серебром; в 1846 году (к которому также относятся настоящие заметки, а вместе с тем и все цифры здесь и далее помещенные) в Пермской губернии выделано железа почти на одиннадцать миллионов, меди выплавлено на 400,000, драгоценных металлов добыто на сумму около 1,300,000 рублей серебром. Здесь ни звероловство, ни добыча драгоценных камней, ни другие промысла не входят в расчет за неимением сведений.

Переезд через Урал по дороге, которая достоинством своим нисколько не уступит нашему московскому шоссе, переезд этот был совершен местностью, которая заставляла забывать возгласы о величественной красоте швейцарской природы. Если иногда и случалось думать об этом предмете, то какое-то невольное чувство говорило, что серьёзный с вида русский крестьянин, чисто и опрятно одетый, молодеватее и умнее любого немца; что белокурая или черноглазая кержачка, радушно услу-

живающая путнику всем по возможности, красивее рыженькой немочки Рейна; что самое солнышко русское, пригревающее благотворными своими лучами русские нивы, светит, должно быть, отраднее, чем то, которое светит надутому своею кропотливостью германцу; что, наконец, необъятные русские леса с их вековыми кедрами, соснами, с медведями и соболями как-то больше и понятнее говорят русской душе, чем все эти сады и рощицы, в которых рука ученого садовника изнасиловала природу и все живое подчинила бестолковым формальностям и стеснительным, без нужды, условиям.

Но оставим в стороне великолепие природы, не станем обращать внимания на чудные виды в горах уральских: житье-бытье здешнего населения представляет многие весьма утешительные стороны. Въезжайте в любое селение, войдите в любую избу, и вы нигде не найдете домохозяина, который с угрюмой физиономией, с понуренной головой безмолвно стоял бы перед вами. Вас встретит и дружески станет приветствовать здоровый, плотный мужчина с веселым лицом; он сам сядет тут же с вами и заведет умные речи о том, что только входит в сферу его обычной деятельности. И это же самое вы найдете по всему пути через Сибирь. Каждый дом свидетельствует о довольстве и зажиточности; каждое селение свидетельствует о порядке и благочестии; на заводах встретите образование не в одних управляющих из заезжих англичан или русских отставных чиновников, но и в тех лицах, которые принадлежат к собственно так называемому сословию заводских людей. В селениях везде встретишь сельские пожарные команды. Железные дороги на Урале давно не новость; конечно, они не предназначены для перевозки пассажиров, а только для доставки грузов руды, и без паровых машин, но применение их к делу в Сибири было сделано гораздо прежде, чем подумали об этом в Великороссии. Как давно существуют железные дороги на Урале, я утвердительно сказать не могу, но знаю наверное, что в 1821 году небольшая чугунная дорога существовала уже в далеком Алтае, в Колыванской области; протяжение ее было невелико, всего от Змеиногорского рудника до завода этого же имени почти две версты. Работы производились в течение пяти лет, с 1816 года и каждая верста обошлась в 6,000 рублей асс. Такие же дороги есть и в самом Екатеринбурге, и близ Екатеринбурга на кабинетских березовских золотопромывательных фабриках, где механические усовершенствования оставляют далеко позади за собой те устройства, которые существуют на частных сибирских золотых приисках.

С Урала и далее вглубь Сибири начинаются расспросы и разговоры о золоте, о новых открытиях в золотопромышленности, о новых подвигах разных громогласных золотых компаний.

Переступив Урал и спустившись уж на восточные его склоны, мы подъехали к Екатеринбург.

– Куда же ты меня привезешь, ящик?

– Куда захотите сами: по золотому с рыла с обедом на день давать можете – так мы вас к тальянцу Фрати, а коли по золотому в неделю с обедой иужиной, со всеми харчами, – так на постоялый, к христианским людям; я вас приставлю к красовоньке-дворничихе. А не то – есть кондитерская с нумерами, там все чистый народ из Питера стоит; хозяин чиновник; останетесь довольны.

– Ну, вези к этому.

Комнаты, занятые мною, были с балконом и выходили на бульвар, который отсюда тянется до самой заставы и в летние вечера доставляет жителям весьма приятное место для прогулки.

В это время в Екатеринбурге не было ни холеры, ни других повальных болезней; но город не менее того находился в тревожном состоянии от разных слухов о пожарах, заставлявших жителей как можно осмотрительнее наблюдать за своим хозяйством.

Поддавшись тому же влиянию и притом имея при себе порядочно толстый портфель чужих кредитных билетов, я считал себя вовсе не в завидном положении.

– Что, был у вас пожар? – спросил я у прислужника гостиницы.

– Нет еще-с; пока нас Бог миловал.

– Ведь у вас, я чай, пожарная команда надежная?

– Надежная-то надежная-с, да нам-то оттого не легче, хоть и знаешь, что пожар отстоят.

В Екатеринбурге и окрестностях есть несколько пожарных команд разных управлений: одна городская, на общепринятом во всех городах основании; другая, более подходящая к столичным усовершенствованиям – это пожарные кабинетские, при гранильной и шлифовальной фабриках, стоимость которых, при кладовых, наполненных драгоценностями, неопределима; третья, наконец, пожарная команда принадлежит к соседственному с Екатеринбургом, верстах в двух-трех, частному Верх-Исетскому заводу г. Яковлева.

Располагаясь на ночь, мой лакей запасся новенькой коробочкой спичек местного производства с толстыми зелеными головками; в

комнате на всякий случай поставил он полное ведро воды, а мою шкатулку с деньгами положил себе в изголовье.

– Смотри же, Никита, (говорил я ему), не проспай пожара; я устал сегодня, и меня ничем не разбудишь; а ты, кажется, очень чуток.

– Да уж будьте спокойны, сударь: я ль не молодец на разные этакие?..

Скоро все погрузилось в глубокий сон... но среди ночи, в страшной темноте, робкие стоны раздались в моей комнате.

– Батюшка!.. отец родной!.. горит!.. беда!.. так и пышет. Убежим скорей.

– Кто тут? – спросил я, немного очнувшись.

– Отец родной! вставайте, горим... посмотрите – кругом огонь!.. Уйдемте!

Я узнал голос Никиты и вскочил с постели. Из окон по одну сторону дома – зги было не видеть, из противоположных – пред нами огромное зарево пожара. Говор народа на улице, стук барабанов, перемешиваемый с трещотками пожарных и тихим звоном набата, производили потрясающее влияние. Опасность была ближе, чем мы полагали: скоро мы в собственных комнатах почувствовали запах серного дыма, а в передней комнате на нас хлынули целые волны воды.

Переполох постиг нас неожиданно и невзначай: и господин, и лакей были ошеломлены и спросонья, и со страха, но это все-таки не помешало мне засветить свечу.

– Где свеча, Никита?

– Не знаю, батюшка, уж с полчаса ищу, отыскать не могу, – отвечал он, суя мне в руки коробочку со спичками.

Я сначала и не заметил, что спичек было уже немного, на доньшке; «шуркнул» одну – только щелкнуло, бросил; дернул другую – только запахло, но свету не дало, бросил; взял третью – та переломилась, бросил; давай четвертую – но она вспыхнула и тут же потухла, опять бросил. Второпях я перебрал их до полсотни, но все огня не добыл.

Чад и серный запах увеличивался; в комнате стало душно; темнота мешала исправить туалет в порядке, чтоб прилично выйти на улицу; вдруг Никита разревелся как ребенок, объявив, что шкатулка с деньгами пропала... Этого только недоставало!

Зарево усиливалось; колокола гудели; барабаны били; трещотки трещали...

Лужи воды быстро распространялись по всем комнатам; я вспомнил про заветные петербургские спички в сигарочнице, и в одно мгновение вся комната озарилась светом стеариновой свечи с местного завода. В другой комнате открыли форточку, чтоб освежить воздух, и тут только нашли разрешение задачи: чад был от целой коробки спичек, не дающих кроме запаха ничего; волны воды действительно обдали нас из опрокинутого Никитой полного ведра; а шкатулка с деньгами стояла как живая на столе перед диваном.

На улице тоже все смолкло; мы вышли на бульвар и встретили бегущих и скачущих городских пожарных; но вскоре узнали, что ночью загорелся какой-то домишко у пруда, но яковлевская команда давно прекратила пожар и уехала домой...

Много после этого смеялись мы над собственной прыткостью, только не вовремя и не там, где нужно владеть собой.

Так прошло и все лето, и осень для Екатеринбурга: пожаров не было.

В Екатеринбурге особенное внимание привлекают монетный двор и гранильная и шлифовальная фабрики. У нас в России, кажется, только три знаменитости этого рода, три гранильные фабрики: одна Петергофская, другая Екатеринбургская, третья Колыванская; они занимаются обделкой и артистической обработкой драгоценных и разноцветных камней, и находятся в ведении Кабинета Его Императорского Величества.

Все, что есть драгоценного по части горных пород в Императорских дворцах, эрмитаже, хранилищах и кладовых, все это изделия русских артистов и русских художников. Вазы, урны, чаши, камеи – все это произведение и русской природы, и русского ума, и русской руки. Кому неизвестны гигантские чаши, вырезанные из одного куска камня и выделанные в колыванском заводе и в Екатеринбурге в течение нынешнего столетия; каждая из них составляет восьмое чудо и превосходит своею громадностью и художественностью все, о чем трубят нам в чужих краях. Камеи екатеринбургской работы ни в чем не уступают римским камням. И в этом отношении, конечно, первенство надобно отдать Екатеринбургу: этот город заселен артистами и художниками. Малейшая работа их чужда ремесленности: каждый камешек, каждая сережка, каждая мозаика говорит, что над ним трудилась рука вдохновенного, сочувствующего изящному художника.

По общему понятию большинства, художества только и можно найти, что в Петербурге в Академии Художеств, да в Италии на каждом перекрестке; толпе неизвестны доморощенные артисты из Сибири: оно и неудивительно. У нас в версте от Петербурга есть целая колония артистов подобного рода, а многие ли о них знают. Не исчисляя многого, укажем только на кабинетский же фарфоровый завод: сколько только в одном этом заведении можно насчитать истинных артистов. На стеклянном заводе – то же самое; на шпалерной мануфактуре, где в недавнее время прекращено производство гобеленовских изделий, есть также работы, которые стоят несравненно выше ремесел. Наконец, в Петергофе, где перебивал целый Петербург неоднократно, многим ли знакомы филиграновые работы на тамошней фабрике.

В Екатеринбурге приобрел я, между прочими вещами, большую топазовую печать и заказал вырезать на ней герб одного петербургского знакомого. За печать взяли с меня, кажется, десять да за вырезку пятнадцать рублей серебром. Работу, подобную екатеринбургской, я видел в Петербурге, но не на камне, а на стали, у покойного Мозжечкова¹⁰, известного художника. Вместе с этим приобрел я необделанный кусок топаза и пару прелестных чаш из белого мрамора и за все это заплатил рублей десять серебром. По возвращении в Петербург мне захотелось сделать копии с приобретенных вещей; нашел артиста – мраморщика итальянца, где-то в Гороховой и резчика на камнях неизвестной нации, но зато на Невском проспекте. Итальянец с Гороховой изъявил согласие сделать пару подобных чаш за 60 рублей сер., предупредив, однако, что «так чисто нету»; резчик за обделку топаза запросил 25 рублей сер., да за вырезку герба 75 рублей серебром. Но ни тот, ни другой не хотели поверить, чтоб показанные мною вещи работали русские мужички, заводские мастеровые, почти одних прав состояния с крестьянами.

В общей сфере провинциальных городов у нас повсюду одно утешение в жизни, после дневных трудов – карты: «король-валет-сампять», «играю», «ренонс», «левый», «угол», «пароли» – вот обычные фразы обыкновенной семейной компании по вечерам. В Екатеринбурге не то: там можно прислушаться здравых понятий о политической экономии, там сумеют передать новейшее изобретение какого-нибудь французского ученого, там образуются даже партии литературные: одни стоят за «Современник», другие не допускают, чтоб

мог существовать журнал умнее «Библиотеки», третьим нравятся «Отечественные записки»; но дело в том, что в большинстве читателей заметно рвение прочесть прежде всего отдел наук и художеств, а это, сколько известно, очень хороший масштаб для измерения степени образования данного лица.

В недавнее время мы получили письмо от одного из наших екатеринбургских знакомцев, прямого русского купца, с бородой и с миллионами. Заимствуем из этого письма следующие строки, чтоб передать по возможности свежие новости о современной общественной жизни Екатеринбурга и этим закончить нашу заметку. Письмо писано от 21 января 1849 года.

«Что вам написать о нашем Екатеринбурге? Он все тот же. Холера, перешагнув через Урал, посетила и нас; многих знакомых проводили мы в последний приют – могилу; в числе их и ветеран времен суворовских... сложил свою головушку. В октябре опасность прошла, и все приняло прежний вид.

Нынешний зимний сезон у нас замечателен усиленным набегом артистов разных искусств, акробатов, вольтижеров и проч., и проч., и проч., так что не дают перевести духа. Таковое нашествие на наши карманы производит большое опустошение в оных. Чего у нас здесь нет? Христиане, виолончелистка, Пуччи, пьянист, Гверра, волтижер, калабрийцы музыканты, панорама, косморама, акробаты, фокусники, ученики Буско... не говорю уже о театре, который не прерывает своих представлений. Пожалейте о нас, без защиты остающихся против такого натиска иноплеменников! На днях все это едет пожинать лавры и загребать русские деньги по всей Сибири, до Иркутска, даже до Кяхты.

Зима у нас нынче самая здоровая, русская: в декабре были постоянные морозы; часто доходило до -35° Реом.¹¹, чего давно здесь не бывало...»

[...]

Путевые заметки и впечатления по Восточной Европейской России

Город Пермь. 13-го января 1847 года.

Пермь оттенок Сибири, ничего для любопытства проезжего особенно замечательного не представляет; этот город лежит на реке Каме и расположен на покатости довольно пологой горы, в нем не более 6-ти широких прямых продольных и вдвое почти таких же поперечных улиц. – Кварталы его тоже одинакового размера. На главных здешних улицах много каменных домов, но есть также достаточно и деревянных; большею же частью в целом этом городе можно считать в половине того и другого, то есть: нижние этажи каменные и верхние деревянные. Сказанные дома вообще построены без всякого изящества и наружных украшений, а потому-то фасады их не весьма привлекательны. – Хотя здесь и находится несколько площадей, но нет однако же бульвара¹, местом же прогулки в летнее время служит почтовый Казанский тракт; народа днем на улицах этого города видно очень мало, вечером же и ночью, можно сказать, в нем царствует мертвая тишина. Жителей в Перми только двенадцать тысяч.

Внутренность здешнего Кафедрального собора отделана под мрамор, что и придает ему вид более величественный. Того дня, когда я там был у обедни, Преосвященный служил в теплой церкви, где народа было большое стечение; наружность сказанного Архипастыря выражает олицетворенное смирение и кротость, всякий раз во время литургии он обращался к народу с слезами на глазах.

Пред моим отселе отъездом в воскресенье был вечер в здешнем благородном собрании, не скоро однако ж я решился туда ехать, но желая иметь хотя некоторое о пермской публике понятие, я отправился наконец в сказанное собрание в десятом часу пополудни. Стоявший при самом его входе полицейский провёл меня коридором в залу, где у самых почти дверей я нашёл сидящего с дамами г. N.N., принявшего меня весьма ласково; подойдя ко мне, он предложил и даже назначил для меня *vis-a-vis* в французскую кадрили. Не осмотревшись почти ещё в этом кругу, я должен был однако ж в угодность

ему согласиться на подобное его желание; по окончании этой кадрили я отошёл к мужчинам и, не расположенный в тот вечер к танцам, извинялся пред г. N.N. тем, что будучи в Перми проездом, мне приятнее бы только познакомиться с здешним благородным обществом, не принимая участия в подобных забавах.

Сказанная зала благородного собрания, почти квадратная, довольно огромна и с хорами, на которых помещается музыка; в ней же с последнего, случившегося в 1842 г. пожара, находится и здешняя гимназия², а по той причине тут же у стен стоят с учебными книгами и шкафы. Эта зала освещена довольно ярко поставленными вокруг сказанных хор свечами. К обеим противоположным её сторонам примыкает ещё по одной довольно обширной комнате, отделяющейся от первой колоннами, там на нескольких столах на это время мужчины играли в карты. Собрание в тот вечер по причине празднуемых двух свадеб известных здесь фамилий, на которые многие из этого круга отозваны, было незначительно; а потому французская кадрили составлялась из шести только пар, из них мужчины все почти гражданские чиновники. – Я очень доволен, что отделался от танцев и поместился с одним из моих знакомых в некотором от прочих отдалении, из этого места я могу лучше рассмотреть здешнее общество. – В кругу теперь предо мною мелькающих дам есть несколько весьма приятных личиков, из них некоторых я и прежде встречал в домах принадлежащих пермской аристократии. Наряды иных из этих дам ежели и не богаты, то однако ж не лишены вкуса. Исключая небольшое число тамошних сановников, остальные молодые люди, наполняющие эту залу, большею частью канцеляристы; они-то неутомимые танцоры и расточители любезностей в здешнем кругу; их обращение в этом обществе довольно развязно и грациозно, к чему, как заметно, поощряет их сам начальник. – Кадрили, редко прерываемые галопом и вальсом, длятся и длятся; знакомец мой стал уже скучать и дожидается с нетерпением своего экипажа, желая и меня увезть с собой; но на беду кучера его нет как нет. – Мазуркой кончился здесь вечер. Была уж полночь, когда я оставил эту залу собрания, и при моём выходе из неё тот же самый полицейский, встретивший меня при прибытии сюда, теперь же провёл до крыльца; я нигде не нашёл такого внимания к посторонним, какое видел в здешнем благородном собрании.

20-го января, на пути к гор. Казани.

Не без сожаления однако ж я расстаюсь с г. Пермью, последний проведённый мною в здешнем благородном собрании вечер оставил по себе довольно приятное впечатление; к тому же я имел здесь выгодную и недорогую квартиру, хозяин мой был добрый человек, почему и расставался со мной весьма неохотно.

Поздно вечером того же дня я приехал на третью станцию в Оханск, а потому и не мог рассмотреть его, но кажется, это небольшой город, не имеющий ничего в особенности замечательного. Несколько станций за Оханском ещё меня везли русские ямщики, далее же их сменили вотяки. Я много надеялся на быстроту их коней, но потому ли, что они мне попадались не из лучших, или извозчики лениво понуждали их к бегу, я не мог проехать более 180-ти вёрст в сутки, тогда как в Сибири, делал слишком по 200-ти, к тому же, можно сказать, что и состояние дороги в обоих случаях было почти одинаковое; да и самая здешняя дурная упряжь и их небольшие лошади напоминали мне Литовские губернии; но что более сближало вотяков и черемис с бытом наших западных крестьян, то это их избы, хотя довольно просторные, но курные и чрезвычайно неопрятные, где с ними помещаются домашние птицы и мелкий скот; не оттого ли дыма вотяки и черемисы казались мне большею частию подслеповатыми.

[...]

Петр Алексеевич Кропоткин

Дневники

Тетрадь № 1

От Петербурга через Москву и Калугу до Иркутска

С 24 июня до 8 сентября 1862 г.

Пар[оход] «Купец». Волга за Казанью.

Вторник, 31-го июля.

[...]

Кама. 8 ч[асов] вечера.

Сейчас вступили в Каму. При устье несколько наносных песчаных островов; теперь характер местности изменился, – нет нагорного берега, оба низки, и оба заросли лесом. На западе синеют громадные леса.

Пароход «Купец». Кама. Среда, 1 августа.

[...]

За Елабугой, Вятск[ая] губ[ерния].

Я воспользовался остановкой в Елабуге, чтобы дойти до города. Город невелик, расположен на правом берегу Камы, верстах в двух от реки. Причина этого, вероятно, громадные разливы Камы: всю эту площадь до города, а также весь противоположный берег заливают водою. Недалеко от пристани идут холмы, которые тут уходят в глубь страны, сам город расположен на их склонах. Вообще, в Каме нет, как в Волге, нагорного и низменного берега, Кама непощадно вьется, часто ворочается более нежели на 180° от первоначального направления, и горы переходят с одного берега на другой. Все берега заросли лесом на большие расстояния. Лесные богатства доказываются большими прочными постройками, тесовыми крышами и расточительным употреблением леса для выжигания алебаstra. Подходя к городу, я удивился, видя большое количество огней вокруг него; я подошел к одному из них: бревна, большей частью из старого сухого леса, наложены в клетку, сверху навалены камни, дальше кирпичная печь с трубой и с навесом вокруг – тоже жгут алебастр. Камень привозный, как объяснил мне один проходивший мимо мужик, откуда – не знает, платят за него от 2 до 3 коп. за пуд и занимаются выжиганием. – Да отчего же так жгут, печей

не строят? – спросил я, – лесу много идет. «Да что рыть, – все одно, что так, что в печке, то ж по краям камень такой, непрожженный остается». – Да лесу много идет. – «А где ж копать и рыть, вот сегодня в пятом часу заложили, завтра вынут, толочь будут». Выходя из Елабуги, я услышал свисток нашего парохода; я так скоро не ожидал его, я знал замашку нашего капитана – выходить раньше срока, когда вздумается, я и прибавил шагу, даже побежал au pas gymnastique*, и все это напрасно, – я успел посидеть на палубе и чаю напиток с кейфом, а пароход только что тронулся. Вообще капитан действует очень самовольно. Он должен выходить из Елабуги завтра, в 4 часа утра, вышел сегодня, в 10-м часу вечера. Какое, если бы кто-нибудь приехал из деревни, рассчитывая на пароход, – горько бы разочаровался...

Пар[оход] «Купец». Кама.

Четверг, 2 августа.

Нагорный берег определился правый; над рекой висят почти отвесные кручи из красной глины, заросшие лесом, преимущественно ельником; попадаетея довольно много больших сел, по виду жилищных, – деревянные крыши, прочные избы. Лесу много. Часов в 6 попали в Сарапуль (так в тексте.-Ред.). «Все сапожники», – говорит мне человек с парохода. Действительно, все сапожники.

Я сперва вскарабкался на гору, прекрасную и всю из красной глины. С горы представился миленький вид: вдали холмы, леса, на том берегу село, – белеется церковь, на этом раскинулся город, по наружности недурненький, довольно много каменных строений, острог оригинальной архитектуры с круглым куполом и крестом, под которым пригнездились два-три колокола; по городу поделаны деревянные тротуары, есть несколько лавок, порядочных с виду; в них все есть, как всегда в уездном городе, а если чего нет, то есть вещи в замену этого недостающего: сало – вместо помады, вместо рафинаду – сахарный песок, одним словом, это все известно, а вот не всем известно, отчего в Сарапуле все сапожники. Отчего? Отчасти оттого, что часто без всякой видимой причины вдруг какой-нибудь уездный городишко славится чем-нибудь; прежде была причина, теперь она хотя и перестала действовать, а жители продолжают

* гимнастическим шагом (фр.).

ремесло отцов, и, например, хоть в Калуге выделывают предьянное тесто, вместо прежнего, которое, говорят, было недурно. Впрочем, в Сарапуле этого не вышло, а сапоги продолжают выделываться и вообще недурно. Этому способствует избыток кожи. Кожа собственная, конина и др. идет из Мензелинска, козел же идет из Ирбита, впрочем, товар похуже казанского, который, в свою очередь, похуже петербургского. Затем сбыт удобен, теперь в Нижнем ярмарка, скоро еще где-то; как только Волга вскрыется, там-то и бывает ярмарка, и т.д. А то сбывают в Саратов и др., там кожи мало выделывают. Вот и объяснено, отчего много сапожников. Кажется, Сарапуль городок с будущностью, я так думаю потому, что он весь обстраивается, очень много каменных строений перестраиваются, строятся новые, – деятельность.

[...]

То же, утро. Пятница, 3 августа.

Север, север, так и пахнет им; правый берег еще круче, все выше, и, кроме ели, ничего на нем не видно. Налево вперемешку идет тот же ельник да какие-то кустарники, подчас осины, редко березы. Только и видно на горизонте, что острые верхушки елей; эти ели растут на обрывах, видны засохшие деревья, другие, сильно наклонившиеся, ждут только следующей весны, чтобы свалиться в Каму и быть унесенными Бог весть куда. Окрестные горы покрыты сизым туманом, вечным спутником хвойных лесов, с берега несетя смолистый запах, и небо само принахмурилось; тихо, а небо все покрыто облаками; свежее.

Пермь, 7 августа.

Я не писал все эти дни, потому что и писать-то почти не о чем. Пермь мне не понравилась, – город большой, недурен, есть очень миленькие домики, но тишина и безлюдье невыносимые. Я рыскал по всему городу, сперва искал тарантас, потом попутчика. Ни того, ни другого не нашел, пришлось взять тот же тарантас, который видел в здешней гостинице. Вообще Пермь сказала мне нехорошо. В первую ночь промучился невыносимо. Через номер проходит железная труба из кухни. Жара от нее невыносимая; отворяю окно, начинает вонять кухней до безобразия гадко, несетя запах жженого сала, приходится затворить окно, курить туалетным уксусом¹.

Но жарко, – пришлось открыть дверь, – пользы мало, но все-таки маленькое облегчение. Но и тут неудача, скоро несется вонь из ватерклозета. Что делать? Пришлось промучиться всю ночь, я даже чувствовал себя нездоровым – метался на постели, едва дождался утра. Пришлось переходить в другой номер. Тут пришлось встретиться с Фелькнером. Отец его и мать добрые люди, предлагали с ними ехать, но их такая куча, к тому же дети, один грудной даже, – ну, спасибо, помню я детство и Полиньку на руках, и т.п. удовольствия. Попутчика нет, положительно нет, – все едут теперь в Нижний, а не в Сибирь. Здесь попадаются сибиряки – те же слухи: «Спешите, спешите, как только можете, а то опоздаете и всего натерпитеесь на Амуре»... А где тут спешить? Вчера купил тарантас, отдал поправить. Что же? Должен был быть готов сегодня, а завтра не раньше 1 часа поспеет. Черт возьми!

Что сказать про Пермь? Я уже писал об этом Леонтьеву, есть черновое, повторять то же самое не стоит. Теперь страшно холодно стало. Вчера было не более +11°P., сегодня утром +8,5°, потом +10°; ветер пронзительный, холодный, западный. Надо ехать в полушубке. Теплый же климат! Славное местечко! Я вообще здесь не в духе, печень работает неисправно, что ли. Вообще нехорошо. Пора бы поскорее выбраться отсюда. Да к тому же Петров² с своею глупостью и услужливостью медведя Крылова. Вот навязали золото!

Четверг, 9 августа.

Вчера вечером выехал из Перми. Началось с затруднений на счет тарантаса, – ямщик не хотел везти на 2-х лошадях, вот я и понял, что ему хотелось на чаёк. Когда я пообещал дать ему, он тотчас смягчился. Дорога здесь шоссе, сделанное обывателями, – насыпаны гальки, которых здесь множество, и сделано порядочное шоссе. Это шоссе остается порядочным, пока оно в ведении обывателей, но лишь только переходит в казну, как становится невыносимым, – «все зубы выколотишь», как сказал ямщик. Казна насыпает не гальки, а крупные плоские камни – выходит что-то не лучше калужских мостовых. Растительность здесь уже гораздо лучше, чем в окрестностях Перми: там все еловые леса, тут беспрерывные пе-

релески, самые маленькие, подчас даже только отдельные деревья, разбросанные на огромное пространство. В лесах разнообразие: подле раскидистой сосны стоит худенькая елка, жидкая осина, густая береза, какой-то лозняк. Внизу виднеется папоротник; почва за Кунгуром великолепная, земля буквально черная. Меня удивила величина здешних сел: иногда они тянутся более чем на версту, захватывая и в сторону большие пространства. Многие дома очень хороши, но много и крайне бедных. Занимаются, говорят, одним хлебопашеством; земля хороша, но ее мало. Что народ трудолюбив и дорожит тем, что вырастает на полях, так это видно из того, что все поля огорожены, выгоны тоже – скот не попадает в рожь. Между прочим, странный здесь обычай – скот на ночь не загоняется: он ночует в поле и подходит, вероятно, поближе к своим домам, так что около деревни целое стадо располагается на ночлег.

Азия. Екатеринбург. Пятница, 10 августа.

Целый день тащились по горам. Горы и леса. Вдали видны все леса, все шапки, конусы, сплошь обросшие ими. Наконец, вдали показалась главная цепь гор: синеватую грядую тянулась она перед глазами. Огромные леса покрывали ее. По горам виднеются заводы: белая церковь с чугунной решеткою на синем фоне сосновых лесов, вокруг нее разбросан чуть ли не целый городок, аккуратные домики с тесовыми крышами, прямые улицы, вдали доменная печь, массы красноватой руды вокруг нее – вот общая их физиономия. Заводы очень людны – есть такие, где число рабочих доходит до 3.000. В то время, когда я смиренно лежал себе в тарантасе и думал, какую бы роль разучить мне хорошенько, Петров говорит: «А вот, ваше сиятельство, памятник какой-то, что ли». Я закричал: «Стой, это граница». «Да, Уральский хребет», – заметил ямщик. Действительно, на высшей точке главной цепи поставлен около дороги столб светло-серого мрамора с надписью на одной стороне «ЕВРОПА», с другой – «АЗИЯ». Около столба избушка, где живет сторож. Итак, теперь я больше не в Европе; я простился с нею (не знаю почему-то по-итальянски), вспомнил «английский хвостик» Николая Артемьевича и пустился объяснять Петрову, сколько нам еще ехать. Орографическая граница³ уже проехана, но административная Европа еще не кончилась, – мы находимся в Пермской губернии, следовательно, в России, в Европе.

Ст[арая] Белейка. Суббота, 11 августа.

Сегодня с утра нагрянули ко мне в Екатеринбург резчики. Явился Стебаков. Я объявил ему, что мне нужны только запонки и более ничего я покупать не намерен. «Нет, нет-с, все равно, взгляните на наши вещи», – и явился с десятками ящичков, коробочек, футлярчиков. Уж чего-чего не выкладывал он передо мной, сулил от камней большие выгоды на Амуре и сильно удивлялся, когда я ничего не купил, кроме запонок, которые были мне нужны. «Ну уж крепки вы, как я ни старался вас соблазнить – все нипочем».

Екатеринбург – город, в котором, по крайней мере, жизнь видна, и городок, должно быть, живучий, – на улицах движение, народа встречается довольно. Здания есть очень милые, много каменных, улицы хорошие, по окраинам заводы, множество рук заняты ими, и много, кроме того, занято по домам гранильным делом. Прежде отыскивание камней было предоставлено всякому по билету от казны, – много крестьян занималось этим, и камни можно было приобрести по дешевой цене. Теперь это отдано на аренду.

Какая же теперь погода! Встают смерчи, ревут бураны, весь день все шел дождь, теперь поднялся ветер, да какой! Так и ревет; холодно. Впрочем, вообще на восточном пологом склоне Урала холодно. 27 июля был, говорили мне на одной станции, такой мороз, что вода в кадушке замерзла пальца на два; хлеб плох, соломой хорош, а зерно прихватило, овощи все померзли. Картофель даже начал гнить. Здесь всегда так. А жители занимаются, главным образом, хлебопашеством, на приисках – извозничеством.

[...]

Корреспонденции из Восточной Сибири На пути в Восточную Сибирь

[1]

Пермь, 6 августа 1862 г.*

Через несколько времени после того, как наш пароход повернул из Волги в Каму, стала заметна сильная перемена в характере местности; сперва берега делаются отложе; нет уже резкого разграничения между низовыми нагорным берегом, – холмы подступают то справа, то слева, и только позднее нагорною стороною становится правая. Затем, вместо пашен, – отличительной черты волжских берегов от Нижнего до Казани, – начинают показываться леса, сперва урывками, вперемежку с лугами, а потом сплошную массу по обеим сторонам реки. До Елабуги они состоят из березы и сосны; но чем далее мы подвигались вверх по замечательно извилистой Каме, тем реже становились береза и сосна; место их заступала ель. Наконец около Сарапула к самой реке начинают подступать холмы, кончающиеся крутыми размытыми водою обрывами, ярами и сплошь поросшими густым ельником: береза попадается изредка, дуба вовсе не видно, – везде ель. Она беспрестанно напоминает вам близость севера и придает оригинальный характер холмам. Издали они имеют вид лохматых шапок; еловый лес никогда не бывает так ровен, как березовый, верх его весь иззубрен остроконечными верхушками отдельных деревьев. По всей окрестности стелется сизый туман, неизменный спутник хвойных лесов, с берега тянет крепким смоляным запахом.

Изобилие леса оказывается и в прочных избах с тесовыми крышами, и в расточительном употреблении топлива. Например, в Елабуге много занимаются выжиганием алебаstra, и это выжигание производится самым допотопным образом: накладывают костер из длинного, сухого леса, на него кладут камни и выжигают; такой костер пылает часов семнадцать, и алебастр готов. Вы легко поймете, милостивый государь, сколько тут даром пропадает тепла. Печей же не строят оттого, что и в печи не всякий камень прогорит, а тут чего: наложил, зажег, завтра и готово, – толочь будем. – Да дров много идет. «А печку, поди, тоже строить надо». – Печку построил раз, оно

* Заметки были адресованы редактору газеты “Московские ведомости” П. М. Леонтьеву, который опубликовал их в приложении к “Московским ведомостям”, газете “Современная летопись” (1862) (ред.).

не хитро; а дрова каждый раз надо возить лишние. «Ништо, надо; а все больше кострами жгут». Действительно, печей только две, а костров зажжено было много.

В Сарапуле меня удивило множество сапог на пристани: оказалось, что тут целый город сапожников; действительно, в каждом доме либо выделывают кожи, либо шьют сапоги. Что за причина? Да часто и причины не доищешься, иногда просто, ни с того, ни с сего, какой-нибудь городок прославится чем-нибудь, да так и передается этот промысел из рода в род. Однако тут сыскалась причина: обилие кож и удобство сбыта. Кожи идут из Мензелинска, а козлы из Сибири через Ишим; действительно товар очень хорош, работа не дурна, и сапоги находят себе сбыт на ярмарках, которых здесь много в окрестностях и которые следуют одна за другою; теперь в Нижний, там в Ирбит, в Ишим, а то так и просто сбывают вниз по Волге, в Саратов и далее.

Однако я отклонился от своего рассказа.

Приехав в Пермь, я еще более заметил, как отодвинулся к северу: уж на пароходе видел я, что туда везут арбузы, вишню, крыжовник, даже смородину, даже огурцы... Неужели там ничего не родится? – Огурцы родятся, но их мало, очень дороги (15–20 коп. с[еребром] десяток несколько дней тому назад); смородина есть, да дикая, садовой не разводят; у дикой малины только завязи пошли, и теперь, в августе, в Перми есть только одна туземная ягода – земляника... Яблонь не растет, и вообще растительность очень бедная.

Зато, казалось бы, что в городе, находящемся на берегу Камы, следовательно, в прямом сообщении с хлебными губерниями, лежащем на большом сибирском тракте, где число проезжих и провозимых товаров постоянно увеличивается, не должно бы быть дороговизны, а между тем все жалуются на дороговизну; ржаная мука – 72–75 к[опеек] с[еребром] пуд; говядина теперь 8–10 к[опеек] фунт, хлеб 2 к[опейки], рыба и той мало, и та дорога, а под боком такая рыбная река, как Кама, которая даже славится своими стерлядями; квартиры дороги и неудобны. Город должен бы развиваться, а нет*. Пермь велика, это правда, и есть в ней много миленьких, по наружности, каменных домов; улицы широки и правильны, с порядочными деревянными тротуарами; но в этом боль-

* Впрочем, то же явление заметно и на Волге: укажу хоть Козьмодемьянск, крошечный городишка, состоящий из двух, трех улиц с несчастными, перекосившимися домами, со спуском к Волге, сделанным как будто с целью затруднить подъем тяжестей. (Примечание П. А. Кропоткина).

шом городе, на этих прямых улицах вы очень, очень мало встретите народа: сегодня праздник, я изъездил и исходил чуть ли не весь город, а встреченных прохожих, не говорю уж о проезжих, почти могу пересчитать. Торговля идет плохо, и мне говорили, что многие купцы, начинавшие торговать очень удачно, скоро обанкручивались; даже лавок как-то меньше, чем в других городах, и та книжная лавка, на которую г. Завалишин⁴ в «Описании Западной Сибири» указывает как на единственную на огромном пространстве от Казани до Иркутска, существует только на бумаге, – она давно уже закрыта.

Вообще Пермь, после шумного Нижнего, после оживленной Казани, показалась мне очень скучным городом. То же подтверждают и здешние жители, находя ее гораздо скучнее многих окрестных заводов. Затишье!.. и это затишье нарушается подчас только звоном цепей: в Перми, как и в Казани, партии ссыльных останавливаются довольно долго для проверок, расчетов и т.п.; а потому, кроме проходящих партий, часто встречаются здешние арестанты, которые в больших ушатах несут щи для проходящих. Большой ушат наливается полный, и два арестанта с большим трудом несут его; конвойным часто приходится понукать их, что делается очень бесцеремонно. Еще одно зрелище для пермских зрителей: часто, чаще, чем где-либо (например, 6 раз в течение июля) с барабанным боем и прочими атрибутами проезжает мимо окон известная колесница с столбом и с привязанным к нему преступником... В Перми это никогда не делается утром, а в 12 часов, в торговый день⁵.

Кончая, милостивый государь, это письмо, я должен извиниться за его беглую краткость и изъявить надежду, что впредь будет больше материала для писем. Сибирь менее знакома вашим читателям, а Амур интересен и сам по себе.

[2]

13 августа 1862 г., Тюмень.

Проливной дождь лил, когда я выезжал из Перми, и вот прошло пять дней, а дождь перестает иногда лишь на несколько часов; холодно, сыро, петербургская изморось пробирает до костей. Хлеб везде стоит еще на корню, потому что не созрел, да и начать уборку невозможно: надежды на хороший урожай лопаются. Хлеб выходит соломой хорош, зерном же очень плох, а как еще удастся собрать?.. И вот цены, начинавшие было падать, приостановились в понижении. Везде жалуются на необычно-

венный холод: когда я был в Перми, максимум температуры достигал только 7 или 8°, а на восточном склоне Урала в одной из деревень говорили мне, что были уже раза три морозы, из которых один, 27 июля, такой, что вода в кадушке замерзла ночью более нежели на палец; конечно, вследствие этого зелень у овощей вся почернела, даже картофель начал гнить. Дожди развели на дорогах такую грязь, что колеса уходят в нее по ступицу... Но позвольте сказать вам несколько слов про дорогу. От Перми до Екатеринбурга она имеет одну интересную особенность; тут не существует официального шоссе; но шоссе образовалось доморощенное, и очень порядочное, из галек, которыми избилуют тамошние реки*. Насыпалось оно постепенно обывателями и теперь чинится ими же; при этом в иных местах повинность отправляется натурой, в других мир платит известную сумму, и починка дороги находится в ведении казны. Там, где исправляют, «ладят» сами крестьяне, шоссе прекрасно: гладко и камня насыпано достаточно; там же, где исправляет казна, просто ехать нельзя: «все зубы повыбьет», как выразился ямщик: насыпаются не галька, а крупные плоские камни, что делает из шоссе что-то вроде мостовой губернского города.

От Перми дорога все шла по горам: мы переезжали отроги Уральского хребта, которых здесь бесчисленное множество. Вдали по горам виднеются заводы, белая церковь с чугунною решеткой на синеватом фоне сосновых лесов; вокруг нее разбросан чуть ли не целый городок. Аккуратные домики с тесовыми крышами и прямые улицы, вдали доменная печь, массы красноватой руды вокруг нее – вот общая их физиономия. Заводы очень людны: есть иные, где число рабочих доходит до трех тысяч.

Наконец, за Билимбаевским заводом, сквозь туман, показалась синеватую грядой главная цепь Урала. Мы стали подниматься, проехали еще один из множества заводов и взобрались на самый верх хребта. Тут, на высшей точке главной цепи, в нескольких шагах от дороги, стоит окруженный чугунной решеткой сероватый мраморный столб. На одной стороне его вырезано «Европа», на другой – «Азия». Я оглянулся в последний раз: сзади виднелись крупные холмы, спутники главной цепи, белые колокольни на горизонте; впереди пологие спуски восточного склона, кругом невообразимые леса...

* Такое шоссе существует и по всей Восточной Сибири до Иркутска, где оно устроено стараниями графа Муравьева. (Примечание П. А. Кропоткина).

Мы въехали в Азию физическую, но административная Европа еще продолжалась. Пермская губерния зашла частью и в Азию, и два ее города, Екатеринбург и Камышлов, лежали еще на нашем пути.

Не скажу вам многого про Екатеринбург, – я пробыл в нем слишком мало, несколько часов. Одно я заметил: Екатеринбург – город живущий и живучий. Он не заглохнет, ему смело можно предсказать хорошую будущность, особенно когда приведется в исполнение сибирская железная дорога, которая, конечно, не минует его. Самое лучшее доказательство значения Екатеринбурга то, что он хотя и не губернский город, а гораздо больше, красивее и богаче многих губернских: в нем жизнь видна на улицах; торговля идет хорошо, жители не жалуются на скуку, напротив, говорят, что живется весело; наконец, образовавшееся тут педагогическое общество свидетельствует, что деятельность в нем не одна промышленная и торговая.

В Екатеринбурге меня, разумеется, осадили резчики и гранильщики всех калибров: иные приносили с собою целые лавки печатей, запонок, пресс-папье из дымчатого топаза, горного хрусталя, яшмы и пр., другие – несколько десятков запонок собственной работы; я постарался отделаться от них и выехал. Но выехал же не на радость!.. Дорога в Тобольской губернии отвратительна. По целым верстам тянутся бревенчатые гати посреди болотистых лесов; лошади вязнут в грязи, экипаж подпрыгивает, как мячик. Обыкновенно, чтобы дать понятие о такой гати, говорят: «проведите пальцем по фортепьянным клавишам», я, пожалуй, согласен с этим сравнением, но с оговоркой: «непременно проведите по черным». И это большой сибирский тракт, по которому в год провозят до 200000 мест чаю!.. Я старался добиться, отчего дорога в таком состоянии, средств, что ли, нет? Но песня по всей Руси одна и та же: крестьяне поклонятся исправнику, он их и распустил, только песочку велит побросать.

Но зато если дорога за Уралом так гадка, то есть и утешительные стороны: чистота на станциях везде необыкновенная; уверяю вас, что полы, которые, большей частью, покрываются ковриками, чище стола подмосковного крестьянина; постройки прочны, аккуратны, щели везде замазаны, и я не видел еще ни одного насекомого, кроме, и то изредка, «резвых» прусаков, как их назвал Тургенев. Посуда подается всегда чистая на чистом подносе, самовар блестит. Везде чистота, трудолюбие и довольство, несмотря

на то, что мы теперь находимся в одном из самых бедных округов Тобольской губернии. Пахотной земли здесь около 4 десятин на душу, и видно, что тут дорожат тем, что взрастят: пашни везде огорожены крепким забором, скота в хлебах вы никогда не увидите. Хлебопашеством, однако, прокармливать трудно, и жители уходят на заработки в извозничество; дома ткнут ковры в большом количестве, делают колеса и т.д. Ковры находят себе сбыт в Тюмени, откуда расходятся повсюду; они очень хороши, прочны и недороги. Чем объяснить это довольство на болотистых тюменских равнинах? Главная причина, конечно, предприимчивость и трудолюбие, свойственные всем выходцам, а потом отсутствие крепостного права.

Сегодня я приехал в Тюмень. Она состоит из двух частей, нагорной и нижней, за Турой. В нагорной много церквей, каменные дома; там присутственные места и чиновная аристократия; в нижней – мещанские деревянные домишки и везде, как тут, так и там, страшная грязь на улицах; такой нигде, положительно, не приходилось мне встречать. Тюмень с каждым днем становится все важнее и важнее вследствие возникающего здесь сибирского пароходства по Иртышу и Оби до Томска. Число буксирных пароходов постоянно возрастает: в 1860 г. их было всего девять; теперь тринадцать, из которых семь больших, от 80 до 120 сил, один в 50 и пять маленьких от 25 до 35 сил. Теперь строится еще один пароход, который скоро будет спущен. Одного надо пожелать: побольше знания и умения при постройке, а то, например, пароход Рязанова «Иоанн» вышел так плох, что чуть ли не его самого приходится буксировать. А затем пожелаем устройства пассажирского пароходства. Буксирные пароходы хотя и берут пассажиров, но ходят редко и слишком долго, от 16 до 18 дней от Тюмени до Томска, между тем как на почтовых этот переезд совершается в семь, восемь дней. Впрочем, замечу, что эта мысль уже заявлена здешним купечеством, и, следовательно, надо полагать, скоро приведется в исполнение. Устройство правильного пассажирского сообщения между Тюменью и Томском могло бы заставить проезжих ездить на Тюмень лучше всевозможных предписаний почтового начальства. Надо вам сказать, что проезжающие обыкновенно минуют этот город, сворачивая из Екатеринбурга на Шадринск и потом выезжая на большую дорогу проселками. Это составляет большую экономию в прогонах, так как

на тракте вольных почт неизвестно, на каком основании назначена неслыханная здесь цена по 3 коп. за лошадь. Проселком платится по 3-4 коп. за тройку; кроме того, дорога на Шадринск прямее. Вот отчего большинство туда и едет. В охранение же выгод содержателя вольных почт почтовое начальство издало запрещение всем едущим в Сибирь по казенной надобности сворачивать с тюменского тракта и заставляет делать крюк и платить дорожке. Конечно, это предписание, как и многие другие, не приводится в исполнение, да, кроме того, все купцы, которых проезжает такое множество на Нижегородскую и Ирбитскую ярмарки, всегда ездят на Шадринск. Пассажирские пароходы с недорогою платой, конечно, заставили бы их ездить на Тюмень.

Прежде чем кончить письмо, позвольте сделать еще одно замечание: я хочу подтвердить сказанное г-ном Завалишиным о стремлении здешнего купечества к образованию, так громко заявленном пожертвованиями г-на Шешукова и других на устройство учебных заведений. Это стремление составляет особенность не одного здешнего купечества: из разговоров с людьми низших классов я убедился, что самый бедный мещанин и тот непременно старается выучить своего сына грамоте, и действительно училище в Нижней Тюмени постоянно полно. Наконец, число выписываемых журналов и газет сравнительно очень велико: одного «Сына Отечества» получается в город более 50 экземпляров, не говоря уже о других.

[...]

Поездка на Урал в 1866 году

[...]

В Казани мы простояли часа два у берега и этим временем воспользовались, чтобы побродить по суше; о приезде герцога никто не знал, так что он свободно мог гулять между народом, и я с ним просидел на мостике с час времени в беседе. Назавтра мы проснулись уже в Каме, которая в этом году разлилась чрезвычайно, так что, затопив все острова и поемные луга, представляла громадный плес. Часов в пять вечера мы подошли к Елабуге, но по случаю половодья пристань была верстах в пяти от города; пароход пристал у чрезвычайно крутой горы, и мы отправились все карабкаться, чтобы посмотреть вблизи радужные рухляки пермской формации; по причине крутизны Кокшаров¹ и Зинин² спасовали, а герцог и я добрались до верхушки и, сопровождаемые толпой нескольких бурлаков, сошедших с нашего же парохода, отправились смотреть груды камней с легендарным названием «Чортово городище», и герцог набросал его в свой альбом. На обратном пути мы чуть не кубарем скатились с горы к реке и попали к утесу, который преграждал нам совершенно путь к пароходу, и нам приходилось было карабкаться снова в гору; но к счастью, на наши крики со стоявшего подле судна подали лодку, на которой мы и подкатили к пароходу, где остальная наша компания ждала нас с немалою тревогой.

До сих пор плыли мы все дальше, наслаждаясь прелестною погодой и сближаясь все больше и больше между собой; но назавтра наш мир и отсутствие декорума нарушились. Уже часов в 10-ть мы встретили какой-то пароход, пассажиры которого, поравнявшись с нами, сняли шапки и закричали «ура», а когда мы в двенадцать часов подошли к Сарапулу, то увидели на набережной громадные толпы народа; герцога это, видимо, смутило, и он сначала не хотел было выходить из каюты, но Ребиндер³ уговорил его выйти. Когда он сошел на землю, ему тотчас же представились высшие власти и купцы, поднесли хлеб, и он в сопровождении Ребиндера и всего населения городского двинулся в собор; а мы с Зининым, побродивши немножко по грязным улицам этого жалкого городка, вернулись на пароход.

Вскоре вернулся и герцог и рассказал нам, как после молебна в соборе народ вздумал было кричать «ура», но он остановил это излишнее рвение; а я взамен этого сообщил, что мы, гуляя, видели острог – в виде полуразрушенного здания, в рамках которого все стекла были перебиты. Мы еще с час простояли у пристани: все это время герцог сидел в своей каюте, я с Зининым из рубки наблюдали прелестных сарапулок, а Ребиндер выслушивал жалобы мировых посредников о том, что крестьяне не соглашаются на узаконенный надел и не верят, что это есть настоящая воля; разные отставные солдаты и грамотеи поддерживают их в этом убеждении; между прочим, один из них уверял крестьян, что он ходил в Питер, видел царя, пил с ним чай, и последний самолично сказал, что это воля не настоящая. Некоторые из крестьян подали здесь герцогу прошения.

С Сарапула мы уже везде стали встречать на пристанях толпы народа, так что герцог лишен был удовольствия побегать по берегу. Подъезжая к станции Усть-Речке, мы узнали от капитана, что Камский чугунолитейный завод по случаю разлива затоплен, и что при этом унесено водой до 15 тысячи сажень дров; это первое вступление герцога в область горнозаводского дела подействовало на него чрезвычайно дурно, тем более, что этот завод выстроен всего только два года. Когда он стал расспрашивать, каким образом могли выбрать для устройства завода такое низкое место, которое затопляется водой, то получил в ответ, что крестьяне окрестной деревни предупреждали, что это место часто весной затапливается, но им не поверили, думая, что они лгут в тех видах, чтоб у них не отняли покосов, расположенных в этой местности. По поводу этого события у нас был длинный разговор о тех неудачах, которые преследуют на Руси всякие начинания, и все были согласны, что главная причина всего зла на Руси – невежество.

В 11-ть часов вечера мы подошли к Усть-Речке, где герцогу представился начальник Камско-Воткинских заводов – полковник Арсеньев; несмотря на поздний час, луна позаботилась, чтобы нам показать жалкий вид завода, нижние этажи зданий которого были все под водой.

Следующий день был последним днем нашего плавания по Каме, и мы с грустью помышляли об этом, – так уютно сжились мы на пароходе нашей маленькой компанией, и этот день мы провели весь в разговорах; весьма любопытна была между прочим наша беседа в присутствии всей компании с Зининым о событии 4-го августа и затем спорили о значении и деятельности Чернышева⁴.

Часа в три мы пришли в Оханск, где снова весь город был на пристани. В этот же день мы узнали, что в Перми герцога ждет большая встреча: отведена квартира, приготовлена иллюминация, и что общество хочет выехать встречать на пароходе, а так как герцог останавливаться в Перми не хотел, то из Оханска дали знать об этом телеграммой, а равно и о том, что герцог уклоняется от выезда общества во встречу ему, тем более, что мы должны были прийти в город ночью.

Рано утром, часов в 6-ть, нас разбудил стук, и принесший нам умыться Пелешенко⁵ сообщил, что вся набережная усеяна народом, и что стук происходит от обивки коврами сходни и пристани. Герцог еще спал; мы четверо напились чаю, и я с Зининым взяли извозчика и съездили в аптеку за лекарствами.

День был серенький, и нависшие тучи грозили дождем. По возвращении мы нашли уже на пристани массу мундирных чиновников с вице-губернатором Лысогорским во главе; пермский же губернатор Струве был в это время вызван для объяснений в Питер.

Купленные тарантасы для него, по 200 р. каждый, оказались тесны, а потому мы их обменяли на тарантасы вольной почты; великолепный дормез герцога (за который заплачено 1600 р.) уже красовался на набережной. И в то время как общество представлялось герцогу и подносило хлеб-соль, я занялся укладкой в свой тарантас; потом мы позавтракали и часов в 9-ть уселись в экипажи и поехали: герцог с Ребиндером – в собор, а мы остальные – прямо за заставу, где остановились и стали ожидать дормез; в это время полил препорядочный дождь. Наконец дормез подъехал, и мы тронулись в путь в следующем порядке: впереди дормез, в котором сидели герцог и Ребиндер, и сзади Степанов⁶ и Пелешенко на козлах; во втором экипаже ехали я с Зининым и на козлах – Козаков⁷; поезд замыкали Кокшаров с Форе⁸; впереди ехал исправник; кроме того, для вящего торжества около коляски герцога скакали два казака, на смену которых через каждые 3-4 версты являлись новые. Мне на долю достался самый интересный спутник – Зинин, но в то же время самый непокладистый; всякая малейшая мелочь его раздражала, тарантас он предал проклятию с первых же верст как самый неудобный экипаж; лежать он не мог и постоянно вертелся на месте, отдуваясь с особенным звуком и особенно тогда, как я закуривал папиросу, что я и старался делать как можно реже, щадя его нервы. Но все это выкупа-

лось его разговорчивостью, которая незаметно сокращала путь. На первой станции, где нас встретила вся деревня, мы выходили во время запряжки, и вторую станцию ко мне пересел Ребиндер, а Зинин поехал с герцогом. Под каждый экипаж было заложено по 6 лошадей, за все платилось, и при том на водку переднему ямщику давался целковый, а двум – задаток по 50 коп.; прогоны разделявал Степанов.

[...]

Кунгур встретил нас серебристым звоном знаменитых многочисленных колоколов; весь город высыпал на улицы, так что экипаж наш с трудом пробирался к отведенной для нас квартире в доме Губкина; крики «ура» не смолкали. В квартире герцога встретило общество с хлебом-солью; в доме же за отсутствием хозяина – его зять, местный почтмейстер; мы выпили по стакану чая, поболтали с 4-х летнею дочкой хозяина и, пробывши с j часа, поехали дальше.

Проезжая мимо собора, мы увидели около него толпу народа с попом, вышедшим с крестом на паперть, но герцог скомандовал не останавливаться, и экипаж быстро помчался мимо перед носом изумленных попов. И таким образом мы ехали все дальше и дальше, повсюду встречаемые всем населением, подношением хлеба-соли и еще более частым подношением просьб на голове; у Ребиндера уже начинала составляться препорядочная коллекция этих просьб.

[...]

От Москвы до Томска

[1882 г.]

[...]

Дорога от Москвы до Томска так мало известна москвичам, в первый раз отправляющимся туда, что невольно приходится расспрашивать у каждого, более или менее знакомого с Сибирью, о пути, местных условиях и т.д. По дороге в Пермь вы уже найдете много сибиряков, едущих домой, но тем не менее указания их очень сбивчивы, да и каждый вносит в свой рассказ много личных ощущений, так что понятия о Сибири вы все-таки себе составить не можете.

Выехав 22 августа 1882 года из Москвы, я 23 числа начал уже отыскивать себе в Нижнем Новгороде пароход, отправляющийся в Пермь. На станции железной дороги в Нижнем все пароходовладельцы имеют отделения своих контор, где продаются билеты по разным направлениям Волги и Камы; купив билет на пристани, вы пользуетесь правом бесплатного провоза багажа. Взять билет на железной дороге было бы рискованно, так как мне хотелось побывать на ярмарке, чтоб увидеть ту кипучую деятельность и жизнь, которыми так славится Макарьевская¹. Приятно странствовать в среде, которая тебя не знает и не замечает, видеть эту разнокалиберную толпу людей всех наций и поколений, вечно ищущих счастья.

Пароходы отходят в Пермь почти ежедневно, компаний пароходовладельцев несколько, из них однако товарищество пароходства Курбатова и Игнатовых считается по Волге – по баснословной дешевизне и образцовым порядкам – одним из солиднейших.

Главная побудительная причина, заставившая меня выбрать один из пароходов этого товарищества, заключалась в том, что пароходы эти везут на буксире баржу с арестантами. Интерес к этому товариществу еще более увеличился, когда я узнал, что на пароходе едут переселенцы, с которыми я давно хотел познакомиться; а так как поездка моя не была срочная, я и предпочел товарищество Курбатова и Игнатовых всем остальным. Плата за провоз от Нижнего до Перми (расстояние 1404 вер.) в 1-м классе – 8 руб., во 2-м – 6 руб., в 3-м – 2 руб. 60 коп. Единственный недостаток этого буксирно-пассажирского пароходства заключается в медленности хода против паро-

ходов других товариществ. Поездка длится 5 суток и 15 часов, между тем как пассажирские пароходы Любимова, Каменских и других делают это расстояние в 4 суток с небольшим.

25 августа, вечером, я уже сидел с некоторыми пассажирами, с которыми я успел познакомиться в Нижнем, на набережной широкой Волги, дожидаясь парохода, который отходит всегда в 2 часа ночи; такой поздний час отхода, странный с первого взгляда, вызван исключительно местными условиями. Отчаливание парохода днем вызывает всегда у других пароходоладельцев соревнование: желая доказать превосходство своих машин, они начинают обгонять друг друга, окончательным результатом чего являлась, в особенности при первом появлении пароходства на Волге, масса несчастий.

Вот эти печальные последствия заставили основателя этого товарищества Колчина отпускать свои пароходы в такой час, когда все могучие, но утомленные силы волжского народа спят непробудным сном.

Красно-огненное солнце, при безоблачном небе, уже садилось. На пристани в это время шла самая кипучая деятельность: один тащил тюки, другой брал билеты, третий спешил захватить лучшее местечко в каюте и т.д. Нам осталось до отхода парохода еще много времени, чтобы выпить чаю, закусить и поболтать в компании, так как нигде легче не составляется последняя, как на пароходе, где всякий чрезвычайно легко и быстро знакомится.

– Неужели вы в Сибирь? – сказала Александра Александровна, молодая, чрезвычайно грациозная женщина, одетая в красную мантию, похожую на греческую тогу. Её как видно удивляли моя беззаботность и веселое настроение духа; она как-то смотрела на меня с сожалением, боясь, конечно, это высказать.

– Чего ж страшного в этом путешествии? – удивленно спросил Василий Иванович, муж этой грациозной и молоденькой женщины.

Боязнь и трепет перед Сибирью, которые многие питают к ней, лишены, как мы увидим впоследствии, смысла. Это объясняется только абсолютным незнанием Сибири и теми ложными сведениями, которые вкоренены у нас с детства.

Наговорившись досыта, все разбрелись по разным углам парохода под названием «Фабрикант». С трудом удалось пробраться в каюту, так как палуба была вся усеяна спящими друг возле друга пассажирами.

26-го числа с восходом солнца большая часть пассажиров была уже на ногах. Все стали осматривать друг друга, не выглянет ли откуда знакомое лицо. Большая часть пассажиров 2-го класса состояла из

купцов, возвращавшихся после ярмарки домой. Между ними ярко выделялась одна личность, в которой по старческому выражению лица и тембру голоса легко было узнать скопца. Долго помолвившись на икону, он поздоровался со всеми, заговорив при этом каким-то детским, несвойственным этому возрасту голосом. Кроме него выделялся купец С. из Елабуги, ехавший с товаром обратно домой.

Я вышел на палубу. На мостике капитан зорко следил за ходом парохода, так как Волга в этом месте, начиная от Нижнего до впадения в нее Камы, имеет наибольшее число перекатов. Мы приблизились к перекату Нижний Телячий брод, который в настоящее время по искривлению фарватера имеет трудный ход, а воды 8 четвертей². Пароход медленно стал приближаться к нему. Матрос, стоя на носу, стал выкрикивать протяжным тоном глубину воды по опускаемому шесту, и через несколько минут мы благополучно прошли его.

Палуба 1 и 2 класса, находящаяся на некотором возвышении, начала наполняться пассажирами, желавшими подышать свежим воздухом и полюбоваться оживленными берегами Волги. Пассажиры пока незнакомы, но впереди еще 5 суток езды. На расстоянии каких-нибудь 30 саж. от парохода видна была баржа на буксире, наполненная 500 арестантами.

Между палубными пассажирами 3 класса, большая часть которых принадлежала к крестьянам, занимающимся отхожими промыслами, было 17 переселенцев из Рязанской губернии Скопинского уезда, деревни Делихова, ехавших в Бийск, Томской губернии. Первая мысль о переселении зародилась у переселенцев по следующему поводу. Несколько лет тому назад отправился в Сибирь их односельчанин для разведок; но вместо того, чтобы вернуться, он выбрал место в 70 верстах от Бийска, построил зимою хижину, обзавелся скотиной, хлебом и зажил, как говорится, припеваючи. Он не преминул известить земляков о своем житье-бытье и в самых ярких красках обрисовал приволье мест, где урожай бывает всегда сам 10, а с десятины платится в казну всего 50 коп. Письмо сильно подействовало на крестьян, и прошлой весной партия в 30 человек отправилась туда, распродав все, что было налицо. Надел земли уехавших переселенцев состоял из 15 десят., а нанять землю можно было за 25 верст от села за 20 руб. с десятины.

– Бывало, – добавил Полухин, самый старший из переселенцев, – заплатишь подати, аренду за землю, и у тебя остается только одна солома – ни денег, ни хлеба.

В разговор вмешались пассажиры, ехавшие обратно в Пермь и Тюмень и встретившие очень много переселенцев по пути. Они уверяли, что почти половина переселенцев возвращаются назад нищими; сибиряки же, бывшие на пароходе, уверяли, что возвращаются только лентяи, не любящие трудиться и в родном селе, что человек мало-мальски трудолюбивый всегда найдет в Сибири верный кусок хлеба. Слова эти немного утешили переселенцев. Разговор зашел потом о сибирском мясе, которое, по словам некоторых, продается по 40 копеек за пуд и составляет необходимую ежедневную пищу всякого крестьянина.

– Что касается нас, – добавил Полухин, – то дай Бог, чтобы нам удавалось отведать его хоть раз в год, и то если найдутся добрые люди, которые дадут разговестья.

– А что побудило тебя ехать в Сибирь в такую позднюю пору? – обратился я к Полухину с вопросом.

– А это значит, что в нашей волости, сказывали нам, получился уже указ, что царь желает распустить свою чернь, – уж очень тесно стало ей. Если бы дожидались до объявления указа, то начальство бы нам указало место, а теперь мы сами выберем себе любое, вот почему мы и поспешили.

«Фабрикант» подвигался все дальше и дальше, минуя массу однообразных сел, разбросанных в беспорядке то там, то сям на берегах этой реки.

Вот показались баканы Безводнинского переката, на котором какой-то пароход стоял на мели. Здесь должен стоять пестрый бакан, который показывал бы, что тут два хода, а между тем его нет. За этим должен следить или начальник дистанции, или инспектор судоходства. Пускают сюда пароходы, не обращая никакого внимания, на какой осадке идет судно – мельче ли того, насколько находится воды на перекате, или глубже; и вот почему пароходы и суда, проходя перекаат, становятся на мель, чем портят самый фарватер и задерживают ход других судов, которые могли бы свободно проходить, судя по своей осадке. От этого замедления страдают интересы владельцев судов, теряющих в таких простоях дорогое время.

Незавидна участь пассажиров, перед глазами которых прошел «Фабрикант» совершенно благополучно.

Затем пошли перекааты: Кадницкий, Керженский, Просецкий, Верх-Осельский и Фокинский.

В полдень стали мы приближаться к Василь-Сурску. Баржа стала параллельно пароходу и тогда возможно было чрез решетчатую ограду разглядеть арестантов, появившихся на палубе. Видно было вдоль всей железной решетки, закрытой с обеих сторон подъемными полотняными занавесками, окрашенными масляной краской в бурый цвет для защиты от холодных ветров и бокового дождя, множества детей всякого возраста, толпившихся у решетки. Масса пассажиров окружила у пристани сходню, с любопытством оглядывая арестантов; у многих было видно неподдельное сожаление, а у иных и слезы. Одни подавали им подаяние звонкой монетой, другие пропихивали им яблоки чрез большие решетчатые отверстия железной ограды. Некоторых ссыльных ссадили в Василь-Сурске, а новых под конвоем привели на баржу.

Вот появился солдат с небольшой корзиной, покрытой рогожкой.

– Что это? – крикнул конвойный офицер.

– Раки, – ответил солдат.

– Отнеси их политическим ссыльным.

Солдат, отнесший их, прошмыгнул по палубе и скрылся в совершенно закрытой от глаз пассажиров каюте.

Желая узнать причину ссылки некоторых арестантов, находившихся на палубе, я обратился об этом с просьбой к дежурному офицеру.

– У меня есть один замечательный субъект, которого я вам покажу: это – убийца, бежавший с Сахалина.

Он громко крикнул солдату:

– Приведи сюда Камалова!

Через несколько минут послышался лязг цепей, арестанты на палубе отстранились, и появилась высокая, худая фигура убийцы. Бросив на нас испытующий взгляд, он приподнял немного арестантскую шапку без козырька, стараясь как можно меньше обнажить голову – видно было, что бритая часть головы сильно стесняла его.

– Почему ты сослан? – спросил офицер.

– Убил купца Лапшина, – скороговоркой ответил убийца.

– Расскажи нам лучше, как ты удрал с Сахалина! – предложил ему следующий вопрос офицер.

– После убийства купца Лапшина, – хотя в действительности не я его убил, а мой племянник, – я был сослан на Сахалин в порт Дуэ, где занимался нагрузкой и разгрузкой на суда каменного угля. По субботам нас водили в баню. Уже смерклось, когда нас повели оттуда обратно в каземат. Мне сильно взгрустнулось в это время по родном селе, и так как за

нами не особенно следили, то мне и удалось улизнуть. В продолжение вечера я бродил по берегу, достал себе несколько брусьев, из которых сколотил на скорую руку маленький плот; проплыв на нем верст 60, достиг берега, откуда и направился дальше на Благовещенск, Нерчинск и т.д. до родного села. От Сахалина до Благовещенска питался я кореньями, которые довольно вкусны. Недолго мне, однако, удалось пробыть в родном селе – всего два часа, так как родной брат немедленно донес об этом, и я попал обратно сюда, ваше благородие.

Кроме Камалова, мне удалось поговорить немного с хорошенькой румынкой, женой одного русского доктора, отравившего своего мужа; с крестьянкой, убившей своего мужа, и некоторыми другими. Всё засуетилось на барже в это время, так как привели новых арестантов, и я принужден был оставить баржу с намерением осмотреть ее лучше в Перми.

Нагрузка яблок в Василь-Сурске длилась очень долго. По причине урожайного года на яблоки, многие из купцов скупали их здесь для отправки в Пермь, Тюмень и Сибирь. Цены фунта яблок в Василь-Сурске 2-3 копейки, в Перми 7-8 копеек, а в Томске те же яблоки 15-20 копеек. Подобное быстрое повышение цен очень понятно, так как купцу удастся привезти на место не более половины, – остальные портятся. Торгуют ими большей частью татары.

Дешевизна яблок, 80 копеек пуд, побудила некоторых пассажиров купить несколько пудов и для арестантов. На долю каждого досталось, вероятно, одно, много два яблока.

Вот прошли Козьмодемьянск, Чебоксары и приблизились к Куниковскому перекату, который на расстоянии 20 верст ниже Мариинского посада мелок (воды 6 четвер., ход довольно трудный). Пассажиры, внимательно прислушиваясь, могут немедленно узнать близость переката, – пароход дает маленькие толчки, а вода покрывается рябью. На перекате находилось до 70 баржей и 14 буксирных пароходов. Странно, каким образом начальник дистанции дозволил ставить суда так близко к перекату, – они только мешали проходить другим судам. На этом перекате пароход терся и хватал мели три раза. Капитан убавил ход машины до самого тихого, а когда пароход хватал мели, он давал полный ход, и пароход как будто перескакивал эти небольшие возвышенности дна.

27 августа в 11 часов утра «Фабрикант» приблизился к Казани. Арестантская баржа, подошедшая к городу, отделилась от парохода и пристала к отдельной пристани. Все закопошилось, началась тотчас же

пересадка арестантов. Сплошная толпа, образовавшаяся вокруг баржи, с любопытством следила за арестантами разных возрастов, стоявшими на барже и выглядывавшими из больших отверстий железной решетки. Татары заговорили с арестантами-татарами по-татарски, евреи – с евреями по-еврейски; одни подавали деньги, другие арбузы, третьи яблоки и т.д. Русские пассажиры очень мало принимали участия в русских арестантах, которые безучастно смотрели на окружающую их толпу. Баржа начала нагружаться арбузами, которые в Казани намного дешевле, чем в Нижнем, так как их везут из Саратова и Астрахани. Конвойные солдаты носили по два арбуза и складывали их на одну половину баржи. Казалось довольно странным с первого взгляда, что арестантов кормят арбузами, так как арбуз обходился, во всяком случае, не дешевле 12 копеек. На вопрос, для кого эти арбузы, мне ответили, что «это для его благородия, конвойного офицера». Ответ, однако, меня не удовлетворил, так как целая куча арбузов, около 500 штук, заняла почти половину палубы, так что пришлось вытеснить арестантов на другую половину. По расспросам оказалось, что конвойный офицер ведет торговлю между Нижним и Пермью, скупая на пристанях продукты для продажи их в Перми. Не думаю, чтобы было известно г. Курбатову, что конвойные офицеры превращаются по дороге в продавцов, а арестантское помещение в товарный склад, так как на пароходах Курбатова и Игнатовых строго настроено воспрещена служащим какая бы то ни была торговля.

Прекрасная погода и полная жизнь деятельность на пристанях Казани влекли каждого пассажира на берег. Я вышел и завернул в трактир, перед окнами которого расстилается Волга со множеством пароходов и барж. Едва только я успел съесть порцию ухи из свежих стерлядей, как первый сигнальный свисток об отчаливании парохода был подан: я поспешил, но оказалось, что пароход простоял еще битый час, пока отчалил от берега.

В Казани село несколько новых пассажиров, между которыми выделялись две девушки: одна из них модистка из Перми, другая – генеральская дочь. Насколько первая была апатична, несмотря на все свои прелести, настолько вторая отличалась живым темпераментом. Молодой юнкер, сильно ухаживавший за генеральской дочкой, проводил с ней все время. Несмотря на пустоту разговоров, которые вращались только на танцах и сплетнях, – разговор вестен был с такой живостью и интересом, что все сидевшие в каюте следили за юной парочкой с особенным вниманием.

Веселое настроение духа сидевших в каюте увеличилось еще одним забавным случаем, который немедленно пронесся по пароходу, вызывая при этом несмолкаемые взрывы хохота. На «Фабриканте», равно как и на всех пароходах товар. Курбатова и Игнатовых, есть отдельная каюта для купаний с душем. Купец С., ехавший в Елабугу, по привычке к ежедневным омовениям пожелал воспользоваться купальней на пароходе для очищения как своего тела, так и совести после Макарьевской. Он получил разрешение от командира и влез в каюту, в которой и занял по причине своей тучности больше половины пространства. Неловким движением он задел во время купанья разложенное тут же на лавочке платье, которое упало в кадь со скипидаром, стоявшую под скамейкой. Видя свое безысходное положение, он надел сапоги, стоявшие в стороне от платья, накинул на шею полотенце, висевшее в купальне, отворил дверь каюты, выходящую на палубу, и стал звать о помощи. «Господин командир, – крикнул матрос, – пассажир хочет удавиться». Густая толпа палубных пассажиров с капитаном во главе окружила каюту, чтоб узнать причину появления купца из полуотворенных дверей каюты в адамовом костюме.

– Во что прикажите его одеть, Андрей Фокич? – спросил матрос.
– Все вещи его в багаже.

– Дайте ему в таком случае матросское платье, – ответил капитан.

Капитан парохода г. Орлов, человек дела и практики, служит уже 26 лет на Волге и на своем деле, как говорится, собаку съел, но не упускает случая поухаживать за пассажирками; желая посмешить их, он приказал достать для купца матросское платье.

Купца, которому костюм этот подходил, по русской пословице, как корове седло, провели через палубу в каюту. Несмолкаемый хохот пассажиров, а главное язвительные остроты простого класса на палубе сильно раздражали его. С лицом, искаженным злобою, и глазами, опущенными долу, прошел он по палубе как будто сквозь строй в каюту, где и улегся на нару.

Вечером часов в 6 мы дошли до устья Камы, где она сливается с Волгой (одно из очень красивых мест в Волжском бассейне) и прошли Лаишев. 28-го числа начали приближаться к знаменитой даче Крыжановского³, наделавшей много шуму в России, и соседней с нею даче кн. Ливена⁴. Местность эта одна из лучших на берегах Камы. Вдали, в чаще леса, виднелся домик с зеленою крышей, в котором отдыхал, вероятно, после трудов праведных Крыжановский. Небольшая пристань на берегу с маленьким пароходиком привлекла внимание многих пассажиров. На пароходе ехал дядя владельца этой дачи,

купившего ее у Крыжановского за 260000 руб., по 50 руб. десятина; Крыжановскому же обошлась десятина в 3 р. 20 к.

Двух или трех дней на пароходе вполне достаточно для того, чтобы познакомиться со всеми пассажирами. Меня особенно интересовал скопец Иванов из Тюмени, который кроме чая и соленых огурцов с хлебом ничего не ел, не входил вначале ни в какие разговоры и мрачно глядел из угла каюты своими безжизненными глазами на окружающую толпу. Удобный случай для разговоров представился, когда капитан спросил его прямо в присутствии некоторых пассажиров, к какой секте он принадлежит. «Я – резанный», – ответил он. Мы заговорили тогда с ним откровенно, и он рассказал всю свою биографию – где, каким образом и при каких обстоятельствах он был оскотлен на 12 году своей жизни, наказан в 1837 году 28 ударами розог и отправлен на поселение в Сибирь. В Омске он попал на казенную службу, дослужился до столоначальника, но тем не менее до сих пор не получил никакого чина. Теперь он возвращается из Петербурга, куда поехал только за тем, чтобы поставить свечку над гробом в Бозе почившего Государя Императора Александра II. Средства выдал ему богатый купец из Тюмени, г. Давыдовский, которого он и сопровождал.

В разговоре о религии он рассказал, каким образом Ливанов⁵, описывая раскол, врет, доказывая, что хлысты или скопцы желают возвесть на престол одного из своих, так как нелепость находится в самом корне, ибо от хлыстов не может быть потомства. Появление Иванова в публике, где находились женщины, вызывало всегда натянутость, так как неловко было говорить о нем, а между тем всякий знал о том, что он скопец. Насколько Иванов расстраивал веселое расположение духа прекрасного пола, настолько возвращалось оно с появлением толстого немца из Риги, учителя немецкого языка, получившего назначение в Омск.

Он всю дорогу охал и стонал, жалуясь на неудобства путешествия и на лишения, которым человек подвергает себя, предпринимая путешествие. Он ел за троих и жаловался на отсутствие аппетита, спал по целым дням и был недоволен пароходными диванами, на которых нельзя было выспаться. Очнувшись, он всегда вспоминал о своей матери, оставшейся в Риге, которую извещал по телеграфу из каждого города о своем здоровье, так как поездка nach Sibirien* очень страшила ее. С особенным наслаждением мечтал он о Перми – там он решил, наконец, отдохнуть, выспаться и с свежими силами двинуться в путь.

* nach Sibirien – в Сибирь (нем).

В 11 часов вечера мы прибыли в Гольяны. Пассажирам 1 и 2 классов приходилось сидеть в каютах, так как капитан не разрешил пассажирам выходить на мостик по причине дождя и темноты ночи, дабы не мешать лоцману управлять пароходом. Однако лишь только отчалили от Гольян, как зарево пожара осветило всю дорогу и выход пассажиров на мостик был разрешен; бесчисленное множество красных языков сливалось как будто с облаками; целая деревня, объятая пламенем, похожа была на бушующее огненное море, которое в некоторых местах сливалось с облаками, точно смерч.

31 августа, в 2 часа пополудни, мы достигли Перми. Все на пароходе засуетились, укладывая свой багаж и прощаясь друг с другом. Многие из пассажиров должны были уехать в тот же день в Екатеринбург в восемь часов вечера, в том числе и переселенцы. Им пришлось только перенести свои вещи на вокзал железной дороги, который находится тут же у пристани, шагах в 40. Я решился остаться двое суток в Перми, чтобы осмотреть город и пушечные заводы в Мотовилихе.

Город расположен на небольшой возвышенности и казался мне, когда я был еще на пароходе, довольно эффектным, но в действительности он далеко не оправдал этого представления. Сдав свои вещи в гостиницу, я поспешил на соседнюю пристань, куда причалила баржа, смотреть на высадку арестантов. Большая цепь вооруженных солдат окружала пристань, где высадка уже началась. Первыми вышли политические преступники: семеро взрослых (пять мужчин и две женщины) и трое детей. Нужно полагать, что они все из Москвы, так как лица их были знакомы, как будто я видал их на московских улицах или в Румянцевском музее. Одна из женщин – худая, желчная, в очках, другая – молодая, симпатичная особа в лайковых перчатках, с накинутым на плечи оренбургским платком из козьего пуха, вела одною рукой маленького мальчика, а в другой несла изящный зонтик. С гордой поступью и с улыбкой на устах вышли женщины на берег. Что это была не настоящая улыбка, а напущенная, можно было заключить из того, что лицевые мышцы часто вздрагивали. Толпа простого, серого народа за это время все больше и больше прибывала. Образовавшуюся группу из политических преступников конвойный офицер просил выждать у расположенных на берегу тюков, пока не выведут всех остальных арестантов. Я очень близко подошел к арестантам, став впереди цепи солдат, так что никто меня не заметил, и, вооруженный очками и хорошим биноклем, внимательно присматривался к арестантам; но в это

время молодая, красивая женщина из политических ссыльных нагнулась к конвойному офицеру, спросив, вероятно, кто я такой, ибо меня тотчас же удалили. Я стал позади цепи, в толпе. Все время шла деятельная высадка арестантов, по окончании которой началась сортировка мужчин попарно, гуськом, а женщин с детьми усадили на поданных дрогах. Политическим ссыльным подали отдельные дроги, но они отказались сесть и потребовали карету, которой не оказалось после тщательных розысков в Перми. Вместо кареты отправленный за нею солдат привел две узеньких линейки, употребляемые повсеместно в сибирских городах, на которых сели женщины с детьми, мужчины же отказались и стали в строю вместе с арестантами впереди. Этот длинный поезд, окруженный солдатами и сопровождаемый массою зевак, тронулся с пристани по узкому подъему, ведущему в город.

Я уехал осматривать город. По внешнему виду он уже отличался от городов Европейской России: улицы в нем не мощены, грязи по колена; на всем унылый вид, наводящий какую-то щемящую грусть. Вместо мостовых проложены доски, по которым гуляют кое-где пермские жители. У вокзала, близ Курбатовской пристани, расположились переселенцы с своими котомками; какой-то околоточный пересчитал их, записал и выдал им билет на проезд в Екатеринбург с уступкой 50% против номинальной цены. Переселенцы остались очень довольны этой уступкой.

Осмотрев поверхностно город, я поспешил на полустанок Мотовилиху, в шестиверстном расстоянии от Перми, где находятся пермские пушечные заводы, славящиеся своим знаменитым паровым молотом. Поезд отходит вечером и снабжен вагонами IV класса. Это, кажется, единственная русская ветвь, снабженная такими вагонами, которые ничем особенным не отличаются от вагонов III класса всех железных дорог. – В конторе завода мне выдали билет для осмотра и провожатого. Площадь завода обширна: чтоб ее обойти, нужно употребить, по крайней мере, три часа. Особое внимание обращают на себя три паровых молота, из коих самый интересный 50-тонный⁶, наковальня которого заключает в себе 40000 пудов железа. Это самый большой молот в мире, и каждый удар его отчетливо слышен в Перми. Осмотрев все выдающиеся постройки и разного рода устройства, как печи Сименса⁷ и Мартенса⁸, а также и генераторы, мне пришлось долго ждать обратного поезда в Пермь, и я предпочел отправиться пешком по чрезвычайно неудобной и топкой набережной.

На следующий день баржа «Тюмень», привезшая арестантов, была вычищена для приема новых арестантов в Нижний, так что мне удалось осмотреть ее досконально. По типу и величине она ничем не отличается от парохода, лишена только машины. Арестанты помещаются исключительно на баржах, буксируемых пароходами. Каждая баржа имеет 255 фут. длины и 26 ширины. Внутри баржи устроены 4 арестантские камеры, из коих первая имеет 52 ф. дл. и от 16 до 24 ф. шир., остальные же немного менее. Одна камера рассчитана на 202 челов., две на 200 и одна на 100 чел. Свет проникает в камеру сквозь шесть оконцев, из которых каждое имеет j арш. в выш. и S арш. в шир. Воздух вводится в камеру посредством трубы, оканчивающейся расширенным и загнутым под правым углом концом над крышей подпалубного пространства. Диаметр трубы – 1 фут. Площадь палубы под тентом равняется 2040 кв. ф. Для помещения конвойного офицера, доктора, фельдшера и конвойной команды устроены каюты в носовой части палубы. На каждой барже устроены особые каюты для лазаретов на 25 кроватей, с полным комплектом казенного белья, по три перемены на каждую кровать. Для каждой кровати заведены и содержатся в опрятности холщевые тюфяки и подушки, набитые сеном. Кроме того, в лазаретах находятся ванны для больных. После каждого рейса баржи окуриваются сернистою кислотой. Один доктор полагается на три баржи. Пища во время сплава на баржах готовится по раскладке и ежедневно состоит из двух блюд: а) на обед – капустные щи или картофельная похлебка с мясом по S ф. на человека и б) на ужин – кашка из крупы гречневой или ячменной, по S фунта на чел., с маслом, по 6 зол. на каждого, а кроме того два фунта печеного хлеба на каждого арестанта.

2 сентября вечером выехал я в Екатеринбург по Уральской железной дороге. Наплыв пассажиров был так велик, что прием багажа окончился только в 8 час. 15 м., причиной чему, конечно, была Нижегородская ярмарка. Все вагоны были битком набиты народом. В вагоне ехало несколько венгерцев, которые исключительно заняты торговлей с Сибирью. Они отправляются туда осенью, зимуют, а весною возвращаются назад. Главным образом, проникают таким путем в Сибирь товары австрийские и варшавские. Путешествие совершают они пешком, неся с собой короб, наполненный всевозможными мелкими товарами, начиная с писчей бумаги и кончая дорожными шелковыми материями. Перекочевывая с места на место, они разносят эти товары по городам и селам.

Дорога по Уралу так незаметно подымается в гору, что все представления наши о высоких Уральских горах пропадают, точно иллюзии. Станции Чусовская, Белая, Бисер и Кушва не представляют собой ничего особенного из вагона железной дороги, и только Нижний Тагил, лежащий в долине, чрезвычайно эффектен. Весь завод точно на ладони и окружен небольшими холмами. В 4 часа мы уже были в Екатеринбурге. От Екатеринбурга до Тюмени (расстояние в 306 верст) нам пришлось тащиться на лошадях.

Почтовый тракт отдан некоему г. Михайлову, живущему в Петербурге. Плата за прогоны взимается по 4 коп. с лошади и версты, между тем как цена по всей Западной Сибири за версту 1S коп. Монополия эта тем более странная, что г. Михайлов нанимает лошадей для проезжих у крестьян, живущих в этих селах и получающих от него все натурой, вследствие чего последние и находятся у него в неоплатном долгу*. За проходную телегу, т.е. такую, которая доходит прямо до Тюмени, г. Михайлов берет отдельно 12 руб. Телеги эти чрезвычайно неудобны по причине большой тряски.

К переселенцам Рязанской губернии присоединились в Екатеринбурге еще некоторые из Тамбовской и Владимирской губерний и наняли пять одноконных подвод по 40 коп. с пуда. Весу со всеми их пожитками оказалось 135 пудов, так что им пришлось всего заплатить 54 рубля, а нанимая особые подводы у возчиков, которые требовали с них по 14 руб., им бы пришлось уплатить 70 рублей. Самое интересное — это картина взвешивания. Жаль, что я не записал все остроты.

Только что выехал я с поручиком Айдаровым из Екатеринбурга, как навстречу нам попались пять троек с политическими преступниками, которых везли в Петербург с какой-то железной тачкою из рудников. Они промелькнули так быстро, что разглядеть возможно было только жандармов, сидевших на облучке против преступников.

На станцию Белоярскую (вторая почтовая станция от Екатеринбурга) прибыли мы в час ночи. Здесь встретили мы экипаж парохода «Роджерс», пробиравшийся обратно в Америку⁹. Экипаж отправился спасти несчастную «Жанетту», но так как пароход «Роджерс» сгорел, то экипаж оставался около семи месяцев между чукчами, добрался до Якутска, откуда и следует теперь чрез Россию домой. Между командой экипажа находится только один спасшийся от «Жанетты»; он отправился с той партией,

которой удалось спастись, а другая погибла. Металлические гробы, назначенные для отправки останков, найденных спустя некоторое время на берегах Лены, на родину, в Америку, находятся уже в Екатеринбурге. Позднее время и плохой переводчик, которого экипаж возил с собою, не дали возможности поговорить с ним как следует.

Мы выехали со станции очень поздно, при облачном небе, в темную, безлунную ночь, под мелким дождем. Едва успели отъехать каких-нибудь семь верст, как ямщик заснул, завез нас в канаву и чуть-чуть не опрокинул. Схватив его за пояс, я дал ему два пинка, что заставило его осадить лошадей, повернуть назад и одуматься немного, прибавив: «Нет, барин, бить таперича уже нас нельзя. Эй, староста?..»

Из под навеса хижины, расположенной вблизи села, выглянул мужик с которым он начал советоваться, что с нами делать. Они порешили, что нас следует везти обратно в деревню и общим сходом решить, как с нами поступить. Делать было нечего, пришлось только лежать в повозке и ждать страшного суда. Привезши нас обратно в деревню Белоярскую, ямщик разбудил старосту, смотрителя и других. В то время как они советовались, что с нами делать, я разузнал, что в селе главное лицо — пристав. Разбудив его, я обратился к нему с просьбой о содействии, показав в то же время свои документы и бумагу, выданную мне от члена археологического общества г. Павлинова, в которой он просит содействия по собиранию материалов для древнерусского искусства. Этого было достаточно, чтобы пристав сделал немедленно все зависевшие от него распоряжения. Выскочивший жандарм разогнал сход, вместо старого ямщика нам посадили самого хозяина, собственника лошадей, и вместо двух лошадей, за прогоны которых было заплачено, нам дали до Тюмени по тройке.

Деревни, попадающиеся по дороге до Тюмени, очень большие, тянутся иногда на несколько верст. Постройки по чистоте во многом отличаются от простых крестьянских изб Европейской России. Крестьяне живут гораздо лучше и зажиточнее.

Мы доехали до сибирской границы или черты, разделяющей Пермскую и Тобольскую губернии, на 69 версте от Тюмени, часам к 9 утра. Скромный памятник из кирпича с гербами двух смежных губерний украшает эту границу. С помощью ямщика мне удалось добраться до него и прочесть некоторые надписи. 6 сентября в 4 часа дня, мы приехали в Тюмень.

[...]

* Кроме этого, г. Михайлов получил субсидию в 200000 руб. (Примечание И. С. Левитова).

От Москвы до Екатеринбурга
(Из путевых заметок)

[1887 г.]

[...]

VI

Пермь и ее достопримечательности. – Фосфорный завод. –
Пермские пушечные заводы

Пермь, когда сходишь в ней с парохода и направляешься по набережной и главным улицам, к центру города, – смотрит красивым, чистым, полным порядка губернским городом. Прямые, точно по нитке проложенные, Торговая, Сибирская, Екатерининская улицы, с гладкими плитными мостовыми; большие храмы, между которыми замечательны Спасо-Преображенский кафедральный собор и обширная, окрашенная под цвет чугуна и богато украшенная внутри Воскресенская церковь¹, выстроенная в память освобождения крестьян от крепостной зависимости; спорящие друг с другом по внешнему виду и стоимости казенные, общественные и частные здания, новый красивый каменный театр; роскошное, вновь выстроенное и освященное 12 июня, в присутствии Их Императорских Высочеств великих князей Михаила Николаевича и Сергея Михайловича, здание женской гимназии², стоящее до 75000 руб.; прилегающий к театру и гимназии городской сад, достаточное количество учебных и благотворительных учреждений, обилие торговых заведений – вообще весь центр города не только не уступит другим губернским городам, но превзойдет многие из них.

Сходишь с главных трех улиц чуть-чуть в сторону и сразу из Пермь-губернского города попадаешь в Пермь-деревню и положительно задыхаешься в пыли, так как мостовыми покрыты в Перми только три улицы и полтора переулка; все остальные улицы и переулки находятся почти в первобытном состоянии.

Другой важный недостаток города, имеющего со слободами 24000 жителей и около 1700 домов и владений казенных и частных, – отсутствие хорошей воды: камская вода дает сильно желтоватый глинисто-органический отстой, и ее пьют лишь за неимением другой, лучшей

воды. О водопроводе в Перми возбуждалась речь несколько лет назад, но дело это в исполнение почему-то не приводится. В этом отношении значительно меньший уездный прикамский городок Елабуга перещеголял Пермь: в Елабуге, благодаря гг. Стахеевым, водоснабжение горожан, тоже пользовавшихся прежде, по необходимости, желтой камскою водой, теперь в примерном состоянии: водопровод дает отличную по качеству воду; в семи пунктах города устроены громадные резервуары-бассейны для разбора воды, и по пути водопроводных труб сделаны отводы-краны на случай пожара.

В Перми же весной, в половодье, в отношении воды бывает страшная нищета: весь город пробавляется водой из Кашинских бань³, имеющих водоочистительную машину. «Если город не в силах сам устроить водопровод, почему бы ему не попросить помощи у земства: у нас земство к хорошему делу отзывчивое, оно вот недавно много денег дало на новый дом женской гимназии, да и вообще на дело не скупое», – говорил мне один из горожан. Да и сам город, по своему торговому положению, не беден...

В торговом отношении Пермь, благодаря своему положению на судоходной Каме и на большом Сибирском тракте, занимает видное место: она служит складочным местом для товаров, идущих из Азии в Европейскую Россию и обратно; на пристани ее грузится, по сведениям *Всеобщей статистики*, товаров на 7S миллионов и разгружается на 3S миллиона. Из отчетов местных банковых учреждений можно вывести заключение об общем положении торговли в Перми. Пермское общество взаимного кредита за 1886 год имело всего оборота по операциям общества. 5096906 руб., сумма открытого им кредита достигала 1030350 руб., чистой прибыли, за покрытием всех расходов и скидкой со счета протестованных векселей, было 4903 руб. 84 коп. В лучшем еще положении находятся дела Общественного Марьянского банка: чистая прибыль его в 1885 году была 74189 руб. и в 1886 году 83346 руб., а за два года 157535 руб.; при распределении этой прибыли отчислено было: на благотворительные цели 3560 руб., в основной капитал 54232 руб. и в доход города 96272 руб. Общие доходы и расходы города за год 190-200000 руб.

Пыскорского Преображенского Ставропигиального монастыря⁴, который много лет стоял сначала на реке Пыскоре в городке Камкоре⁵, затем на реке Лысьве в Соликамске и был переведен в конце прошлого столетия в Пермь, вскоре после ее основания, давно уже не

стало: будучи обращен в архиерейский дом, он постепенно утратил свой прежний облик и ныне существует лишь в народной памяти. Основан он был Иоанникием Феодоровичем Строгановым, в монашестве Иоасафом, и был в прошлом столетии богат угожьями, рассеянными по Кунгурскому округу, в Сылвинской волости (эта волость принадлежала монастырю вся, в ней было 3500 душ оброчных крестьян) и в Дедюхине, где на монастырских соляных промыслах вываривалось для продажи 1 200000 пудов соли. Мужского монастыря в Перми в настоящее время нет, но есть небольшая женская обитель. Чтимая местными жителями святыня – посох святителя Стефана Пермского⁶, современника преподобного Сергия Радонежского⁷, находится в кафедральном соборе, в коем придел посвящен имени Святителя Стефана. Пермскими особо чтится также икона этого святителя, находящаяся в часовне его имени; икона эта писана профессором В. Верещагиным и была на мощах святителя в Москве.

Характеристическая черта Перми – полнейшее отсутствие нищих: их не видно ни на улицах, ни у храмов, ни у домов. Вместо подаяния милостыни в руки, в Перми каждый опускает свою лепту на «нищую братию» в кружки, повешенные у храмов и на перекрестках. Собирающиеся в кружках суммы особым комитетом призрения нищих раздаются им большими или меньшими суммами, сообразно нужде каждого, о которой предварительно собираются подробные и быстрые справки.

Из учреждений Перми, с которыми удалось мне познакомиться, единственным в своем роде является земский приют для душевнобольных с мастерскими при нем. Сидящие в других городах за решетками, чуждые всякого труда, умалишенные больные в Перми, под наблюдением врачей, работают, и их выпилочные, ажурные, швейные, вязаные, сапожные, ковровые, столярные, слесарные и другие работы, находившиеся на Сибирско-Уральской выставке, вызывали по чистоте отделки общее внимание и одобрение. К сожалению, мне не пришлось в подробностях узнать в этот раз историю и порядки столь благотельного для душевнобольных учреждения.

Совершенно иное впечатление производит отношение пермского общества и Уральской железной дороги к переселенцам, которые массами летом проходят через Пермь в Сибирь «на новые места». Никакого учреждения в Перми, которое хотя бы отчасти облегчало положение этих, нередко совсем нищих крестьян, нет; помещаются переселенцы в ожидании мест в поездах, что длится иногда три-четыре дня, частью в хол-

щовых палатках на небольшом незастроенном пространстве между вокзалом и амбарами, частью, за неимением мест, прямо под открытым небом, на мостовой. В мае 1887 года через Пермь прошло 2318 взрослых переселенцев и при них детей от 5 до 10 лет от роду 574; о маленьких детях сведений нет. За провоз их Уральская дорога, не считая клади, получила 9200 руб. В июне переселенцев было еще больше. Мне пришлось видеть в Перми крестьян, переселяющихся из-под Бахмута Донской области к Благовещенску-на-Амуре. Весь путь, который предстояло им проехать и пройти с прежнего места жительства на новое 10570 верст. Выселялись эти крестьяне «целым миром со старостой, сотским и десятским»; на весь путь в 10S тысяч верст они имели, отбывая со своей родины, по 40-80 руб. на семью.

Из заводов, находящихся в Перми, обращает на себя внимание единственный по своему производству в России фосфорный завод братьев А. и В. Тупицыных⁸, основанный ими в 1869 году с целью вытеснения из России иностранного фосфора. Завод находится близ города на выгоне, около речки Данилихи*. Заведуют заводом сами владельцы, получившие образование в Петербургском университете. Рабочих на заводе до 100 человек, изготовил он фосфора в последний год 5S тысяч пудов на 165000 рублей. Фосфор г. Тупицыных потребляется не только в России, но стал в значительном количестве требоваться и за границу: в Стокгольм, Гамбург, Лондон. Поэтому с августа 1888 года завод увеличивает свои действия, и для этого готовятся необходимые помещения; с расширением завод будет вырабатывать 140 – 150000 пудов фосфора в год.

Почти полдня потребовалось на осмотр громадного Пермского пушечного завода. Видеть этот завод пришлось мне во всей силе его деятельности, так как, по случаю обозрения его Августейшим Почетным Президентом Сибирско-Уральской выставки, были в полном ходу все разнообразные фабрики и отделения завода, и, благодаря любезности горного начальника Пермских пушечных заводов и его помощника, оказалось возможным получить подробные сведения об устройстве и работах завода.

Пермский пушечный завод находится в трех верстах от Перми, около большого подгородного заводского селения Мотовилихи. Завод и село расположены так же как и город на левом берегу Камы; село широко

* У Кельцева ошибочно: Даниличихи (ред.).

раскинулось на береговой горе, а завод стоит под горой. С одной стороны мимо завода идет русло Камы, с другой Уральская горнозаводская железная дорога, имеющая здесь полустанок. Село Мотовилиха представляет [собой] почти город, в нем более 12000 жителей и более тысячи домов. Основанием своим оно обязано Мотовилихинскому медеплавильному заводу, существовавшему с 1736–38 года до 1863 года, когда выплавка меди на нем была прекращена за истощением окрестных рудников. Мотовилихинская медь была известна по всей России своей мягкостью и превосходным качеством. Добывалась медная руда из пяти рудников, в расстоянии 7-30 верст от завода, в количестве 200000 пудов в год, так что чистой меди завод вырабатывал в конце своей деятельности от 4S до 5S тысяч пудов в год. Медь шла вся в Екатеринбургский монетный двор для выделки монеты. Когда Мотовилихинский завод прекратил свою деятельность, возле него, между ним и Пермью, застроен был и в следующем году пущен в действие Пермский пушечный завод, основанный со специальною задачей приготавливать предметы вооружения для армии и флота и ныне разросшийся в один из крупнейших казенных заводов.

При осмотре завода особый интерес представляют кузнечно-молотовая и сталелитейная фабрики завода. В кузнечно-молотовой я был свидетелемковки под паровым 50-тонным молотом стального слитка в 600 пудов весом. Открылась калильная печь, откуда выдвинулась ярко раскаленная 600-пудовая масса металла, имевшая форму толстого бревна, и с помощью крана перенесена была к паровому молоту. Под слиток – «болванку» – подвели цепь, и сам молот с помощью этой цепи и при содействии не более 10-12 рабочих стал поворачивать слиток, проковывая его постепенно кругом. Особою достопримечательностью молотовой фабрики и всего завода является этот 50-тонный паровой молот; вес падающей массы его свыше 3000 пудов, а при действии верхнего пара сила удара его доводится до 10000 пудов, так что молот этот с полной справедливостью считается одним из первых в свете. Под ним можно ковать слитки стали свыше 3000 пудов.

Молот построен на Пермском заводе целиком с основания русскими рабочими из русских материалов; постройка его с фундаментом продолжалась около пяти лет. Глубина фундамента под молотом около 16 сажень. «Исторический, единственный в мире» чугунный стул для помещения наковальни этого молота весит около 40000 пудов. Отлит этот стул тоже на Пермском заводе, на том самом месте, где

он находится теперь. Для отливки его было устроено около 20 вагранок и установлена особая воздуходувная машина, а перевернуть его и установить на место удалось при невероятных усилиях лишь по истечении нескольких месяцев, и работа эта удалась вполне хорошо.

Кроме 50-тонного молота в той же фабрике имеются молоты меньшей силы и веса. Когда все молоты, включая и 50-тонный, находятся в действии, то земля дрожит почти на протяжении версты.

Адскую картину представляла отливка 600-пудового слитка стали из тиглей в сталелитейной, снабженной десятью газовыми тигельными печами Сименса, на 600 тиглей каждая. Отливка производилась из четырех печей. Как бы из огненного жерла, в чаду, пробегали с тиглями, бросающими из себя тысячи шипящих искр, бесчисленные пары рабочих, таща на длинных клещях эти огненные тигли к форме, в которую как масло лилась расплавленная сталь. На первый взгляд, смотря на выносливость рабочих, казалось, что адский по виду огонь тигельного отделения не жгуч, но это только на первый взгляд!.. Попробовал я сам подойти к середине между открытыми тигельными печами, но должен был скоро отказаться от этого; жгло лицо и руки как при сильнейшем пожаре. Отливка 600-пудовой болванки длилась 20 минут. Наибольший вес слитка, который можно отлить из всех тигельных печей сталелитейной, – 1300 пудов.

После полного обзора Пермских пушечных заводов приходится удивляться, почему им не дается возможность идти полным ходом, работать во всю силу. Годовая производительность этих заводов в настоящее время простирается до 1100000 руб. и работает на нем 2400 человек рабочих, но такая производительность, как передает администрация завода, далеко не соответствует средствам завода: полная производительность Пермских пушечных заводов, без малейшего затруднения, могла бы быть доведена до 2S миллионов, и на них могли бы обращаться до 4000 рабочих.

«Пермь – преддверие Урала», и Пермский пушечный завод – преддверие уральских заводов, замечательнейшие из коих прилегают к линии Уральской горнозаводской железной дороги, соединяющей Пермь с Екатеринбургом. Переезд из Перми до Екатеринбурга и к Луньевской ветви берет двадцать один час, но интересного по пути столько, что для туриста этот переезд становится более продолжительным. «Быть на Урале и не видеть заводов – значит, не видеть ничего», – говорят приуральцы.

VIII

Уральская горнозаводская железная дорога и прежние пути в Сибирь в связи с историей Приуралья

Уральская горнозаводская железная дорога, построенная восемь лет назад между Пермью и Екатеринбургом почти исключительно для удовлетворения ближайших нужд горнозаводского Урала, с продолжением ее в прошлом году до Тюмени, явилась первым паровым путем, связавшим Европейскую Россию с Сибирью, первым соединительным звеном Волжско-Камского и Обского бассейнов. С продолжением этой дороги, имеющей 468 верст протяжения между Пермью и Екатеринбургом и 304 версты между Екатеринбургом и Тюменью, открылся прямой *летний* рельсово-водный путь от Москвы до Тюмени* а большой Сибирский тракт с ямщиками для пассажиров и гужевой перевозкой товаров остался лишь для зимы и более чем наполовину потерял своё значение, которое принадлежало ему триста лет с того времени, когда Ермак Тимофеевич с своею дружиной перешёл Урал и пред ним открылась громадная равнина Сибири. Отныне сообщение с Сибирью значительно изменяет свой характер, и поэтому интересно взглянуть в прошлое и вспомнить те пути, какие связывали Европейскую Россию и Сибирь от времён Ермака до наших дней.

Путь, которым прошла дружина Ермака, как и прочие пути того времени, был почти исключительно водный: Волга, Кама, Чусовая и её приток Серебрянка, короткий перевал через Урал, реки Журавлик, Баранча, Тагил, Тура и Иртыш. Этот вновь открытый или, по крайней мере, закреплённый удачей путь продолжает служить и служит в главнейших своих частях и по настоящее время. Ещё раньше Ермака, около XI столетия были первые исторически известные попытки к установлению сношений с Сибирью со стороны вольного Новгорода, предприимчивые граждане которого проходили за Урал с Печоры. После покорения Новгорода, когда Югра или югорцы – обитатели северо-западной части нынешней Сибири, бывшие данниками Новгорода, стали считаться подданными великих князей московских, совершён был в 1499 году поход в Сибирь через Волог-

* От Москвы до Нижнего Новгорода железная дорога, от Нижнего до Перми паромство по Волге и Каме, от Перми до Тюмени железная дорога, от Тюмени до Тобольска и далее до Томска паромство по Туре, Иртышу и Оби. (Примечание С. А. Кельцева).

ду по рекам Вологде, Сухоне, Северной Двине, из которой близ Холмогор входили в Пинегу, плыли 200 вёрст, потом, перетащив лодки на реку Кулой, плыли по ней и далее берегом Белого моря, Мезенью, Пезою, волоком в Цильму, из неё в Печору и Щугур, и достигали Урала. После падения Казанского и Астраханского царств, когда московское владычество распространилось на всю Волгу, и родственник казанского хана, сибирский хан Этигер, глава ногайцев или татар, поселившийся за Уралом около XVI века* и завоевавший город Сибирь, названный ими затем Искером (близ нынешнего Тобольска), признал себя данником княжества Московского, явились попытки завязать отношения с Сибирью не с крайнего севера, а южнее, и увенчались успехом с приходом Ермака и его дружины за Урал с Волги. Разбив преемника Этигера, хана Кучума, который перестал платить дань великому князю и убил московского посла, Ермак, как известно, завоевал Чинги-Туру (ныне Тюмень) и укрепился в резиденции Кучума – Искере (Сибири).

Утонул в Иртыше Ермак, но найденный им путь от Камы за Урал остался, и начатое им дело вскоре доведено было до конца: в 1585-86 годах воеводы Сукин и Мяснов и письменный голова Чулков, основав на месте Чинги-Туры город Тюмень, двинулись к устью Тобола и заложили город Тобольск, сделавшийся столицей Сибири. Дальнейшие столкновения с татарами, носившие характер подавления возмущений и продолжавшиеся до половины XVIII столетия, закончились проведением укреплённой линии от Омска до Звериноголовска.

Кроме пути Ермака, из Москвы в Тобольск направлялись также по Вологодской губернии чрез Сольвычегодск, далее водою до села Гаинского, ныне Чердынского уезда, Камою на Соликамск, мимо Чердыни, вверх по реке Вишере, через Уральский хребет, который носил тогда имя «Камень», и далее реками Лозью, Тавдою и Тоболом. На этом пути в 1589 году построен был первый русский за Уралом город Лозьва, ныне несуществующий. Затем признан был более удобным путь от Соликамска в более прямом направлении к верховьям реки Туры, и здесь в 1597 году заложен город Верхотурье, сделавшийся с 1600 года таможнею. Этот новый путь, продолженный от Верхотурья через Туринск на Тобольск и называвшийся Бабиновс-

* По свидетельству Карамзина, в 1483 году крепость Сибирь принадлежала югорскому или остяцкому князю Лятику, а татар за Уралом еще не было. (Примечание С. А. Кельцева).

ким, по имени указавшего его соликамского исправника Артемия Бабинова, был до 1765 года единственным разрешённым от правительства путём в Сибирь, а проезд по всем прочим дорогам был запрещён, так как правительство, взимавшее 10% пошлины со всех привозимых товаров и денег, находило невыгодным содержать более одной таможни. После того как возникла в 1633 году Ирбитская слобода и с 1643 года утверждена в ней ярмарка, явилась потребность в новом пути за Урал. С отменой в 1765 году внутренних пошлин проезд через Верхотурье как таможню становился уже излишним, но ввиду того, что и новая дорога направлена была в соседстве водного пути на Ирбит, сделанный с 1775 года за удачное сопротивление шайкам Пугачева городом, и Тюмень от Верхотурья, то по ней ездили, опасаясь на других путях разбойничьих шаек.

В те времена левый, большею частью возвышенный и покрытый хвойными лесами берег Камы, на протяжении от устья реки Чусовой до села Нижних Муллов, был почти еще необитаемым. В начале XVIII столетия единственным признаком жилья на том месте, где ныне находится город Пермь, был «починок-однодворок» крестьянина гг. Строгановых Брюханова. При общей разведке по повелению Петра Великого подземных богатств по отрогам Урала, партии горного начальника генерал-майора В.И. де Геннина нашли, что высота, на которой водворился Брюханов, содержит в недрах своих признаки медных руд, и что соседние леса, пропадающие без пользы, могут быть употребляемы на проплавку этого весьма ценного металла. На основании тогдашних узаконений вся окрестность починка Брюханова была «взята на Государево имя». Около 1723 года в глубокой впадине реки Ягошихи де Геннин построил казенный медеплавильный завод и при нем слободу для рабочих людей. Ввиду ничтожности доходов Ягошихинский завод уступлен был казной графу Р.И. Воронцову, а под конец 1770 года при Екатерине II вновь приобретен правительством с той целью, чтоб основать тут, по мысли тогдашнего начальника края, казанского губернатора, князя П.С. Мещерского⁹, главный город Пермского наместничества, учреждение коего, с резиденцией в нем наместника, большим штатом чиновников и с 1500 человек гарнизона, вызвано было страшными разбоями по Камскому и Чусовскому побережью, причем Ягошихинская слобода и ее окрестности почитались коренным приютом разбойничьих шаек, громивших всю провинцию.

До какой степени был силен до этого разбой по Каме и Чусовой, видно из тех случаев, которые сохранились в народной памяти и которые подтверждаются официальными старинными архивными бумагами. В 1730 годах окрестности города Соликамска до того наводнились толпами разбойников, что местный воевода вынужден был лично отправиться против них. На первом же ночлеге близ Камы он, по оплошности, был взят шайкой разбойников в плен, жестоко высечен и отпущен с угрозой быть убитым, если решится еще раз на розыск шаек. В 1756 году 13 сентября шайка разбойников пыталась овладеть славным по богатству старым Пыскорским монастырем около городка Камкора, причем архимандрит Иустин Колотский едва успел спасти сокровища обители и собственную жизнь. В 1760 году разбойничий атаман Рыжанко, поднявшись в верховье Чусовой, сделал набег на Шайтанский горный завод, основанный лет за двадцать до этого, схватил местного владельца Ширяева и повесил его на воротах собственного дома. В 1769 году 19 сентября шайка бродяг ворвалась в Пожевской и Майкорский горные заводы (основаны в 1759 году), ограбила кабаки и приказчиков, причем пожевского приказчика Митянина варварски умертвила на глазах всех жителей. В 1772 году 23 мая разбойники вторично покушались овладеть Пыскорским монастырем, перенесенным уже на реку Лысьву, поджигали обитель, но не могли ворваться в нее, так как она была хорошо укреплена. В 1773 году 29 декабря двухтысячная партия сообщников Пугачева, тулвинских башкир и осинских дворцовых крестьян, разграбив Юго-Камский завод, напала на село Верхние Муллы, но потерпела поражение от местных жителей, не присоединившихся к мятежникам, и ушла в свое гнездо, пригородок Осу. В 1776 году 1 и 2 мая среди белого дня ограблены разбойниками сёла Слудское и Усть-Косвенское на Каме, близ нынешней Перми, и казенный завод Висим, причем на Слудке убит был немец, управлявший имением. Такие страшные разбои требовали для их прекращения особых мер и вызвали административное изменение края.

29 января 1781 года Высочайшим указом повелено было учредить Пермское наместничество, а на месте Ягошихинского завода – город Пермь. Наместником пермским и тобольским назначен был генерал-поручик Е.П. Кашкин, а губернатором генерал-майор И.В. Ламб. В то же лето выстроены были огромные из бутового камня и леса казенные здания для наместника, губернатора, вице-губернатора, для присутственных мест и главного поста военных караулов, которые расположены были

вокруг площади перед соборной церковью св. апостолов Петра и Павла. К осени здания были готовы, и 18 октября совершилось торжество открытия наместничества и города Перми, который в этот и в следующий годы обстраивался частными домами чиновников и граждан. Военные караулы наместничества значительно ослабили разбой, но не сразу прекратили их совсем: в 1788 году, т.е. через семь лет по открытии наместничества, осенью большая компания городских чиновников, в числе коих были некоторые из местных высших чинов, ночуя на охоте близ устья реки Курьи, захвачена была во время сна разбойниками и ограблена донага, причем разбойники убили одного из чиновников за то, что он при обороне сделал выстрел, не причинивший, впрочем, никому вреда. В 1793 году 1 февраля было особо дерзкое, но и последнее разбойничье нападение на Соликамский Истобенский монастырь, причем злодеи убили настоятеля его, архимандрита Иоакимфа.

Основатель Ягошихинского медеплавильного завода, на месте которого создалась впоследствии Пермь, В.И. де Геннин, одновременно с учреждением завода на Егошихе, в 1723 году основал на далеком от него расстоянии, по другую сторону Урала, на реке Исети, казенный железоделательный, сталелитейный и медноплавильный Исетский завод, который в том же году в честь Императрицы Екатерины I переименован был в Екатеринбург. В видах безопасности этого завода от набегов инородцев была построена крепость, завод обнесен валом с шестью бастионами и созданся городок, в который в то же лето, ввиду центральности его положения среди уральских заводов, переведено было из Уктусского завода, находящегося в семи верстах от Екатеринбурга, Уральское горное правление, называвшееся Сибирским Обербергамтом. Для удобства сообщения проложены были от Екатеринбурга дороги, соединившие его с одной стороны с Верхотурьем, представлявшим из себя по долговременному направлению на него Бабиновского тракта довольно важный по пути в Сибирь пункт Зауралья; и с Кунгуром, который являлся тогда главным городом Пермской провинции, входившей в свою очередь в состав Казанской губернии. Сам Екатеринбург в те времена принадлежал к Тюменскому уезду Тобольской губернии, и уже в позднейшие времена Зауралья, составляющее ныне половину Пермской губернии и отделяемое, по известиям последнего времени, в самостоятельную Екатеринбургскую губернию, вошло в состав этой губернии, а раньше Уральский хребет служил границей Казанской и Тобольской губерний. При учреждении в 1781 году,

через 58 лет после основания Екатеринбурга, Пермского наместничества и города Перми, Екатеринбург являлся уже столь значительным городом Зауралья, что Пермское наместничество разделено было на две области: Пермскую с 8 уездами: Пермским, Кунгурским, Красноуфимским, Осинским, Оханским, Чердынским, Соликамским и Обвинским, ныне не существующим; и Екатеринбургскую, тоже с 8 уездами: Екатеринбургским, Верхотурским, Камышловским, Ирбитским, Шадринским, Челябинским (ныне Оренбургской губернии), Далматовским и Алапаевским (теперь безуездные заштатные города). Кунгур, бывший до основания Перми главным городом Пермской провинции и соединенный уже с Екатеринбургом трактом, шедшим близ рек Сылвы, Бисера и верховьев Чусовой, после учреждения наместничества соединился в другую сторону дорогой с Пермью и тогда-то открылся новый путь в Сибирь, – Пермско-Екатеринбургский, прототип Уральской Горнозаводской дороги, сто лет спустя соединившей эти города.

Путь этот, именовавшийся Большим Сибирским трактом и считавшийся с начала нынешнего столетия главной дорогой в Сибирь, сохранил доселе свое направление, при езде на лошадях, на Нижний, Казань, Малмыж, Пермь или Кунгур, Екатеринбург и Тюмень. Сохранил он свое направление в главных чертах и при паровом рельсово-водном, указанном выше, сообщении Москвы с Томском, а с проложением Томско-Иркутской железной дороги, приготовления к постройке коей уже начались, и соединением бассейнов Обского и Енисейского каналом, который ныне ведется, сохранит и в дальнейшей своей части установленное временем направление Большого Сибирского тракта.

Ввиду того, что Большой Сибирский тракт идет не по прямой линии, при поездках в Сибирь создали в позднейшее время другой кратчайший, более южный зимний путь, который с Казани идет на Елабугу, Мензелинск, Бирск, проходит севернее Уфы и выходит из Европейской России в Златоусте, на южном Урале, потом идет на Челябинск, Шадринск, Курган, Ишим, Тюкалинск, Каинск и Колывань прямо до Томска; при таком направлении устраняется объезд на Пермь, Тюмень, Тобольск и Омск и значительно сокращается дорога. Этот южный тракт послужил основанием для другой железной дороги, между Европеекою Россией и Сибирью, окончательно проектированной и уже строящейся – Самаро-Уфимской и Уфа-Златоустовской. Таким образом обе проходящие Урал железные дороги – Уральская Горнозаводская и новейшая Самаро-Уфа-Златоустовская – прошли по путям, установлен-

ным не только потребностями, но и историей Приуралья и Зауралья, а если Уральская Горнозаводская дорога и уклонилась отчасти от Большого проезжего Сибирского тракта и прошла из Перми в Екатеринбург не чрез Кунгур, а севернее чрез Чусовую и Кушву, то это вызвалось потребностями горнозаводского Урала.

Уральская Горнозаводская железная дорога, прорезающая местности, замечательные как по живописности, так и по богатству горными заводами и драгоценными металлами, малоизвестна путешественникам Европейской России, и краткие заметки о ней Е.П. Янишевского¹⁰, бывшего прежде профессором Казанского университета, а ныне занимающего должность председателя Пермской контрольной палаты, помещенные в его путевых впечатлениях о поездке, совершенной прошлым летом в Верхотурский край, являются единственными в литературе материалом об этой дороге. Ездит по ней преимущественно деловой люд, служащий в Приуральском крае или занимающийся торговлей в Сибири, и очень редко можно встретить на ней путешественника, не имеющего местного торгового или служебного дела. Между тем вряд ли есть в России дорога, за исключением может быть кавказских и финляндских, мне не знакомых, которая представляла бы столько интереса для любителя природы своими местными красотами и теми трудностями, которые нужно было преодолеть строителям при переходе через главный хребет Урала, говорит Е.П. Янишевский.

Действительно, постройка Уральской железной дороги представляла много трудностей, которые были потому особенно серьезны, что главной целью при прокладке этой дороги было соединить рельсовым путем большинство горных заводов восточного склона Урала с бассейном Камы, так как эти заводы значительно удалены от сплавных рек западного склона Урала и до постройки Уральской дороги должны были возить свои произведения гужом через главный хребет на Чусовую; да и Чусовая только благодаря искусственному половодью, через спуск, при вскрытии льда, воды из запасных прудов, имеющих 10-18 верст в окружности, давала возможность, и то далеко не безопасную, для сплава судов с горнозаводскими грузами. И можно сказать, что строители Уральской дороги исполнили принятую ими задачу не только удовлетворительно, но даже блестящим образом: проходя главнейшие на восточном склоне Урала горнозаводские округа: Гороблагодатский, Нижне-Тагильский, Невьянский и Верх-Исетский, Уральская дорога построена даже с излишнею роскошью, если иметь в виду

ее исключительно коммерческую цель. Не говоря уже о главных конечных вокзалах дороги в Перми и в Екатеринбурге и о пермских мастерских, в которых даже в помещении паровой машины лепные потолки, паркетный пол и полированный дуб, как в мебели, так и на футлярах для приводных ремней, не говоря о прекрасных главных промежуточных станциях, даже маленькие станции с красивыми домиками для служащих, даже сторожевые будки – все имеет изящный вид. Простому пассажиру, который ценит только удобства дороги, конечно, нет надобности задумываться над тем, во что эти удобства и красоты обошлись, для него важно то, что удобства есть, а о прочем пусть ведают те, кому это надлежит. Будучи построена концессионным путем, Уральская дорога постоянно, как говорят, требовала приплат гарантированного дохода и задолжала казне значительные суммы, почему с постройкой продолжения ее от Екатеринбурга до Тюмени, она выкуплена у акционерного общества и с 1 июля перешла в казенное управление. Вагоны всех классов на Уральской дороге устроены со всеми удобствами; в отношении безопасности она зарекомендовала себя тем, что на ней с открытия не было ни одного, даже маленького, крушения, лишь тариф несколько дороже других дорог, да, впрочем, если бы он был и еще выше, то все-таки заезжему туристу-любителю, не знакомому с прелестями этой дороги, за знакомство с ними в пути заплатить можно, но местные жители на тариф сетуют...

IX

По Уральской Горнозаводской железной дороге до Чусовой. – Луньевская ветвь

По самому характеру своего направления, живописности окружающих местностей и по богатству прилегающих заводов, Уральская Горнозаводская железная дорога на пути между Пермью и Екатеринбургом может быть разделена на три части. Первая, от Перми до станции Чусовой (119 верст), направляющаяся сначала на север, потом на восток, не представляет еще заметного подъема на Урал, и если здесь дорога и делает закругления и извилины, обходя отроги гор или следуя изгибам рек Камы и Чусовой, то эти закругления имеют большой радиус и пассажирами почти не ощущаются. Вторая часть, от станции Чусовой до полустанка «Лая» (198 верст), делающая по Уралу крутой поворот с северо-запада к юго-востоку, является уже чисто горною дорогой: чрезвычайная извилистость пути, подъемы, спуски, наклон

вагонов на ту или другую сторону, ход поезда то «на всех парах», то «с закрытым паром» беспрерывно сменяют друг друга. На остальном пути до Екатеринбурга (151 верста), идущем на юг с отклонением к востоку, дорога постепенно утрачивает свой горный характер, и Урал с его отрогами начинает оставаться вправо от железнодорожной линии, то удаляясь от нее, то приближаясь концами отрогов; ближе к Екатеринбургу горы синеют уже в отдалении. На первой, европейской половине дороги рудников и заводов, кроме Мотовилихинского пушечного под самой Пермью, нет; после же перевала через Урал, на азиатской стороне, почти все станции расположены около крупных горных заводов. Единственный пассажирский поезд из Перми отходит в 4 часа пополудни и обратный поезд из Екатеринбурга почти в то же время. Поэтому горная часть Уральской дороги проезжается и на пути к Сибири, и обратно, ночью, но почти никто из пассажиров, не бывавших на Урале, в это время не спит, чтобы воочию видеть то, о чем многим приходится знать только из учебников географии.

От красивого Пермского вокзала, расположенного, как упоминалось уже, на пригорке берега Камы, против пароходных пристаней, железнодорожная линия идет левым берегом Камы. Поезд катит у подошвы береговых возвышенностей, покрытых чахлыми остатками непроходимых некогда пермских лесов. Отправляясь в путь, я полагал, что поезд будет тащиться медленным ходом, так как заранее слышал, что путь идет то около реки, то оврагами, то среди прорванных скал, но сильно ошибся: почти на всем пути поезд делает, не считая остановок, 30-35 верст в час; такой довольно скорый ход был особенно заметен в начале пути под Пермью, когда станции быстро замелькали одна за другою.

Пройдя через Мотовилиху в четырех верстах от Перми и остановившись здесь на несколько минут, поезд направляется почти на север до устья Чусовой, находящегося в восьми верстах за Мотовилихой, а затем поворачивает вправо на восток и вступает в довольно широкую долину Чусовой и притока ее Сылвы.

На Чусовой, недалеко от ее устья, расположена станция Лёвшино с пристанью для выгрузки клади на суда или обратно с судов на железную дорогу. На пристани выстроены большие сараи – склады для металлов, идущих с Урала, и для низового хлеба, который приходит сюда по Каме, а на другой стороне возвышаются два громадных бака для керосина Нобеля¹¹, который в последнее время вытеснил из Пермской губернии почти

всех других торговцев керосином. Из баков керосин путем труб наливается прямо в специальные, устроенные для керосина, суда и вагоны. Пристань в Лёвшине довольно глубока, но дальше ее вверх по Чусовой суда с грузом, за мелководьем реки, а весной вследствие необыкновенной быстроты воды, подниматься уже не могут. Нижняя часть Чусовой бывает, впрочем, некоторое время судоходна и выше Лёвшина, но так как для плавильных и горных заводов Урала наиболее важно ее верховье, то для доставки произведений этих заводов в Каму, и по ней на Лаишевскую железную и Нижегородскую ярмарки придуман был довольно остроумный способ, о котором отчасти я уже упоминаю: с началом вскрытия льда из больших запасных прудов, имеющих от 10 до 18 верст в окружности, пускают как можно больше воды, чтобы таким образом окончательно разбить лед, и затем в назначенный начальством день спускают разом всю воду из этих громадных резервуаров, начиная с самого высокого. Когда не было Уральской железной дороги, и Чусовая имела важное для заводов значение, то только благодаря искусственному половодью и могли барки с грузом в 10–12000 пудов свободно плыть по ее течению, увеличиваясь в числе у каждого завода и образуя под конец порядочную флотилию. Так как течение Чусовой весьма быстро, а берега ее сильно круты и каменисты, то сплав судов по ней, при искусственном половодье, далеко не безопасен. Поэтому, по местному обычаю, перед спуском барок напутствуют их молебном, и у крестьян бывает вообще празднество.

От Лёвшина до полустанка «Ляды» железная дорога проложена около самого берега Чусовой и как бы притискивается к нему высоким длинным холмом, так что в одном месте поезд на протяжении полуторы версты идет по очень узенькой ровной полоске, между подошвой возвышенности, прилегающей к рельсам справа, и берегом, обрывающимся слева от поезда. Издали кажется, что висишь над водой; в предупреждение падения поезда в реку по берегу ее сделана упорная стенка, а рельс, прилегающий к возвышенности, опущен, вследствие чего вагоны, проходя это место, сильно наклоняются к холму. По сторонам и за рекой видны леса, озера, полянки, распаханые поля и деревни с большими избами; тут же почти рядом с рельсами возвышается холм, покрытый березой, елью и пихтой, которая становится по пригорку очень мелка, а вслед за ним другой холм, представляющий с одной стороны плитняк, с другой – красную глину, а на верху обильную зелень: богатое растительностью Прикамье как бы борется с приближающимся каменистым Уралом.

На одном из крутых спусков с обрывистой возвышенности пассажиры заметили с площадки вагона оригинальную для летнего времени картину: на санях, запряженных в одну лошадь, тихо спускался с холма гроб с покойником, сопровождаемый крестьянами, родными умершего; за ними тоже на санных полозьях спускался «коробок», заменяющий нашу средне-российскую телегу. «Вичаные коробки», то есть корзины из прутьев на дрогах с дрожинами, самый распространенный по обе стороны Урала и особенно в Сибири экипаж сельского населения. Пассажиры из местных жителей рассказали мне, что езда с покойниками, за дровами, за водой и т.п. на полозьях, если только приходится спускаться с крутизны, обычная в летнее время вещь в их краю, так как колеса при спусках не применимы и небезопасны, а сани исключают возможность раската и являются очень удобными на крутизне тормозами.

У полустанка Ляд[ы] Чусовая поворачивает влево и удаляется от железной дороги, которая следует далее верст 12-13 по левому берегу Сылвы, притока Чусовой, впадающего в нее близ Ляд[ов]; на 47 версте, за станцией Сылвой поезд переходит по железному мосту на правый берег Сылвы, скрывающейся поблизости в бору, и идет далее довольно тесным оврагом, пока вновь не приблизится на дальнейшем пути за станцией Комарихинской к левому берегу Чусовой. Между Лядами и Сылвой в селе Петушках, около линии железной дороги есть редкая для нынешнего времени старинная почерневшая деревянная церковь-часовня, представляющая высокую избу со сходящеюся «коньком» от всех четырех стен деревянною, покрытою местами мхом и увенчанною крестом крышей; с западной стороны к ней пристроена колоколенка без колоколов. Такую же часовню видел я еще с парохода в одном из прикамских селений в Вятской губернии.

За станцией «Сылва» около железной дороги по пригоркам и холмам много лесу, но что это за лес: деревья высокие, худосочные и чрезвычайно тонкие, всего в 2-3 вершка в диаметре почти у самого корня с рассеянными на них белыми и зелеными мхами. Разрастись и сделаться толще деревья не могут, потому что очень плохо укоренены: корни их расстилаются в тонких слоях верхнего мягкого глинистого грунта, скрывающего под собой каменистые породы. При каждой буре деревья сильно валятся и поэтому в оврагах видны массы бурелома, валежника, что и дало название следующей за Сылвою

станции «Валёжная», точно так же как изобилие комаров дальше за Валёжною создало станцию «Комарихинскую». Комары между Валёжною и Комарихинскою достигают величины вдвое большей против тех комаров, какие мы видим в центральной России, и их там так много, что ремонтные железнодорожные рабочие некоторое время лета работают на линии с сетками на лице и в рукавицах. Среди жалкого леса, встречающегося и в этой местности, и дальше по Уралу, как-то странно видеть огромные поляны, покрытые почти сплошь белыми и красными полевыми цветами (название их узнать не мог), а такие поляны по пути встречались очень часто. Особенно хорош летний вид в окрестностях Валёжной: здесь встретилась цветочная поляна в версту почти шириной.

За Комарихинской станцией рельсовый путь идет близ левого берега Чусовой до железного моста через эту реку, находящегося за станциями Селянкой и Лысьвой, в полуверсте от станции Чусовой. В долине реки Чусовой дорога, обходя уже довольно высокие отроги Урала, начинает становиться извилистою и это делается очевидным при приближении к Чусовскому мосту; находясь в 2-3 верстах от него, видишь этот мост в стороне, не менее как за версту левее поезда, но вот поезд от горного отрога круто завернул по покатоности к мосту, «на закрытых парах», не более как в полминуты пролетел сквозь решетчатые предохранительные стены казавшегося далеко в стороне моста, и, повернув еще круче вправо, остановился у самой большой на Уральской дороге станции Чусовой, от коей отходит Луньевская ветвь.

Луньевская линия направляется от станции Чусовой на север, потом на северо-запад и имеет 195 верст протяжения. Конечный пункт ее – камская пристань Березняки находится около заштатного города Дедюхина¹² и известного села Нового Усолья, верст на 350 выше Перми по течению Камы. Средней своею частью, представляющею по извилистости вполне горную дорогу, Луньевская линия прорезывает длинный ряд обширных каменноугольных копей и несколько заводов, а концом подходит к огромным солеварным промыслам. Название свое Луньевская линия получила от Луньевских копей, находящихся близ середины ее и соединенных с ней небольшою боковою ветвью. По живописности прорезаемых мест Луньевская дорога не только не уступает Уральской Горнозаводской, но местами даже превосходит ее. От станции Чусовой Луньевская линия идет долиной Усь-

вы, притока реки Чусовой, и затем, перейдя Усьву и быструю горную реку Косьву, приток Камы, направляется далее вдоль извилистых горных речек, Губахи, впадающей в Косьву, и Вильвы, впадающей в Яйву, приток Камы, и поворачивает далее на северо-запад к Березнякам.

Каменноугольные копи начинаются верстах в 75 от Чусовой, за станциями Черной, Баской, Усьвой и Нагорной, около станции Губахи, за которую идет целый ряд копей, принадлежащих княгине Е.Х. Абамелек-Лазаревой¹³ и дающих каменного угля более 10 миллионов пудов в год. Некоторые из копей, например, Кизеловские, разрабатываются владелицей, а другие сдаются в аренду с платою по 1 копейке с добытого пуда угля. Не отличаясь особенно доброкачественностью, местный уголь не в состоянии пока успешно конкурировать с древесным топливом; лишь со временем, когда леса истощатся, добыча же угля удешевится, ему будет предстоять лучшая будущность: до сих пор потребление его уральскими заводами весьма ограничено. Ближайшими к станции Губаха являются Нижне-Губахинские копи, арендуемые И.И. Любимовым¹⁴, владельцем Березняковского содового завода и соляных промыслов. Уголь в Нижне-Губахинских копиях, дающих при 700 рабочих 4S миллиона пудов в год, добывается посредством горизонтальной шахты, проходящей под полотном железной дороги и имеющей более 600 сажен длины.

Сбывается отсюда уголь, кроме местного потребления, в Екатеринбург, на Волгу – в Самару и Симбирск, и на Оренбургскую железную дорогу; отправляют уголь по железной дороге и отчасти по воде от губахинской пристани по Косьве в Каму. На месте пуд угля обходится около 5 копеек, а на соседних копиях стоимость добычи не достигает и 4 копеек, потому что на них не требуется таких обширных крепей, как на Любимовских копиях, да к тому же большая экономия в расходах по добыче угля достигается на них способом добычи и нагрузки угля: уголь на других копиях добывается с помощью вертикальной шахты, расположенной на горе, лежащей выше полотна железной дороги*; по склону горы устроен цепной путь, по которому вагоны с углем двигаются собственной тяжестью. На Любимовских копиях работают постоянно 500-700 человек, получающих, смотря по

* Губахинское каменноугольное месторождение, принадлежащее к даче Кизеловского завода, представляет высокую гору, имеющую, по сведениям словаря г. Чупина, до 80 сажен вышины. (Примечание С. А. Кельцева).

характеру и степени опасности работы, от 15 до 30 рублей в месяц. Так как копи находятся вдали от селений, то для рабочих г. Любимовым выстроены отдельные домики, в которых помещаются по два семейства. Продукты и жизненные припасы отпускаются рабочим из складов арендатора по умеренным ценам. При копиях имеется больница на 16 кроватей, школа с 45 учащимися и часовня, сооруженная на средства рабочих и служащих на копиях.

Кизеловские копи, разрабатываемые от самой владелицы, находятся дальше за Губахой, в нескольких верстах от станции Кизел, при Кизеловском чугуноплавильном и железоделательном заводе княгини Е.Х. Абамелек-Лазаревой, к громадной заводской даче коего отнесено все здешнее ее имение: эта заводская дача имеет 260000 десятин. Следующие за Кизелом станции Александровск и Всеволодо-Вильвенск получили свое название от одноименных, находящихся около них чугуноплавильных и железоделательных заводов (при них есть и копи), из коих Александровский завод принадлежит наследникам Н. В. Всеволожского¹⁵ и находится с 1873 года в аренде у Уральского Горнозаводского Товарищества на 80 лет, со всею заводскою дачей этого и Никитинского заводов, имеющей 142000 десятин, а Всеволодо-Вильвенский завод принадлежит наследникам А.В. Всеволожского. Завод этот за истощением руды не действует уже несколько лет. С закрытием завода большая часть населения, потеряв заработок и не имея других средств к существованию, разбрелась по соседним заводам и копиям. Из 370 рабочих на заводе осталось только 120 человек, которые занимаются отчасти хлебопашеством, развитию коего здесь сильно препятствуют, впрочем, каменистая почва и климатические условия (засевается только около 200 десятин), отчасти поденною работою.

От станции Александровска особая ветвь ведет к станции Луньевке, находящейся при Луньевских заводах, рудниках и копиях наследников П.П. Демидова, князя Сан-Донато, коим принадлежат также громадные Нижне-Тагильские заводы на восточном склоне Урала, в 133 верстах от Екатеринбурга. На Луньевском заводе перерабатывается в год 400000 пудов железной руды и 300000 пуд. чугуна; в 1885-86 годах выработано на нем 145000 железных листов. Каменноугольные руды, открытые в 1853 году, дают до 1S миллиона пудов каменного угля, который в последнее время перерабатывается в кокс, и для этого устроен коксировальный завод, приготавливающий до 250000 пудов кокса.

От Всеволодо-Вильвенска до Березняков, где оканчивается Луньевская линия, 53 версты и между ними три станции: Яйва у моста через р. Яйву, Шиши и Веретье. От Березняков маленькая рельсовая ветвь идет к содовому заводу И.И. Любимова, единственному в России по содовому, исключительно, производству. Завод этот, вырабатывающий соду по способу Сольве¹⁶, основан и построен г. Любимовым в компании с Сольве в 1881 году. До возвышения пошлины на заграничную соду положение содового дела было затруднительно, так как конкуренция с заграничной содой, привозившейся в Россию балластом, на внутренних рынках была почти невозможна. С возвышением же тарифа содовое производство стало здесь крепнуть и обещает совершенно вытеснить иностранную соду: в последний год выделано на заводе г. Любимова до 800000 пудов соды. Кроме содового производства, г. Любимов имеет тут же соляные варницы, дающие два с половиною миллионов пудов соли в год.

Окрестности Березняков по солеваренному производству известны издавна: Дедюхинские соляные промыслы, переданные Пыскорскому монастырю основателем его И[оанникием] Строгановым еще в 1764 году, давали 1200000 пудов соли. В настоящее время окрестные соляные Лёнвинские промыслы, на одном с Березняками и Дедюхиным берегу Камы, и Ново-Усольские на противоположной стороне Камы, ведутся княгиней Е.Х. Абамелек-Лазаревой (1300000 пудов соли), князем С.М. Голицыным (1700000 пудов), владельцем Усоляя графом Строгановым и другими владельцами. В недавнее еще время соли около Березняков вываривалось до 15 миллионов пудов в год, но производство ее внезапно уменьшилось в прошлом году на одну пятую часть, а теперь начинает падать еще сильнее: в нынешнем году прекратилось солеварение на Дедюхинском казенном заводе, вываривавшем до 25 миллионов пудов в год, и закрылись некоторые частные варницы.

Кризис в соляном производстве, дававшем работу десяткам тысяч Соликамского и Чердынского уездов, вызван конкуренцией южных солей и неравномерностью железнодорожных тарифов, облегчающих доставку на внутренние рынки России солей донецкой и бахмутской в ущерб пермской соли. Впрочем, есть надежда, что урегулированием тарифов и некоторыми другими мероприятиями упадок соляного дела в Пермской губернии, угрожающий не столько владельцам солеварен, сколько благосостоянию крестьянского населения, не имеющего возможности при недоброкачественности почвы найти другие источники к пропитанию, будет ослаблен.

X По Уральской Горнозаводской дороге от Чусовой до границы Азии

Незаметный совсем до станции Чусовой, где отходит Луньевская ветвь, подъем Уральской Горнозаводской дороги на Урал, становится очень ощутительным тотчас за эту станцию, и дорога принимает отсюда вполне горный характер. Отойдя от станции Чусовой версты две, поезд круто повертывает влево от скалистых уже здесь берегов Чусовой и входит в глубокий горный овраг; справа и слева от рельс возвышаются холмистые горные стены, и поезд идет как бы в коридоре. Прерывистый, сильный вылет дыма из паровозной трубы с вырывающимися изредка языками пламени указывает, что паровозу приходится уже не только везти вагоны за собой, но и втаскивать их в гору. Подъем замечается, кроме того, по более или менее медленному движению поезда, причем, находясь в вагоне, чувствуешь, как вагон сильно наклоняется то на один, то на другой бок, а выглянув в окно, видишь, что поезд постоянно изогнут в крутую дугу: паровоз делает беспрестанно закругленные повороты то в одну сторону, то в другую, изменяя чрез это направление дуги, изображаемой поездом. Извилистость дороги, вследствие того, что она обходит попадающиеся на пути возвышенности и проложена по удобным для подъема живым урочищам, оврагам и долинам, становится поразительною для того, кто ездил лишь по прямым равнинным железнодорожным путям. Местами изгибы пути достигают почти предельного minimum радиуса, возможного для движения поезда.

Станции становятся необычно частыми: так полустанок Ермак находится в семи верстах от станции Чусовой, а следующая за Ермаком остановка в Архиповке в 8 верстах от Ермака. На этом пятнадцативерстном пути и далее к станциям Всехсвятской и Журавлику рельсовый путь идет недалеко от горных речек Вильвы и ее притока Вижая, но с линии железной дороги русла их не видно: поезд зажат среди возвышенностей, а реки текут за ними. Между Ермаком и Архиповкой дорога описывает почти полную неправильную окружность; это место является единственным в своем роде даже на Уральской дороге: отъезжая от Ермака, видишь огоньки полустанка сзади, справа от поезда, обходишь гору и минут через пять видишь огни тоже справа, но впереди поезда. «Ужели опять станция?» – слышится среди пассажиров, но поезд, не дойдя сажен

150-200 до огоньков, поворачивает в горный овраг к Архиповке, а приближавшиеся к нему огоньки вновь удаляются: оказывается, что это были огни той же станции Ермак, с которой только что ушел поезд, но виднелись они уже с другой стороны, из-за горы, которую только что обошел поезд. Такой оригинальной кривизны пути, по словам местных инженеров, нет ни на одной железной дороге в России, кроме Уральской.

По сторонам поезда от этого места начинаются голые скалы; на 130 версте, на полпути между Ермаком и Архиповкой вагоны идут в коридоре прорванной динамитом длинной скалы, вышиною в 2-3 сажени, с обломанными каменистыми краями. Окружающие скалу горы покрыты лесом, состоящим почти исключительно из елей, окутанных сверху донизу мхом и лишайниками, которые, особенно на окраине просеки, прорубленной для дороги, до того усеяли деревья, что они представляют почти одни остовы, лишённые собственной зелени. Мертвенным, пустынным, неприглядным представляется весь лес, покрывающий западные склоны и отроги Урала. Мрачности и пустынности леса способствуют встречаемые местами очень значительные пространства горелого леса. Общий характер пустынности увеличивается еще и тем, что по всему западному склону Урала, начиная с самого подъема в него от Чусовой, нет совсем селений, и единственными жилищами на пути являются одинокие домики и будки верстовых сторожей и станционные постройки, окруженные садиками, жалкими маленькими огородами, службами для коров, и имеющие непременно при каждой станции особые здания с надписью «баня». Видно, что при постройке железной дороги предусмотрели все необходимое для железнодорожных служащих, зажатых в горах и отрезанных от населенных мест возвышенностями и расстоянием. Хлеб, мясо и другие жизненные продукты доставляются на полустанки, а отсюда и в верстовые будки со станции Чусовой.

От Ермака и Архиповки, лежащих, если считать прямую между ними линию, очень близко друг от друга, начинается громадный округ Лысьвенских заводов, распадающийся на несколько второстепенных больших заводских округов. Уральская дорога прорезает сначала дачи Архангело-Пашийского, а затем Бисерского заводов. Дача первого из этих заводов занимает 317000 десятин, а дача второго 303000 десятин; из 640000 десятин, принадлежащих к этим заводам, 547000 десятин лесу.

Архангело-Пашийский завод князей Голицыных, находящийся в 8 верстах от следующей за Журавликом станции Пашии и расположенный на речке Пашии, притоке Вижая, построен в 1785 году; производство его – выплавка чугуна и выделка разносортного железа. Дача этого завода в южной своей части примыкает к даче Кусье-Александровского завода, общего владения князей Голицыных и графов Шуваловых¹⁷; прежде она составляла часть громадных Строгановских вотчин и после графа А.С. Строганова перешла в 1763 году во владение дочери его, княгини Анны Голицыной, при которой и построен Архангело-Пашийский завод. В настоящее время завод с дачей находится в долгосрочной аренде на правах собственности у Франко-Русского Уральского Общества. Один из компетентных местных жителей, рассказывая мне о деятельности этого завода, с грустью заявил, что общее на Урале явление – отсутствие системы к вырубке лесов – с особенной яркостью проявляется за последнее время в даче Архангело-Пашийского завода.

«Около Екатеринбурга, Тагила и Невьянска, – говорил он, – уже совсем нет лесов и везут лес Бог знает откуда: то же будет и на Пашии: по 2000 десятин в год вырубали и тогда, когда для выплавки употребляли еще 700000 пудов каменного угля, а теперь каменный уголь на заводе совсем отменили и заменяют дровами; спрашивается, сколько же десятин леса будет сжигаться каждый год? В непродолжительном времени последует учреждение лесоохранительных комитетов во всех губерниях Империи, кроме Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонецкой и нашей Пермской. Почему охранение лесов в нашей губернии считается пока не нужным, не знаю, но, имея перед глазами примеры вроде Пашийского, утверждаю, что настало время, когда и в богатом лесами Приуралье следует принять меры к прекращению ужасного лесоистребления. Чрезмерные, как сплошные, так и выборочные рубки леса и здесь грозят лесам таким расстройством, исправлять которое впоследствии будет очень трудно». Такие слова местного жителя невольно заставляют задуматься над будущей судьбою уральских лесов.

Бисерский или, правильнее, от старинного названия реки Бесер, Бесерский завод, дачу коего Уральская дорога прорезает далее за Александро-Пашийскою дачею, принадлежит графу П.П. Шувалову; занимаясь по преимуществу выплавкой чугуна, завод этот часть чугуна перерабатывает в железо сам, а большую часть отправляет для переделки на Лысьвенский и Юго-Камский заводы того же владельца.

Обширная дача Бисерского завода простирается по обе стороны Урала, представляющего здесь ряд пересекающихся хребтовых цепей, и прилегает на восточном, азиатском склоне Урала к округу Гороблагодатских казенных заводов. Основан Бисерский завод в 1786 году и построен на земле, составляющей тоже часть Строгановских вотчин, перешедшей по наследству к дочери барона А.Г. Строганова княгине В. П. Шуваловой (во втором замужестве графиня Пелье, в третьем – княгиня Бутеро-Родали), а ныне принадлежащей ее сыну от первого супружества. Чугунно-литейное производство на заводе началось с основания его, а железоделательное с 1820 года.

В 1825 году в 25 верстах к северо-востоку от Бисерского завода открыт был и начал разрабатываться большой золотой прииск, получивший название Крестовоздвиженского, так же как и образовавшееся при нем селение. Затем в разных местах близ этого прииска найдено много других золотых и платиновых приисков, которые имеют каждый отдельное название, все же вообще именуется Крестовоздвиженскими приисками; расположены они близ линии железной дороги, по обе стороны от нее. В настоящее время эти прииски, в которых золото находилось на значительной глубине под землей, почти все окончательно выработаны, а лет 20-30 назад в них добывалось еще от 15 до 20 пудов золота в год. Самым важным золотым рудником являлся Северный: золотая россыпь в нем залегала на глубине 60-70 футов, в длину верст на пять, шириной сажень на 25 и толщиной от 8 до 10 футов. Были года, когда промывалось песку по 5-10 миллионов пудов с содержанием от 2S до 9 золотников золота во 100 пудах песку. В золотоносном пласте Варваринского прииска попадалось весьма много обломков белого мрамора. Соседний с ним небольшой Никольский прииск замечателен тем, что часть его золотоносного пласта отличалась чрезвычайным богатством: из 100 пудов песку намывалось иногда до 64 золотников золота. Самым значительным по содержанию платины был прииск Андреевский, но вообще платины в этих местах всегда было мало; были года, когда ее находили лишь по несколько фунтов, и только в одном 1858 году было добыто 14 пудов. Европейскую известность Крестовоздвиженские прииски получили по находению в них при промывке золота алмазов. Хотя за 50 лет, с 1829 года, когда найден здесь первый алмаз, добыто не более 200 алмазов, и то довольно мелких, но это не помешало прославиться «крестовоздвиженским алмазам», так как здесь единственное месторождение алмазов на Урале.

Не меньшую известность Бисерскому заводу давала находящаяся в 12 верстах от него невысокая гора Саранная, замечательная по изобильному в ней нахождению хромита (хромистого железняка), в трещинах которого попадает минерал кеммерит, как кристаллический, так и плотный – родохромом, а особенно потому, что в прежние годы в верхней части этой горы добывалось довольно много весьма красивого и весьма редкого минерала – уваровита, который попадался в виде маленьких кристаллов изумрудно-зеленого цвета, весьма яркого, просвечивающего по краям и со стеклянным блеском. Весь добытый на Саранной горе кристаллический уваровит разошелся по минералогическим кабинетам и более здесь уже не находится, а неокристаллизованный находится доселе нередко. На Урале, как указывает «Географический словарь» г. Чупина¹⁸, есть еще другое месторождение уваровита – в даче Кыштымского завода, но там уваровит встречается только в виде легкого налета на хромистом железняке, различаемого лишь при помощи увеличительного стекла. Кроме этих двух мест нигде в мире неизвестно до настоящего времени месторождений уваровита.

Уральский хребет разделяет пространство Бисерской заводской дачи вдоль, почти прямо с юга на север, на две части – восточную и западную; на этом протяжении он нигде не достигает значительной высоты, но на востоке от хребта, верстах в 17 от него, на границе Бисерской дачи с Нижне-Туринскою Гороблагодатского округа, есть большая гора Качканар, более чем вдвое превосходящая высотой здешний Урал и заключающая в себе месторождения магнитного железняка. Наибольшая часть этой горы принадлежит Бисерскому заводу, а меньшая, восточная, Гороблагодатским заводам. Верстами десятью севернее, тоже на границе дач, находится также весьма значительная гора Сарайный Камень. Месторождение магнитного железняка открыто было в Качканаре еще в сороковых годах, в пятидесятых годах пробовали добывать и плавить его, но затем бросили до семидесятых годов, когда переплавлялось этого железняка до 30000 пудов в год. Разведки в Качканарском руднике показывали будто бы, что здешний магнитный железняк по характеру своему сходен с гороблагодатским, считавшимся единственным по качествам на Урале. Весьма замечательное явление представляет каменная россыпь, прилегающая непосредственно к Качканару с юга, толщиной от 2 до

3S футов и состоящая из обломков магнитного железняка, одаренного притягательной силой; между тем в принадлежащей Бисерскому заводу части горы Качканара не встречается притягивающих железно магнитов. Россыпь эта разрабатывалась еще лет пятьдесят назад и из нее извлекались куски магнита, которые употреблялись, впрочем, не на плавку, а шли на золотые прииски, где ими оттягивали железистые шлихи от промытого золота.

Побывать на горе Качканаре и осмотреть ее, также как и гору Благодать, издавна считают необходимым все путешественники по Уралу. Летом она очень красива. В 1841 году ее, тоже летом, посетил знаменитый английский геолог Мурчисон¹⁹ с своими спутниками. Около Качканара он делал перевал через Урал и так описывает свой переход на восточный, азиатский склон его: «Едва начали мы спускаться на восток, как, повернув круто направо по узкой тропе, очутились как бы в новом мире: громадное хаотическое скопление отдельных угловатых каменных обломков лежало около нас; среди них высились величавые кедры, подобно башням вздымавшиеся над другими деревьями; скалы обросли пионами, шиповником, гераниумом. Еще несколько минут пути, и вот изломанные зубчатые очертания Качканара предстали нашим глазам. Унылые, серые и болотистые леса сменились солнечным сиянием, скалами и великолепную растительностью. Наконец-то мы нашли настоящую гору на Урале».

Кроме Качканара, Саранной горы и Сарайного Камня, в даче Бисерского завода известны лежащие на север от селения Крестовоздвиженского голые скалы, состоящие из хлористого сланца красивого темно-зеленого цвета и называемые, по местному наименованию, Колпаками.

На протяжении Архангело-Пашийской и Бисерской дач Уральская железная дорога имеет после станции Пашии следующие станции и полустанки: Белую, Кусью, Бисер, в 12 верстах от завода, Теплую гору и Усть-Тискос. До Теплой горы дорога направляется на северо-восток, а отсюда поворачивает по Уралу к юго-западу и, переходя на восточный склон хребта, делает два очень сильных острых изгиба на пути между станциями Европейскою, Уральскою и Азиатскою, следующими за Усть-Тискосом. Эти три станции своими названиями напоминают путешественнику, что он переезжает

из одной части света в другую. Европейская станция – последняя на западном склоне Урала и в 12 верстах за нею у станции Уральскою, составляющей высший пункт железной дороги, граница Европы и Азии. Граница эта в нескольких саженях от станционных зданий обозначена особою звездочкой в середине круга, выложенного из разноцветных камней. Для того чтобы и ночью ясно обозначить границу, поставлены две решетчатые железные колонны, наверху коих зажигаются фонари с ярко блестящими на стеклах левой и правой стороны надписями: Европа и Азия. Колонны на Уральской станции поставлены в подражание тем каменным столбам с такими же надписями, которые исстари существовали и существуют на утратившем свое значение Большом Сибирском тракте.

Перевал через Урал не представляет никаких особо ощутительных подъёмов с запада и спусков к востоку: на пути между Европейскою и Уральскою станциями, также как и далее между Уральскою и Азиатскою, первую за Уралом, станциями, поезд идёт почти равнинной, окружённой, как и раньше, унылым захудалым лесом, и только каменная звёздочка и фонари с надписями ночью указывают, что Европейская Россия осталась сзади и началась географическая Сибирь. По административному же делению Сибирь, считая границу Тобольской губернии, находится ещё далеко от этого места, в 400 верстах за Уралом, и на правой стороне его железная дорога идёт по Верхо-Турскому, Екатеринбургскому и далее за Екатеринбургом по Камышловскому уездам Пермской губернии.

[...]

Старая Пермь

Путевые очерки
[1888 г.]

I

...Он был тут! это – настоящий «пасс-парту»!..

Но сначала нужно сказать о вагоне третьего класса, в котором я ехал по Уральской железной дороге в Пермь. Публики в вагоне набралось много, и все провели тяжелую, бессонную ночь, скорчившись в разных невозможных положениях. Ранним утром, когда поезд еще «на брезгу»¹ пришел на станцию Чусовая, эта скорченная публика зашевелилась. Показались измятые бессонницей лица, слышались охи и вздохи, нервная позевота и машинально творимая утренняя молитва. Каждый чувствовал себя обиженным и смотрел на других с плохо скрытой ненавистью, как на людей, бессовестно захвативших его место. Дамы – публика была всё чистая – отправились сейчас же в уборную, мужчины потянули к буфету. Общее тяжелое настроение не улеглось даже после получасовой остановки, и публика вернулась с сердитыми лицами на свои места. Я дождался замирающей трели последнего звонка и вернулся в вагон последним. Представьте себе положение не проснувшегося хорошенько человека, изломанного бессонницей, когда он идет к своему месту, и это место оказывается занятым – именно на моем месте сидел какой-то небольшой черноволосый господин в летнем костюме и беззаботно смотрел в окно.

– Милостивый государь, позвольте!..

– А... что?.. Ах, виноват, – забормотал незнакомец, стараясь отодвинуть толстые ноги какого-то ксендза. – А я, знаете, целых полгода не бывал в Перми... Право!..

Незнакомец так добродушно улыбался, что не поднималась на него рука: пусть его сидит, как-нибудь доедем. Да и куда ему было деваться: человек такие же деньги платит. Обезоруживало его добродушие.

– А вон моя квартира, – продолжал он таким тоном, точно мы вчера расстались. – Эти ведь домики построены нашей французской компанией. Да... У меня славная квартира.

Высунувшись в окно, незнакомец весело помахал фуражкой по адресу своей славной квартиры. По акценту можно было заме-

тить, что это коренной француз, что и оказалось впоследствии, – уроженец Гренобля.

Поезд медленно подползал к мосту через р. Чусовую, и в наше окно можно было рассмотреть постройки французской компании, основавшей здесь железоделательный завод. В утренней мгле дымились железные трубы, а по реке медленно плыла волна чисто заводских звуков – лязг железа, грохот вертевшихся колес и валов и глухой гул работавших молотов. Чусовая в этом месте выбегала из «камней» и разливалась по волнистой равнине, едва сдавленной лесистыми отрогами, широким плесом. Картина получалась недурная, особенно после глухого безлюдья оставшегося назади горного перевала.

Публика в нашем третьем классе набралась самая разнообразная: старушка-полька, возвращавшаяся от родных из Западной Сибири, а с ней ехал высокий и мускулистый ксендз в засаленной сутане; напротив них поместились три дамы неопределенной профессии – не то арфистки, пробиравшиеся в Нижний к ярмарке, не то просто жены своих мужей; два бухарца, несколько прасолов и в заключение соловецкий монашек в черной островерхой шапочке и длинном, заплетавшемся около ног подрыснике, перехваченном широким монашеским поясом. Серое лицо этого «мниха» было совершенно неподвижно, а бесцветные глаза смотрели совсем убитым взглядом. Прямые, льняного цвета, волосы выбивались из-под дорожной скуфейки и придавали лицу то бесстрастное выражение, какое встречается только у угодников на образах старинного новгородского письма. Рядом с этим северным отшельником, упитанный ксендз казался уж совсем мирским человеком, особенно когда начинал набивать свой толстый нос табаком. Последнее ксендз делал с ловкостью фокусника, и толстые пальцы точно порхали около носа. В антракты между двумя понюшками ксендз вынимал серебряный портсигар, доставал папиросу и с медленной важностью пускал табачный дым. Вообще публика набралась самая разнообразная, как это случается в развал летней навигации, когда по уральской железной дороге сибиряки едут «в Россию», а «расейские» люди в Сибирь.

– А вам нравится мой костюм? – спрашивал меня неугомонный Пасспарту* (так я прозвал впоследствии моего неожиданного спутника из Гренобля), и он даже подмигнул. – Представьте себе, в один

* Литературный герой, персонаж романа Ж. Верна «Вокруг света за 80 дней».

день портной сшил всю пару... И за работу взял 3 рубля. Да... С меня он всегда берет 3 рубля, а с директора 15 рублей. Я нахожу это справедливым: директор получает 9 тысяч жалованья, а я – всего 540 р. Директор вчера утром призывает меня к себе и говорит: «Вы завтра едете в Пермь встречать г. Дюссо, но только успеете ли вы кончить ваши чертежи?» Я отвечаю: «Посмотрим, m-г директор». Представьте себе, просидел всю ночь над работой и кончил. Каков молодец?.. Ха-ха!.. А портной в это время шил мне вот это платье и тоже кончил к сроку. Но работа работой, а мне нужно было набить 200 папирос на дорогу, – я не люблю себе ни в чем отказывать, – потом накормить собак – у меня их восемь штук, полить цветы – ужасно люблю комнатные растения! – прибрать лошадь... У меня удивительная лошадь: заплатил 35 р., а не отдам за 200 р. Ей-богу, не отдам...

– А кто этот Дюссо, которого вы едете встречать?

– Да он компаньон... Ему нужен переводчик; вот директор меня и командировал. Так прямо и сказал: «Берите денег, сколько хотите». Я взял десять рублей, потому что не люблю себе ни в чем отказывать, а в Перми всегда лишнее издержишь. Уж извините, я всегда в Перми на извозчике ежу. Мы с директором в прекрасных отношениях... Прошлый год на Петра-день у нас в даче случился лесной пожар, он сейчас посылает за мной, и сказал всего два слова: «Я на вас надеюсь». Повторять приказание мне не нужно: мы отлично понимаем друг друга. Сейчас же сажусь на свою лошадь, за которую заплатил 35 рублей, беру ружье – у меня ружье заграничное, стоит всего 6 р. и бьет дробью за 27 сажен, а русские ружья ужасно дорого стоят и ужасная дрянь – и лечу на пожар. Заметьте, у нас есть и лесничий, и полесовщик, а директор надеется на меня... Да-с. Только дорогой я заметил, что еду в штiblетах. Но пожар всё-таки потушил. На обратном пути увидел уток на Чусовой, и прямо с седла: бац! Шесть уток убил одним выстрелом... Поехал их добывать на лошади, а она меня сбросила в воду и убежала. Я чуть не утонул, но только уток достал всех. Конечно, домой пришлось возвращаться пешком, а мокрому это очень неприятно и притом в штiblетах. Пролежал в тифе после этого две недели и чуть не умер... Вообще с этим директором я в прекрасных отношениях, а с прежним был нехорош. У меня было три собаки, и прежний директор говорил мне: «Убей свои три собаки или теряй свое место». Я убил свои три собаки и завел восемь новых да еще лошадь.

Пасспарту болтал без умолку, рассказывая всю подноготную про себя. Родился и вырос он в Гренобле. После отца получил небольшое состояние, тысяч 50 франков, и вздумал на эти деньги основать в России свое дело. Приехал он в Россию, не зная русского языка, и сейчас же, конечно, попал на нехороших людей, которые воспользовались его незнанием русского языка и отобрали все пятьдесят тысяч франков. За этим последовал длинный ряд мытарств, пока он научился русскому языку, и вот теперь служит у своей же французской компании. Конечно, жалованье небольшое, но одному жить можно, а жениться он не желает – слишком дорогое удовольствие даже для такой дешевой страны, как Россия. Эта болтовня лилась неудержимо, потому что Пасспарту был рад и солнечному дню и тому, что он ехал встречать г. Дюссо, и, наконец, просто тому, что он, Пасспарту, существует и может говорить ломаным русским языком. Между разговорами он успел перезнакомиться со всем вагоном, всех угощал своими папиросами и кончил тем, что заснул на полуслове, как засыпают расшалившиеся дети. Публика смотрела на Пасспарту как на пьяненького, потому что все русские путешественники имеют такой унылый вид, точно их отправляют куда-нибудь «по не зависящим обстоятельствам».

На пути от Чусовой до Перми самым замечательным местом является станция Лёвшино. До железной дороги здесь стояла жалкая деревушка и несколько магазинов для склада металлов, но теперь быстро растёт уже целый городок, и проведена даже железнодорожная ветвь к складам металлов. Тут же стоят металлические резервуары с керосином разных компаний, склады бочек и т.д. Лёвшино занимает устье Чусовой и служит местом разгрузки чусовских караванов. Железная дорога оживила пустынный берег, где и следовало бы быть давно настоящему городу, а не на месте нынешней Перми, которая стоит совершенно ни при чем, как измышление административной фантазии.

Другой оживленный пункт уже под самой Пермью – сталепушечный Мотовилихинский завод. На него положены большие казенные миллионы, но дело всё как-то не вяжется: то работы по горло, не хватает рабочих рук, то работы нет. Всё, конечно, зависит от большего или меньшего внимания военного министерства, и Мотовилиха, как комнатное растение, если его польют вовремя, зеленеет и цветет, а если забудут – засыхает до следующей поливки. Удивительное это дело: не хотят давать своих заказов своим же собственным казенным заводам, а направляют их за границу, в Эссен. По справедливости, Крупп²

может считаться нашим русским заводчиком и имеет полное право требовать себе тех же привилегий и покровительства, какими пользуются наши уральские заводчики, тем более, что эти последние решительно ничего не желают делать даже в виду своей собственной неминуемой гибели – съест их южнорусское дешевое железо.

II

Пермь я знаю десятки лет, и всегда на меня этот город производит самое тяжелое впечатление, особенно по сравнению с Екатеринбургом. Главное основание всей жизни здесь заключается в «двадцатом числе», когда чиновники получают жалованье, а всё остальное, нечиновное человечество живет «пакентами»; ни добывающей, ни обрабатывающей промышленности в Перми нет. Впрочем, в последнее время Пермь совсем преобразилась; мощные улицы и целые кварталы прекрасных домов производят даже известный эффект. К сожалению, всё это тлен и суета. Искусственное оживление произведено железной дорогой, и всякая новая комбинация в этом направлении бесповоротно убьет Пермь. Впрочем, песенка уже спета: новая линия Самсук – Уфа – Златоуст достраивается, и без сомнения сибирский транзит повернет по ней. Пермь тогда останется буквально при одном своем «двадцатом числе»... В утешение останутся мостовые да построенные в долг дома. Что такое будущее – не наша фантазия, доказательством служит быстро вырастающий городок в Лёвшине: там сосредоточатся специальные грузы Уральской дороги, как горнозаводской линии, и туда же должно мало-помалу переключиться паромное сообщение.

Здоровый и трудящийся человек любит обыкновенно повеселиться – это его отдых. Самый бойкий сезон в Перми летом, во время навигации, и что же – город скучает, как параличный. На единственном гулянье, пристроенном, как задний двор, где-то на выезде, в совершенно голом месте, толчется человек десять-пятнадцать – и это «вся Пермь». Большой театр летом пуст, а зимой приносит антрепренерам одни огорчения: нет публики.

Всякий, кого *fortuna adversa** заставит провести в Перми несколько дней, обыкновенно не знает, как убить время, и скучает, как на поминках. Нечего смотреть, некуда деваться... Мне лично нужно было остановиться на целый день, чтобы побывать кой у кого из старых знако-

мых, а главное посетить нашего пермского Нестора – В. Н. Шишонко³. Не знаю почему, но Перми посчастливилось по части истории края. Первым явился на этом пути директор пермской гимназии Никита Саввич Попов⁴, оставивший после себя классический труд: «Хозяйственное описание Пермской губернии». Его преемником был известный земский деятель г. Смышляев⁵, издававший одно время «Пермский сборник» и составивший, между прочим, систематический указатель по литературе края. Нужно заметить, что ни одна русская губерния не имеет такой обширной и разнообразной литературы, как Пермская, что объясняется как громадностью территории, так разнообразием и обилием всевозможных богатств. Последним на этом поприще явился В. Н. Шишонко, из работ которого о Пермском крае составителю целая библиотека, а первое место в ней, без сомнения, займет его капитальный труд: «Пермская летопись», уже доведенная до XVIII столетия и представляющая уже шесть объемистых выпусков, в общей сложности 4000 печатных страниц большого формата.

В. Н. Шишонко – инспектор народных училищ. По профессии он врач, но променял медицину на народное образование. Работая сначала на медицинском поприще, а потом на педагогическом, он в течение двадцати пяти лет неустанно собирал всевозможные материалы по истории края и только с открытием земских учреждений получил возможность начать свой труд, который издается на земские средства. Работа, во всяком случае, единственная, хотя и не оцененная по достоинству неблагодарными современниками, видящими в каждом труде одни недостатки. Укажу на тот факт, что экспертиза сибирско-уральской выставки присудила г. Шишонко за его летопись всего большую серебряную медаль, тогда как итальянскому профессору Сомье⁶ – золотую за описание путешествия по Сибири. Положим, что вообще выставочные награды – вздор и что г. Шишонко работал и работает не для золотой медали, но имеет свою важность отношение публики к такому почтенному и единственному в своем роде труду, притом труду самому кропотливому и крайне неблагодарному.

В. Н. Шишонко я застал дома. Он живет на краю города, где-то у бульвара. Новенький одноэтажный дом, поставленный по-английски в глубине двора, смотрел весьма уютно. Сам хозяин, большею частью, в разъездах по делам службы, а дома является гостем. Уютная семейная обстановка делала понятным, как громадный труд вершился здесь между прочим, из-за десятка других обязательных дел.

* *fortuna adversa* – горькая судьба.

– Не знаю, удастся ли закончить летопись самому, то есть напечатать, – говорил г. Шишонко с невольной грустью в голосе. – Все под богом ходим... Но на случай смерти у меня всё приведено в порядок, так что и без меня могут напечатать. Сейчас пойдет в дело XVIII в.; его надолго хватит.

Желая познакомить меня с своей работой, он велел принести совсем приготовленные к печати материалы. Это был настоящий архив. Старинные акты, копии с разных документов, вырезки из газет, письма и опять копии составляли громадный фолиант.

– Однако, Василий Никифорыч, какой большой запас у вас еще не напечатанных материалов, – удивлялся я, перелистывая рукописи.

– Да ведь двадцать пять лет собирал... Теперь дополнений к напечатанному наберется целый том. Приходится по всей губернии ездить, вот и собираешь год за годом... Материал растет сам собой. Конечно, одному где же справиться... Вот эту копию старшая дочь делала, а эту – сын Володя. Да... Всей семьей работаем понемножку.

Часа полтора прошло для меня совсем незаметно в самой оживленной беседе. Я ехал на север, в Чердынь, и он сообщил много такого, чего нет в печатных источниках. Память у него была удивительная, и оставалось пользоваться только готовыми сведениями.

Интересный край – эта Чердынь... По летописи – старая Пермь. К сожалению, самый город выгорал дотла несколько раз, и большинство исторических актов уничтожено огнем.

На прощанье я получил несколько адресов в Чердыни, к кому обратиться в случае надобности.

В Перми мне хотелось увидаться еще с двумя деятелями: Ал[ександром] Ал[ексеевичем] Дмитриевым⁷, который тоже работает по истории края, а потом с почтенным земским статистиком Е. И. Красноперовым⁸, но они пользовались каникулами и были в отъезде. Повидавшись еще кое с кем из старых знакомых, я отправился на пристань.

Летом Кама под Пермью очень красива – берег, уставленный пристанями и складами, – очень живое место, и работа здесь действительно кипит. Самые большие пристани, конечно, принадлежат волжским пароходам, а чердынское пароходство Лунегова приютилось в сторонке, под горой, на которой стоит кафедральный собор. Небольшая пристань и небольшой пароходик, разводивший пары, свидетельствовали о небольшой публике, которая ездит вверх по Каме. До Чердыни от Перми с небольшим сутки пути, но я взял билет только до Усоляя, куда пароход должен был придти на другой день.

В небольшой каюте второго класса я застал странную публику, которая сидела у стола в таком виде, как будто все собирались прощаться. Приготовленные саквояжи и разные узлы говорили о желании оставить пароход. На столе стояла бутылка с водкой и две тарелки с объедками.

– Этот пароход уходит сегодня? – осведомлялся я у пароходного «человека».

– Так точно-с... Через час побегим-с.

– А эти господа что тут делают?..

– А так-с... – ухмыльнулся «человек». – Пермские купцы-с... Пароход-то утром пришел, а они вот всё еще проклажаются.

Мое появление, видимо, расстраивало проклажавшуюся с чемоданами купеческую публику. Я не хотел им мешать и вышел на палубу. Обыкновенно на пристанях, когда отходит пароход, толпится масса провожающих, родных и просто любопытных, но чердынский пароход не интересовал даже пермскую скучающую публику. Саечник, два-три татарина с лимонами, городской, несколько мужиков, носильщики – и только. В довершение всего пошел дождь. Не оставалось ничего, как идти в свою каюту. Пермские купцы с чемоданами всё еще сидели там, только на столе красовалась новая бутылка водки.

– Так как, Иван Федорыч... а? – спрашивал бритый господин, походивший на чиновника, уволенного по третьему пункту.

Иван Федорыч, громадный мужичище с опухшим от водки лицом и мутными глазами навывкате, видимо, составлял душу компании. Он только покачал своей громадной, как пивной котел, головой и хрипло проговорил:

– Я здесь останусь...

Все засмеялись, хотя смешного пока ничего еще не было.

– Нет, это не годится, Иван Федорыч: дома-то, поди, уж давно ждут... Жена, поди, все глаза проглядела.

– Ничего, подождут... А как я жене-то в таком образе покажусь?

– Да ведь не впервой?..

Пузатенький белобрысый купчик так и прыснул со смеху.

– Я прежде так делал, – заговорил Иван Федорыч, грузно вздыхая, – задним двором проберусь, потом через кухню в кабинет и сейчас выхრაпку... А потом уж как стеклышко и объявлюсь.

Жена и догадалась: на замке держит задние-то ворота.

– А я через забор в этаких случаях... – прибавил от себя бело-брысый. – Тоже совестно, ежели, например, прислуга увидит в таком виде...

– Уж на што хуже...

Опять смех и новая бутылка. Кутившие всю ночь на пароходе мужья не решались явиться домой «в этаким виде» и тянули время.

– Я всегда жене говорю, что пароход опоздал... – объяснял «третий пункт».

– Тоже надуй их, жен-то... Нет, брат, стара штука.

После третьей бутылки потребовали «человека».

– Вот что, братец, уведи ты нас куда-нибудь... понимаешь?

– Как не понять-с... Пожалуйте на пристань, там есть багажная конторка, так в лучшем виде-с...

Благой совет был принят, и компания пермских «мужей» очистила каюту, оставив после себя целую кабацкую атмосферу. Передав багаж в контору, компания побрела пешком по берегу Камы, но не домой, а куда-то к соляным амбарам. «Третий пункт» шел впереди и фальцетом выводил:

*Во несчастный день во середу
Злые... злые турки собирависа-а!*

III

Перед самым отходом парохода в общую каюту второго класса прибыла целая компания молодежи; это были студенты горного института, экскурсировавшие по уральским заводам. Молодежь – везде молодежь, и за ней идут беззаботный смех и веселье, как было и теперь. После живой картины из пьяных пермских мужей точно пахнуло свежим весенним воздухом...

Вид на Пермь с парохода очень красив, хотя город и скрыт за горой. Опять так и режет глаз административная затея – неизвестно для чего вывести город на гору; такие постройки имели смысл и значение для старинных боевых городов, поневоле забиравшихся на высокое усторожливое местечко, а Пермь залезла на гору без всякой уважительной причины. Неудобств такого положения масса: от единственного своего богатства, Камы, обыватели отделены такими заламами и буераками, что не скоро доберешься до воды. Даже такое невинное предприятие, как сходить выкупаться – требует большой энергии и некоторой предприимчивости, потому что в жар спуститься к Каме и подняться в город – целый подвиг...

Наш маленький пароходик весело свистнул и пошел в «гору» то есть вверх по Каме. Скоро город и дымившая Мотовилиха скрылись из вида. Берега шли низкие, покрытые тощим болотным леском. Пароходная публика скоро запряталась по каютам, потому что нечего было смотреть. Оставался на трапе только один какой-то купец, разговаривавший с капитаном. Все как-то особенно внимательно оглядывали этого господина и что-то шептались между собой. Я решил про себя, что это, вероятно, герой какого-нибудь банковского хищения или просто крупный банкрот, – и одет плохонько, и вид какой-то совсем особенный.

– Кто это с капитаном разговаривает? – спросил я подвернувшегося «человека».

Мой вопрос доставил этому последнему видимое удовольствие, и он даже шаркнул ножкой.

– Это-с... это-с купец Брюханов, из Усоляя-с. Нонешней весной в лотерее не мало выиграли-с... Господь счастья послал.

Признаться сказать, это известие произвело и на меня такое впечатление, что невольно захотелось еще раз взглянуть на г. Брюханова. В самом деле, человек выигравший является каким-то мифом, хотя каждый год бывает немало таких счастливых. В газетах по этому поводу проветрываются только разные сентиментальные случаи: выиграла какая-то карамзинская бедная Лиза, потом богомольная старушка или молодой приказчик. Но все эти известия оставляют после себя известное сомнение, а тут совершенно живой экземпляр счастливого, которому завидуют десятки тысяч владельцев выигрышных билетов. Да, он, этот избранник судьбы, ходил по пароходу и сам по себе решительно ничего особенного не представлял – купец как купец. Лицо длинное, нос длинный, бородка небольшая, с проседью, общий вид нездоровый, какой бывает у заслуженных церковных старост; одет счастливый был настолько скромно, что даже какая-нибудь канцелярская тля, получающая всего каких-нибудь двадцать рублей, и то не позавидовала бы. Что же, это недурно и показывает человека с характером, который не изменяет самому себе. Впрочем, выигрыш только что получен и некогда было измениться. На нашем пароходе г. Брюханов всё время оставался героем дня, и все смотрели на него, вытаращив глаза. Всех удивляло то простое обстоятельство, что вот, поди ты, свой, наш усольский – и вдруг такие деньги получил за здорово живешь!

– Конечно, первым делом благотворительные дамы в Перми с него свою пошлину взяли, – рассказывал угнетенно какой-то старичок. – Потом в Усолье хор певчих устроил. Всё как следует. Два парохода купил – из Перми в Кунгур бегать.

Благодаря выигрышу г. Брюханова между Пермью и Кунгуром установилось правильное пароходное сообщение; что же, дело хорошее.

Верхняя часть Камы, начиная от Перми, самая оживленная; её можно смело назвать заводско-промышленной. Мы плыли по царству Строгановских имений, поделенных между наследниками. Заводы следовали один за другим: Хохловский, Полазнинский, Добрянский, Чермозский, Пожевской. С парохода можно было рассмотреть только один Добрянский завод, а остальные расположились в нескольких верстах от берега, как Чермозский или Пожевской. Особенно замечательны две реки, впадающие в Каму с правой стороны, – это Обва и Иньва; обе служат живым ключом к самым населенным на Урале местностям, а Иньва, кроме того, составляет вполне пермяцкую реку, потому что в ее бассейне сосредоточилось все пермяцкое царство с своей столицей Кудымкар. Не нужно смешивать древних пермичей или пермитян с иньвенскими пермяками-инородцами: между ними ничего общего нет – первые составляли в верховьях Камы аванпост волжских серебряных булгар, а последние – какая-то отрасль зырянского племени. Между прочим, мы были введены в немалое заблуждение Решетниковым, который в своих «Подлиповцах» описывал именно пермяков-инородцев. Сысойко и Пила являлись не русскими типами, а представителями вырождающегося пермяцкого племени. Этот крошечный народ давно обратил на себя внимание ученых людей, и о пермяках, благодаря трудам Теплоухова⁹, Рогова¹⁰ и др., составила целая литература. В Пермской губернии пермяков насчитывают до 80 тыс., да в Вятской около 10 тыс. Замечательно то, что удержалось много пермяцких названий рек: Чусовая (чуть – быстрый, ва – вода) – быстрая вода, Иньва – бабья вода, Ёгва – грязная вода, Юсьва – лебединая вода и т.д. Пермяцкий язык имеет 17 падежей. Знаменитые пельмени, (правильно: пельнянь – хлебное ухо) обязаны своим происхождением пермякам; по крайней мере, им приписывают его пермяцкие патриоты. Есть и национальный напиток: брага. Пермяки пьют ее в ужасающих количествах. Достоинства такой пермяцкой браги перед водкой или фабричным пивом неисчислимы: она питательна, здорова и дешева. Приготавливают брагу дома, для домашнего обихода, следовательно, не

может быть и речи о каких-нибудь вредных примесях или акцизе. В крестьянском быту, когда справляют свадьбы, годовые праздники или поминки, брага является благодеянием. Про пермяков на Урале сложилась поговорка: «Худ пермяк, да два языка зна(е)т».

Река Обва славится на Урале своими обвинками – маленькими крепкими лошадками, разведенными здесь по указанию Петра I. Теперь обвинки вывелись, а продолжает оставаться только одна слава. На р. Обве стоит знаменитое село Ильинское – главная резиденция Строгановских нынешних имений, а в устье реки – богатое Слудское село, знаменитое своими сплавщиками, лоцманами. Мы «пробежали Слудку» уже вечером, а наступившая ночь окончательно загнала всех в каюты.

Ехавшие компанией горные студентики произвели на меня самое хорошее впечатление; это уже новые люди в замкнутой семье старинных горных инженеров. Мы проговорили за полночь о горнозаводских делах, и мои собеседники оказались не учениками только, которые ползут от экзамена до экзамена, а вообще образованными людьми, что встречается не особенно часто. На Урале они были в первый раз и горячо интересовались всем, что относилось к их специальности.

– А вот первые болгарские горные инженеры, – рекомендовали мне двух сильных брюнетов, которых я сначала принял за кавказцев. – Им будет отлично... Прямо и начнут с последнего слова науки, да еще в болгарскую историю попадут, как первые пионеры горного дела...

Болгары порядочно говорили по-русски и весело отшучивались от комплиментов. Родом они были тоже из исторического места – из знаменитого прохода Елены в Балканах¹¹ и хорошо помнили последнюю русско-турецкую войну...

Утром на другой день я проснулся рано и часов в шесть был уже на палубе. Хотелось посмотреть новые места и полюбоваться красавицей Камой при утреннем освещении. Погода за ночь изменилась к лучшему, и на синем июньском небе весело играло утреннее солнышко. Волокнистая пленка тумана еще кутала воду кое-где по заливам и обережью, но середина реки переливалась глубокой синевою; её бурили те водяные вихри, которые придавали поверхности реки блеск тканого шелка. Какая сильная и могучая река, и как напрасно пропадает эта великая даровая сила: пробежит какой-нибудь жалкий пароходик, проплывут две баржи да несколько лодок, – вот и всё движение по такой громадной живой дороге. Да и берега совсем пустынные: заливные луга, редкий лесок и опять луга. Редко попадается деревня, но пашен много. Земля уж не

чета нашему зауральскому чернозему – суглинок, а то и сплошной песок. К такой земле много нужно приложить трудов праведных, чтобы она сделалась «родимой» и «украсила зернышком» трудовую ниву. От Перми мы плыли уже по третьему уезду – Пермский, Оханский, Соликамский. Всё это такие бедные и жалкие уезды, как и вообще всё Приуралье, за исключением, может быть, одного Красноуфимского; население какого-нибудь Оханского уезда является самым густым для Пермской губернии: 20,3 человека на квадратную версту. В Чердынском уезде на квадратную версту всего 1,4 человека.

– Плохие ваши места... – говорю я какому-то старичку, который тоже смотрел на Каму.

– А чем плохи?..

– Да всем: и земля плоха, и беднота кругом.

– Что поделаешь: господская земля кругом... А то бы жить можно, ежели бы, например, земля... Вот заливные-то луга, так аренды за них по восьми рубликов платят Лазареву. У Строгановых нынче большая прижимка тоже... Смотрелись крестьяны. Вот у нас в Орле, так всё единственно: есть она, земля, нет её... Ни одного фунта не пашем.

– Ты из Орла?..

– Точно так...

– Сплавщик?

– Бывает...

Орел-городок, как и Слудка, является лоцманским гнездом. Я много слышал раньше об этом селе, и встреча с орловским лоцманом давала случай познакомиться поближе. Благообразный старик оказался разговорчивым и бывалым человеком. Начал он свою жизнь мальчиком у чердынских купцов, которые вели дело на Печоре – скупали знаменитую печорскую рыбу. Потом мало-помалу закинул и свое заделье в компании с другим молодцом: сколотились деньжонками, снарядили суденышко, и денежка оправдалась. На Печору возили соль, а с Печоры рыбу. Дело верное, только далеко уходить надо. Потом придумал он баржи строить – дети большие, помогать будут. Сейчас выкинул плотбище на р. Вишере, и пошла работа. Опять жить можно, слава богу.

– Да вот попенными¹² доняли нас, баржовщиков, – продолжал старик: – с 1878 года с баржи-то одних попенных платил больше двух тыщ рублей, а барже всей-то цена восемь тыщ да надо еще по нынешнему времени их взять. Затишало дело с лесом... Ну, я нынешним летом и вздумал сплавить в Петербург.

– На пароходе?

– Зачем на пароходе, – на барке, лоцманом. С Вишеры увел две барки с железным блеском и предоставил их в Колпино, к хозяину, значит, к Цпицу...

– Это щеголихинскую руду с Ивановского прииска?..

– Её самую... Целяя гора руды-то. Это по Вишере вверх надо к Камню идти; там и жилья нет. Мы о великом посту на лыжах туда ушли, построили две барки, нагрузили 60 тыщ блеску да по паводку и сплыли на лотах¹³. Цпиц-то молодец: домны строить хочет и железную дорогу наладит.

История с открытым на Вишере месторождением железного блеска характеризует наших родных предпринимателей. Оно сделано г. Щеголихиным¹⁴, который сам не мог воспользоваться открытым богатством, а принужден был его продать. Свои промышленники так и не обратили внимания на лежавшее под носом богатство, а приобрела его какая-то иностранная фирма.

IV

– Вон и Кондас! А там верст восемь подадимся вперед, и наш Орел, – говорил лоцман, указывая на правый берег. – На горке-то дом с зеленой крышей – это лесопромышленник Кирьянов живет. Он в Астрахань по лету белян до пяти сплавляет... Богатимый мужик – вся округа им кормится.

Кондас – красивый уголок. К реке выдвинулся крутой бугор, а на нем утвердилась хоромина местного богача. Сама деревня рассыпала свои домишки по берегу. Да и какая это деревня – всю-то её взять да сложить в одну беляну. Под самой деревней Кама делает крутую излучину, в которую и впадает небольшая речонка Кондас, а вверх по течению разлегся большой остров. Одним словом, все условия для плотбища. Лежавшая на берегу недостроенная беляна служила вывеской засеваему на горе лесопромышленнику.

Когда пароход подходил к Орлу-городку, на палубе собралась чуть не вся публика – всякому хотелось посмотреть на сказочное село. Вид на Орел издали ничего особенного не представляет: высокий глинистый берег, уставленный крепкими избами, каменная белая церковь, ряд лодок на берегу – и только. Ближе можно рассмотреть что это не избы, а дома на городскую руку. Есть даже каменные постройки, а железных крыш и не перечесть.

– Теплое местечко!.. – слышатся голоса. – И бабы орловские дошлые... Эвон, закатывают на лодочках. Ловко... Скотину всю держат за рекой. Вон у них и стаи для коров наделаны... Утром и вечером бабы ездят коров доить. Здешние бабы огородницы...

Действительно, на левом берегу Камы образовался целый город коровьих хлевов. Целое лето скотина пасется на заливных лугах. Пароход дал свисток и убавил ход – на корме алел кумачный красный платок, а другой бабий платок работал веслом.

– Ну, прощайте, барин! – прощался со мной орловский лоцман. – Ужо приезжайте к нам в гости... Из Усолья-то рукой подать.

Лодка ловко причалила к пароходной лесенке, приняла пассажиров и отвалила. Сидевшие в ней бабы одеты были в ситец, и хотя особенной красотой не отличались, но зато какой это был здоровый и ловкий народ! У сидевшей на корме весло было расписано сусальным золотом, а у другой такое пестрое, что больно смотреть. Какие-то сказочные бабы, да и только...

– Радуются, а не живут в Орле... За двадцать лет ни одного убийства не было.

– Уж на что лучше! Мужики лоцманят, а бабы домашность всякую справляют... На Слудке хорошо живут, нечего сказать, а здесь, пожалуй, почище. Природное у них рукомесло.

Всех дворов в Орле не больше двухсот, но они так широко рассажались по берегу, что производят впечатление очень большого селенья. Глядя на него, я думал, что вся Кама могла бы уставиться такими селами, если бы... Это «если бы» сложилось тяжелым историческим путем и досталось Приуралью в наследство от Москвы, закабалившей фамилии Строгановых громадную площадь земли. От Усолья и до Осы вы едете сотни верст по настоящей владельческой земле, да настолько же она раскинулась в ширину. Это целое царство с сотнями тысяч бывшего крепостного населения. Когда-то всё это принадлежало одним Строгановым, а теперь распалось по боковым линиям. Четыре заводских округа – Чермозский, Пожевской, Очерский и Лысьвенский занимают площадь земли в 2639991 десятина. Самым крупным владельцем здесь является гр. Сергей Ал. Строганов, которому принадлежит 726569 десятин; за ним следует кн. Ел. Хр. Абамелек-Лазарева – 541877 десятин, потом гр. Петр П. Шувалов – 479451 десятина, «франко-русское общество» – 317167 десятин, наследники д.с.с. А. П. Всеволожского – 269038 десятин, наследники

П. П. Демидова кн. Сан-Дonato – 142814 десятин, наследники гр. А. П. Шувалова – 30907 десятин и «Камское акционерное общество» – 28482 десятины. Как видите, счет идет на очень почтенные цифры. Всех заводских земель на Урале больше 8 миллионов. Из них половина принадлежит владельцам на праве полной собственности, а вторая половина делится не поровну между казной и посессионными заводовладельцами¹⁵, – последним принадлежит около двух третей этой второй половины. Интересно, как распределены эти заводские дачи в географическом отношении: главная владельческая площадь сплошным пространством залегла в бассейне Камы, Средний Урал занят посессионерами и казной, а на юге опять владельческие дачи и отчасти казна. Такое расположение ясно показывает, каким путем шел захват Урала, и что центр чисто владельческих земель – это бывшие Строгановские владения. Наши уральские лэндлорды¹⁶ были заготовлены еще Москвой, а Ирландия уже будет сама собой и даже есть уже теперь... Стоит взять положение промышленного населения на солеваренных заводах в том же Соликамском уезде: в Усольской волости на ревизскую душу приходится 0,63 десятины, в Лёнвенской – 0,84 десятины и в Дедюхинской – 1,07 десятины. Но это еще счастливы – всё-таки хоть жалкий клочок земли есть, а вот в даче кн. Абамелек-Лазаревой, так там у заводского населения полный земельный нуль. В Чермозском заводе, например, платят за усадьбы оброк по 1 р. 50 к. с души, а землю арендуют по 8 р. за десятину – это дрянной камский суглинок, когда вся зауральская Башкирия с её великолепным степным черноземом сдается по рублю с десятины, а в казачьих землях Оренбургской губернии такая аренда падает до смешной цифры в 20-30 копеек за десятину. Вообще всё горнозаводское население осталось на Урале без земельного надела; во многих дачах не отведено даже выгона, как в Кыштымских заводах; но нужно отдать справедливость приуральским заводовладельцам, которые берут оброк даже за усадьбы. Лэндлордство ведет за собой неизбежно пролетариат; в России таким пролетариатом является население уральских горных заводов... По казенной статистике, таких «обращающихся на заводских работах» рабочих на Урале насчитывается больше 86 тысяч. Если прибавить семьи к этим «обращающимся», то получится крупная цифра за 300 тысяч, а в действительности она гораздо больше, потому что в заводских дачах проживает миллионное население.

Всего лучше положение населения на казенных горных заводах, и поэтому следует хранить неприкосновенность уцелевших от расширения казенных дач, как зеницу ока: это вечный земельный фонд для растущего на владельческих заводах пролетариата. Впереди у уральских заводчиков неизбежный крах, и нужно подумать о несчастном населении, запертом во владельческих дачах...

Самым больным местом Строгановских земель являются дачи наследников в боковых линиях. Тут всё дело велось через пень-колоду. Одни заводы Всеволожских или Шуваловых чего стоят!.. Незнание заводского дела, неспособность владельцев и высасывание из заводского дела последних питательных соков повело к полному разорению. Конечно, это, прежде всего, отражается на рабочем заводском населении, и есть такой завод, из которого все буквально бежали, а дома стоят заколоченными наглухо, как после чумы. Единственное спасение для этих бедствующих заводских дач заключается в том, чтобы их прибрали более умелые руки. Процесс такого отчуждения уже начался, как мы видим, на двух заводах Пожевского округа – Александровском и Никитинском (Майкорский тож), купленных Демидовым, а также на тех заводах, которые приобретены от владельцев акционерными компаниями. Следовательно, это только вопрос времени, когда произойдет отчуждение и остальных. А между тем как бы могли хорошо работать здешние заводы: каменный уголь под рукой и даже для него проведена железная дорога – Луньевская ветвь. Каменный уголь так и будет лежать, пока заводы не уйдут с молотка...

Кстати, приведу здесь интересный случай с этой землей, которая меряется то сотнями тысяч десятин, то десятичными дробями – середины нет. В Осинском уезде есть две заводских дачи, Уинская и Шермяитская, при которых земли числилось 216 тысяч десятин. Первоначально эта заводская земля была куплена Глебовым (кажется, родственник Скавронских, игравший в XVIII в. большую роль в сенате) у татар «сибирской дороги» на довольно оригинальных условиях: от Шермяитского завода на 50 верст в окружности. Заводы и право на землю у Глебова приобрела впоследствии граф. Рошфор. Новая владелица захотела определить границы своей дачи, но сейчас же возник спор, решенный сенатом в пользу графини. Тогда она заявила новое требование, именно, что 50 верст нужно считать старинные, т.е. по 1000 сажень верста, и таким образом радиус ее владений являлся уже в 100 верст. Когда межевые чины прикинули на приклад эту новую меру, то оказалось, что

нужно будет размежевать в заводскую дачу много владельческой земли, дачи государственных крестьян и два уездных города – Осу и Оханск. Конечно, такое громкое дело подняло на ноги массу заинтересованных лиц – вопрос шел о двух миллионах десятин. На этот раз владелица проиграла, потому что ей было отказано в рассмотрении дела судебно-межевым порядком. А чтобы вести его в исковом порядке, приходилось, прежде всего, внести громадную судебную пошлину: оценка земли произведена была всего в 3 р. десятина, но и на таких условиях иск составлял 6 милл. рублей. Гр. Рошфор не могла внести исковой пошлины, и дело заглохло. Но интереснее всего финал. Когда гр. Рошфор решила воспользоваться своими 50 верст., дача оказалась занятой: тут была и крестьянская земля, и заводская, и даже министерства госуд. имуществ, потому что давным-давно истекла всякая давность, и владение утверждено по всей форме. Вообще это было одно из громких и запутанных дел, велось оно десятки лет и кончилось тем, что гр. Рошфор получила какие-то жалкие крохи...

V

Пароход подходил к Новому Усолью утром.

– Посмотрите, какой американский вид! – восторгался кто-то из публики. – Дым столбом...

Действительно, издали вид на Усолье очень хорош. Оба берега Камы заняты сплошь всевозможными постройками: тут и обывательское жилье, и деревянные башенки над буровыми скважинами для добывания соляного рассола, и громадные амбары для склада соли, и десятки труб над солеварнями, и опять амбары, баржи, плоты и пристани, и даже вокзал железной дороги. Получается удивительно живая и бойкая картина, особенно если смотреть с середины усольского плеса на Каме: вы очутитесь в центре сплошного круга построек верст в десять. Могу сказать про себя, что я был поражен – это что-то уж совсем по-американски, а на Каме ничего подобного нет. Ближе эта картина распадается на несколько отдельных частей. Собственно Усолье занимает один правый берег, а на левом в ряд вытянулись Березники, Лёнва и заштатный горный город Дедюхин.

На пристани усольских пассажиров уже ждали свои экипажи, а все остальные должны были отправиться в селенье по образу пешего хождения. Ни о «проезжающих номерах», ни об извозчиках, конечно, не могло быть и речи. На мое счастье, попалась земская лошадь, остав-

шаяся не у дел, и я воспользовался ею, чтобы добраться до земской квартиры. Конец получался в несколько верст. Пароходная пристань для удобства публики поставлена на конце селения, где высыпали на берегу жалкие лачужки и в несколько рядов вытянулись соляные амбары. Центр был впереди. Картина соляного городка привлекательно-ничего не представляет. Постройки все деревянные и все какого-то обветшалого вида: пропитанные солью бревна лупились измочаленными лентами, как вынутое из воды лыко. Пахло застоявшейся сыростью и гнившим деревом. Бревенчатые башенки, в которых добывали соляной рассол, походили на сторожевые укрепления старинных городов. К каждой такой башенке проведены были деревянные штанги самого первобытного устройства. По кирпичным и железным трубам можно было догадываться о существовании варниц, по наружному виду походивших отчасти на сеновалы, отчасти на кирпичные сараи. Слишком уж много дерева, и ничего такого, что напоминало бы обстановку заводского или фабричного дела, точно вы по щучьему велению перенеслись в доброе старое время московского лихолетья или еще дальше – к эпохе новгородских ушкуйников и Марфы Посадницы¹⁷. Рабочих было почти не видно, и только валивший из некоторых труб дым говорил о какой-то невидимой работе.

– Работают на варницах? – спрашивал я земского возницу.

– Це ино? – нараспев и с чердынским акцентом ответил он. – Которы работают, которы нет...

Само по себе Усолье – довольно красивое селенье, с типичным промысловым характером. Середины не было: или лачуги обывателей, или хоромины солеварных магнатов. На главной площади – собор старинной архитектуры и кругом базар, тоже устроенный по-старинному. Получалось что-то такое особенное – село не село, город не город, завод не завод. Вон хмурятся на берегу каменные палаты Строгановых – совсем уж они не гармонируют с остальной бревенчатой мелюзгой, а потом опять чьи-то хоромины и опять деревянная ничтожность. В собственном смысле слова, живут здесь одни управляющие промыслов, а остальное причастное соляному делу промысловое человечество только влачит существование, выражаясь высоким слогом.

Земская станция скромно приютилась в каком-то закоулке. В Усолье у меня не было ни одной души знакомой, но, на мое счастье, на станции я случайно встретил своего приятеля, г. Б. Мне хотелось осмотреть варницы, а потом знаменитый содовый завод бр. Любимовых в Березниках – единственный содовый завод на всю Россию.

– Мы сегодня же всё можем осмотреть, – решил мой знакомый. – Только нужно достать разрешение...

Добыть последнее оказалось не так-то легко. Мы забрались к какому-то управляющему и отрекомендовались. Оказалось, что нужно было дать чуть не присягу, что мы не будем сами варить соль, как только осмотрим промыслы, а главное – грозила опасность, что мы предвосхитим чудеса усольской солеваренной техники. Мне, наконец, надоела эта глупая церемония, и мы ушли ни с чем.

– Лучше всего отправиться прямо в Березники к Любимову, – советовал огорченный неудачей г. Б. – Там гораздо проще...

Так мне и не удалось познакомиться собственно с усольскими промыслами, основание которых восходит к началу XVI столетия. Усолье вначале принадлежало Строгановым, а теперь право собственности на промыслы распалось. Львиная часть осталась всё-таки за Строгановыми, а за ними уже следуют наследники графа Шувалова, кн. Абамелек-Лазарева и кн. Голицын. В общей сложности усольские промыслы дают около 7 мил. пудов соли.

На пути в Березники мы осмотрели старинный собор, напоминающий новгородскую старину. Чтобы добраться до содового завода, мы должны были с версту тащиться по песчаной отмели и потом через Каму переправились на пароме. Вид отсюда получался замечательно хороший, а Березники смотрели совсем по-европейски: на первом плане пятиэтажное здание содового завода, рядом сосновый парк, в парке «господский дом», а дальше начинались соляные варницы, амбары и бревенчатые башенки. Когда паром толкнулся о берег, на нас так и пахнуло ядовитыми газами громадного химического завода. Оригинальную картину представлял вблизи сосновый парк: деревья совсем высохли, и зеленая хвоя оставалась только кое-где внизу. Всё это была работа выделявшихся при производстве газов.

Управляющий промыслами в Березниках г. Самосатский оказался гораздо любезнее своего предшественника и сейчас же выдал нам пропуск для осмотра всякого производства; он, видимо, не подозревал в лице скромных туристов конкурентов, которые высмотрят всю механику дела и сейчас же соорудят второй в России содовый завод.

Мы проехали по умиравшему парку, миновали новенькие корпуса с квартирами служащих и, наконец, предъявили у сторожки свой пропуск.

– Пожалуйте...

Внешний вид содового завода напоминает хорошую вальцовую мельницу; всё производство сосредоточено внутри, а на заводском дворе попадались только кучи колвинского известняка, каменный уголь и разная фабричная ломь. Осмотр мы начали с нижнего этажа, где стояли паровые машины и где мы вступали сразу в специфическую атмосферу вредных газов: засадило в горле, завертело в носу и заволкло глаза слезой.

– Ну, это мое почтение... – заявил я, зажимая нос платком.

– Да, ничего... для первого раза, – согласился Б., принимаясь чихать.

Выделявшиеся при содовом производстве газы донимали не нас одних, а доставалось всем: рабочие имели испитой, жалкий вид, а металлические части машин были покрыты ржавчиной. Особенно непривлекательный вид имели громадные цилиндры из толстого котельного железа, в которых совершались разные химические тайны; железо снаружи было покрыто толстой корой из ржавчины, точно коростой, натеками и полосами скипевшейся белой массы и сочившейся откуда-то водой. Конечно, не могло быть и речи о щегольстве машин, как на железных заводах. Прибавьте к этому грязь на полу, сырость и носившуюся в воздухе известковую пыль.

Во втором этаже мы нашли служащего, который и показал в порядке производства всё дело. Наш Вергилий¹⁸ имел общий вид со всем живым, что попадало в эти стены: зеленоватый цвет лица, чахоточно-ввалившуюся грудь и вообще самый болезненный и натруженный облик. Переходя из этажа в этаж, мы обливались самыми непритворными слезами, чихали и кашляли, как овцы. Наши носы были сконфужены окончательно, точно составляли какой-нибудь фильтр при содовом производстве.

– У меня голова кружится... – заявлял Б., хватаясь за перила последней лестницы.

– Всякое дело необходимо доводить до конца, – резонировал я, стараясь дышать через платок.

– Это только сначала, а вот мы привыкли, – успокаивал путеводитель.

Особенно эффектно было отделение, в котором стояли чаны с осаждавшейся в них содой. Здесь рабочие работали, завязав рот платками, а один дышал через губку. Это было какое-то чистилище... Последний акт заканчивался под машиной, насыпавшей готовую соду в деревянные бочки – такая прекрасная сода, блестящая самой невинной белизной.

– Совсем готовые бочки с содой поступают на баржу и отправляются на низ, – объяснял служащий. – Всего в год завод вырабатывает до 800 000 пудов, но может и увеличить производство.

Сода, как известно, есть угленатровая соль, употребление которой самое разнообразное, начиная с технических производств, как мыловарение, стекловарение, белиение и мытье тканей, приготовление красок, и кончая медицинской кухней, где она получила значение уже «домашнего средства». Способов добывания соды очень много; самый употребительный до последнего времени был изобретен Лебланом¹⁹. Но тотчас появилось много новых видоизменений: Шелле, Carnu, Kopna, Turkck'a, Hunt'a, Cossade и др. Особенно важное значение получил в последнее время так называемый аммиачный способ, разработанный Шлезвигом²⁰ и Сольве²¹. Завод в Березниках построен самим Сольве и представляет последнее слово науки. Одним из важных преимуществ этого способа является то, что соду вырабатывают не из поваренной соли, как делалось раньше, а прямо из натурального соляного раствора, какой выкачивается здесь из буровых скважин. Считаю себя не в праве передавать подробности химического производства на заводе в Березниках – это раз; а второе – это слишком специальный вопрос, и, в качестве туриста, можно что-нибудь напутать. Для обыкновенного читателя достаточно сказать, что сода здесь готовится из соляного рассола и углекислоты, получаемой при обжигании известняка, и что прежде чем получится всем известный белый порошок, он проходит такой сложный курс, что, по справедливости, заслуживает аттестата зрелости. Мысль основать содовый завод именно в Березниках вызвана стечением самых благоприятных местных условий: соляной рассол под руками, известняков по Каме сколько угодно, а в довершение всего – каменный уголь, доставляемый к самому заводу по Луньевской ветви Уральской железной дороги. Этого угля содовый завод потребляет 1800000 пудов в год. Постройка завода начата в 1881 г., а пущен он в действие в 1883 году. Можно пожалеть только о том, что содовое производство с первых же шагов потребовало покровительственных пошлин, а это плохой признак.

– А сколько времени может проработать человек на заводе? – спрашивали мы нашего возницу.

– Да с год, поди, поробит... Один тут есть рабочий, так он с самого начала робит. Весь изветшал, еле на ногах держится, потому дух донимает от этой соды... А другие не могут перенести. Вон дерево – и то сохнет, где же живому человеку держаться...

Получался в результате очень грустный факт, и мы можем сказать от себя только одно: неужели нет никаких средств, чтобы устранить подобные антигигиенические условия? Мы видели работу в шахтах и огненную работу на железодельных заводах; обе они пользуются славой каторжной работы, но и они не оставляют такого гнетущего впечатления. С полным удовольствием дохнули мы свежим воздухом, когда, наконец, выбрались из этого царства соды – есть еще солнце, и зелень, и живая вода, и вообще белый свет. Конечно, чудеса европейской техники велики, и всякое последнее слово науки почтенно само по себе, но им предпочитают свои допотопные способы и «средства»... Именно к таким «средствам» мы и перешли, когда приступили к осмотру соляных промыслов в собственном смысле. Да, здесь так и пахло еще новгородской стариной, начиная с промысловой терминологии: матица, цырен, обсадные трубки, лоты рассола, – всё это – коренные новгородские слова, за которыми стоит почтенная, пятисотлетняя старина. Еще новгородские промысловые головы придумали всю нехитрую обстановку соляного дела, и оно дошло до наших дней почти в своем первоначальном виде, с очень небольшими дополнениями. Очень уж просто всё оставлено, так просто, что даже как-то не вяжется с действительностью грандиозного представления о 10-15 миллионах пудов ежегодно вывариваемой в этом крае соли.

Оба берега Камы под Усольем дают на известной глубине соляной рассол, и вся задача в том, чтобы поднять его наверх, а потом выварить соль. В Березниках солеварни устроены по общему типу. Мы начали осмотр с одной из бревенчатых башенок, где выкачивался из земных недр рассол. В высоту башня имеет около четырех сажен. Внутри два этажа. Интерес заключается в верхнем, где работает насос, приводимый в действие штангой. Представьте себе обыкновенную деревянную трубу, какой выкачивают воду из погребов и подвалов, – вот и всё. Разница в том, что эта труба уходит в землю сажен на 80 и более. Из трубы выливается в небольшой бак чистый, как слеза, рассол и отсюда уже по желобам и трубам проводится к месту своего назначения, то есть к солеварням. На вкус рассол отдает горечью морской воды и, падая каплями, оставляет после себя белую корочку соли, как горячий воск. В Березниках содержание самое лучшее – кажется, до 25% соли и более. В башенке стоит спертый, тяжелый воздух, – так и бьет в нос сероводородом.

– И всё тут? – спрашиваем мы рабочего.

– А чего больше-то? всё! – равнодушно отвечает он, даже не удивляясь праздному любопытству пристающих к нему соглядатаев. – Внизу рассол, а сверху машина: вот и вся мудрость.

Следующим номером является солеварня. Это целый ряд низеньких каменных корпусов; черный дым так и валит из их широких железных труб. Рассол из башенок проводится прямо сюда. Мы поднимаемся по отлогому накату в одну из таких солеварен. У дверей сидят полунагие рабочие, – без рубах, в одних «невыразимых». Наше появление производит в толпе некоторое замешательство.

Один из рабочих даже стыдливо прикрылся рукой.

– Можно посмотреть?

– Можно... Только глядеть-то нечего, господа.

Действительно, и здесь всё так просто, что даже непосвященный человек может усвоить всю технику. Центр производства составляет громадная квадратная железная сковорода – это и есть цырен, или црен. В длину и ширину она имеет сажени по три, а глубиной, кажется, аршин. В цырен наливается рассол, а под ним топка. Рассол нагревается, вода испаряется, и в результате получается густая каша из соли. Её вынимают и просушивают на особых полатах тут же. Коротко и ясно. Между тем это усовершенствованная печь, и устроена она по заграничному образцу. Но если что и есть здесь усовершенствованное, так это газовая топка. Рабочим в солеварне приходится, как и на всякой другой огненной работе, нелегко, и они щеголяют почти в костюме Адама. Зимой, вероятно, достаётся тяжело, но всё это шутка сравнительно с работой на содовом заводе.

– Ничего, мы привычные, – отвечает долговязый солевар, показывавший нам завод. – Усольские да Соликамские на этом стоят.

Совсем готовая соль сносится в магазины, а отсюда нагружается на баржи. Кроме рабочих мужчин, на солеваренных промыслах «обрабатывается» много женщин-солонок. Положение этих последних самое незавидное, и о нравственности тут, конечно, не может быть и речи. Девушка, попавшая на промыслы, быстро пропадает, поступая в категорию отверженных. История везде одна и та же, где так дорог хлеб и дешева человеческая жизнь.

Мне хотелось посмотреть старинные солеварни, сохранившиеся еще на других промыслах; но в Березниках их не было. Идти и ходатайствовать пред управляющими не хотелось, – будет и того, что

видели. По своей простоте, соляное дело заслуживает вообще внимания, а как исконный русский промысел оно представляет особый интерес. Когда-то во времена акциза у соляного дела шла большая игра, но нынче «с солью очень тихо», и пермские солевары пошли по торной дорожке, проторенной горнозаводчиками: те же слезы о пошлинах и разных промышленных привилегиях. Как-то смешно даже говорить об этом, когда ценная пушнина и камская соль составляли главные доходные статьи еще «господина Великого Новгорода». Настоящий упадок соляного дела приписывают высокой казенной таксе на древесное топливо, неравномерным железнодорожным тарифам, подавляющей конкуренции «южных солей», как донецкая, бахмутская и т.д. Уж этот юг! – на каждом шагу он солит нашим уральским заводчикам. Одним из вечных припевов этой сказки «про белого бычка», конечно, служит масса двадцатитысячного промыслового населения, органически связанного с успехами соляного дела. Но всё это «слезы крокодила», и если бы удалось отгородиться от Западной Европы китайской стеной, учредить внутренние таможи и соляные заставы, то всё же и тогда рабочему населению не было бы лучше. Господа заводчики скромно хлопчут о самих себе, а рабочий вопрос является только как припев... На Урале неизменно повторяется один и тот же факт: чем богаче заводчик, чем больше у него земли, и чем богаче земные недра, тем хуже заводские дела и тем сильнее вчиняются хлопоты о субсидиях, пошлинах, тарифах и вообще покровительстве. Усольские соляные промыслы подтверждают еще раз эту истину: то, что в новгородский период считалось богатством, как соляные промыслы, в последней четверти XIX в., при всех злоухищрениях техники и последних словах науки, вопиет о помощи...

VI

Когда на следующий день наш пароход «Альфа» отплывал из Усоля, общее внимание столпившейся на трапе публики привлекла небольшая баржа, приткнувшаяся в излучине берега.

– Гли-ко, как попыхивает! – слышались восклицания. – Ловко!.. Ах, шут его возьми, Шилоносова! И паровушку приспособил...

– Восемьдесят цалковых зарабатывает каждый день, вот тебе и паровушка... Вон какая уйма досок на берегу наворочена.

– Уж это што говорить... Ишь, как пыхтит! В день-то и напыхтит восемьдесят цалковых...

Интересовавшая всех потеха представляла собой паровую лесопилку, поставленную на маленькую баржу. Г. Шилоносов являлся, таким образом, изобретателем первой подвижной лесопилки, и эта незамысловатая штука всех потешала. Помилуйте, все лесопилки строились на сухом берегу, к каждой такой лесопилке пригоняли плоты, и намокшие на дворе бревна волокли на машину с таким уханьем, криками и воплями, что вместо работы получался крошечный ад. Одних лошадей сколько изувечат, а воздух насыщался самой крепкой руганью. И вдруг – ровно ничего. Сама машина подчалит к плоту, сама вытащит из воды бревна, сама распилит их, и остается только сложить готовый тес. Сторона лесная, бревен испиливают каждый год пропасть, и никто не мог додуматься раньше до такой простой и выгодной штуки. Попыхивавшая «паровушка» (паровая машина) приводила всех в восторг... Этот факт сам по себе достаточно иллюстрирует заматеревшую косность лесопромышленников, и немудрено, что в их среде г. Шилоносов является чуть не Эдисоном²². Помилуйте, какую штуку придумал!..

Мы весело «пробежали» мимо Березников, миновали деревянный вокзал Луньевской железнодорожной ветви и потом могли полюбоваться Лёнвой и горным городом Дедюхиным. Дедюхинская старина так и бросалась в глаза, напоминая усольские промыслы: такие же почерневшие от времени здания, скученность построек и вообще старый промысловый стиль. Между Усольем и Березниками на Каме прежде лежал Побоищный остров, но теперь он сливается с усольским берегом и представляет из себя плоскую песчаную отмель. Свое название этот упраздненный остров получил от побоища, происходившего на нем в 1572 г. Тогда много было побито здесь торговых людей, принявших напрасную смерть от инородцев – вогуличей, остяков и др. Скоро соляное царство осталось позади, а впереди широким разливом уходила из глаз красавица-Кама. Опять заливные луга, тощие перелески, тощие нивы, и только изредка, точно из-за угла, выглянет деревушка. Врачующего простора сколько угодно, а между тем жить буквально негде... Если тесно в старой Англии и вообще в Западной Европе, то это вполне понятно: слишком мало земли и слишком много населения; но здесь получалась какая-то наглядная несообразность: Соликамский уезд занимает площадь в 25000 кв. верст с населением обоюбого пола тоже что-то около 25 тысяч душ, а между тем есть волости, где крестьянский надел равняется на наличную мужскую душу 1,57 десятины (Пыскорская волость), 2,72 десят. (Орловская), 3,49 (Березовская) и т.д. О земельном наделе про-

мыслового населения мы уже говорили выше – там счет идет на десятичные дроби. Еще лучше земельное положение следующего за Соликамским уезда – Чердынского: площадь уезда в 62 т. квадрат. верст с населением в 90 тысяч, а вот какие наделы у крестьянского населения: на наличную мужскую душу приходится в Сыпучинской волости по 0,26 десятины, в Морчанской 0,49, в Корепинской 0,96 дес., в Покчинской 1,11 д., в Ныробской 1,25 д., в Вильгортской 1,27 д., в Аннинской 1,52 д., в Анисимовской 1,65 д., в Лекмартовской 1,96 д. и т.д. Понятно, что население здесь бедствует, а земельный простор остается сам по себе. В Чердынском уезде еще можно сослаться на болота, леса и вообще непроходимые дебри, недоступные культуре, но в пользу Соликамского уезда и это оправдание нельзя привести: там на каждом шагу приходится считаться с делами рук человеческих, и за каждым таким подвигом стоит длинное историческое прошлое.

Да и города здесь такие, что любая сибирская деревня лучше – в Соликамске 4 т. жителей, а в Дедюхине 4 720 чел. Городской бюджет первого 17 тыс. р., второго 25 тысячи, а приход всего 1189 р. Одним словом, всё это города «с позволения сказать», особенно по сравнению с такими как Екатеринбург, бюджет которого около 200 тыс. рублей. Конечно, везде есть свои исключения, и на Каме попадаются зажиточные селения, особенно раскольничьи, в которых непременно есть свое ремесло и торговлишка. К таким, пожалуй, можно отнести и Усть-Пыскорское село, вид на которое с парохода очень красив. Между Усольем и Чердыню это самое красивое место, и недаром наверху крутого берега красовался в былые времена богатый Пыскорский монастырь. Теперь от него осталась всего одна церковь, да и та стоит наглухо заколоченная. Пыскорское плесо замечательно красиво, и Кама живой, переливающейся гладью уходит верст на двадцать. Если смотреть с вершины плеса, пыскорская церковь издали чуть брезжится, как восковая свеча. История Пыскорского монастыря, конечно, связана с фамилией Строгановых, больших доброхотов и милостивцев до монашеской братии. Строгановы отказали монастырю большие угоды и главное – соляные промыслы, которые послужили главной статьей монастырского богатства. Заметим здесь деятельный, промышленный характер, каким отличаются все северные монастыри. Соль тогда служила дорогим товаром, а пыскорские монахи вываривали её «большие тысячи» пудов. Благодаря этому в монастыре скопились громадные богатства. Пыскорская обитель гремела до самой Москвы. Дальней-

шая судьба этого монастыря довольно печальна. Он просуществовал до 1756 года, когда его архимандриту Иусту пришла блаженная мысль перенести монастырь на новое место, на Лысьву, в 8 верстах от старого монастыря. Сказано – сделано, и монастырь перенесен. Эта странная архимандритская фантазия закончилась полным разгромом обители; в новом месте монастырь так захудал и опустел, что его решили уничтожить. Сначала был проект перевести его в Соликамск, но пермский губернатор Кашкин стоял за Пермь. Это было в начале восьмидесятых годов прошлого столетия. Канцелярская волокита шла без конца, десятки лет, а когда всё было решено, то в Пермь повезли пыскорские богатства натурой: кирпич, железную ломь, колокола, ценную рухлядь и т.д. Но чтобы построить новый монастырь в Перми, нужны были деньги, а денег не было; поэтому и состоялась оригинальная финансовая операция: губернская власть решила заложить в Вятке две пыскорских митры, оцененных в 40 тыс. р. Опять пошла волокита, кончившаяся даже уничтожением самого имени пыскорской обители. В Перми сохранилось несколько пыскорских древностей; в Вятке остались в закладе упомянутые выше две митры, да в народе сложилась поговорка: «Где был Иуст – там монастырь стоит пуст».

– Сирота-сиротой стоит церковь-то... – с сожалением говорил старичок, чердынский купец, когда мы «бежали» под Пыскором. – А какое место-то умильное!.. Раз в год в церкви-то служат... Всё разорили.

– А кто разорил-то?..

– Сперва Иуст, а потом... Господь знает, кто зорил-то.

Старичок благочестиво вздохнул и перекрестился. Набравшаяся в общей каюте второго класса публики состояла главным образом из лесопромышленников, ехавших на Вишеру заготавливать дрова для соляных промыслов. Были еще два молчаливых чердынских купца («чердаки», как называют чердынцев), один соликамский солевар – и только. Половина места оставалась пустой. Разговоры шли исключительно о соли и лесных заготовках. Особенно типичен был один подрядчик, напоминавший московскую чуйку. Среднего роста, жилистый, с широкой костью, сырмятным лицом и узкими темными глазками, Иван Тихоныч так и бросался в глаза, как лесной человек.

– Прямо от пня, – говорил он про себя. – Да и всех-то нас Ермак оглоблей крестил...

– Это он – Сибирь оглоблей-то, – поправляли «чердаки».

– Ну, и нам малым делом тоже досталось Ермакова крещенья...

Как бывалый человек, Иван Тихоныч скоро сделался душой общества и нарочно ломал из себя простачка. Когда разговор заходил о ком-нибудь, он напряженно вслушивался, потом улыбался и непременно повторял одно и то же:

– Как же, знаю – вместе как-то водку пили... Обстоятельный барин. Мы еще с ним из Усолья на одном пароходе бежали...

Знакомством с господами Иван Тихоныч гордился чисто по-подрядчичьи, хотя в начале и конце каждого такого знакомства стояла неизбежно водка. Другим осязательным результатом являлось непреодолимое стремление к мудреным словам, как район – Иван Тихоныч говорил: «мой радион». Когда сели закусывать, он потребовал сои.

– Вам какой прикажете-с: кабуль-с или черепаховую-с? – спрашивал официант.

– Дегтю ему принеси... – шутили другие. – Туда же, сою еще знает!

– А то как же? – обижался подрядчик. – Около господ привадился к разному вкусу... Что к чему следует – всё знаю. А что касемо водки, так даже сам удивляюсь, как это один человек может выдерживать такую невероятность...

– Да ведь вон какой смолевый пень, ничего не делается.

– И то ничего... По вешней воде как-то изгадал под плот – плоты гнали по Вишере, ну, и ничего. Хоть бы насморк!.. Вдругорядь опять осенью по льду провалился – и тоже ничего... По пояс в снегу бродишь по неделям, в снегу спишь – тут закостенеешь, не бойсь.

– А много нынче дров-то взял на подряд!?

– Будет-таки... Тысяч сорок саженок надо приготовить.

Соляные промыслы истребляют страшную массу дров: больше 80 тысяч кубических сажен. Исключение составляют Любимовские промыслы, работающие на каменном угле. Приведенная выше цифра дров гораздо ниже действительности, потому что для одного Дедюхина, по словам ехавших подрядчиков, нужно было около 40 тысяч погонных сажен, т.е. полено в 6 четв. длины. Такая сажень обходится промыслам всего 3 руб., включая сюда и попенные деньги – 40 коп. Раньше взыскивали попенных 90 к. за сажень, но солевары выхлопотали себе пониженную таксу. Весь этот горючий материал добывается частью в верховьях р. Колвы, а главным образом по р. Вишере.

– Матушка наша эта Вишера, – говорил Иван Тихоныч. – Куда бы мы без неё-то делись?..

Как настоящий лесной человек, Иван Тихоныч говорил и по-пермяцки, и по-вогульски. Особенно он потешал публику ломаным пермяцким говором: «депка, кодила, екал, клерб» – так говорят не одни пермяки, а также и опермячившиеся русские. Из настоящих пермяцких слов по оригинальности заслуживают внимание: ыб – поле, енэшка – радуга, горэтань-кай – соловей, кут-юр – поп, серетыс – писарь, куль – чорт, му-ул-тын-падэ-сынъ – ад.

Город Соликамск – в стороне от Камы. От пристани Усть-Боровой, где открыты соляные варницы, до него, кажется, всего около двадцати верст. Почему город ушел от реки – объяснение в соляном промысле, откуда и название города: Соль-Камская, Соликамск, как есть Соль-Вычегодская, Сольвычегодск. Попад из благословенного Зауралья в здешние убогие места, невольно удивляешься быстрой перемене всех условий жизни и главных интересов: нет ни золота, ни платины, ни драгоценных камней, ни степного пригонного скота, ни бойкой хлебной торговли, ни зауральских рыбных озер, и разговоры идут только о соли, о лесе, о торговле печорской рыбой, о беличем промысле, о чердынском рябчике – и только. Всё происходит в самых скромных размерах, точно самая жизнь втиснута совсем в другой масштаб. Краски не блещут здесь особенной яркостью, а красноречие цифр только раскрывает общую бедность. Но за этой неказистой действительностью стоит длинное историческое прошлое и по разным углам сохранились замечательные памятники старины. Если история Зауралья начинается с похода Ермака, то здесь нужно накинуть еще сотни лет. Можно пожалеть, что почти вся эта почтенная старина отчасти выгорела, а отчасти остается в неизвестности. Сохранились, главным образом, церковные древности. Так, в Николаевской церкви в Усолье – евангелие 1603 года, написанное одною из именитых женщин фамилии Строгановых. Уставное письмо красиво и отчетливо, с раскрашенными заставками; вместо «у» везде «оу», после «ш» и «с» везде поставлен юс; встречаются титулы, каких уже не употребляют. Листы скреплены такой подписью: «Лета 7111 августа в 31 день сия книга levhuk на престольное домовое, церковное всемирного воздвижения честнаго и животворящаго креста господня в городе на Устье на Орле над Камою рекою усть Уявы (Яйвы) реки. Положение Никиты Григорьевича сына Строганова к своей вотчине для своего поминовения за здравного и для своих родителей за упокой». Это евангелие хранилось в Орле-городке, а в 1828 г., по указу пермской консистории, перенесено в Усолье. В церкви

села Кудымкар сохранился колокол с латинской надписью: «Anno 1647 gloria Soli Deo». По сельским церквам можно встретить и «де-Иисус на красках», и запрестольную «Пятницу», и разные приклады сканного и басманного дела²³ – гривны, венцы, оклады.

Интересно проследить летопись такого позабытого уголка, в котором, как в капле воды, отражается далекая «русская история», – конечно, отражается только отдельными звеньями, как эхо. Возьмем для примера летопись Соликамска.

Основание города с точностью неизвестно, но его относят к 1505 г., когда на Чердынь напал сибирский царевич Кулук-Салтак, покоривший, между прочим, и Усолье Камское. Потом грабили Соликамск ногайские татары, так что соликамцы в 1552 г. обратились к Ивану Грозному за воинской помощью. Царь стоял тогда под Казанью и послал на защиту города складной образ Николая-Чудотворца.

В 1581 г. выжгли посад у Соликамска «сибирцы». Город был деревянный, с деревянной стеной из восьмидесяти трех городков, пяти башен и четырех ворот. Боевой «наряд» состоял из двух медных пищалей, одна «пол-осьмы пяди поперечина», а другая шести пядей.

В 1596 году через Соликамск провели дорогу в Сибирь, – раньше она шла на Чердынь.

В 1637 г. в Соликамске собирали с монастыря и церковей деньги на постройку городков и острогов на Украине, в отвращение набегов от крымской орды, и тогда же собирали хлеб «для сибирских отпусков».

В 1650 г. верстали под Смоленск на службу: от брата брата, от дяди племянника, от отца сына.

В 1656 г. случилось «оскорбление жителей болезнью», для избавления от которой соликамцы дали обет: «Летом, по вся недели, соборне приходите с честными кресты к башне». Того же года произошло в Соликамске чудо: исцеление человека расслабленного, а в следующем году весь город выгорел, так что даже жители разбрелись.

В 1668 г. Соликамск пострадал от наводнения.

В 1691 г. через Соликамск проезжал Эверт-Идес-Избрант²⁴, посланный из Москвы в Китай для переговоров.

В 1698 г. 17 августа в 10 часов дня накатила на Соликамск грозная туча: «сначала пошел черный густой дым, а потом составилось облако мрачное, что не могли распознать друг друга. Мрак сей продолжался полчаса, а после покрыло весь град огненной тучей, из коей выпал песок с искрами, но вреда от этого никакого не было».

В 1705 г. опять туча – «темная, аки дым, и окружив небо и всё побагрело, аки в крови, и ветер дышаше зело тепл, аки от огненного запаления». Тогда же получен указ о бритии бород всем купцам и посадским людям, а домовые бани переписаны и положены в оброк.

В 1710 г. присланы в Соликамск «пленные шведы полковники и офицеры».

В 1711 г. усалец Егор Лаптев поджег хлебные амбары, за что его, осудив, закопали живого в землю.

В 1717 г. была большая водополь, а в 1718 г. проезжал через Соликамск известный историк В.Н. Татищев²⁵.

В 1721 г. был неурожай и народная перепись.

В 1724 г. «получено письмо, чтобы послать в сад его величества 1300 кедровых деревьев».

В 1726 г. «явился образ Сретения господня, еже есть Убрус», и в том же году доктор Мессершмидт²⁶ определил географическую широту Соликамска.

В 1728 г. «мимо Соликамска вели в Сибирь Александра Меншикова со всем семейством вместе, с прежде бывшею обрученною невестою Петра II, Марию Александровною».

С 1731 г. начался целый ряд наборов: ставили рекрутов, высылали работников на постройку закамской линии крепостей, верстали драгунских лошадей и т.д.

В 1733 г. случились жесточайшие морозы, от которых погибло много людей и скота.

В 1737 г. Соликамск разжалован из провинциального в простой город, а в следующем году верстали в солдаты причетников, и было затмение, «аки огонь со всех сторон горел, а по утру была мгла и духота».

В 1740 г. воеводой был в Соликамске капитан Гилгинский, ненавидевший «духовный чин»; при нем две женщины были «вкопаны в публичном месте живыми в землю» – одна, Марфа, за убийство и сожжение своего мужа, а другая, Парасковья, за удушение своего мужа в постели. В этом же году из Сибири через Соликамск возвращалась ученая экспедиция под начальством астронома Делиля²⁷.

В 1742 г. Соликамск видел целый ряд знатных персон: везли Остермана²⁸ в Березов, а Миниха²⁹ и регента, блюстителя державы российской, герцога курляндского Бирона³⁰ «на Пелым». В Соликамск был сослан Левенвольд³¹.

В 1743 г. 20 ноября «привезена радостная весть о замирении России с Шведскою короною камер-юнкером Возжинским, за что соликамскаго воеводы от канцелярских служителей и от граждан Соликамских он был подарен, со всеусердным желанием, 1000 рублями».

В следующем году «неведомо кем принесен в Соликамск, в скотской рыжей шерсти, урод-человек».

Дальше следуют в порядке лет – хвостатая звезда, генеральная ревизия, сыск воров и разбойных людей нарочитыми командами, «туча с великою бурей и нетерпимым громом», и т.д.

В 1812 г. прислали в Соликамск 12 пленных французов, а в 1853 г. явилась холера.

Мы опустили длинную цепь пожаров, от которых Соликамск страдал то по частям, то весь; этой красной нитью связаны в одно целое все остальные Соликамские злоключения и напасти. Единственным утешением служило то, что Усолье ухитрилось в 1842 г. выгореть на сумму 1762102 р. 77 коп.

Приведенные нами выдержки из летописи Соликамска дают обильный и характерный материал: сколько нужно было терпения, выдержки и старания, чтобы просто уцелеть. У себя дома жизнь тихая и безобидная, нарушаемая разве только огнем, водой и враждебными стихиями. Но зато со всех сторон на голову соликамцев дождем сыпались всякие беды – подавай деньги, подавай ратных людей, лошадей и корм разной чиновной челяди. Более живою связью с остальной Россией являлись ссыльные, да иногда проедет в Сибирь какой-нибудь знатный иностранец. А когда повернули сибирский тракт с Верхотурья на Екатеринбург, и этого не осталось, – Соликамск совсем захирел и стухался, обойденный потоком жизни. Странно даже представить себе такой город, у которого нет ни настоящего, ни будущего.

VII

Соликамская старина, усольская, чердынская и вообще прикамская слишком тесно связаны между собой, чтобы рассматривать их отдельно. Особенный интерес представляет новгородский период этой истории, хотя о нем сохранились только отрывочные сведения, и многое приходится дополнять воображением. Насколько сильна была новгородская закваска, достаточно указать на это горластое новгородское «о», которое из Новгорода перешло по Заволочью в Старую Пермь, а отсюда в Сибирь, – вся Сибирь «окает» так же, как «окали»

новгородские гости, промышленники и добрые удалые молодцы ушкуйники. Передаточным пунктом на этом широком колонизаторском пути являлся Великий Устюг, и мы видим, что устюжские угодники и чудотворцы пользуются особым почетом в Сибири; из Устюга же вышел первый просветитель языческой Великой Перми, св. Стефан. Живучесть новгородского духа просто изумительна, и теперь еще можно проследить известную преемственность типов. Укажем хотя на созданного торговой республикой «кулака», до которого нынешним Колупаевым и Разуваемым³² как до звезды небесной далеко. В самом деле, новгородские «кулаки» забирали и обирали весь север и протянули свою цепкую лапу далеко на северо-восток, откуда шла ценная пушнина. Живым памятником этой горячей работы явилось быстрое вымирание инородческих племен и еще более быстрый захват земель. Типичным представителем этого всепожирающего новгородского духа является фамилия Строгановых, а потом целый ряд мелких «кулаков», которые и по сейчас гнездятся на бойких местах давно исчезнувших новгородских торговых колоний, ураганом пройдя по всей Сибири. Чтоб не ходить далеко за примером, стоит указать на прославившихся чердынских купцов, которые обирают всю Печору и Северный Урал – вот это типичный народ, еще не затронутый сатирою.

Раздумавшись на эту тему, я так и заснул с мыслью о новгородской колонизации и даже во сне видел что-то такое новгородское. Но спать так и не довелось, – только что начал забываться, как в каюте поднялся шум.

- Вы ведь не барышни какие... – повторял чей-то хриплый голос.
- Отвяжись, чорт!..
- Вставай, Иван Тихоныч, а то за ногу выволоку и за пазуху всю бутылку вылью... Не барышня, слава богу!..
- Да ведь три часа ночи, дьявол, а он с водкой лезет...
- Сказано: не барышни...

Послышалась тихая возня, кто-то заохал, а потом уже поднялся настоящий гвалт. Как ни хотелось спать, но пришлось открыть глаза. Пароходная лампочка освещала такую картину: посредине каюты стоял молодой белокурый приказчик с бутылкой в руке и божился всеми святыми, что обольет Ивана Тихоныча водкой. Это был настоящий русский молодец – рослый, могучий, с красивым, добрым лицом. Он был сильно пьян, но держался на ногах еще крепко.

– Побойся ты бога, Вася, ведь три часа утра... – уговаривал Иван Тихоныч, напрасно стараясь спрятаться под одеялом: Вася тащил его за ногу и дергивал одеяло. – Васька, мотри, не балуй, а то и в морду!..

– Да ведь не барышни... – повторял Вася, вытаскивая кого-то с верхней койки, как сушеную рыбу. – От хлеба-соли не отказываются...

Кончилось тем, что Вася разбудил и поднял на ноги всю каюту, за исключением меня – я притворился спящим. Началась попойка, и все быстро захмелели, потому что не проспались еще после вчерашнего «разговора». Разгулявшийся Вася целовал Ивана Тихоныча и обещал вышвырнуть его в окно, если он будет барышней.

– Ну и навязался... а?.. – изумлялся подрядчик. – Осередь ночи от водки спасенья не стало...

Поднялось пьяное галденье и споры. Вася заметно процвел и сладко улыбался – ему нужна была компания, вообще живые люди, а то девать силу некуда.

– На Вишеру поползли? – спрашивал он, не обращаясь собственно ни к кому. – Народ грабить... Знаю, всё знаю... По полтине с сажени утянули опять, а народ с голоду пухнет.

– Да ведь никто не неволит... – огрызнулся старик-подрядчик с вышибленным передним зубом. – Хошь – работай, хошь – нет. Своя воля...

– Это точно... гм... – мычал Иван Тихоныч. – Известно, не неволим.

Богатырь Вася вдруг ударил кулаком по столу и со слезами в голосе заговорил:

– Господа бархатники, пожалейте лапотника!.. Ведь вы-то сыты, по горло сыты, а еще жилы вытягивать хотите из простого народу... Поглядите, как он живет-то... что он ест... Беднота кругом... ребятишки голодают... что вы делаете?

– Ну, это уж от бога кому што, а мы не неволим.

– Эх, не то, бархатники... Иван Тихоныч, вот ты теперь лес вырубаешь, – не унимался Вася: – на Колве всё вырубил, теперь Вишеру догола разденете... Так я говорю?

– Известно... как же быть, когда, например, промысла, Вася?

– Весь лес вырубите, подлещы, и занесет нас песком... Верно говорю!.. Вот тогда и придет китаец... Неочерпаемая его рать, этого китаецца, а как лес вырубите, он и навалится. Жить ему негде... вот он и придет!.. А вы свой народ изводите...

Богатырь закрыл руками лицо и заплакал.

Ничего не оставалось, как уйти на палубу, чтобы передохнуть свежим воздухом. Пароход подбегал уже к Вишере, Кама оставалась влево. На трапе никого не было, и я мог любоваться развертывавшейся картиной, не развлекаясь ничем. Кама и здесь была так же широка, как и двести верст ниже, потому что главные водоемы были вверху. Та же широкая водная гладь, те же лесистые берега и редкие селенья там и сям. Не знаю, как на других, а на меня большая масса движущейся вниз воды производит неотразимое впечатление – смотришь и не можешь оторвать глаз. Как ни хороши наши зауральские озера, но в стоячей воде нет размаха, нет зовущего в неведомую даль таинственного голоса... А вот эта живая, движущая дорога поднимает в душе такое бодрое и хорошее чувство, точно и небо выше, и мир раздвигается пред вами. Около таких могучих рек вместе с вековыми лесами выросла и сложилась своя поэзия, цикл духовных представлений и особый склад приподнятого душевного строя. В чем же тайна этого неотразимого движения текучей воды на наше воображение? Психическая сторона здесь разъясняется значением воды, как вечного движения. Даже ветер останавливается, а река всё идет, идет без конца, как шла тысячи лет до нас и как пойдет без нас новые тысячи лет. Движение – символ жизни, а отсюда всякая река – что-то живое, отвечающее неустанной работе, творящейся в неведомых глубинах души человека.

Живой узел, где сплетаются три таких реки, как Кама, Вишера и Колва, не мог остаться в стороне от истории, тем более что отсюда идут волокна на Печору, на Северную Двину и ряд путей на Каменный Пояс, как новгородцы называли Уральские горы. Именно здесь существовала мифическая Биармия, этот форпост и транзитный пункт приволжской Болгарии. Великий водный путь шел из Каспия по Волге и Каме и волоками соединялся с северными водными бассейнами. Мы думаем, что эта живая дорога существовала задолго до «пути из варяг в греки», и её историческая роль закончилась еще до начала русской истории. В горле этого пути и залегла Биармия, кроме торгового значения, как самый важный транзитный путь, имевшая еще громадную, силу, как единственный ключ к дорогой пушнине, – меха тогда составляли главную ценность и в торговле служили меновой единицей. Счет шел на куны и на сорока соболей. Из таинственной глубины Средней Азии свозились сюда дорогие восточные товары, а из Скандинавии – варяжские изделия. Вообще место было бойкое, стоявшее на юру, и недаром новгородцы так не удержи-

мо тяготели к нему даже тогда, когда волжский путь уже был загорожен татарскими ордами и серебряные Камские болгары совсем ступшевались. Теперь этот исторический угол пуст, как пусто самое место бывшего болгарского царства. Как-то даже неловко видеть убогие русские деревушки на кипевших жизнью берегах – исторический поток обошел их давно и проложил новые русла.

– Вот и Вишера, – заявлял штурман, показывая рукой направо.

Кама раздвоилась, и наш пароход направился в правое русло, то-есть в Вишеру. Трудно сказать, которая река больше – обе хороши и обе могучи. Выдавшийся между ними мыс спускался к воде низкими поемными местами, а затем правый берег поднимался высокой кручей. Именно здесь нужно искать место старой Чердыни, как столицы Биармии. Нынешняя Чердынь, по счету летописцев, занимает уже пятое место и значение историческое имеет только условно. Она забралась выше Вишеры, на высокий берег Колвы, где раскинулось чудское городище. Может быть, это было выгодное положение в стратегическом отношении для борьбы с инородцами, но главенствующий торговый пункт здесь не мог быть ни в каком случае, потому что волоки остаются в стороне.

Пароход бежал мимо самых исторических мест, повитых тысячелетней давностью, и на этом историческом фоне еще резче выступало современное убожество. Собственно говоря, это сторона могил, добыча археологов... Недаром здесь найдены самые древние монеты и драгоценная утварь восточной работы, а в будущем предстоит, вероятно, настоящая археологическая жатва. Самый неопытный глаз безошибочно может определить места, где когда-то ключом была жизнь.

По Вишере нужно подняться верст шестьдесят, а потом повернуть в Колву. Пароход бойко подвигался вперед, и время летело незаметно. В туманной дали уже забрезжился Полюд-Камень, одна из красивейших уральских гор, если не самая красивая. В хорошую погоду её видно за десятки верст, потому что Полюд стоит на берегу Вишеры совершенно отдельно, – это конечный пункт забежавшего далеко уральского отрога. Кругом него лесистая равнина, изрезанная живой сетью горных рек и речек.

Благодаря высокой воде наш пароход мог подойти к самой Чердыни, – летом это не всегда возможно, потому что Колва в жары быстро мелеет. Издали вид на город очень красив. На правом высоком берегу Колвы живописно сгруппировались городские домики, а впереди всех выдвинулись старинные церкви. Получалось что-то вроде

кремля. Под береговой кручей разметало свои домишки предместье, а от него в гору шел крутой взвоз. Высота города вытеснялась плоским левым берегом, уходившим в синевшую даль медленным подъемом. Вообще вид получался хоть куда.

– Где остановиться в Чердыни? – спрашивал я спутников по каюте.

– Да где тут остановиться, ежели нет знакомых или родственников! – недоумевали сведущие чердынские люди. – Проезжающих номеров нет... Разве к Спиридону Трофимычу толкнуться?..

– У них сноха недавно двойней родила, так неспособно будет... – отсоветовал Иван Тихоныч. – Лучше уж к Пал-Евстратычу – ву домина. Аккуратный человек.

– Невозможно, Иван Тихоныч... У Пал-Евстратыча полы красят, и сам он в бане околачивается.

Словом, повторялась обыкновенная история: негде остановиться, и конец тому делу. Мне приходилось уже испытывать подобные случаи в Златоусте и в Челябине, поэтому огорчаться решительно не было никакого основания, да и впереди всегда остается единственное верное средство: попадетсЯ какой-нибудь мужик и выручит. Действительно, только успел я ступить на чердынский берег, как мужик уже был тут, то есть даже не мужик, а самый оголтелый мещанин с ястребиным носом и чисто московской юркостью. Точно из-под земли появилась какая-то тележка, мой чемодан полетел на свое место, и мы бойко отправились в путь. Мещанин ужасно дергал руками, неистово махал кнутом, но лошадь не прибавляла хода, а тащилась казенной собачьей рысью, как бегают все мещанские одры.

– Где остановиться?.. – заговорил я.

– Сколько угодно, барин... К первосортному купцу вас предоставлю, где лучшие господа всегда останавливаются. У самой церкви... ну-у, ты, идол!..

Взвоз был крайне неудобен, и бедная лошаденка выбивалась из сил, чтобы вскарабкаться на кручу.

– А вы по какому делу будете? – расспрашивал возница, чтобы незаметно выиграть время. – Так-с, для удовольствия-с... Погода превосходная, и у нас господа на Полюд ездят кататься, ежели, например, канпания... Да ну, ты, – дикая, пошевеливай!..

Внутри город производит такое же приятное впечатление, как и снаружи – улицы широкие, всякое строение «в планту», одним словом, как следует быть благоустроенному городу. Нужно заметить,

что и здесь, как вообще в русских городах, главным архитектором были бесчисленные пожары – Чердынь выгорала раз пять, и от старинных построек остались одни церкви. Мещанин подвез меня к низенькому домику, юркнул куда-то в калитку и через минуту вернулся.

– Пожалуйте...

VIII

Чердынь, как вечный город Рим, расположена на семи холмах. Московские грамоты её титуловали так: «Пермь Великая Чердынь», а потом существовало еще другое название – Старая Чердынь. С трех сторон она, благодаря крутым оврагам, была совершенно неприступна, и только западная часть защищалась земляным валом. Сохранились остатки и других земляных укреплений, именно на восточной стороне, но назначение их трудно определить – без них с этой стороны город был огражден достаточно, тем более что, по свидетельству летописей, все нападения на Чердынь делались с южной стороны. Скучившиеся на берегу церкви показывают центр существовавшего здесь когда-то кремля. И стены, и башни, – всё было деревянное, и всё давным-давно сгорело. Церкви старинной архитектуры, но построены в прошлом столетии. Вид из этого кремля на левый берег – один из красивейших на Урале: под обрывом берега глубоко внизу катится светлая Колва, за ней идут поемные луга, а дальше начинается сплошной лес, широким размахом подходящий к Полюду-Камню. Эта гора венчает картину. Представьте себе постамент памятника Петру I, увеличенный в несколько десятков тысяч раз – вот вам портрет этой горы. Полюд к городу стоит боком и рельефно выделяется на горизонте, точно гребень поднявшегося девятого вала. До него около тридцати верст, и отчетливо можно рассмотреть гору только в хорошую погоду, как это было при мне. Если Полюд скрылся в облаках – значит, будет ненастье. Свое название гора получила, по легенде, от какого-то разбойника Полюда, но слово это коренное новгородское – полюдье, полюд.

По народному преданию, Чердынь стоит уже на пятом месте, а где она была раньше – остается неизвестным, хотя по некоторым находкам древних вещей и можно догадываться, что одно из таких мест – на Каме, выше впадения в неё Вишеры. Самое название города нерусского происхождения, а существующие инородческие слова не дают еще объяснения: по-пермяцки «чер» значит топор, а слова «дынь» и совсем нет. Во всяком случае, русская история знает Чер-

дынь уже на её теперешнем месте, что видно из ее завоевания. Именно в 1472 г. в Перми были обижены московские гости, и Иван III двинул свои войска на это сказочное царство. Конечно, это был только предлог, а завоевание Перми подготовлялось далеко раньше. Московские войска сначала повоевали город Искор, а потом Чердынь. Главными действующими лицами этого одоления были князь Федор Пёстрый и воевода Гаврило Нелидов. Они пленили в Чердыни пермского князя Михаила, а в других городках – Владимира и Матвея. Из пермских воевод пленены были Кача, Бурман, Мичкин, Качаим, Изыпар и Зырян. Московские воеводы послали Ивану III, в качестве военной добычи 16 сороков черных соболей, драгоценную соболью шубу, три панцыря, две сабли, шлем и 29 поставов немецкого (?) сукна. Замечательно то, что пермские князья были христиане, и в летописях сохранилось четырнадцать христианских имен пермских князей и княгинь. Пленных пермских князей отправили в Москву, но Иван III вернул обратно князя Михаила, который и стал править страной в качестве московского присяжника.

Но окончательное завоевание Перми произошло только в 1502 году, а последний пермский князь Матвей Михайлович, заподозренный в измене, был сведен с отчины в 1504 году. На его место назначен московский наместник князь Василий Ковер. Заслуживает внимания тот факт, что только в 1553 г. особой грамотой было запрещено наместникам руководствоваться судом и грамотами прежних великопермских князей – из этого можно заключить, что Великая Пермь стояла на высокой степени культуры. И тем более удивительно, что от этого царства, прославленного еще в скандинавских сагах, не осталось никакого следа. Что за народ здесь жил, на каком языке он говорил, куда исчез – ничего неизвестно. Впрочем, и от волжской Болгарии ничего не осталось, буквально ни одного болгарского слова.

О Чердыни можно сказать, что она вся в прошлом; является даже сомнение, – не преувеличено ли это прошлое и даже существовала ли Великая Пермь летописей и грамот. Да, она существовала, и неопровержимым доказательством этого существования служит целый цикл так называемых пермских древностей, найденных и находимых до сих пор в области исчезнувшего царства. Можно пожалеть об одном, именно, что эти древности рассеяны теперь по столичным музеям или разошлись по рукам партикулярных любителей; а в самой Чердыни решительно ничего не осталось. Особенно много найдено было

серебра: сосуды, чаши, блюда, украшения, браслеты, гривны, потом разное оружие, предметы домашней утвари и масса монет. Самые древние монеты в России найдены именно в Чердынском крае: индобактрианские, сассанидские, византийские и золотоордынские. Автор известного «Хозяйственного описания Пермской губернии» Н. С. Попов описывает серебряную чашу, найденную в окрестностях Чердыни; на ней были рельефные изображения разных южных животных – слона, страуса, крокодила. Г. Смышляевым пожертвован петербургскому Эрмитажу серебряный ковш в 2S ф. весом, украшенный такими же изображениями; он найден тоже около Чердыни, и ученые относят его происхождение к Византии, именно к VI в. Особенно было много находок восточного происхождения. Из них обращает на себя внимание золотой браслет с вставками из сердолика; на нем арабская надпись: «Ищу того, кто любит меня, наперекор тому, кто запрещает мне». Всё это жалкие остатки того «закамского серебра», до которого так были падки новгородцы и из-за которого было пролито много напрасной новгородской крови.

Подбирался к нему и великий московский князь Иван Калита, о котором новгородский летописец под 1332 г. говорит: «Великий князь Иван приде из орды и возверже гнев на Новгород, прося у них серебра закамского»... Новгородцы сначала отказали, а когда Калита пошел на них войной в союзе с рязанскими и низовыми князьями, начали предлагать 500 р. отступного. Калита не взял этих денег и помирился с новгородцами. Вопрос о закамском серебре является в истории темным – на Урале серебра нет, и всего вернее предположить, что оно в древней Биармии приобреталось путем мены на ценную пушнину от купцов азиатских и византийских. В Чердыни был свой собиратель этой древности, уездный судья Коновалов, и у него, как говорят, образовался целый музей, но всё это добро в одно прекрасное утро сгорело. Остатки разнесли заезжие археологи, и теперь во всей Чердыни вы найдете всего две-три старинных вещи. Но находки продолжают встречаться, и археологам здесь есть над чем поработать.

По богатству и обилию этих находок в таком глухом углу можно безошибочно заключить, что древняя Биармия действительно существовала, и существовала именно здесь, но говорить о ней приходится с такими же догадками и вероятностями, как о людях каменного или бронзового периода. Летописи и царские грамоты глухо молчат, за исключением года московского «одоления»...

Но если пермская старина отошла в область гаданий и более или менее остроумных соображений, то Чердынь всё-таки сохранила за собой интерес в другом отношении, – в ней еще живет старина новгородская, поскольку она выразилась в языке, песнях, обычаях, обрядах и всем житейском обиходе. Конечно, первое место принадлежит здесь языку, о котором Даль говорит так: «В Чердыни живет еще старина русская, как при царях, и притом старина не раскольничья: речь напоминает здесь Киршу Данилова³³ и Посошкова³⁴». Случилось это потому, что Чердынь после завоевания царства казанского осталась совершенно в стороне от главного потока колонизации, повернувшей к южному приволью и в Сибирь. Собиратели древних русских былин, сложенных в Новгороде и Киеве, нашли их не на месте своего происхождения, а в Олонецкой губернии, куда занесло их вихрем смешавшихся исторических событий, как ветер сметает снег на край широкого поля. Предания, песни, поверья, притчи, сказки и весь обиход народного творчества на месте родины похоронены под позднейшими историческими наслоениями и заменились новыми бытовыми формациями, а здесь еще жива эта глубокая старина и хранит свой эпический склад. Достаточно указать на один цикл свадебных песен, сохранившиеся в Чердыни. Даже в чтении они производят сильное впечатление своей глубиной, выстраданной поэзией и сердечной женской правдой. Эти песни богаты такими оборотами, сравнениями и образами, сложены таким прекрасным старинным языком, что остается только удивляться создавшей их духовной мощи. В них как живая встает неприглядная историческая доля многострадальной русской женщины, вынесшей на своих плечах тройной гнет византийско-татарско-московской цивилизации. Если бы поставить на сцене такую чердынскую свадьбу, без ученых и артистических искажений, то это была бы наша глубоко-национальная, выстраданная целой историей опера, та русская правда, которая не нашла выхода....

Для этнографов, археологов и бытописателей Чердынский край является непочатым углом.

От громкого прошлого к бесцветному настоящему Чердыни нет почти никакого перехода, если не считать ряд пожаров, уничтожавших дотла чердынскую старину. Настоящее Чердыни очень скромно: это уездный город с 3S тыс. жителей и бюджетом в 15 т. рублей. Площадь уезда равняется 62 тыс. квадр. верст, а населения около 86 т. Бедность чердынского населения на Урале вошла в пословицу, и поэтому чердынское земство выбивается из сил, чтобы выполнить са-

мые необходимые функции. Можно только удивляться, что это бедное средствами земство ухитрилось построить такие прекрасные училищные здания и очень хорошую земскую больницу. Это уж совсем по-американски – лучшие в городе здания принадлежат школам. Жаль только, что нет ни гимназии, ни прогимназии, ни профессиональных учебных заведений, – край так удален от учебных центров, что чувствуется самая настоятельная необходимость в среднеучебных заведениях. Желающие дать детям гимназическое образование должны везти их в Пермь, то есть за 300 верст.

Пользуясь прекрасной погодой, я обошел почти весь город, благо он и так невелик. Побывал в земской управе, а потом у председателя Н. С. Селиванова, – было небольшое занятие. Между прочим, у него просмотрел несколько старинных книг. На одной из них – «Историческо-географическое описание Пермской губернии», изд. 1800 г., на главном месте была курьезная надпись: «Только прошу читать со вниманием и табак не курить, и если кто покурит, у того пуп в правый пах уйдет, в чем и подписуюсь своеручно. Св. Протоиерей Филарет Вечтомов. 1800 г.». К этой надписи примечание другой рукой: «Отца Филарета, бывшего благочинным в чердынском Воскресенском соборе 35 лет, потом переведен в город Шадринск и там скончал свою жизнь». Эти надписи достаточно характеризуют «налегающую мглу языков»... Мне хотелось узнать через г. Селиванова, не сохранились ли в частных руках какие-нибудь древности, но таковых не оказалось, за исключением нескольких серебряных великокняжеских монет и еще двух-трех пустяков.

– Много было вещей у Алиных, да сгорели в пожар, – объяснял г. Селиванов. – Серебряный пояс был, кубки... Всё сгорело.

– А после Коновалова вещи куда девались?

– Часть сгорела, а другая так, по рукам разошлась... Тут еще история вышла с цепями... из Ныроба. Коновалов, когда был судьей, то сделал копию с железных цепей, в которые был закован Михаил Никитич Романов³⁵, когда сослали его в Ныроб. Цепи эти хранились в ныробской церкви. Теперь выходит так, что будто бы Коновалов увез настоящие цепи, а копию оставил в ныробской церкви. Один из его наследников продал потом эти цепи заводчику Голубцову, как настоящие, но опять говорят, что настоящие-то оставил у себя, а продал Голубцову вторую копию. Насколько всё это верно, не умею сказать, а продаю, за что купил.

Самым бойким общественным местом в Чердыни служит клуб. Иду туда закусить и просмотреть новые газеты – извозчиков в Чердыни нет, поэтому приходится довольствоваться образом пешего хождения. Да и клуб рукой подать, так что ноги обывателей проходят сюда незаметно. Помещение незавидное, – как на железнодорожной станции средней руки, где по расписанию полагается буфет. Из передней ход прямо в бильярдную, а за ней уже зал, буфет, библиотека и проч. В бильярдной звонко щелкали шары, несмотря на полдень, – играл сам буфетчик с каким-то старичком «из отставных».

– Желтого в среднюю! карамболь по красному! – громко выкрикивал буфетчик, вытягиваясь всем своим составом по бильярду. – Рраз... Ну-ка, Павел Митрич, черкните шар шаром по шару шара!..

Старичок, видимо, сердился и промазал, вызвав раскатистый, жирный смех веселого партнера.

– Будет тебе ржать-то! – оговаривал он. – Гусей по осени считают.

Буфетчик по свободному обращению, видимо, был свой человек в чердынском beau mond'e, и я через комнату слышал его causerie с Павлом Митричем. В газетах, кроме старых новостей, ничего не оказалось, и приходилось довольствоваться бильярдными разговорами.

– А лошадку-то у Иван Федотыча я приспособил-таки, – весело рассказывал буфетчик, делая шара. – Как же-с... Не лошадь, а прямо сказать: дракон. На маслянице город брать будем... Иван-то Федотыч каждый день в двенадцать часов заезжал в клуб рюмку водки выпить, – ну, кучер как-то повел лошадь купать, а она вырвалась от него да прямо в клуб и придула... ха-ха!.. Не домой, подлая, бежит, а в клуб, потому место свое знает. Иван Федотыч по этому по самому и отдал ее мне... Дуплет в середку-с!..

Общественной жизни в Чердыни, конечно, нет и званья, как нет её даже в таких городах, как Пермь или Екатеринбург. Довольствуются самым скромным прозябанием. Да и тон жизни здесь задают знаменитые «благодетели», как называют купцов, ведущих торговлю с Печорским краем. Эти богачи пользуются громкой популярностью на всем севере, как идеал кулачества: не привезут хлеба – печорцы и сиди голодом. Все операции очень просты: из Чердыни на Печору везут хлеб и соль, а оттуда везут рыбу. Дело старинное, кондовое, установленное еще по новгородским торговым правилам, и необъятный край находится в кабале у десятка чердынских толстосумов. Эксплуатация идет жестокая и приняла уже, так сказать, нормальный характер. Но в последнее

время над чердынскими благодетелями грянул гром: открывается так называемый «Сибиряковский тракт», который соединит Печору с Обью, далеко минуя Чердынь. Если этот путь осуществится, благодетелям капут. До этого открытия благодетели продавали хлеб по 2 и 2S р. за пуд, сахар 40-50 к. фунт; а когда А.М. Сибиряков³⁶ открыл свое дело на Печоре, то цена муки за пуд сразу упала на 1 р. 25 к., а в 1887 году – даже на 75 к. Сахар продается по 18-20 к. фунт. Дело объясняется тем, что, благодаря дешевому водному пути, на Печору двинут сибирский хлеб, а в будущем предполагается двинуть туда и сибирскую соль, которая по достоинству гораздо выше камской. Удержится этот путь или нет – неизвестно. Сибиряковым затрачен на него уже миллион, но дальше нужно правительственное содействие. Чердынцы ежегодно отправляли на Печору до 500000 пудов одного хлеба да 300000 пудов соли. Во всяком случае, вопрос о Сибиряковском тракте принадлежит к капитальным, и от него зависит уничтожение чердынской кабалы.

IX

Нам остается подвести итог всему сказанному о новгородском периоде древней Биармии.

На заре нашего исторического существования весь северо-восток был заполнен угро-финскими племенами, образовавшими полумифическое государство, известное в русских летописях под именем Великой Перми. В исландских сагах оно именуется Биармланд, а англо-саксонский викинг Оттер, живший во времена Альфреда Великого, называет его Биармос. Эта таинственная страна, прославившаяся ценной рухлядью, мехами и азиатскими товарами, привлекала к себе постоянное внимание храбрых викингов, которые не только воевали и вели торговлю с Биармией, а не гнушались и родниться с пермскими князьями. Существует предание, что норвежские и датские конунги женились на пермских принцессах, добываясь их руки, в случае соперничества, поединками. Последний поход в Биармландию в скандинавских сагах помечен 1222 годом. Но не дремали и новгородцы, обшарившие весь север. Под 1096 г. новгородской летописи есть известие, что какой-то «ноугородец Гур Тогарович» посылал своего отрока на Печору, в которой «людие же суть, дань дающе Новугороду»; с Печоры отрок отправился в Угру, то есть на Урал. Конечно, пионерами и разведчиками служили добрые молодцы ушкуйники – эта вольница новгородская послужила прототипом образовавшегося впоследствии южнорусского казачества.

Прямой путь на Урал по Волге и Каме был загорожен осевшей в устьях Камы болгарской ордой, с которой воевал еще великий князь киевский Владимир. Летописец, рассказывая о походе на болгар в 897 г., приводит такой эпизод: когда Владимир разбил болгар, и когда к нему привели пленников, то Добрыня сказал: «Сглядах колодников, оже суть вси *в сапозех*: сим дани нам не даяти... Пойдем, княже, искать лапотников!»

Но если убоился волжских болгар Добрыня, то это не остановило новгородцев, – они пробрались в Биармию обходным путем, через Заволочье. Этот путь оставался вплоть до завоевания Казани. Неутомимые новгородцы не останавливались даже в Биармии, а перевалили через Урал задолго до похода Ермака. Есть известие, что новгородская вольница под предводительством Александра Обакуновича в 1364 г. забралась далеко за Каменный Пояс, воевала с югорскими народами и доходила по р. Оби до самого Студеного моря. «Господин Великий Новгород» хотя и называл Великую Пермь своей волостью, но мы не думаем, чтобы здесь существовало полное новгородское владение, а просто были выдвинуты торговые фактории и меновые дворы. Великому Новгороду и со своими делами в пору было управиться: чего одно Заволочье стоило! Достаточно и того, что новгородцы первые проложили широкий путь тяготеющей на восток русской колонизации и пользовались в далекой уkraine большим влиянием. Последнее видно из той борьбы, которую вела Москва с Новгородом из-за Великой Перми. Еще св. Стефан, просветитель Великой Перми, ездил в Новгород ходатайствовать за свое новое духовное стадо, угнетаемое новгородскими володителями и особенно сборщиками дани, а епископ Герасим обуздывал новгородскую и вятскую вольницу своими пастырскими увещаниями. Вообще здесь остается много гадательного, и красная нить истории с трудом связывает разрозненные факты.

Но что хорошо известно, так это именно политика Москвы, постепенно забиравшей новгородские колонии, – а в этом ряду московского одоления Великая Пермь явилась только последним словом.

Московские политики, прежде чем взять Новгород открытой силой, предварительно домогались обессилить его отнятием колоний на севере. Так и было на самом деле: новгородцы, стесненные со всех сторон, продолжали только держаться в Великой Перми. По шелонскому договору в 1471 г., когда новгородцы потеряли все северные колонии, Великая Пермь еще оставалась в числе новгород-

ских волостей. Вопрос, почему Москва так долго не наносила Новгороду последнего и самого сильного удара, объясняется тем, что на дороге стояла усилившаяся Казань; взять у новгородцев Пермь значило в то же время обойти Казань с тыла. Интересно проследить здесь роль пермских епископов, зависевших административно от Новгорода, а духовно от Москвы. Понятно само собой, что епископы тяготели к Москве, где была митрополия и где ставились все духовные чины. Вообще пермским епископам принадлежала очень деятельная и видная роль; они не только просвещали светом христианства облежавшую их мглу язычества, но входили во все подробности и распорядки как частной, так и общественной жизни, они же вводили правильное гражданское устройство, ведали суды и вступали в договоры с соседними дикими племенами. Такая обширная компетенция епископской власти служила только продолжением могущественного влияния св. Софии, за которую новгородцы клали свои буйные головы, – таков был уклад всей новгородской жизни, – и сам Великий Новгород в критических случаях шел на суд к московскому митрополиту. Собственно духовная миссия пермских епископов закончилась в 1462–63 годах, когда епископ Иона «крести Великую Пермь и князя их и церкви поставил, и игумены, и попы». Первый пермский епископ св. Стефан не был в пределах нынешней Пермской губернии, и резиденция его находилась в Усть-Выме, начатое же им дело было закончено епископом Ионой, так что Великая Пермь крестилась еще в новгородский период.

Выяснив себе громадное значение епископской власти первых пермских святителей, мы поймем их историческую роль в деле подготовки близившегося московского одоления. Это дело созидалось десятками лет, и мы видим, что когда Иван III решился нанести последний удар далекой Новгородской волости, то ближайшим его помощником явился пермский епископ Филофей, бывший игумен Белозерского монастыря. Для московского похода всё было подготовлено заранее, и Филофей даже представил в распоряжение московских воевод своих «вожей», этих неперемных членов тогдашнего генерального штаба. Известно, как быстро кончено было завоевание Великой Перми: Москва переключала много таковавший Новгород... С падением Казани и открытием прямого пути на Камень по Волге и Каме навсегда закончилась историческая роль Великой Перми, оставшейся в стороне от главного колониационного движения; но в этой уп-

раздненной Новгородской волости еще таился вольный новгородский дух и враждебное отношение к Москве. Последняя вспышка проявилась в московское лихолетье, когда на призыв Минина откликнулась вся Русь. Все русские области посылали под Москву свои рати; медлили одни «пермичи» или «пермитяне», по терминологии летописей. Сохранилось характерное обличительное послание вятчан в Пермь по этому случаю: вятчане корили пермичей за нежелание «прямить Москве», объясняя это «воровством и пианством». Роль хлыновской республики, утвердившейся на волоке из Камы в Сев. Двину, является в русской истории темной страницей. Образование её из новгородских выходцев отрицается, но можно принять её за сводную колонию из гулящих людей, промышленников и разбойничавших ушкуйников, послужившую первообразом южнорусской сечи. Вполне установлен только тот факт, что хлыновцы постоянно враждовали с Новгородом и прямили Москве, хотя эта последняя и заплатила им черной неблагодарностью. Эта крошечная республика просуществовала до конца XV века, когда «развели всю Вятку» по Московщине, – враг Новгорода разделил его печальную судьбу.

Мы уже говорили о том, что оставил новгородский период в этом краю и как он соединил его узами крови и духа с неоглядной Сибирью. Но, утратив всякое политическое значение, Великая Пермь в последующий московский период явилась твердым оплотом в борьбе с бунтовавшими инородцами и первым опытным полем развивавшейся колонизации. Сведения об этом новгородском периоде отличаются крайней отрывочностью и бедностью содержания, касаясь, главным образом, внешних событий и внешних причин, так или иначе воздействовавших на судьбы Биармии; но в московский период, начиная с 1472 г., влияние и интересы метрополии отступают на задний план, и летописцы заняты по преимуществу внутренними событиями, сосредоточивающимися, главным образом, на борьбе за собственное существование. Именно в этот период происходит самое горячее брожение всех этнографических элементов, начавшееся в предшествовавший период, послуживший связующим звеном между новгородским и московским владением.

Великой Перми пришлось выдержать упорную и многолетнюю борьбу с аборигенами: с севера напирало храброе племя вогул, пелымцы и обские остяки; с востока – сибирские татары; с юга – башкирцы западных склонов Урала, черемисы и разная татарва вообще.

Первый поход вогул занесен летописями под 1455 годом, когда вогульский князь Асыка напал на Усть-Вым и предал мученической смерти епископа Питирима; замечательно, что в этом походе вогулы действовали совместно с вятской вольницей.

В 1481 г. вогулы напали на самую Чердынь, но были отбиты подоспевшими на помощь устюжанами, под предводительством Андрея Жигинева.

В 1483 г. великий князь Иван III послал против вогульского князя Асыки московских воевод князя Курбского-Черного и Салтыка Травина, которые не только разбили вогул в устьях р. Пелыми, но еще проникли в югорскую землю за Камень; они шли по Тавде, Иртышу, Оби и взяли в плен самого югорского князя Молдана.

В 1505 году тюменский царевич Кулук-Салтан подступил к Чердыни и разорил всю «нижнюю землю»; в 1531 г. на Чердынь напал пелымский князь, а в 1546 г. повоевали пермскую землю ногайские татары.

Всё это – крупные события, не считая мелких стычек и вылазок, усилившихся с обеих сторон ко времени завоевания Казани. Взятие казанского царства послужило поворотным пунктом в этой борьбе с инородцами, – власть московского царя чувствовалась уже за Камнем, откуда от сибирского салтана Едигера в 1555 г. явились и Москву послы поздравить Ивана IV с благополучным одолением казанского и астраханского царств и с просьбой «взять под свою высокую руку князя сибирского и всю землю сибирскую». Послы сибирские обещали дань по соболю и по сибирской белке с каждой души, если московский царь «заступит» их пред неприятелями. Москва «взяла на свое имя» всю сибирскую землю и тотчас же отправила туда «дорогу» (сборщика дани), чтобы брать сибирский ясак. Но эти видимые успехи не унимали кипевшей в новых местах этнографической борьбы.

Достаточно было малейшего повода, чтобы поднялись «в одну голову» вогулы с Яйвы и Косьвы, березовские остяки и иренские татары и черемисы с напольной стороны Камы. Так, в 1572 г. вогульский «князец» Бехбелей перешел Камень и напал на русские селения по Чусовой и Сылве, – всё было пограблено, выжжено и население уведено в плен. Но Строгановы напали на Бехбелея на его обратном пути и отняли весь полон. В отместку Бехбелей явился на следующий год и прошел всю пермскую землю: осаждал Камгорт, Кергедан, Кай-Городок, острожки по р. Сылве, Чусовские Городки и самую Чердынь. И на этот раз Строгановы подкараулили князца Бехбелея, ког-

да он возвращался восвояси «с немалою добычей и пленом», и разбили его наголову «в некотором тесном месте»; сам князец Бехбелей попался в плен и умер от ран в Чусовских Городках.

Именно в это тяжелое и смутное время и выдвинулась на первый план фамилия именитых людей Строгановых. Эти новгородские выходцы порвали всякие связи с кровными интересами метрополии и передались Москве. Сначала Строгановы утвердились в Соль-Вычегодске и отсюда уже сделали крупный шаг в Великую Пермь, где тотчас же поставили исконный новгородский промысел – солеварение. Пользуясь широким покровительством московских князей, – одного из них они даже выкупали из казанского плена, – Строгановы проявили на новом месте все свойства пробойных новгородских промышленников: захватывали земли, заводили промыслы, колонизировали пустовавшие земли (таких пустых земель тогда было «неочерпаемое» множество, потому что инородцы в счет не шли) и военной рукой поступали с врагами Москвы. Московским князьям было самим [не] до себя, и они во всем положились на именитых людей, с которыми расплачивались пустыми землями. Строгановы быстро освоились в новых местах и внесли с собой страшную новгородскую кабалу: широкий путь этой фамилии и до сих пор обозначен поголовной бедностью и нищетой населения, – богатства Строгановых созидались на голытьбенных и обнищавших людешках, тянувших в новые места из-под Москвы, из бывших новгородских волостей, с Устюга, Белозера, Углича, с берегов Двины, Пинеги и Вычегды.

Секрет необыкновенного успеха Строгановых заключался в умении соединить воедино промышленное кулачество господина Великого Новгорода, его колонизаторские способности и умение пустить в ход военную силу с чисто московскими свойствами – униженным молением о земле, взятками и посулами разной приказной челяди, проницательством и дворцовыми интригами. Даже Иван Грозный, этот кровавый призрак завершившегося московского собиранья, и он мирволил Строгановым, историческая роль которых при нем неразрывно связалась с покорением Сибири. Несмотря на обаяние силы московского царя, как мы видели, волнения инородцев не унимались, и они продолжали умышлять «злохитрое коварство», нападая на русских насельников «украдом». Сибирское царство, которым завладел старый хан Кучум, тоже вчиняло разные неприязненные действия, хотя хитрый сибирский политик Кучум и называл себя дан-

ником Москвы, а Ивана Грозного величал «старейшим братом». Двоедушная политика сибирской «отчины», как называл Грозный сибирское царство, обостряет отношения сторон, особенно когда Махметкул, родственник Кучума, перенес военные действия в область Великой Перми. Он явился по следам Бехбелея, разорил Чусовские Городки, убил московского посла Третьяка Чубукова и мирно удалился в «отчину» московского царя.

На этот раз Строгановы, опасаясь «дальних случаев и сильной сибирской стороны», не посмели напасть на Махметкула. Пользуясь этими затруднительными обстоятельствами, Строгановы выхлопотали себе царскую грамоту «поступать военной рукой» не только с ближним неприятелем, но и с дальними сибирскими врагами, причем им вперед жаловались земельные угодья в царской «отчине» за Камнем. В своих городках-острогах у Строганова был давно сформирован набор ратных людей, обычных городовому и воинскому делу. В это время, как гласит кунгурская летопись, «промчесь воровской слух» про Ермака, который, имея «спех и храбрость смлада», «своевольными вой храбрствовал во единство сердца и вседушно», – воевал персидские бусы на Хвалынском море, зорил русских купцов и даже «шарпал» царскую казну на Волге. Такой человек был находкой Строгановым для осуществления задуманного ими «подъема в Сибирь». Кликнули клич, и Ермак обратил свои струги на Каму. Задача была не легкая, но для Ермака предложение «очистить сибирскую землю» являлось «спасительным случаем»: и работа сподручная, и царскую милость можно заслужить. По словам летописи, вся Сибирь находилась тогда «в безоборонном состоянии», да и сибирские людишки были вообще «не воисты». Снаряжение Ермака в поход обошлось Строгановым в 20000 р. – счет идет на тогдашние рубли. Результаты этого похода известны всем.

С завоеванием Сибири переместился и центр борьбы с инородцами – Великая Пермь замирилась окончательно, а всякое воинское действие перешло по ту сторону. Последним неприятельским нашествием было нападение пелымского князца Кихека, который, воспользовавшись удалением Ермака за Камень, напал на пермскую землю и «ту велию пакость учиниша». Он прошел ураганом по всей области, осаждал Кай-Городок, Камгорт, Кергедан, Чердынь и Соликамск. Строгановы едва отсиделись в своих острожках, пока Кихек храбрствовал в их владениях, а потом получили еще опальную грамоту от

Грозного, зачем набрали воровских людей и напрасно задирали войной сибирского салтана. Но это была уже последняя беда – московское одоление перевалило уже за Камень, и Великая Пермь навсегда осталась в стороне от всякой истории. Вторая половина московского периода завершилась в пределах павшего сибирского царства... Промыленно-торговый дух утвердился по всех колониях Новгорода, обошел весь Урал и широкой волной разлился по необозримой Сибири... Вообще культурное значение Новгорода сказалось в русской истории очень сильно и проложило широкий след в далекую Сибирь, и смелый замысел Строгановых является только далеким откликом новгородской предприимчивости, пробивавшейся через все пути и приказные злоухищрения московского периода...

Х

В Чердыни я оставался очень недолго: нечего было делать... Погода стояла отличная, и нужно было ею пользоваться. Я решил съездить в село Ныроб, чтобы осмотреть место заключения боярина Михаила Никитича Романова.

Дорога в Ныроб очень интересна сама по себе, потому что проходит по самым бойким чердынским местам: Покча, Вильгорт, Камгорт, Искор, рассажавшимся по р. Колве или недалеко от неё. Эти села хоть куда, благодаря двум промыслам – извозному и судостроительному. В Чердынском уезде есть еще два больших села – Вильва и Богичи, а остальное жильё разбилось на небольшие починки в несколько дворов. Здесь что ни шаг, то старина: у Вильгорта старинное чудское городище, у Искора тоже, а на Колве почти на каждом мысу и на каждом усторожливом местечке обитала чудь. Особенно славится городище между Искором и Ныробом. Чудь – название собирательное, и едва ли можно признавать существование особого народа с этим именем: старинная «чудь» аналогична по этимологии с словом «немец» – всё, что не говорило по-русски, составляло чудь. Чудские памятники прошли широкой полосой от новгородского Заволочья³⁷ (заволоцкая чудь) через Урал до Алтая – весь этот путь усыпан чудскими городищами, могильниками (могилицы), копиями (копани) и промысловыми стоянками. Археологическая разработка этих памятников только началась и дает блестящие результаты: тут и каменный век, и медный, и бронзовый. Эта чудь существовала задолго до русской истории, и можно только удивляться высокой металлической культуре составлявших её пле-

мен. Достаточно сказать одно то, что все наши уральские горные заводы выстроены на местах бывшей чудской работы – руду искали именно по этим чудским местам.

Ближайшее к Чердыни село – Покча; оно является чем-то вроде пригорода. Здесь же крепко засели и свои «благодетели», служащие органическим продолжением чердынских. На первый раз бросаются в глаза самые постройки, каких нет в Зауралье. Крестьянские избы выставляются на улицу не лицом, а боком, так что обыкновенное деление такой избы на переднюю и заднюю здесь теряет свой смысл. Ход в такую избу не со двора, а прямо с улицы; к холодным сеням, соединяющим избы, приделано шатровое, наглухо забранное досками крыльцо. Самые избы поставлены высоко, так что под каждой такой избой образуется подклеть; ход тоже с улицы, а крыльца вымощены на столбах. Вид такой избы, во всяком случае, оригинальный и наглядно объясняет ту роль крыльца, которая придается ему в старинных русских песнях. Другой особенностью здешней архитектуры служит устройство сеновалов – они не в глубине двора, а рядом с избой, и прямо с улицы на такой сеновал ведет бревенчатый взвоз. Под сеновалом устраиваются всякие стаи и стойла для скотины, но вход в них уже со двора. Такой тип построек мне приходилось видеть еще в первый раз: оригинально и красиво. Неудобство соединения сеновалов с жилым помещением главным образом заключается в опасности от пожаров: займется изба или сеновал – спасенья нет.

Жизнь и движение здесь дается, главным образом, всё-таки Колвой – этой артерией Чердынского края, соединяющей его с необъятным Печорским краем. Работы здесь достаточно и зимой, и летом. Говор тоже особенный, с чердынским растягиванием и своим лексиконом: тожно, здись, дивно, денница (день), Парма (густой лес) и т.д. Господствует оригинальная фраза, которая служит ответом на всякий вопрос, утверждает, отрицает, сомневается и просто ничего не выражает – всё дело в интонации.

– Это Колва? – спрашиваю я чердынского ямщика, когда мы подъезжали к Покче.

– Це ину?...³⁸

– Зимой на Печору через Покчу ездят?

– Це ину...

– А ты бывал на Печоре?

– Це ину...

«Це ину» в переводе – «что иное», но употребляется в значении: как же, да, разве, конечно, непременно, известное дело, не иначе, будьте покойны и т.п. Можно представить целый разговор, где одна сторона будет повторять только «це ину», модулируя тон, и получится полный смысл, – конечно, для «чердака».

В Вильгорте я завернул к знакомому земскому врачу г. З., но его не оказалось дома. Вышла горничная.

– Здесь живет доктор?

– Це ину...

– Дома?

– Це ину... Стреляться с гостями уехали.

Стреляться – охотиться. Ждать, когда доктор кончит «стреляться», было некогда, и я двинулся дальше. На земской станции, пока перепрягали лошадей, «це ину» не сходило у ямщиков с языка. У нас в Зауралье есть такое же общеупотребительное слово, но уже нерусское: айда! Во многих случаях значение этих слов совпадает: «айда, запрягай лошадей»; «це ину, запрягай лошадей», – особенно, когда они употребляются в значении «да». «За прогоны повезешь?» – «Це ину» – «Айда!»

За Вильгортом мы у Камгорта на пароме переправились через Колву, которая здесь в ширину не больше 30 сажень. Дальше пошла плоская болотная равнина, поросшая мелким карандашником. На половине станции к Искору особенно красивый уголок представляет переправа через небольшую речку Нязью. Такая глубокая быстрая речка и так поэтически спряталась она в запущенных густым лозником берегах, что к воде никак не продерешься. Можно только удивляться могучей силе растительности.

Искор – большое и красивое село, раскидавшее свои домики по холмистым берегам Искорки. Когда-то Искор был столицей «верхней пермской земли» и у самого села сохранилось чудское городище. Теперь в нем ничего замечательного нет, кроме легенды о происхождении самого названия, связанного с городищем, лежащим по дороге в Ныроб. С искорской возвышенности открывается широкий вид на громадную лесистую равнину. Городище вправо от дороги, и его далеко можно заметить по белеющей новой часовне. По описаниям В. Н. Берха и проф. Н. П. Вагнера, оно является чем-то вроде естественной крепости – с трех сторон гора защищена отвесными скалами и только с четвертой приступна. Легенда говорит, что на

этом городище жил чудский князь Кор; он был разбит русскими, и городищенские жители были переселены на место нынешнего Искора – отсюда и получился «из-Кор», Искор. По другому варианту, чудь заменяется татарами, но это всё равно. Берх производил подробные раскопки городища и нашел бердыш, сошник, ключ с золотой насечкой, два ножа, копьецо и несколько замков. Местные жители продолжают делать здесь находки. Часовня поставлена над «убиенными», имена которых сохранились в записях искорской церкви – всё это жертвы московского одоления. По преданию, найденные здесь кости «на брани живот положивших» перенесены в Чердынь и там похоронены.

Равнина, на которой стоит городище, производит вблизи тяжелое впечатление – здесь так и пахнуло глубоким и холодным севером. Вместо травы в лесу лежал мох, и даже на открытых, покосных местах этот же мох выступал сквозь траву и глушил её. Что-то такое мертвое придавал он картине, тем более, что это не обыкновенный, зеленовато-желтый болотный мох, а белый, олений, походивший на те бородастые лишайники, которые здесь заедают деревья. Переход от зеленой гущи, в какой прячется Нязьва, к мертвой белизне оленьего моха слишком уже резок, хотя дальше опять идет трава, а на Колве она по пояс. Впечатление от мертвой равнины усиливалось еще и другим обстоятельством: было уже поздно, около десяти часов вечера, а небо еще горело пурпуровым закатом. В это время ночи здесь нет, стоит сплошная заря, так что можно свободно читать книгу. Если июньские петербургские ночи получили название белых, то здешние смело можно назвать красными; на нервы эта заря действует томиительно-жутко, и глаз просто болит напряженно-красными и оранжевыми тонами, в которых слишком много крови и вообще чего-то зловещего, как в зареве невидимого пожара.

В такую именно северную красную ночь, я, наконец, приехал в Ныроб, до которого от Чердыни 46 верст...

Из Ныроба я выезжал поздно ночью, чтобы успеть утром в Чердынь к пароходу.

Евгений Францевич Шмурло

Волгой и Камой

(Путевые впечатления)

[1889 г.]

V

На Каме

Камский пейзаж. – Царство плотов. – Камские ночи. – Сравнение Камы с Волгой. – Обогащение Камы

В Казань пароход приходит, когда вы ещё спите, и уходит настолько рано, что мешает посетить город. Вы должны удовольствоваться издали красивой панорамой Казанских башен, колоколен и белых зданий, открывающихся взору по отходе парохода, да ещё ждать впереди места слияния Камы с Волгой. О последнем, впрочем, говорят больше, чем оно того заслуживает. В июне вода значительно спала, берега обнажились, «безбрежного» пространства уже нет, и вы не только без сожаления поворачиваетесь в сторону Камы, но и с нетерпением ждёте начала плавания по её водам, уверенные заранее, что «многоводная» река не обманет вас в ожиданиях.

Первое впечатление, которое делает Кама, когда въезжаешь в неё из Волги – это её ширь и многоводие, низкий нагорный берег выделяет ещё более её ширину, а быстрое течение, почти полное отсутствие мелей делает реку особенно плавною. Горизонт здесь шире, тем более что и сама река нередко разливается направо и налево. Чем дальше вверх, тем нагорный берег выступает всё яснее, становится выше, круче и ... диче. За Елабугой он одевается в свою суровую одежду – тёмно-зелёный лес. И сколько тут чудного и мощного!.. Пароход идёт сажень в пяти от берега, перед кручей, которая, подобно гигантской стене, выпрямилась, вся тёмная и мрачная, грозная и неприветная. Господствует сосна, до парохода доносится тонкий аромат смолы; низ горы оторочен дубняком. Там густо и темно; солнце на закате и сейчас ушло за верхушки деревьев. В лесу темнеет совсем. Здесь так уместно отсутствие человека, и вот почему неприятно поражает в одном месте куча нарубленных дров и голая поляна, где от прежнего леса остались одни безобразные корни. – Пароход отходит вправо,

ближе к середине реки, и весь этот лес-стена до мельчайших подробностей отражается на стальной поверхности воды. И ведь целыми нескончаемыми вёрстами плывёшь вдоль таких берегов!.. Местами Кама делает крутые завороты; один из таких загибов – при впадении Вятки, устье которой, запруженное плотами разной величины, так прямо и смотрит на нас. Издали, совсем в стороне, белеется деревенская церковь, а час спустя пароход идёт уже мимо неё. Берега в этом месте изрыты лощинами, голыми, без леса, частью песчаниковыми, частью глинистыми; на полуденном солнце глина так и горит; одна только редкая зелень, едва-едва прикрывающая склоны гор, одна она в соединении с воздушной дымкой смягчает её блеск и из ярко-красной делает как бы желтоватой...

Пустынный край, царство леса и дикого зверя – вот что приходит чаще и чаще на мысль с каждой новой верстой, которую пробегают пароход, с каждым новым поворотом реки. От Твери до Костромы весь берег Волги усеян сплошь селениями: проехал 3-4 версты и уж новая деревня. От Костромы они становятся реже; за Нижним до Казани чередуются приблизительно вёрст через 10, 15; для Волги ниже Казани этот интервал увеличивается до 15-20 вёрст. А по Каме и 30, и 40, а то и больше вёрст ехать, не встречая деревень, вполне обычное дело. Да и пароходы здесь реже, и свистки не так часты, как на Волге.

Зато Кама с её притоками – это царство плотов, белян, коломенок и т.п.; и все они идут навстречу, туда, откуда пришли вы. Здесь воочию перед вами приложение политико-экономического закона обмена продуктов. Все эти плоты, которые на якоре, которые идут, но так тихо, что и те, и другие кажутся точно застывшими на месте. И движения-то на них точно нет: кто спит, кто чинит рубаху, кто замер в высматривающей позе; несколько человек тянут шкворень, но так медленно-однообразно... Ни ветерка, ничего... Быстро проходит мимо них пароход, и, точно заколдованный мирок, промелькнёт мимо вас этот плот с застывшей группой людей. Яркое солнце яркими красками врежет на память эту картину. Зато по ночам, когда издали совсем не видать этих молчаливых путников, по реке то и дело мелькают огонёк за огоньком.

Кстати, об этих ночах. Они совсем иные, чем на Волге.

Небо отчётливо чистое, ровное, ни крошки облака, разница разве в тонах; светлее, где запад, темней, где восток. Тихо, тихо... Наверху одно только лёгкое движение воздуха; да и то оттого, что его рассекает пароход. Поверхность воды зеркальная, и что это за зеркало! Ясное, чистое!... Так и хочется ему довериться, ступить и пройти по нем. Береговые деревья отражаются в воде, и хотя они далеко, но кажутся так близко... Казалось бы, сделать несколько глиссад¹ и схватить их. Ширина реки увеличивается низостью берегов, ровностью водной поверхности. Теряясь в отдалении, сближаясь с горизонтом, берега дают ещё более простора для глаза и в полумраке летней ночи не только не ограничивают, а наоборот, скорее как бы расширяют кругозор. Местами река делает такие глубокие заливы, такие причудливые размахи, что, кажется, точно плывёшь посреди озера. В этой массе воды, безраздельно повсюду царящей, есть что-то величественное.

Тихо и покойно! Чувствуется, как природа заснула, как беззвучно глядят в её зеркало берега и как навстречу парохода выступают один за другим острова. Заблудший огонёк на берегу или крик дергача вперемежку с соловьиными переливами только ещё сильнее вызывают впечатление покоя, пустынности. Жутко было бы среди этого заколдованного мира, если б неожиданно очутиться в лодчонке посредине реки...

Вот тёмная масса в стороне: сразу и не отличишь, точно островок; мигает вверху светлая точка – это плот, совсем застывший на застывшем зеркале реки. Немного дальше – расшива; её тоже скорее угадываешь, чем различаешь; тихо, тихо на ней до мертвенности. Работа кончена, якорь брошен, снасти и крючья убраны, просохнувшая рубаха уложена на место; рабочий люд, завернувшись в зипуны, улёгся в свою избушку. Он спит, и что ему снится? Снится ли ему сонная река, что несёт его на своих плечах, её помертвелые берега? Или видит он свою глухую деревнюшку и ребят у дырявого забора? Снится ли ему весёлый гомон деревенского праздника? Или – что лучше и вероятнее – ничего ему не снится, и спит он как убитый, чтоб завтра рано на заре подняться и снова начать свой тяжёлый трудовой день; на заре, когда мы, убаюканные, под монотонный плеск воды об окна наших кают и под мирное движение парохода пойдём спать сном сибарита, чтоб и во сне продолжать свои грёзы и мечты!..

А расшива давно уж осталась позади нас; ночная Кама несёт нам новые картины, будит новые мысли. Вон сейчас на крутом повороте

темнеет какое-то село. Его церковь уже не белеется, как днём, а только вырисовывается на светлом фоне западной стороны неба. И в деревне тот же сон и покой. Ни звука. Один блудящий огонёк где-то боязливо и таинственно мигает. Церковь на самом выступе, у самой кручи берега. Среди домов она вместе с ними так и отражается в воде. Среди тёмной бесформенной массы зданий отчётливо выделяется широкое основание и на нём справа цилиндрическая форма, короткая и тяжёлая с куполом вверху, а левее тонкая четырёхсторонняя призма – колокольня. Креста нельзя различить, он слился в одну сплошную тонкую и узкую линию. Что-то необычайное, таинственное слышится в этой колокольне. Не то часовой, чутко прислушивающийся к спящему поселению, не то какое-то *memento mori**. Людмила Жуковского² непременно такую церковь видела во сне. Бесформенная масса домов легко кажется кладбищем.

Но пароход идёт вперёд, и по-прежнему перед вами тишь и гладь, да водный простор камской ночи.

Но хороша, оригинально хороша Кама и днём. Её невольно сравниваешь с Волгой, образ которой при этом сравнении выступает совсем в иных очертаниях, чем прежде. Теперь это – грациозный юноша, взлелеянный на лоне матери, готовый в недалёком будущем показать свою мощь и силу, но пока ещё забавляющийся в своём саду, где он окружён пёстрыми цветами, звоном ручьёв и трелями соловья. Ему хорошо здесь на солнечном припёке, и его молодое, красивое лицо светится яркой улыбкою. Ни забот, ни горя, ни понятия даже о каком-либо страдании или неудовольствии. Только кой-где чувствуете вы, что это ненадолго, что время возьмёт своё, и беззаботность юноши сменится тяжёлым трудом мужчины, где вместо роз одни шипы, вместо трелей – вой ветра и дождь, где вместо неги – усталость и заботы. Но, повторяю, это только местами; общее же впечатление – радужная молодость.

Не то Кама. Это мощный титан, спокойный в сознании собственного величия. Как невозмутимо текут эти воды, как широко раздви-

нулись они! Здесь нет места ни изяществу, ни улыбке, ни красе; эта декорация не гармонировала бы с основным характером картины, а только опошшила бы её. В руках этого гиганта смешно видеть душистые розы, смешно слышать из уст его звонкую трель. Его наряд строгий и суровый: безоблачное, тёмно-синее или серое мрачное небо, низкие берега; если же высокие, то крутыми обвалами, гордые и прямые; поля, теряющиеся вдаль; леса, которых не замечаешь вблизи этой водной массы; одинокие чайки, мизерная лодка, пугливо прячущаяся в извилинах реки – и надо всем этим молчаливый, внушающий страх и уважение, пустынный размах водяного царя!..

Становится понятным, почему необразованный, первобытный ум язычника-финна боготворил эту реку. Уж и так-то во всём причудливом, непонятном видел он таинственную, божественную силу: его поражал и развесистый исполинский дуб, и цветок с яркими красками, и родник воды, неведомо откуда несущий свою вечно чистую влагу... Всё, что было выше его понимания, выше его способностей – всё это были боги. С трепетом вступал он в тёмный мрачный лее или в необъятную ширь северных полей, робко следил он за зигзагами молнии и отдалёнными раскатами грома; неведомую силу видел он в огромном камне, наполовину вросшем в землю и покрытом мхом. Гудел ли ветер в ближайшей роще, слышался ли во тьме крик ночной птицы, вспоминалось ли, как в соседнем болоте завяз и погиб какой-то прохожий – всё это было, по мнению суеверного финна, делом страшного, могучего бога. Невежественный и беззащитный, не доверяя своим силам и постоянно трепеща за свою жизнь, он воображал себя отовсюду окружённым ужасными силами, которые во всём ему вредят и от которых ему невозможно спастись.

А тут ещё эта царственная Кама с весенним половодьем, с широким разливом, настоящим безбрежным морем. Что за присутствие силы! Разливаясь на целые вёрсты, этот бог заливает не только луга, но и леса, подтачивает высокие отлоги, всё разрушает и гонит на своём пути. Как не поклониться ему! Но этот же бог питает и тучную землю, в его водах купаются ветви, его водой омываются корни этих дремучих лесов, которыми живёт туземец, строя себе и дом, и лодку, и дровни, и лук; а в этих лесах живёт зверь и птица; рыбу дарит тот же бог. Ему, этому богу, поклонение и хвала!

* *memento mori* – помни о смерти (лат.).

VI Вверх по Каме – к Уралу

Вечер в Гольянах. – Верхняя Кама. – Кама в области истории. – Русский selfhelp*. – Сонная Пермь. – Последнее прости

Начинало смеркаться, когда пароход подошёл к бедной деревушке – селу Гольянам. Я вышел на некрутой берег, на котором расположилось селение. Было воскресенье, и оно сказывалось в массе баб и девок, столпившихся на конторке³ в цветных ярких ситцах; сказывалось и в мужиках, из толпы которых шла более чем обыкновенно шумная речь. Несколько шагов – и перед вами громадная площадь, скорее какой-то плац, весь в траве: с одной стороны ряд подозрительных домов с подозрительно полинявшей жёлтой – и такой неприглядной жёлтой – краской (казённый склад оружия из соседнего Ижевского завода); с другой – серые избы и между ними волостное правление, о чём гласила над крыльцом сломанная доска с стёртой надписью. На правой стороне площади поместилась церковь; за нею небольшой ряд улиц – вот и всё село. Перед церковными воротами валялись в беспорядке доски, стояли разобранные деревянные палатки; одна только из них, крытая холстом, ещё уцелела. Земля была сплошь усыпана скорлупой орехов, подсолнечного семени: сегодня утром после обедни здесь был торг. Сбоку – лавка, где сосредоточено всё от вонючей кожи до плохого одеколona включительно; широкая дверь под низким навесом предлагает вам туда войти. А несколько дальше, в указанном законом расстоянии, произведения водочного завода Бодалева, манят под свой приют податливых обывателей. Каких-нибудь пять-десять минут, и вы уже вполне ориентировались в Гольянах.

Вечерело; серые тени ложились повсюду; тёмные облака сплошь облегли всё небо, вода после недавнего дождя была тёмно-синяя; противоположный левый – пологий – берег тоскливо глядел своим низкорослым кустарником. Обширная, но безлюдная площадь, пьяные голоса, заколоченный дом неподалёку, конец селения, сразу виднеющийся... так и пахло деревней, той захолустной, обиженной деревней, каких сплошь и рядом на белой Руси. Чем-то хищным и разорённым веяло повсюду. Несмотря на песни баб и «говор пьяных мужичков», звон

колокольчиков, ожидающих отвезти пассажиров с парохода, чувствовалось, что час-другой, – и полная мертвенность воцарится в Гольянах. Уйдёт пароход, умолкнут песни, разъедутся пассажиры, заснут и без того сонные улицы, а громадная площадь потонет в безмолвном мраке. Вот где место для ссылки, невольно подумалось мне!

Это чувство не ослабело, а только усилилось при виде беззащитно-бедной заброшенной церкви. Когда-то штукатуренная, она вся теперь облезла, и штукатурка обвалилась; кажется, места живого на ней не найдёшь: ямистые кирпичи тысячами глаз глядели вам в лицо. Каменная ограда была не в лучшем виде; внутри её всё поросло густой травой; ни тропинки, ни следа недавно проходивших здесь ног. В серой дымке наступавшей ночи Божий дом казался ещё более покинутым. Ветвистые берёзы заглядывали в выцветшие окна храма и оплакивали его руины и пустоту. Одни только голуби да грачи свили себе гнёзда на церковной колокольне и с шумом летели туда на ночлег...

Я долго смотрел на южные двери. Ряд ступеней вёл под навес, поддерживаемый двумя дорическими колоннами⁴; над ними гнездилась восьмиугольная башенка с куполом. И мысль как-то сама собой перенеслась в далёкий южный край, под ясное небо Эллады, где гордо воздымались царственные храмы, где граждане тщеславились видеть имена свои увековеченными на стенах этих храмов, где... – и горькая усмешка невольно скользнула на губах. Боже мой! Куда не занесёт иногда мысль! Да и по праву ли?..

Пароход дал свисток, и когда через пять минут мы отчалили, мне стало как-то легче на душе.

За Сарапулом Кама становится заметно уже; нет более «озёр», левый берег понижается, меняется характер и правого, нагорного: линия делается более волнистою, горбины образуют впадины, большие лощины. Рядом с лесистым берегом идёт голая холмистая покатошь, один склон которой вспахан и засеян. Менее правильности, но более разнообразия.

В этом разнообразии, надо думать, сказывается влияние Уральского хребта. Уже перед Осой его отроги начинают местами набегать к левому берегу, а выше этого города так и к правому. Ломанные, бледно-синеватые, покрытые красным лесом и кой-где вспаханные, уральские холмы и ветви появляются то тут, то там. Теперь не только пра-

* Selfhelp – самопомощь (англ.).

вый, но и левый берег иногда становится нагорным: очевидно, река в этих местах искала себе дороги и прорубала её там, где было удобнее, бросаясь из стороны в сторону, омывая горные подножья и с востока, и с запада. Чем выше, тем Кама диче и, пожалуй, ещё величественнее, но её красота становится уже утомительной.

Зато вечера неизменно прекрасны. Та же зеркальность, тот же покой и так же смотрятся в воду берега и деревья. Только ещё глуше и отчуждённее, ещё меньше плотов, и огоньков на берегу. Левый берег, сплошь окутанный тёмной одеждой, высокой стеной далеко вытянулся вперёд, завернул влево и затем пропал из глаз, постепенно понижаясь. Резко ограниченная с этой стороны, под флером вечернего сумрака, Кама точно влилась в глубокий водоём, в глубокую длинную чашку и застыла в ней. Покой, каким дышит в эту минуту вся природа, невольно передаётся и вам, унося далеко в беспредельное пространство и вызывая целый рой воспоминаний.

Если Волга с нерусским именем стала великою русской рекой, то что мешало сделаться такою же и пермяцкой Каме? Ведь русский человек узнал её не со вчерашнего дня! Многих влекла сюда богатая нажива: край изобиловал солью, мехами, «закамским» серебром. Ещё во времена Болгар посещали купцы баснословно богатую Биармию; ещё Нестор⁵ слышал рассказы Гюряты Роговича⁶ о посещениях русскими Югры, Печоры. Сперва Новгород, потом Москва высылали в Пермский край колонистов. Масса безвестных имён сложила здесь голову в борьбе с природой и врагом – туземцем; а кто возвращался, отягчённый обильной добычей, – открывал дорогу новым искателям. И те, кому особенно тесно жилось у себя дома – в силу ли ига татарского, в силу ли ярма воеводского, или просто от избытка молодых сил, – те первые следовали их примеру. А многих влекли сюда иные мотивы: уйти от мира и его соблазнов и в глуши лесных дебрей, в сообществе немногих сподвижников или в полном уединении схорониться от мирского зла. Общеизвестный факт – для того, чтобы стоило о нём распространяться – какую роль в истории колонизации играли наши монастыри.

За ушкуйником, купцом и монахом шла административная власть, и край мало-помалу входил в состав Русской земли. Если в 1174 г. новгородские повольники основали Хлынов, нынешнюю Вятку, то, конечно,

не позже показались их ладьи и в соседней Каме. В XIV столетии святитель Стефан является апостолом Пермского края. В 1472 г. Биармия становится московской волостью. Чердынь и Соликамск, древнейшие города, основываются ещё в XV веке. Вываркой соли московские люди стали заниматься ещё до Ивана III. Едва завоёвана была Казань и стал доступен прямой путь из Москвы на север-восток, как не проходит и шести лет, а именитые люди Строгановы выхлопатывают себе грамоту на владение обширным пустопорожним куском земли по обе стороны Камы от Лысьвы и Пысгора до Чусовой: «а всего деи того пустаго места 146 вёрст», гласит царский указ. Спасаясь от преследования царских воевод, Ермак со своими удалцами очевидно знал, куда шёл, и вероятно предвидел, какое широкое поприще благодатный край открывает его энергии и беспокойной силе. Без Камы не было бы для нас и Сибири; без Камы не занять бы нам так быстро, в какие-нибудь 20 лет, всей западной полосы этой необъятной равнины и не основать бы целого ряда городов: Пелыма, Тобольска, Березова, Тары, Томска и др. Уже при сыне Грозного открывают прямую дорогу в 250 вёрст от Соликамска до Верхотурья, создавая административное, торговое и военное звено и залог между Русью Европейскою и Русью Азиатскою. Кто только не проходил по этой Каме, по этой столбовой, широкой дороге?! Манило ли кого золото Алтайских и Даурских гор, на чернозёмных ли полях Сибири надеялся кто найти свою благодатную ниву, искал ли кто соли и металлов в Уральских горах – никто не обходил многоводной реки.

Так почему ж она, точно клад заколдованный, не даётся нам в руки? Прошли столетия, а изменилось ли что в её жизни? Правда, не ходят больше по ней удалые повольники и не наводят страха на мирных дикарей; здесь нет больше места сподвижникам Ермака; пермяцкая Кама стала русским владением, но пустынной осталась она по-прежнему. По-прежнему на целые вёрсты ни кола, ни двора, по-прежнему одно её дикое, нетронутое величие, по-прежнему густы и угрюмы её крутые берега, покрытые тёмною елью. В этих местах и теперь, как тогда, охватывает жуткое чувство одиночества; и теперь чувствуешь повсюду присутствие какой-то стихийной, всегда опасной для тебя силы... Пустынная река! Прошли столетия, как мы овладели тобой, но владеем номинально; мы чужды твоих богатств, мы не умеем ими пользоваться. В руках американца или даже западноевропейца Кама представляла бы совсем иное... Отчего?..

Не подскажет ли нам ответа та же история? Перенесёмся за 300–400 лет назад. Москва, центр государства, правительственная машина, далеко отсюда; неуютным и бессильным чувствует себя в этих краях русский человек; он не знает, как попал сюда, ведая одно, что ему нужно тут остаться: он завёл своё хозяйство, и как оно не бедно, но оно ему дорого; Чувство оседлости тоже привязывает к насиженному месту; а тут и царские люди, приказные да воеводы, требуют, чтоб он остался на месте, платил подать, нёс царскую службу. Одному, без чужой помощи, ему не прожить: государь защитит его от черемиса, даст земли и зёрен на посев; государь пошлёт торговых людей привести ему товар, какого здесь нет; пошлёт воеводу, своего человека, для суда и расправы; государь спасёт его от голода и беды, и всякой напасти, какая угрожает ему здесь на каждом шагу; государь защитит его от этого самого воеводы, от его притеснений, кривды и взяточничества – словом, государь, везде государь.

В других землях, где пространства были меньше, а сообщения ближе, скорее и приспособленнее, где население было гуще, где обмен товаров, произведений страны и самых мыслей был гораздо удобнее, – там, в этих странах, человек чувствовал себя сильнее и безопаснее, ему легче было образовывать общества, кружки и во взаимодействии этих обществ находить оплот для себя против опасности. В правительстве не было такой нужды. Оттого-то там, в этих землях, в Западной Европе и развилась привычка к самостоятельности, к тому, что англичане называют *selfhelp*. У нас не то: без царя не было обеспечения, русский человек во всём полагался на него, жил царским захребетником, царской думой, и мысль от долгого бездействия оказалась неспособной к самостоятельному мышлению. Мы как маленькие дети привыкли, чтоб нас водили на помочах, сдали на руки няньки; вот почему и Кама наша до сих пор пустынна, вот почему мы скорее, как ребята, только портим её богатства, зарываем их в землю, скорее сжигаем, чем благоразумно ими пользуемся...

Плавание, наконец, приходит к концу, и мы приезжаем в сонную Пермь. Да, сонную; другого эпитета ей не приберёшь. Какой это характерный тип далёкого губернского захолустья, этот город! Кажется, за последние 15-20 лет, как приходилось его видеть, он ни в чём не

изменился. Высоко стоит яркое солнце над городом, расположившимся на высоком левом берегу Камы; снизу, от пароходной пристани, поднимаются в гору, в город. Широкие, спокойные улицы; сонные извозчики на перекрёстках дремлют в сладком *far niente**; кое-где пробежит мальчуган, лениво пройдёт туземец-чиновник; улицы поросли травой; не мощёные, усыпанные мягким песком, они скрадывают всякий шум и шепот; тянутся деревянные тротуары по бокам домов, кой-где они провалились и прогнили; пешеходов на них немного, зато очевидно козлы и коровы прогуливаются по ним, оставляя воспоминания о своём пребывании. Молчаливо и безмолвно стоят большие оштукатуренные набело дома; в открытые окна видно то же безмолвие; неуклюжий гостиный двор, где открыта одна лавка через пятаю. «Сибирский проспект» – главная улица: присутственные места, магазины. В последних я легко нашёл по части съедобной, но для умственной пищи с грехом пополам отыскал разрозненные и неоконченные произведения местной печати. Кой-где пустые будки, отвалившаяся штукатурка – и полная тишина кругом... Мертвечина да и только! Что хорошо здесь, так это большие густые сады частных владельцев. Но эти навесы зелёных кущ, где так привольно и веет негой и прохладой, ещё только полнее гармонируют с общим сном и неподвижностью!

Пожалуй, скажут: что ж тут дурного? Тихо, уютно и спокойно! Нет гвалта, не чувствуешь себя на юру?! Двум любящим сердцам так хорошо укрыться в этом уголке?! Культурному человеку вдали от «шума света» никто не помешает работать?!

О, не говорите! Живо припоминается мне другой далёкий город, который я видел так же мельком – и какая разница! Этот город – Мюнхен. Вот уж где, действительно, тепло, уютно и привольно! Но зато полон он и жизни!.. Жить там для воспитания детей или на старости лет – да я лучшего уголка и не знаю. Город небольшой, чистый, нет шума и толкотни; но есть всё, что может дать и громадный центр. Здешняя Пермь предлагает вам мужскую и женскую гимназии, реальное училище, общественный сад, называемый загоном и представляющий жалкую пародию чего-то на что-то; со дня на день отменяемые концерты заезжих музыкантов, этих непризнанных талантов, какие-то «испанские (?) кегли» – вот и всё, кажется.

* *far niente* – приятное ничегонеделание, нега (итал.).

Нет, прощай, Пермь; нам с тобой не ужиться... Свистит паровоз, звенит звонок, пассажиры садятся в вагоны. Пора ехать дальше.

Но здесь, на Пермском вокзале, я распрошусь с тобой, мой благосклонный читатель. Чувствую всю неделикатность, покидая человека в незнакомом городе. Но смотри: тот же пароход, что привёз нас сюда, завтра утром повезёт тебя обратно, и в трое, пятеро суток ты будешь снова дома. Я не решаюсь, – по крайней мере сейчас, – совершить дальнейший путь в сообществе с тобой. Причина простая: боюсь за тебя. Мысленно пробегая совершённый нами путь, я ужаснулся, подумав, какую тоску, какое *taedium vitae** должны были нагнать на тебя мои монотонные страницы. Сельский ландшафт живописной реки я вдвинул в серую рамку томящего вечера; яркое солнце пышно-убранной Волги я охладил картинами разрушения; радостное чувство, какое испытываешь, вырываясь из душного города, я отравил тебе разъедающей рефлексией; суровую мощь, водяного великана обессилил тревогой наболевшего сердца... На каждом шагу я бередил твой душевный покой. Как ты ещё не бросил меня на половине дороги! Поэтому расстанемся с тобой здесь. Позволь мне – на этот раз в полном одиночестве – углубиться в недра Уральских гор, прорезать их хребет и пройтись, согретому ярким солнцем, по безбрежным равнинам, по тем степям, где подают друг другу руки две сестры, Европа и Азия. Быть может, отдохнув, ты охотнее последуешь за мною. Я буду готов к твоим услугам. Итак, по выбору, прощай иль до свиданья!

* *taedium vitae* – отвращение к жизни (итал.).

Дмитрий Николаевич Пешков

Путевые заметки (дневник) от Благовещенска до Петербурга

[1890 г.]

Приготовления к поездке

В первых числах октября 1889 года Д. Н. Пешков возымел твердое желание совершить поездку из Благовещенска-на-Амуре до Петербурга на своем строевом коне с исключительной целью испытать как его выносливость, так и свои собственные силы. Не сообщая никому о своем намерении, которое он решил исполнить во что бы то ни стало, Д. Н., прежде всего, отправился к своему командиру, полковнику Григорию Васильевичу Винникову и сообщил ему о своем желании. Командир ласково и сочувственно отнесся к заявлению своего молодого офицера и даже обрадовался этой идее, очень его заинтересовавшей, главным образом, с точки зрения кавалериста. Немедленно были раскрыты разные географические карты, справочные книги и начались изыскания и обсуждения маршрута, тщательно и всесторонне обдумывая всевозможные особенности такого путешествия в виду суровой зимы и разных локальных условий намечаемых по маршруту местностей. На другой же день было подано Д. Н. Пешковым прошение об увольнении его в отпуск на шесть месяцев. Составив маршрут, полковник Г. В. Винников с истинно отеческою заботливостью помог и экипироваться для путешествия, подарив, между прочим, Д. Н. рейтузы, азиатский башлык, меховую шапку и проч.

6-го ноября накануне отъезда Д. Н. Пешкову было выдано свидетельство следующего содержания:

Свидетельство.

Предъявитель сего, уволенный в отпуск в С.-Петербург и другие города Европейской России, Сотник Амурского казачьего конного полка Дмитрий Николаевич Пешков, и дано ему в удостоверение того, что он, сотник Пешков выходит из города Благовещенска седьмого сего Ноября месяца верхом на собственной его строевой лошади, возымев прочное намерение совершить на ней весь путь до С.-Петербурга. – Лошадь эта удостоилась носить на себе Великого Князя Александра Михайло-

вича в прогулках и на охоте во все время пребывания Его Императорского Высочества в г. Благовещенске в 1887 году и попала в фотографический снимок, отправленный Его Высочеству. [...]

Командир Амурского Казачьего Конного Полка
Полковник **Винников**.
Полковой Ветеринарный врач
Коллежский Ассессор **Добротворский**.
И. д. Полкового Адъютанта Хорунжий **Иванов**.

[...]

Март [1890 г.]

14. Погода прекрасная. Провожали меня до монумента, воздвигнутого в память посещения г. Тюмени Его Императорским Высочеством Г. В. К. Владимиром Александровичем. Провожали офицеры и прочие знакомые. Дорога хорошая. Все время идет от Тюмени березовая аллея. В Тугулыме остановился на земской квартире у Кочетова. Коню пустил насосы. Публики очень много во главе со священником.

15. Утро морозное. Дорога все время порядочная. На 4-й версте переехал рельсы железной дороги. В Марковой меня встретил стражник Екимов. Не доезжая 11 верст до Марковой, стоит столб с надписью: «Граница Тобольской и Пермской губернии». С этого пункта уже начинается Европейская Россия. На ночлег остановился в селе Горбунове у Захарова.

16. Утро довольно морозное. Дорога до Камышлова до того отвратительная, что трудно себе представить. Пылаевую, Черемыжскую и много других проехал мимо. В Пылаевой встретили урядник, волостной старшина и староста. В Пышминой был базар и народу на улице была масса. В г. Камышлове остановился в номерах Дембовского, вечером приходил священник со всем своим причтом (человек семь) и много расспрашивал меня.

17. Утром погода прекрасная. Затем поднялся холодный ветер, пронизывающий до костей. Дорога убийственная. Паршину и Белейку проехал мимо. В Грязновской остановился у Кашеева. Конь есть и пьет хорошо.

18. Погода и дорога очень не хороши. Не доезжая 12 верст до Белоярска был встречен становым приставом Витковым, который пригласил к себе. Заехал к нему и выпил чашку чаю. Как он, так и жена его весьма милые, радушные и гостеприимные люди. Улицы и двор пристава были запружены народом. Подъезжая к Екатеринбург, я увидел очень красивую местность. Дорога уже до того испортилась, что ездят на телегах. При въезде в город меня встретил стражник и повел на квартиру в гостиницу, где не оказалось места для коня.

Пришлось искать по свету,

Где б оскорбленному коню был уголок.

В особенности после перехода в 70 верст. – Нашел приют, как себе, так и коню, на вольной почте г. Михайлова, где был принят очень радушно управляющим этим трактом А. И. Малюгой и его приветливой и любезной женой. Здесь же познакомился с мировым судьей А. А. Ивановым, с которым вечером поехал на любительский концерт в благородное собрание, где расспросам не было конца. Там же познакомился с А. М. Галиным и многими другими. Концерт на меня решительно никакого впечатления не произвел. Выдающихся артистов не было, за исключением певца Давыдова.

19. Коня перековал на передние ноги. В этот день осмотрел Императорскую гранильную фабрику и музей, оставившие во мне самое приятное впечатление. Обедал у А. М. Галина и получил от него в дорогу сапоги и непромокаемую куртку.

20. Погода теплая. Сейчас же от Екатеринбурга начинается Урал. Местность довольно красивая. Провожать меня поехал любитель верховой езды Н.Н. Фетисов до Решет, и дорогой потерял револьвер. В Билимбаевском заводе меня встретила большая масса народу, в особенности заводских детей. Вечером был у местного купца Кудряшева, где пил чай. Конь ест и пьет хорошо. Сегодня вступил в Европу.

21. Погода скверная. Снег идет крупинками. Дорога все время горами. Часто встречаю заводы. Население поражает бледностью лиц, вероятно, от влияния работ на заводах. Грбовскую и Киргишанскую проехал мимо. В Шайтановском заводе замечательны по своей архитектуре церковь и памятник в Бозе почивающему Царю-Освободителю. Сегодня переехал реку Чусовую. В Бисерс-

ком заводе меня встретили урядник со стражником и проводили на квартиру к Михалеву. Хозяйка, матушка Михалева, милая, заботливая и гостеприимная старушка. Сегодня встретил по дороге поселенца, сосланного в Сибирь за то, что он побил сельского старосту. Он сознался мне, что, сгорая тоской по родине, он идет пешком из Сибири в Рязанскую губернию. При этом, спросив меня, не я ли то лицо, которое едет из Благовещенска в Петербург, он, на мой утвердительный ответ, сказал, что по деревням везде обо мне рассказывают разные небылицы и сказки, называя меня чуть ли не Бовой-Королевичем¹.

22. Погода серая. Идет мокрый снег. Дорога все время с горы на гору. В Ельшской остановился в довольно грязной крестьянской избе. Весь промок, а высушиться негде. Чувствую себя очень скверно. Горы Кленовская, Бисерская и Шайтанская – очень большие. Голоден, а есть нечего.

23. Морозно. Утром замерзшие кочки и череп, а днем проступы и грязь. В Ключевской остановился на земской станции. Сюда пришел ко мне ветеринарный врач Анисимов, занимающийся усовершенствованием пород лошадей на местном конском заводе. Осматривал с ним этих лошадей.

24. Заморозило. Ехать трудно. Три версты меня сопровождал вчерашний ветеринар. В Сабарской меня встретил урядник, проводивший до г. Кунгура, подъезжая к которому мне версты показались короткими. Местность живописная; большие рощи. В городе меня встретил любезный исправник Н.Х. Масалов, еще молодой человек; он провел меня к потомственному почетному гражданину В.Е. Фоминскому², где я и остановился. Я был очень обрадован, что попал к ним. Василий Евдокимович и супруга его Августа Степановна меня очень обласкали и о многом расспрашивали. Дочь их Александра Васильевна замужем за нашим полковым командиром Григорием Васильевичем Винниковым. Вскоре приехал городской голова И.К. Носков³, который передал мне приглашение от городского общества откусать с ними завтра хлеба-соли в помещении городской управы. Вечером был у всенощной в городском соборе. Он очень старинный; пение хорошее. Собор весьма понравился мне.

25. Был у обедни, представился воинскому начальнику и ездил с визитами. Вернувшись домой, отправился вместе со своим гостеприимным хозяином, В.Е. Фоминским, на обед в городскую управу, где было человек пятьдесят. Во время обеда была послана моему командиру полка Г.В. Винникову телеграмма. С обеда вернулся домой, где и провел вечер.

26. Был в почтовой конторе и получил из Екатеринбурга каменную печать, заказанную мною там на фабрике. Осматривал с В.Е. Фоминским его владения, завод, мастерские, кладовые и проч. Все это я нашел грандиозным, в блестящем состоянии и весьма интересным для меня с точки зрения новизны. Купил записную книжечку в довольно грязной лавочке Колпакова.

27. Выехал из Кунгура в сопровождении любезного исправника Н.Х. Масалова, доктора (с которым только что познакомился, но фамилию коего забыл), станового пристава и урядника. Первые двое проводили верст пять и вернулись, а становой и урядник проводили до границы своего района. Дорога большею частью ровная; местность безлесная. Большая слякоть. В Янычевской остановился на земской квартире у Епихина. Все приготавливаются к празднику св. Пасхи. Поесть пришлось довольно плохо.

28. Утро прекрасное, а дорога грязная. От Янычевской до Перми очень много сел и деревень. По улицам глазеет много татар, татарок и ребятишек. На пути к Перми местность очень красивая. По всей дороге ельник. При въезде в город меня встретил стражник и проводил на квартиру к воинскому начальнику, полковнику П.П. Дягилеву, который очень любезно предложил стойло для Серого, а меня проводил к исправнику М.А. Боролевскому, у которого я и остановился. Хозяин довольно радушный, но жаль, что больной человек.

29. Утром был у обедни в церкви, где очень много было причастников. В церкви был поражен тучностью одного господина, который, как оказалось, отставной генерал-майор, бывший кавалергард. Затем представлялся пермскому губернатору на его квартире. Обедал у П.П. Дягилева в обществе его милой и «тесной» семьи, состоящей,

по крайней мере, из 30-35 человек. После обеда ездил с исправником осматривать город. Из выдающихся зданий отмечу дом на набережной, занимаемый железнодорожным контролем. Вечером ездил в домовую церковь и собор, в котором служил преосвященный.

30. Погода переменчива. То жарко, то холодно. В конце концов пошел дождь. Дорога убийственная, грязь по колесо. Перед г. Оханском пришлось перебраться через р. Каму по плохому, непрочному льду, но совершенно благополучно. В г. Оханске остановился у Я.И. Иванова, заведывающего делами П.П. Дягилева. Хозяин оказался весьма любезным и гостеприимным. Здесь познакомился с П.Ю. Макален, очень веселым господином, с которым вечером ходил в баню. Приезжал воинский начальник, подполковник Н.Д. Григорьев, который предложил мне вестового.

31. Конь выглядит хорошо. Утром поехал к соборному священнику отцу Иоанну и заявил ему о желании сегодня исповедаться, а завтра приобщиться св. Тайн. Однако о. Иоанн отказал мне в св. причастии, сказав, что по уставу церкви я обязан посещать службы не менее трех дней подряд.

– Так и доложите об этом, – прибавил он, – своему начальству.

Я удалился, сказав ему, что уж последнее совершенно лично касается меня. – Город скорее похож на деревню. Везде грязь непролазная и к тому отвратительная [погода]: то снег, то дождь. Вот при какой обстановке приходится встретить Светлое Христово Воскресение. – Скучно. – Читаю газеты. В 12 ч. ночи был у заутрени. Богомольцев масса. – Разговляться поехал к П.Ю. Макален и был представлен его супруге. Домой вернулся в 3 часа ночи.

Апрель [1890 г.]

1. Скучаю дома. Вспоминаю своих и мысленно с ними христосуясь. Приходили полицейские стражники с поздравлениями. Вестового пустил погулять. Заходили: начальник почтово-телеграфной конторы г. Смирнов и член земской управы г. Вологдин. Последний дал мне брошюру об оханском метеоролите и кусочек этого камня⁴. Обедал у воинского начальника и был представлен его супруге.

2. Дорога безлесная и до невозможности скверная. В Острожском и Дубровском, а также в одной попутной деревеньке народ устроил мне, от нечего делать, целые шумные встречи, благодаря праздничному и праздному времени. В селе Острожском видел красивый памятник Царю-Освободителю. В Сосновском остановился у вдовы крестьянина Гладкова, в доме которой находятся на стенах три металлических доски следующего содержания:

I. Его Императорское Величество Всемиловитейший Государь Император Александр Павлович, во время путешествия Своего 1821⁵ года, октября в 3 день, изволил быть в доме села Сосновского – крестьянина Ивана Григорьева Гладкова.

II. Его Императорское Высочество Государь Великий Князь Цесаревич, Наследник Всероссийского Престола Александр Николаевич, во время путешествия своего 1837 года, в 23-е мая⁶ изволил быть в доме села Сосновского – крестьянина Ивана Григорьева Гладкова.

III. Его Императорское Высочество Герцог Максимилиан Лейхтенбергский⁷ изволил быть в доме Ивана Григорьева Гладкова 4 сентября 1845 года.

Когда я въехал, глазающих собралось много.

3. Дорога самая отвратительная. Сегодня проехал Пермскую губернию, началась Вятская. В Вятской губернии о содействии мне – ни малейшего намека и следа. Дебёсы очень большое село. Попал на земскую станцию к какому-то мужичку-вотяку, где встретил двух пьяных фельдшеров. Когда хозяин стал их выпроваживать, то один из них заявил, что он такой же полноправный посетитель, как и все остальные. Вскоре приехал ко мне начальник местной команды В.М. Благовещенский и очень любезно предложил мне остановиться у него. Я поблагодарил и отказался. Вечером был у него и вкусно поужинал. Он был так любезен, что прислал мне вестового. Чего только не было в вотяцкой избе, где я ночевал. Тараканы, клопы и блохи чуть меня не съели заживо.

4. Заморозило. Гололедица. Дорога все время горами. Когда растаяло, то образовалась грязь из липкой глины. В Игринском селении остановился у писаря Медведицына. Хозяйка замечательно добро-

душная женщина. Накормила, напоила и спать уложила. Там же видел бюсты вятского преосвященного и какой-то дамы. Производство этих бюстов около города Глазова.

5. Когда я выехал, было тепло, но потом поднялся ветер и пошел снег. Дорога омерзительная. В селе Узинском остановился у крестьянина Ивана Обухова. Пьяненький, довольно разговорчивый. Овес скверный 50 к. пуд. Мука ржаная 75 к. пуд. Крупчатка куль (5 пуд.) 12 р. 50 к. Сахар 6 р. 80 к. пуд. Керосин 1 р. 60 к. пуд. Дрова 65 к. сажень. Мясо 2 р. 50 к. пуд. Коню подтянул расшатавшиеся подковы. На ужин сварили какую-то бурду. Поел одного только мяса.

6. Погода хорошая, но холодная. Дорога становится лучше. Сетинскую проехал мимо. В Кожильской остановился у вотяка Кошменского. У него очень грязно, хотя имеет большие средства. Закусить, кроме яиц, ничего нет. Нечистота, удушливый, смрадный запах в избе, грязное постельное белье, клопы, блохи и тараканы удручали меня всю ночь и не давали спать. Конь от скверной дороги утомляется.

7. Сегодня пять месяцев моего странствования. Мне кажется, что, кончив путешествие, буду скучать, до такой степени я уже свыкся с этим кочевым, цыганским образом жизни. Дорога холмистая и все как будто под гору. Сплошные леса. По всей дороге замерзшие кочки. Твердо. Коню идти больно. – Сюмсинское – большое село; в нем хорошая церковь; живут мировой судья и лесничий. Урядник приглашал выпить чаю. Я отказался за неимением времени. Село Мукикака мне очень понравилось; стоит на красивом месте и тоже имеет церковь. От этого села в двух верстах переехал на пароме через реку Валу с Серым. Здесь меня встретил местный урядник и пригласил к себе переночевать. С удовольствием согласился, так как все эти вотяцкие ночевки мне ужасно надоели. У него все так мило, чисто и хорошо. Жена его большая франтиха. В Вихоревой живут преимущественно староверы и, по выражению урядника, «народ-разбойник».

[...]

Федор Андреевич Мейер

По Вишере

(Из путевых набросков)

[1897(?) г.]

(ПГВ. 1898. 8 янв. № 5).

21 августа 189... года я выехал из Чердыни. Под горою вилась река Колва; вдали верст за 30 темнел красивый Полюдов камень, напоминающий постамент памятника Петру I в Петербурге; верстах в пяти виднелось село Покчб. Стояло чудное теплое утро... Минут через 25 мы уже ехали через Покчбу, и мимо мелькали среди лачужек каменные и деревянные хоромы покчинских магнатов – этих царьков печорского края, у которых по торговле или скорее по обмену жизненных продуктов: хлеба, соли, чаю, сахару, вина, табаку и других на семгу, сиги, рябчики и пушной товар – население Печоры чуть не в крепостном праве. У них разделена Печора, у каждого свои селения, куда уже другой покчинец, а также и чердынец не смеет проникнуть, где торгует и ведет мену только облюбовавший эту местность... От Чердыни идет прелестно содержимый тракт, по обеим сторонам которого от Покчи вплоть до с. Вильгорта, на расстоянии верст десяти, тянется хвойный лес. В 2-х верстах от Вильгорта, в селе Камгорте перевоз через р. Колву, и опять вплоть до с. Искора, верст 14, хвойный лес с тою же чудною дорогою. На половине пути переправа через небольшую нарядную речку Низьву с чистою, прозрачною водою, с окаймленными лесом и кустарником берегами. От Искора до д. Бахарей идет на протяжении верст 35 прескверная проселочная дорога. Около Бахарей, верстах в шести от дороги стоит могучим великаном Полюд; здесь он менее красив: покрытый весь лесом, он напоминает мохнатую шапку Машука, у подножия которого раскинулся Пятигорск.

В Бахари я приехал, когда уже стало темнеть. Я вышел на берег полюбоваться Вишерою. На противоположном берегу ее через сгустившуюся темноту еще виднелись покрытые лесом очертания холмистых возвышенностей, и в расположенных на них деревушках светились огоньки. В местах четырех по реке лучили рыбу¹; горящие в лодках смолистые коренья далеко по воде отбрасывали яркие снопы света, которые то удалялись, то приближались, смотря по движению лодок... Теплая, темная ночь. Кругом полная тишина, изредка преры-

ваемая плеском остроги у лодок... Что-то чарующее было в этой картине, я долго любовался ею... По возвращении меня ждала уха из вишерских рыб – харюза и линия, очень вкусных и нежных.

Часов в шесть утра мне подали пару лошадей в тележке, и я с одним из ближнего селения крестьянином отправился на вершину Полюда. Дорога все идет в гору, версты через две делается невозможной для передвижения: всюду пни, корни, в низменных, болотистых местах выбоины, наполненные грязью и водою, в которых тонут лошади и колеса по ступицу. Лес становится гуще, началась «Парма», по местному выражению. Наконец, останавливаемся; ямщик выпрягает лошадей и, разведя костер, оставляем их под охраною сестры ямщика, девочки лет 15. Сами втроем отправляемся на вершину. Подъем не особенно крут; только пройдя версты две, у самой вершины Полюда, она делается значительно круче. Лес к вершине редет и делается низкорослым. Вот и вершина Полюда, небольшая площадка с нагроможденными на ней камнями, с одной стороны она совершенно отвесна. Но что за дивный вид! Далеко, далеко вьется узкою лентою Вишера; отчетливо видны камни – Ветлан и Говорливский, село Говорливское и другие селения, уютящиеся по берегам Вишеры: внизу синеют на далекое пространство вековые леса; Чердынь с ее семью церквями вся на виду; затем Покча, Вильгорт, Искор, Ныроб, а там еще дальше, верст за двести, высятся вершины других великанов Урала...

Спутники мои рассказывали, что в Полюде есть пещера, в которой находится окаменелый богатырь, и каждому, дошедшему до него, дает полную горсть золота, но только возвращаясь обратно, нужно не оглядываться, иначе также обратишься в окаменелость! Входа же в пещеру не могли указать... Между Чердынью и Полюдом набежала небольшая тучка, пошел мелкий дождик, и Чердынь занавесилась от нас, как кисею...

Часов в двенадцать дня я отправился дальше. От Бахарей Вишера принимает характер горной реки, и вследствие быстроты течения поднимается уже не на веслах, а на шестах; один с шестом становится в корме, а другой, для легкости обыкновенно женщина, в носовой части лодки, длинной и узкой, в «душегубке», как их здесь называют. Действительно, чтобы не вывернуться из такой лодки, нужно в ней сидеть или лежать спокойно, особенно не двигаясь. Случается, что вишерцы целые дни, за небольшим отдыхом, простаивают в лодке, подымаясь по течению. И с какой ловкостью они управляют ею: вот кажется лод-

ка так и заденет, наткнется на торчащие из воды камни, разобьется; но один верный взмах шеста и послушная лодка проходит там, где ей следует, лавируя между камнями в нескольких вершках от них... В двух верстах от Бахарей на значительном протяжении зубчатыми стенами тянется красивый камень Ветлан. Чем дальше, тем берега, покрытые хвойным и лиственным лесом, гористые и крутые, переходя часто в совершенно отвесные скалы, уступы, делаются все живописнее и живописнее; изредка, где берега более пологи, открываются холмистые дали с раскинутыми в них селениями. На дне реки через светлую, совершенно прозрачную воду виден каждый камешек...

Местами часть реки для ловли рыбы запружена камнями, лесом, хворостом; посредине таких запруд оставлен проход для воды, где она шумно и быстро мчится. Такие запруды способствуют к засорению фарватера и мешают передвижению лодок... Полюд как грозный страж сопровождает нас; на одном из поворотов реки он виден чуть не весь, от подошвы до вершины... Вот он, могучий седовласый старец, мимо которого пролетели тысячелетия, хмуро смотрит на нас и как будто шепчет: «Что вы, пигмеи! сравнительно с теми народами, которые прошли мимо меня... более богатыми и промышленными, чем вы... Плыли мимо меня лодочки и суденышки Чуди², бесследно исчезнувшей в пучине времен... Здесь, кругом меня, было целое царство Биармия... Чердынь вашу, теперь небольшой глухой городишко, я знал когда-то богатой, ведущей торговое сношение с Грецией, Персией, Индией и другими странами... Я видел дивные, горевшие золотом и драгоценными камнями храмы, воздвигнутые в честь бога Юмалы³... Теперь же... от бывшего величия остались только одни безмолвные курганы, да городища!»

Впереди на смену Полюду уже выступают другие стражи Урала, а Полюд, окончивши свою сторожевую службу, скрывается от взоров...

(ПГВ. 1898. 9 янв. № 6).

Вдали, на горе показалась небольшая деревянная церковь села Говорливского и невзрачные лачужки обитателей села. Село расположено на Говорливском камне, который тянется над самую рекою отвесными, гладкими, слоистыми стенами. Я нигде не слышал такого замечательного эха, как здесь. Как бы слово не было сказано, тихо ли, громко ли, эхо передает внятно каждый слог слова, сохраняя до мельчайшей точности самый тембр голоса, слышишь положительно повторение своего собственного голоса... В стороне от Говорливского камня

выступает вдали новый страж Урала Помяненный камень с своими многочисленными вершинами-уступами. Очертания берегов принимают разные причудливые формы: то из скал и уступов созидаются развалины замков и башен, то из них группируются разные фантастические фигуры каких-то громадных зверей, птиц, чудовищных голов с разинутыми пастьями, черными впадинами вместо глаз...

Чаще попадаются перекаты, «переборы», как их здесь называют, где Вишера бурлит, шумит, волнуется, пенится. Вот у самого берега выдается в виду громадный камень, вода около него шумит, кружится; ход лодки от быстроты течения замедляется; лодочники уже не медленно забрасывают шесты, а вертят их колесом, чтобы чаще концами шеста упираться о дно реки и тем скорее миновать быстрое течение... Стемнело... Вдали показались два огонька, красный и синий, и целый фейерверк искр, в скором времени мимо проплыл небольшой пароходик «Велс»... Взошла луна. Красавица Вишера сделалась еще величавее. Гул воды на переборах и рыбных запорах разносится в ночном воздухе по реке. Вода серебрится. Утесы и камни, облитые лунным светом, отдают матовым блеском в местах, не покрытых растительностью. Где-то там в лесу гогочет филин своим резким, неприятным звуком... Августовская ночь обдает летним теплом, пронизывая только изредка влажною, холодною струею... На горе мелькнули огоньки. Мы подъехали к деревне Велгур. Звонко слышится в деревне лай собак, перекатываясь эхом в соседних горах, как будто во всех уголках окружающих Велгур гор разбросаны целые стаи собак...

Рано утром мы поплыли дальше. Недалеко от Велгура Дыроватый камень, отвесно стоящий над водою и весь испещренный узкими отверстиями, входами; под ним Вишера очень быстра. Затем дальше, верстах в пяти от камня, у самой реки расположено несколько каменных глыб, колонн (столбов, как их здесь называют), у дер. Сыпучи открывается чудный горизонт, справа возвышаются горы Гремячева и Сыпучинская, а там впереди далеко горделивый страж Урала Золотой камень, окутанный дымкою тумана. За дер. Сыпучи около дер. Писанной тянется такими же отвесными стенами, как Говорливский и Ветланский, Писанный камень, который получил свое название от надписей, находящихся на одной из его стен. Эти надписи в настоящее время представляют какие-то очертания, что-то вроде человеческих фигур, голов, оленей, нарисованных каким-то темно-красным веществом. Я слышал предположение, что эти надписи сделаны кочующими здесь

ранее вогулами и означают извещение одного вогула другому о том, что он с товарищами на оленях отправился на охоту. Вишерцы дают более поэтическое толкование, что эти надписи-письмена древних вишерских царей. В дер. Акчим я заночевал...

Раннее утро. Река окутана туманом. Белые известковые скалы напротив Акчима, на противоположном берегу Вишеры, как покрытые саваном привидения, выглядывают из-за тумана... Лодка давно уже оставила позади себя Акчим... Фон реки несколько меняется. Уклоны на переборах круче, вода на них, набегая на находящиеся в реке камни, волнуется, бурлит, бьет каскадами. Лодка с трудом поднимается. Берега делаются менее крутыми, горизонты расширяются; и вдалеке покрытые лесом горы, при освещении их солнцем, принимают разные оттенки окрасок, только что ярко-зеленая полоса леса уже от набежавшего на солнце облачка кажется темною, черною; а там опять новые тоны окрасок... Давно уже миновали Ябурский камень. Вишера по-прежнему гудит и воет среди камней на переборах. Вдали опять показался покрытый дымчатою пеленою Золотой камень. Ветерок делается свежее, даль туманится, заволакивается тучами. С левой стороны надвигается камень Боец. Здесь большой перекаат. Вода бурлит, пенится. Весной это место очень опасно для сплава судов с чугуном, течение наносит суда прямо на камень, и вода, ударяясь об него, громадными валами разбегается по реке, дробясь на более мелкие валы среди русла реки. Напротив Бойца впадает речка Золотиха, она бешено рвется, воды почти не видно, одна только пена несется в Вишеру. Тут же, недалеко от устья Золотихи стоит разбитая барка, а на берегу сложен вынутый из воды чугун. Солнце скрылось, даль потемнела, грозные тучи все больше и больше хмурятся, ветер крепчает и препятствует движению лодки, гул леса сливается с шумом реки... Часу в первом дня мы были как раз на половине пути до Усть-Улса, проплыли 22 версты, и лодочники изъявили желание отдохнуть. У берега стоят две большие закрытые лодки; на берегу устроена из кольев и бересты небольшая палатка, в которой помещается сколоченный из досок стол, кругом стола, с трех сторон, лавки; над палаткою на шесте развивается казенный флаг. Оказалось, что мы остановились на месте расчистки фарватера реки. Около палатки я встретил заведывающего работами по расчистке с молодым человеком – одним из служащих. Я проголодался, и мы мигом устроили в палатке завтрак: у меня нашлись жареные цыплята, курица, а у них рябчики...

Часа через два, когда лодочник с дочерью отдохнули, я тронулся в дальнейший путь. Потянулись мимо меня один за другим Гостинный, Ваинский, Ереминский, Ветренный и другие камни. Под вечер показались новенькие домики пристани Кутимского завода с целым караваном вновь выстроенных судов для сплава чугуна. Самый же завод находится в 35 верстах от реки. Слышится свисток, и небольшой, как игрушка, локомотивчик ходко бежит по берегу Вишеры по направлению к лесу. На противоположном берегу против заводской пристани раскинулись на горе невзрачная деревушка Усть-Улс. Из деревни, с верху горы, открывается красивая панорама: кругом уютятся горы, вдаль хорошо видны на одной из вершин Кваркуша два столба, “уши”, как их здесь называют. Чутко прислушивается ими седовласый Урал, как новая промышленная жизнь начинает бить могучим ключом в этих дебрях, рассекая кайлою и динамитом недра его...

Деревня Усть-Улс населена русскими и вогулами, совершенно уж обрусевшими и оседлыми. Кочующие вогулы появляются у Чувала; в это время, как мне передавали, в верстах 30 от Чувала находилось кочевье вогула Степана... Небольшие пароходы доходят до Усть-Улса только весной и то после спада большой воды, во время которой они не могут совладать с течением по быстроте его; летом же движению пароходов препятствует мелководье и камни на перекатах. Впрочем теперь фарватер реки исправляется, и река делается более судоходною.

На следующий день я отправился в Кутимский завод по конно-железной дороге. Мне подали маленький вагончик, запряженный одною лошадию. Посредине вагончика устроен диван на четыре места, два спереди и два сзади, последние занял я и один из ехавших также в Кутимский завод, на одном из передних поместился кучер, на другом наш багаж. С боков и сверху вагончик был обтянут рогожами. При встречах с рабочими поездами – с дровами и лесом – наш вагончик, опрокидывая на бок, мигом сбрасывали с рельсов, и по проходе поезда мигом опять ставили на путь. День был пасмурный, дул холодный ветер, пронизывая насквозь в плохо защищенном вагончике.

Дорога шла вблизи реки Улс, среди леса, гор и скал. Вот вагончик делает крутой поворот, и мы едем по расчищенному динамитом горному уступу; над нами стоит отвесная скала, внизу обрыв, а там на дне его бешено ревет и скачет с камня на камень весь покрытый белою пеною Улс. У самого завода протекает речка Кутим, от которой завод и получил свое название. Кругом завода горы, из них по своей величине и высоте выдается Кваркуш, вершина которого белела от выпав-

шего там в то время снега... Кутимский завод основан лет восемь тому назад, но уже представляет довольно порядочное селение, состоящее из небольших новеньких деревянных домиков, преимущественно казарм для рабочих и квартир для служащих. Местного населения здесь нет, все пришлое, в большинстве из других губерний, постоянно меняющееся. Для выплава чугуна устроены две доменные печи. Руда очень богатая по своему содержанию.

(ПГВ. 1898. 10 янв. № 7).

С постройкой Кутимского завода жизнь населения вишерского края совершенно изменилась. Ранее единственным промыслом населения этого края были звероловство и охота, но промысел этот не давал хорошего заработка населению, так как находился в руках нескольких крупных чердынских капиталистов, которые, снабжая охотников под продукты охоты всем необходимым: хлебом, свинцом, порохом, дробью, – ставили все это по весьма высокой цене, а при получении от охотников убитых ими зверей и птиц, напротив, давали за них крайне низкие цены. Теперь уже немногие из вишерцев занимаются охотою. Большинство из них занято работами при заводе, доставкой грузов водою на завод и сплавом по Вишере чугуна. Хлебопашеством же как ранее, так и теперь, особенно жители Сыпучинской волости, по неплодородию почвы и суровости климата, почти вовсе не занимаются.

В тот же день вечером я выехал из завода обратно с тем же пассажиром, с которым ехал вперед. Ночь была темная, осенняя. Добравшись до полустанка, на половине пути мы узнаем, что навстречу нам с пристани только что вышел локомотивчик. Ехать навстречу ему с тем чтобы заблаговременно очистить путь для прохода его, сбросив вагончик с рельсов, – мы опасались, так как за темнотою и шумом от движения вагончика боялись не усмотреть где-нибудь на повороте своевременно приближение локомотива, который тогда может нас и смять, и опрокинуть куда-нибудь в обрыв; или же испугать лошадь, которая, бросившись в сторону, сама может опрокинуть вагончик. Ожидать прибытия локомотивчика на полустанок пришлось бы долго, так как они, делая еще только маневры (в это время заводоуправление только что намеревалось заменить конное движение паровым), ходили очень медленно; да наконец, он мог и не дойти до полустанка, вернуться обратно, и нам пришлось бы пробыть всю ночь. Мы сообщили о своем затруднении по телефону заводской администрации. Последовал ответ, что сделано распоряжение о возвращении локомотивчика обратно. Но пока

эта процедура продолжалась, нам пришлось просидеть на полустанке часа два и уже поздно ночью возвратиться в Усть-Улс. Деревня еще не спала, галдение пьяных ватаг далеко разносилось в ночной тишине. С повышением, вследствие хороших заработков, материального благосостояния населения, в последнее время развилось и сильное пьянство по деревням, особенно в дер. Усть-Улс, где всегда скопляется и живет много пришлого люда.

Я встал часов в шесть утра. Моросил как из сита мелкий осенний дождик. Окружающие деревянные горы скрылись во мгле. Пока пили чай и готовили лодку плыть далее, на Белые Мхи, дождик перестал; и когда я сел в лодку, солнце уже выглядывало из-за морока. Немного выше деревни в Вишеру впадает Улс. Здесь Вишера делает крутой поворот на север, до сего ее течение было с северо-востока на юго-запад... Берега по-прежнему живописны. Красивыми отвесными уступами повисли над водой Цалковский, Кырымский, Федоскин камни. Вдали синееет вершина какой-то горы. Уклоны на перекатах еще больше, и вода уже изрядными валами мчит по ним. Часов в двенадцать, на половине пути, привернули к шалашу вогул, вышедших из дер. Усть-Улс для уборки сена. У шалаша был разложен огонь и грелся медный чайник с водою. В шалаше был старик, три его сына и две молодухи – жены сыновей, они добродушно и приветливо приняли нас. Отдохнувши часа полтора, напившись чаю и поблагодаривши хозяев за гостеприимство, поплыли дальше. Пошел дождь, и даль покрылась мглой. В сумерках были на Белых Мхах... Как приятно было после долгих скитаний в лодке и ночевки в лачугах вишерских деревень отдохнуть в теплой, просторной, светлой, уютно мебелированной комнате в доме заведывающего рудником, за чайным столом с шипящим самоваром, среди небольшого общества, и уснуть, не опасаясь нашествия клопов.

Утром я отправился на одну из ближайших скал, “чурок”, как по Вишере называют вообще все скалы, полюбоваться двумя стражами Урала – Юбрышкиным и Чувальским камнями, на которых будет добываться железная руда для предполагаемых к постройке на Белых Мхах и Чувале заводов; но, к моему сожалению, оба камня были в тумане; только подножие Юбрышкина камня еще было несколько видно... На Белых Мхах со мною случайно съехались земский начальник, податной инспектор, и мы все, в том числе и наш хозяин, после завтрака поплыли на Чувал... Шел дождик... Наконец, после камня Прапощенского показался величавый Чувал; по нем лохмотьями ползли дождевые облака, вершина была в тумане. Но небо скоро прояснилось, и Чувал предстал

во всем своем величии с круглою как голова и голою, без всякой растительности вершиною. Вдали виднелся красивый по своим очертаниям Курыксарский камень, над ним нависли красно-багровые от заходящего солнца облака. Река как зеркало отражает густую тенью растущий на крутых берегах лес. Даль и лес темнеют. Вода принимает разные оттенки окрасок, посредине реки идет еще светлая полоса от заката... Перебор... Река шумит, пенится, волны идут от одного берега до другого. Берега, горы, лес от надвигающейся темноты принимают неопределенные очертания. Вода чернеет. Голая голова Чувала как шапка покрылась темнотою. Курыксарский камень тучею навис впереди. Где-то в лесу шумит горный поток. Вдали светятся приветливо огоньки... Через полчаса нас радушно принимает заведывающий чувальским рудником. Так же приятно было после дневного переезда отдохнуть за чайным столом, в теплом уютном уголке. Хозяин, большой любитель винта, раскинул столик. И хмурый Чувал своей лысой головою в первый раз еще внимал непонятным ему словам: «пас», «два пики», «без козырей», «пять бубен», «малый шлем в червах»!..

Утро следующего дня было ясное, совершенно летнее, так что мы в одних сюртуках пили утренний чай на террасе, выходящей на высокий берег Вишеры. Роскошный вид открывается с террасы: с одной стороны ее стоит грозным великаном Чувал, с другой вдали высится красивый Курыксарский камень, внизу хрустальные воды Вишеры, на противоположном берегу, высоком и гористом, вековые леса. Так и не хочется оторваться от этой чудной, но суровой по тону картины... На руднике всего два небольших домика, в одном из них помещается заведывающий рудником, а в другом человека три-четыре рабочих. Добыча руды и никаких других работ на руднике, как и на Белых Мхах, пока не производится...

В полдень я выехал обратно; осень давала себя чувствовать, опять моросил мелкий дождик, который и мочил меня весь обратный путь. Стражей Урала – Золотого, Помянного и других камней из-за тумана и мглы не было видно. Только Писанный, Говорливский, Ветлан неприветливо смотрели своими мокрыми отвесными стенами в воды Вишеры. По высоким берегам её стлался туман. В воздухе было холодно и сыро. Я, закрытый брезентом, в непромокаемом плаще неподвижно сидел в лодке, шибко мчавшейся по быстрому течению реки и управляемой теперь уже веслами...

По Европе и России

1907

В даль и глубь России

На «Неве» по Волге и Каме

[...]

Самый древний и до сих пор самый приятный способ путешествия, это – путешествие по воде...

[...] Теперь, с развитием железнодорожной линии, реки уже не играют той решающей роли, которую они играли прежде, но все же еще много русской жизни движется по русским рекам, в особенности по Волге и ее притокам.

Взгляните на карту, и вы увидите, что волжские воды захватывают Москву и Пермь, Нижний и Уфу, Тверь и Астрахань, Рязань и Казань, Кинешму и Чердынь, Кострому и Елабугу.

Проезжая по Волге и ее притокам, вы настоящим образом можете изучить географию большей части России. Придет время, когда у нас будут пароходные школы, когда в курс ученья войдет путешествие по Волге и ее притокам, и тогда у нас действительно будут знать географию России.

Я очень жалею, что мне на этот раз пришлось пройти только часть этого волжского курса и притом пройти очень бегло. Из Нижнего я проехал по Волге и Каме до Перми; из Перми по железной дороге через Нижний Тагил в Екатеринбург; оттуда через Челябинск и Уфу в Самару, из которой еду теперь снова в Нижний на ярмарку, чтобы затем через Кострому, Ярославль и Рыбинск вернуться в Петербург.

В Пермь я ехал на любимовском пароходе «Нева», американского типа.

Известны удобства этих волжских пароходов, где вы можете жить как дома и непрерывно любоваться панорамой живописных берегов. Ложась спать, видите, например, лесистые холмы в причудливом свете луны, а просыпаясь, любуетесь, как в веселых лучах солнца дома и церкви какого-нибудь городка карабкаются на высокий розовый берег, местами устланный зелеными коврами.

Вы записываете свои впечатления и подымаете голову, чтобы лучше овладеть той или другой мыслью, но уже не можете оторвать глаз от медленно плывущих мимо желтых полей зреющего хлеба, вставленных в раму зеленых лугов с туманной синевой отдаленных холмов.

Иногда впадаешь в «нирвану»: нет отдельных мыслей, нет отдельных чувств, но в душу вливается жизнь окружающей природы, и все существо охватывает спокойная и цельная радость бытия.

Путешествие по Волге и Каме, в противоположность путешествию по железной дороге, успокаивает нервы.

На Волге и Каме тихо, в настоящее время даже слишком тихо. Прежде на каждом шагу встречались торговые пароходы, баржи, барки, беляны и целые караваны с тяжело пыхтящими буксирными пароходами во главе; пассажирским пароходам иногда трудно было пробраться среди торговой братии, в особенности на перекатах; то и дело слышались перекликанья пароходных басов, теноров и дискантов.

В этом году ничего подобного.

«Пассажирским пароходам ноне слободно ходить!» – с усмешкой говорит мне матрос нашего парохода. – И горла драть тоже незачем! Вон три часа прошли, а ни разу не свистнули».

Пустота поразительная!

Где причина? – «Нет хлеба и непомерно дорога нефть» – вот обычный ответ. Много пароходов предпочли «зимовать» и в течение всего лета.

Но Волга и Кама лишь замерли, но не умерли. Близится время, когда на них закипит небывалое до сих пор движение, ибо близится время, когда в России и хлеба будет много, и нефть станет дешева. Оно близится, ибо в момент затишья, переживаемого нами, народ не спит: он думает крепкую думу о пережитых бедствиях, надеждах и разочарованиях, он учится хотеть, а кто умеет хотеть, тот умеет действовать, умеет жить полную жизнью.

[...]

* * *

Пароход миновал живописные Васильсурск и Козьмодемьянск, где жизнь жителей так же тускла, как яркие виды, раскрывающиеся из окон их жилищ; миновал Казань, храмы и мечети которой восточным узором обрисовались на облачном небе, спускающемся к горизонту, миновал Богородск и вошел в Каму, светлой полосой вливающую свои воды в мутную Волгу.

На одной из первых камских пристаней «Нева» сошлась с «Анной Степановной Любимовой», на которой под Нытвой (недалеко от Перми) совершена была смелая экспроприация. Пассажиры «Невы» осматривали следы экспроприаторских выстрелов и с жадным интересом вслушивались в рассказы о новом «подвиге» знаменитого Лбова.

Лбов – бывший мастерской Мотовилихинского пушечного завода и унтер-офицер, участвовавший в последней войне; о нем слагаются целые легенды. Ему приписывают поразительную сообразительность, смелость, физическую силу и т.д. Сочувствующих его экспроприациям среди пассажиров вряд ли можно было найти, но у всех замечается нечто вроде преклонения перед его силой; в рассказах подчеркивается не убийство трех или четырех человек, не грабеж денег, а галантное отношение к пассажирам и уплата буфетчику за взятые съестные припасы.

Находятся пассажиры, которые не столько негодуют на Лбова, «задержавшего» пароход всего на 5 часа, сколько на полицию, которая, производя обыск экспроприированного парохода, задержала его на целых 13 часов.

Заходит речь о необходимости вооружаться для отпора экспроприаторам и тотчас сводится к нападкам на полицию, от которой так трудно добиться разрешения на приобретение и ношение оружия.

– Смотрите, и на вас под Нытвой нападут, – весело кричит какой-то пассажир с «Анны Степановны».

– Ничего, мы не хуже вас сумеем поднять «руки вверх» или «уткнуть нос в подушку».

Но нам не пришлось поднимать руки вверх, хотя некоторые из пассажиров в «опасном месте», вероятно, старательно прятали нос в подушку.

«Нева» прошла под мостом, изящно и легко перекинутом через реку, и перед нашими глазами открылась панорама Перми. Среди домов и церквей, раскинувшихся на высоком берегу, особенно выделяется красивое здание, похожее на греческий храм.

– Что это такое?

– Это дом пермского миллионера Мешкова¹, где помещаются различные правительственные учреждения.

– И сам Мешков здесь живет?

– Нет, ему запрещен въезд в Пермь...

– А Лбов теперь, вероятно, в Перми...

«Нева», подходя к любимовской пристани, оглушительно загудела и заглушила конец разговора.

ПЕРМЬ

Со словом «Пермь» в нашем представлении связывается что-то очень древнее: пермской называется одна из геологических «систем» или эпох; о Перми Великой в связи с «чудью белоглазой» упоминают древнейшие русские летописи; о ней же как о Биармландии говорят и скандинавские саги. Пермь своею волостью Господин Великий Новгород называет еще в 13 веке, и т.д. Но нынешний губернский город Пермь еще совсем молодой: от него не веет стариной, зато в нем чувствуется залог великого культурного будущего. Он основан в 1781 году по указанию казанского губернатора кн. Мещерского, проезжавшего в 1778 году в Соликамск. Пермские уездные города значительно старше своей губернии.

Так, например, захолустный Соликамск, насчитывающий ныне каких-нибудь 5-6 тысяч жителей, основан купцами Калашниковыми в первой половине XV века; не менее захолустная Чердынь основана новгородскими выходцами в XVI веке.

И чем старше пермский городок, тем он захолустнее и меньше. Пospорить с Пермью может один только Екатеринбург, но он всего на 60 лет старше своего губернского города.

Между Пермью и Екатеринбургом происходит форменное состязание в росте и развитии, и пермяки уверяют, что Екатеринбург уже остался за флагом.

В 1793 году, через 12 лет после основания, в Перми было 1330 жителей; затем в течение 100 лет к переписи 1897 года она выросла до 46 тысяч, а теперь в ней считается уже более 70 тысяч.

– Скоро будет 300 тысяч, – уверенно сказал один из пермских культурных работников. – Северная дорога (через Вятку – Вологду) сильно сближает нас с Петербургом, и мы двигаемся на запад не одни, а вместе с Уралом и Сибирью; наша пермская дорога раскинулась на пять губерний, ее ветви тянутся во все стороны и притягивают к Перми Вятку, Котлас, Екатеринбург, Тюмень и бесконечное число всевозможных заводов. Теперь заканчивается новая прямая линия на Екатеринбург; ею он придвинется к Перми, а не наоборот, так как мы ближе к центру, ближе к Петербургу, так как мы, кроме того, живем на Каме, а летом нас от Нижнего отделяет одна только приятная речная прогулка.

На Урал теперь двинулся иностранец, а он шутить не любит, и в Перми спать не придется.

– На иностранца надеетесь? а на свои силы, небось, не рассчитываете?

– Нет, иностранец расшевелит уральскую промышленность, обновит заводскую работу, а всю культурную деятельность мы берем исключительно на себя. Посмотрите, сколько культурной работы уже сделано.

История нашего земства – не последняя страница в истории русской культуры. Да одно ли земство... В нашем городском управлении сидят люди, которые никак не могут быть названы «прогрессистами», и несмотря на это, у нас уже есть электрическое освещение, водопровод, телефоны, и скоро будет канализация, трамвай и пр. Этого мало. У нас есть научно-промышленный музей, из которого разовьется народный университет; у нас есть кустарно-промышленный банк, из которого разовьется могучий двигатель для всевозможных артелей, потребительных обществ и пр.; у нас уже теперь несколько кооперативов, и мы накануне создания уральского союза потребительных обществ.

Так говорил мне один из пермяков, умеющий не только говорить, но и действовать. Прожив с неделю в Перми, познакомившись с несколькими культурными работниками, я увидел, что он, в сущности, прав, что в Перми пустили корни здоровые ростки многих истинно культурных начинаний, что там, несмотря на самые неблагоприятные административные условия, идет плодотворная творческая работа. Но сразу этого не увидишь!

Я приехал в Пермь в жаркий летний день, и она показалась мне мертвой. На прямых и широких улицах, перекрещивающихся друг с другом через одинаковые по величине кварталы, нет почти никакого движения. Правда, я встретил конный конвой, тесным кольцом окружавший двух арестованных рабочих, шедших со скрученными назад руками, но эта тихая процессия так же мало оживляла улицы, как и почтовая карета, с грохотом проехавшая в сопровождении стражников, некрасиво согнувшись на своих маленьких лошадях.

Магазинов много, но магазины без покупателей, – а такими показались мне пермские лавки, – ослабляют, а не усиливают жизнь городской улицы.

На одном из магазинов я заметил вывеску «Пермское общество потребителей», но из окон его на меня «весело» смотрели целые батареи красиво расставленных бутылок с винами, водками и наливками; но меня они не развеселили.

Зашел я в тенистый городской парк. Пустынно, – только на одной скамейке сидит какая-то женщина с двумя маленькими детьми. Заметив меня, она подымается, шатающейся походкой подходит ко мне и просит милостыни, рассказывая правдивую, как я чувствую, историю о сумасшедшем муже, об умирающей старухе-матери, о голодающих детях... Жутко становится, когда она вдруг нервно всхлипывает и опускается на колени... Не успел я подать ей милостыню, как передо мной уже вырос какой-то человеческий обрубок и впился в меня своими воспаленными глазами...

Я был потом в этом парке вечером. Играла веселая музыка. Тесными рядами двигались пермские обыватели, обмениваясь шутками и любезностями.

– Здесь публика все демократическая, – пояснял мне один из пермяков. – Парк находится в распоряжении пермского общественного собрания, которое мы хотим превратить в культурное учреждение.

Нам уже удалось вывести кутежи и азартные игры, очистить состав членов, заменив купеческих саврасов представителями «третьего элемента», сделать общедоступной хорошую музыку, устроить порядочную библиотеку; теперь на очереди – популярные чтения, рациональные игры и т.д.

Не надо ничем пренебрегать; каждым «собранием», клубом, обществом можно воспользоваться для культурной работы, без которой не закрепить ни одного из завоеваний, сделанных великими порывами.

Еще с большим увлечением другой культурный работник доказывал мне значение пермского научно-промышленного музея. История этого музея очень характерна для «русских условий».

В конце 1890 года несколько интеллигентных пермяков захотели отдать часть своего времени и сил на совместное изучение Пермского края, но просить начальство о разрешении устроить для этого соответствующее научное общество они не пытались, зная, как это трудно; они удовлетволялись образованием пермской комиссии Уральского общества любителей естествознания², находящегося в Екатеринбурге.

Им пришлось называться «комиссией» так как Уральское общество не имело права устраивать «отделов». Но и в качестве комиссии пермские любители естествознания чувствовали себя очень шатко.

«Под таким названием, без строго легальных оснований, – говорит один из их отчетов, – Пермская комиссия просуществовала, однако, благополучно около 11 лет – с ноября 1890 г. по 26 октября

1901 г., когда ею было передано все имущество возникшему уже вполне легальному и самостоятельному обществу Пермского научно-промышленного музея».

Комиссия строго держалась научных занятий, в «политику» не вмешивалась, но ей иногда приходилось дрожать за свое существование.

Особенно опасен был 1895 год. Комиссия, проявившая в 1894 г. чрезвычайно оживленную научную деятельность, оказывала идейную поддержку образовавшемуся в конце 1893 г. Пермскому экономическому обществу, а общество это оказалось «крамольным». По инициативе своего председателя и в то же время управляющего казенной палатой А.Е. Рейнбота оно подало известный всеподданнейший адрес с мольбой последовать примеру «Великой прабабки» и призвать «выборных людей» к законосовещательной работе.

Экономическое общество было закрыто, Рейнбот «сослан» в совет министра финансов, прекратило свою деятельность и отделение Императорского технического общества. Комиссия осталась в живых, но приложила все усилия, чтобы сделаться незаметной. Вместе с экономическим обществом она разработала проект «Научного музея», но теперь о подобных затеях нечего было и думать.

В следующем 1895 году город попросил комиссию удалиться из уступленного помещения в городском театре.

Председатель и товарищ председателя отказались от исполнения своих обязанностей, причем первый указывал, что «в городской думе публично смеются над комиссией, а Уральское общество давно уже желает закрыть комиссию, чтобы воспользоваться ее музеем».

Смерть встала над комиссией, но в числе ее членов нашлись такие упорные люди, как П. А. Голубев, энергия которых возрастала пропорционально внешним затруднениям и унынию большинства.

Благодаря их усилиям, комиссия не погибла, но нашла себе прекрасное помещение в доме, пожертвованном городу Анной Степановной Любимовой.

Осенью 1897 года комиссия перешла в «свой дом» и с тех пор обратила особенно внимание на собрание археологических, этнографических и естественнонаучных коллекций, из которых постепенно образовался настоящий научный музей. В 1900 г., когда крамола экономического общества была достаточно забыта, комиссия решила подать через пермского губернатора на утверждение министра земледелия проект устава научного музея.

Как раз в это время против комиссии и проектируемого ею музея открыли кампанию обе пермские газеты: официальные «Пермские губернские ведомости» и неофициальный «Пермский край».

Особенно неистовствовали неофициальные охранители. Открытие научного музея, по их словам, грозило отечеству опасностью.

Указывалось на «безбрежность» программы, «широковещательность» лекций, их «крикливость», даже тенденциозность самого названия (научный), на слишком большое число посетителей научных собраний и т.д.

Устав был все же утвержден с незначительными изменениями, в том числе и в самом названии («научно-промышленный» вместо «научный»).

Благонадежность музея обеспечивалась предоставлением «по должности» почетного председательства пермскому губернатору и введением в совет музея тоже «по должности» представителей различных министерств. Музей по уставу является ученым обществом, которое не только собирает «предметы и коллекции», но и устраивает заседания для научных сообщений, научно-образовательные выставки и экскурсии, издает местные материалы и т.д.

Это общество стремится стать центром местных интеллигентных сил и установить тесную связь с просветительными обществами не только Пермского края, но и всей России.

В небольшой «зале заседаний», увешанной портретами выдающихся ученых, за последние годы прочитано немало интересных докладов по разным отраслям знаний. В «дни свободы» здесь собирались митинги и обсуждались животрепещущие темы дня.

В это время члены музея мечтали о создании народного университета, но мечты остаются пока... мечтами, и в этом виноваты не одни только «независящие обстоятельства».

«Озабочиваясь оживлением просветительной деятельности музея, – читаем мы в отчете его за 1905 год, – совет обратился с воззванием к местной интеллигенции, призывая ее оказать содействие музею: а) давая объяснения коллекций посетителям музея; б) приняв участие в работах по организации подвижного музея наглядных пособий; в) чтением платных популярных лекций и г) сообщениями о новейших открытиях в различных областях знаний».

Для обсуждения того, как организовать это содействие, совет устроил 7 марта 1905 г. частное заседание музея.

Собравшаяся интеллигенция отказалась от всякого содействия на том основании, что лекции и рефераты по «узко-специальным, научным вопросам не вызывают интереса большого круга интеллигенции», а лекции и рефераты «на более общие экономические и общественные темы не будут разрешены администрацией».

В заключение была вынесена резолюция, что «при существующих общих условиях жизни в России никакая плодотворная просветительная деятельность невозможна».

Вынесли резолюцию и разошлись, а совет музея во главе с такими людьми, как П. Н. Серебренников и И. Г. Остроумов, несмотря на «общие условия», продолжал плодотворную просветительную деятельность.

Музей, в собственном значении слова, с каждым годом расширяется и теперь заключает в себе более 80 коллекций и 13 тысяч предметов по зоологии, ботанике, минералогии, палеонтологии, сельскому хозяйству и пр. Заботы неутомимого председателя совета П. Н. Серебренникова направлены теперь на устройство отделов кустарного и художественного. Значение музея лучше всего видно из числа посетителей.

В 1904 году всех посетителей было 17837, а в 1905 г. – 28122, из них 17695 взрослых.

Огромное большинство взрослых составляют крестьяне.

К сожалению, не все посетители держат себя вполне культурно.

Из отчета за 1905 год мы видим, что аквариум пришлось перенести подальше, т.к. «в него бросали окурки, ловили рыб руками, а одна барышня даже положила в него для чего-то муфту». Черепаху замучили до смерти.

«Во время многолюдных осенних митингов сильно пострадали карты и картограммы, висящие в зале, а часть их оборвана и исчезла».

В этих подвигах меньше всего можно заподозрить простых крестьян, которые очень любят свой музей и относятся к нему бережно.

С своей стороны совет прежде всего думает о крестьянах. Им он отдает каталоги музея бесплатно; вход же свободный и бесплатный для всех вообще посетителей.

Хорошее это учреждение – пермский музей, в нем чувствуется большое будущее; он, несомненно, сделается «собранием идей», а не только достопримечательных предметов; он сделается рабочим и крестьянским университетом, он объединит всех культур-

ных работников Перми, он будет частицей той созидательной силы, которая разрушает зло.

Мне было как-то особенно приятно прочитать доклад о кооперативном движении в зале этого музея, и мне особенно дорого было сочувствие, которое я встретил при этом со стороны доктора П. Н. Серебренникова.

П. Н. Серебренникова знает и любит не только вся Пермь, но можно сказать, весь Пермский край. По своим политическим убеждениям он – кадет, и притом не левый, не правый, а просто кадет, считающий свою партию святой, так как она хочет, чтобы «все совершилось по законам, выработанным всем народом».

Мне в нем дороги не его политические убеждения, а его культурно-просветительная деятельность, пробивающаяся через все внешние препятствия.

Свою жизнь, свою душу он вложил не только во врачебную практику, не только в научно-промышленный музей, но в Рождество-Богородицкое попечительство, где ему пришлось действовать в обществе правоверных священников.

Его упрекали, над ним издевались за то, что он связался с попами и просвещал народ «постным маслом», но он, оставаясь верным себе и своим идеалам, продолжал работать в Градопермском Рождество-Богородицком попечительстве, и ему не приходится стыдиться результатов своей работы.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ И ВЗАИМОПОМОЩЬ

Творить благо и любить человека! Что, казалось бы, лучше этого? А между тем в словах «благотворительность» и «филантропия», т.е. человеколюбие, звучит что-то отталкивающее, противное.

С благотворительностью и филантропией для нас связывается представление о тщеславии, лицемерии, ханжестве, притворстве, вообще всех проявлениях лжи. Вспоминаются толстосумы, «благотворящие» для получения орденов и концессий, зловещие старухи, измывающиеся над сиротами, которые имеют несчастье пользоваться их благодеяниями; вспоминаются поучительные картинки, на которых нарядные девочки подают милостыню уличным нищенкам и т.д. Нам понятно, что находятся пролетарии, готовые лучше умереть с голоду, чем принять милостыню из рук иного филантропа.

Характерно, что внесение в программу российской соц.-дем. партии требования «народного фонда для культурных и благотворительных нужд сельских обществ» вызвало резкий протест одного из видных пролетариев.

– Очень возможно, – писал он, – что составители проекта (программы соц.-дем. партии) словом «благотворительность» хотели определить что-нибудь невинное или даже хорошее. Но само это слово противно и оскорбляет ухо каждого демократа, и поэтому его не следовало употреблять. Ни один демократ не может вести политику благотворительности. Благотворительность надо оставить старым барыням, нуждающимся в лестнице, по которой их грешным душам было бы легче взобраться на небо.

В таком направлении шли мои думы, когда П. Н. Серебренников повел меня показывать женскую церковно-приходскую школу³, устроенную пермским Рождество-Богородицким попечительством. Это приходское попечительство – учреждение благотворительное, и я шел с предубеждением. Но впечатление от школы было таково, что мое предубеждение невольно рассеялось.

Изящное двухэтажное каменное здание с хорошим садом. Обширные высокие классы, залитые светом. В них нет ничего казенного, но в них много домашнего уюта. Особенно приветливо выглядит ремесленный класс с цветами и растениями на окнах.

Совет попечительства, в котором руководящая роль до последнего времени принадлежала П. Н. Серебренникову, при постройке школы особенно заботился о свете, простоте и красоте, так как знал, что ее будут посещать дети бедняков, живущих в сырых и темных подвалах и углах.

Дети в школе обучаются бесплатно и бесплатно же получают учебники, классные принадлежности, платье, обувь, чай с хлебом. На лето дети уезжают «на дачу» в детскую колонию, устроенную в здоровой и красивой местности близ Перми.

Устройством этой удивительной церковно-приходской школы для девочек попечительство надеется, «вывести их из власти тьмы», дать возможность в будущем самим вести борьбу с бедностью и способствовать открытию множества, так сказать, домашних школ в тех семьях, где выучившиеся в школе дети будут потом матерями.

«В нашем приходе, – говорит один из отчетов попечительства, – не должно быть ни одного неграмотного прихожанина».

Устраивая школу, попечительство стремится не только «сделать человека лучшим работником, но и работника сделать лучшим человеком».

Своим девизом оно выбирает известное положение, что «все, кто родились людьми, должны быть воспитаны во всем том, что человечно».

Если постановка обучения в школе так же хороша, как обстановка, в которой оно происходит, то попечительство способствует осуществлению своего девиза. Но так ли это? – я судить не могу: я был в школе во время каникул и не видел ни учителей, ни учениц.

Из отчетов несомненно ясно, что ремесленный класс преуспевает и развивается.

Развивается и народная столовая, устроенная Богородицким попечительством.

Учреждения попечительства созданы не столько благотворительностью, сколько трудом интеллигентного работника, оттого в них много жизни и мало лжи; но ложь все-таки есть.

В отчете за 1895 год помещены льстивые благодарности некоторым высокопоставленным благотворителям, в том числе Его Высокопревосходительству г-ну обер-прокурору св. синода статс-секретарю К. П. Победоносцеву, приславшему 100 р. При чтении этих благодарностей невольно коробит.

Я уверен, что П. Н. Серебренников, как председатель совета попечительства, санкционировал эти благодарности в надежде обеспечить себе известную свободу действия при организации школы, но лезть всегда остается лезть, следовательно, – ложью.

В конце концов, Серебренникову все же пришлось уйти из совета – Почему вы ушли, почему вы оставили дело, которое создано вами и которое вы любите так горячо? – спросил я Павла Николаевича, читая на стене превосходной аудитории богородичной школы прощальный адрес, поднесенный ему членами попечительства.

– Длинная история, не стоит рассказывать, – ответил он.

Я заметил, как дрогнул его голос, и я понял, что ему пришлось уйти и пришлось уйти потому, что он был деятелем, а не «благотворителем».

[...]*

* Далее пропущено подробное описание деятельности потребительских обществ в Перми; полностью глава «Внепартийная земская работа»; размышления о состоянии борьбы с алкоголизмом среди рабочих Мотовилихи и др. (ред.)

МОТОВИЛИХА

Большинству читателей Мотовилиха хорошо известна из газетных телеграмм, которые поразительно часто сообщают о ней, как месте всевозможных убийств и грабежей, то с бомбами, то с браунингами; многие знают Мотовилиху и как место, где производятся на казенный счет и для казенных надобностей огромные орудия массового истребления. Дляковки пушек в Мотовилихе сооружен колоссальный молот, заслуживающий названия «царя-молота». Одно время он был, кажется, самым большим во всем мире, и я впервые прочел о нем, как о технической достопримечательности, в одном из номеров немецкого социал-демократического журнала «Die Neue Zeit» [«Новое время»] за 1890 год.

Молот весит 3100 пудов и при действии верхнего пара оказывает давление в 10000 пудов, которым он размягчает стальные брусья и выковыливает из них гигантские пушки.

Наковальня весит 40000 пудов, и в фундамент, на котором она стоит, заложены каменные глыбы в 1500 пудов каждая.

Редкие, глухие удары этого парового молота потрясают почву и слышны, говорят, далеко за пределами завода. Я этих ударов не слышал, так как еще за две недели до моего приезда царь-молот забастовал, быть может, обидевшись, что его создания – гигантские пушки – оказались-таки мало чувствительными для японских броненосцев.

В кузнечно-молотовом цехе царили тишина и запустение.

Сумрачно висела над наковальней стальная глыба молота, и все сооружение почему-то показалось мне похожим на какое-то орудие казни, на какую-то русскую гильотину, которая не отрезывает, а расплющивает головы преступников.

В голове русского человека, в голове, куда ежедневно, как гвозди, мучительно забиваются краткие сообщения о приведении в исполнение смертных приговоров, так многое теперь ассоциируется с исполнителями и орудиями казни.

С каким бы, вероятно, удовольствием пермский губернатор, коллежский советник Болотов положил под этот молот бывшего мотовилихинского мастерового, ныне обер-экспроприатора Лбова!

– Отчего же молот не работает? – спросил я единственного рабочего, что-то вяло прибиравшего в обширном здании кузнечно-молотового цеха.

– Заказов, говорят, нет. Не до пушек теперь.

– А много рабочих занято было при молоте?

– 29 человек.

– Где же они? Рассчитаны?

– Да, рассчитаны.

– Чем же они живут?

– Чем-нибудь да живут.

И я почему-то вспомнил разговор с одним из мотовилихинских служащих, который в самых розовых красках рисовал мне условия труда на мотовилихинском заводе: 8-часовой рабочий день, высокие расценки, выдача заработной платы каждые 10 дней и пр.

– Но ведь производство сильно сокращено, и часть рабочих расчитана, – тем-то каково?

– Тем еще лучше. Они живут припеваючи. Из них многие вошли в шайку экспроприаторов и получают хорошие деньги. Одними угрозами сколько набирают...

Сначала здешние богачи не давали, а теперь как увидели, что дело пошло всерьез, стали давать. Слишком много с них, впрочем, не требуют, а так... вроде умеренного прогрессивного подоходного налога. Кто дал, тот уже спокоен: знает, что не тронут. Мазурики-экспроприаторы, а слово держат.

Своим «чудо-молотом» в Мотовилихе не интересуются ни служащие, ни рабочие. Другое дело – экспроприация и бомба: это у всех на уме и на языке.

Отправляясь в Мотовилиху, я запасся рекомендациями не к экспроприаторам, а к мирнообновленцам.

Один из этих мирнообновленцев, познакомившись с моими кооперативными взглядами, выразил пожелание, чтобы я прочел в Мотовилихе лекцию, но другой мирнообновленец выразил опасение, как бы этою лекциею не воспользовались бомбисты и не устроили какого-нибудь покушения.

– Здесь творится что-то прямо невозможное: дня не проходит без взрыва, грабежа или убийства, – пояснил он, видя мое изумленное лицо.

Даже заводской мальчуган, с которым я встретился при осмотре завода, без всякого с моей стороны повода начал мне рассказывать о взрывах бомб и выстрелах браунингов.

– Вона, намеднясь, недалече от нас, – рассказывал он, – бомба в доме разорвалась. Хозяина-то не было, а хозяйка с грудным младен-

цем дома оставалась. Когда взорвало бомбу-то, и вокруг них как ножом все обрезало, а они невредимы остались, хотя бы царапина... Господь Бог, видно, спас.

– За что же к ним бомбу бросили?

– Да може хозяин-то не захотел в их шайку войти, вот и бросили.

– Ну, а полиция-то старается, ловит?

– Как же не ловить, многих ловят, почитай, кажинный день хватают и сажают...

– Что же, многих схватили из тех, что бомбы бросают да убивают?

– Нет, этих где же схватить?! Этих не хватают, невинных больше берут.

Мальчик говорит это совершенно серьезно, не подозревая, какая злая ирония таилась в его словах.

Пермская полиция во главе с губернатором Болотовым, несомненно, очень старается. Губернатор сам, как читателям известно из телеграмм официозного агентства, руководит ловлей грабителей, но ловят ли при этом настоящих грабителей – вот вопрос, на который я не решусь ответить слишком решительно.

* * *

Но предположим, что коллежский советник Болотов ловит только виновных и ловит успешно...

Можно ли думать, что ему удастся выловить «экспроприацию», уничтожить всю эту вакханалию убийств и грабежей.

Нет, этого думать нельзя, так как г. Болотов, подобно большинству русских губернаторов, боится мирных союзов, собраний, лекций, боится свободы культурной работы, которая одна только может уничтожить эпидемию грабежей и убийств.

Как начальник губернии, обличенный «усиленной» и «чрезвычайной» властью, г. Болотов считает себя обязанным направлять всю жизнь «своей» губернии, регулировать не только поступки, но и помышления всех своих подчиненных, которыми он считает не только исправников, но и всех постоянных и временных жителей Пермской губернии.

Губерния эта очень «трудная», с очень разнообразным составом населения, желающего свободно думать и работать, желающего свободно жить.

Справиться с этим населением г. Болотов, разумеется, не может, поэтому он пытается затормозить жизнь, и ему до известной степени удается поставить преграды нормальному, мирному развитию, но тем беспомощнее он против всевозможных эксцессов.

Творческая деятельность и разумная радость страдают от этой чрезвычайной власти, но разрушение и полный разгул смеются над ней.

Сумрачны лица пермских культурных работников. Они не опускают руки, но болью сжимаются их сердца, когда они видят, что большая часть их усилий, не достигая цели, гибнет под ударами чрезвычайных запрещений.

Веселы лица гуляк, которым «жизнь в копейку» и «море по колено». Они пируют. Характерно, что гуляки, с которыми мне приходилось сталкиваться в Пермской губернии, вместо «пропивать» обыкновенно говорят «пропировать».

Из Мотовилихи я ехал в Пермь на пароходе с веселой компанией, предвкушавшей пермское «пиршество».

«Героем» был здоровый парень в красной феске и каких-то особенных лакированных сапогах с кисточками по бокам. Около него в качестве шута пресмыкался старичок в грязном нанковом сюртуке. Парень гонялся за старичком, старичок взвизгивал, и вся компания гоготала. По окончании дивертисмента старичок подсел ко мне и почему-то сразу заговорил о «шалостях» мотовилихинских мастеровых.

– Что, небось, теперь наша Мотовилиха на весь свет гремит! Прежде только пушки делали, а теперь идею делают. Молодцы ребята, только шутники. Всем, говорят, надо поровну. А как же можно поровну, если я сегодня напирую на двадцать целковых, а ты наработаешь на три целковых, поровну никак невозможно, а пируй, сколько кто может.

– Ну, ты, философ, – крикнул ему герой компании, позвякивая деньгами в кармане своих шароваров. – Где тебе на двадцать целковых напировать, смотри и после целкового под стол нырнешь... А теперича прича-а-ливай. Золотая рота, стройся!

* * *

Оставим пирующих и направимся к работающим. Я прошел по всем цехам огромного завода, захватывающего обширную площадь с десятками зданий. Грандиозного впечатления он на меня не произвел, кипучей работы я нигде не видел. Это объясняется отчасти тем, что

некоторые, особенно эффектные фабрики завода, например, пушечно-закалочная, не работали, но отчасти это объясняется и настроением всех вообще рабочих.

Все мысли, все интересы, по-видимому, направлены «по ту сторону» заводской работы. За последние годы «сознание» сильно выросло, но вместе с тем интерес к процессу работы понизился.

Голову сверлит мысль о политической свободе, а самому изо дня в день приходится сверлить пушечное дуло!

«Сознательные» рабочие Мотовилихи считаются большевиками, и большевиками отчаянными.

– Смотрите, говорил мне один из меньшевиков, – как бы вас в Перми или Мотовилихе не убили тамошние большевики: им придется очень не по вкусу ваша агитация против бомб и вооруженных восстаний, ваша проповедь мирных кооперативов, воздержание от спиртных напитков и вообще «самоусовершенствования»...

Из всех моих бесед с большевиками, и пермскими, и не пермскими, я, напротив, убедился, что они восприимчивы к пропаганде мирных пролетарских средств борьбы.

Если бы возможно было вести пропаганду совершенно свободно на открытых собраниях, то и «большевизм», и «терроризм» исчезли бы, уступив место здоровому рабочему движению, но большие и маленькие Болоты открытой пропаганды самых мирных кооперативов боятся пуще браунингов Лбова...

[...]

Андрей Иванович Фирсов

По Каме

[1907–1908 гг.]

VII

Село Гальяны. – Село Галёво и д. Усть-Речка. – Воткинский завод. – «Мануфактур-Советник». – Дер. Ножовка и село Елово

Пристань Ижевского завода, как упоминалось ранее, находится у села Гальян¹, лежащего на слегка возвышенном правом берегу, в 32 верстах выше Сарапула. Посреди села стоит заурядный храм, обнесенный оградой. Зелени в селе, к сожалению, почти нет*. У заводской пристани несколько складов для хранения ружей, предназначенных к отправке по реке. По берегу разбросаны неизменные лавчонки с мелкими товарами.

За с. Паздеры Кама делает чрезвычайно крутой поворот, после чего принимает в себя справа Сиву, служащую границей Вятской и Пермской губерний. По Сиве от устья реки Вотки на протяжении 50 верст производится сплав.

Любуешься и не налюбишься на простую, но величественную красоту берегов многоводной Камы. Этот вековой дремучий лес, среди которого пихты как священные свечи тянутся к небу, неотразимо манит вас под свою таинственную сень. Кругом природа словно совершает священнодействие. Как-то невольно уходишь от пошлого мира, от повседневных дрызг и чувствуешь, что мир снисходит на тебя, что душа становится восприимчивее ко всему хорошему, ко всему доброму, что ты преобразился... Так велико и благотворно влияние этой великой природы матери. Оживленная Волга с бесчисленными селениями – калейдоскоп с постоянно меняющимися картинами – не дает вам того целебного бальзама, который с избытком воляет в вас дивная Кама.

А наших винтеров² не трогает красота природы: с утра до ночи сражаются на зеленом поле. Алексей и Никифор то и дело переносят их стол от жгучего солнца с одной палубы на другую. Интересная компания: отставной генерал с разбитыми ногами, еле передвигающийся с

* Бросается в глаза почти совершенное отсутствие садов в большинстве прикамских сел. (Примечание А.И. Фирсова).

помощью палки; казанский помещик без правой руки, которому для держания карт делают из картона пюпитр; купец пудов десяти весом, с бритой головой; и разбитый параличом, почти глухой чин одного ведомства. Ничего, игроки были симпатичные: три дня винтили и не только не передрались, но даже ни разу и не побранились.

Вокруг Костоватовского острова проходит воложка, на которой у левого берега в 1885 г. были устроены каменные плотины, впрочем, постепенно разрушающиеся. Против острова – горный Костоватовский перекаат. Фарватер реки здесь довольно узок.

На нагорном, чрезвычайно живописном правом берегу, на расстоянии трех верст друг от друга, расположены село Галёво и деревня Усть-Речка, у которых находятся имеющие важное значение пристани Воткинского (или Камско-Воткинского) казенного завода, отстоящего отсюда в 12 верстах. К последнему от Галёва проведена в 1896 году железная дорога; под горой, на самом берегу реки устроена станция, от которой железнодорожное полотно красиво вьется вверх.

Воткинский завод был основан в 1759 году Шуваловым, но вскоре перешел в казну и ныне находится в ведении Министерства земледелия и государственных имуществ. Он расположен у огромного пруда (в 13 квадратных верстах), образуемого слиянием речек Вотки и Шаркана. Главное производство завода, работающего как водой, так и паром, составляют: постройка пароходов, локомотивов, различных машин и сельскохозяйственных орудий. Между прочим, здесь была изготовлена часть паровозов для Пермь-Котласской и Сибирской железных дорог. Пароходы, а равно и паровозы на баржах сплавляются в полую воду по реке Вотке, впадающей в Каму ниже с. Галёва. Население завода достигает 21 тысячи; главный заработок оно, конечно, имеет от завода, хотя в то же время оно вырабатывает в большом количестве тарантасы и коробки к ним.

Между Галёвым и Усть-Речкою на берегу стоит Камско-Воткинский завод, составляющий отделение главного завода.

В 1840 году на Воткинском заводе родился наш знаменитый композитор, творец «Евгения Онегина», Петр Ильич Чайковский, отец которого был здесь окружным горным инспектором³.

Наш красавец «Мануфактур-Советник» был построен на Воткинском заводе и вступил в навигацию в 1907 году. Я окончил в нем третий рейс и начал четвертый. По своим размерам и роскоши он немногим уступает лучшим скорым меркурьевским пароходам, столь прославлен-

ным по Волге («Императрица Мария Феодоровна», «Великая княжна Ольга Николаевна», «Фельдмаршал Суворов»). Особенно роскошно отделаны на нем столовая и гостиная первого класса. Как эффектно они вечером, когда бывают залиты электрическим светом! Между прочим, в столовой устроен электрический вентилятор, а в гостиной на письменном столе стоит ветряная мельница, приводящаяся в движение электричеством и отлично освежающая воздух. Но к сожалению, эти предметы современного комфорта устроены с обычной русской непредусмотрительностью, они действуют лишь вечером и ночью, когда работает электричество, а днем, в знойную пору, они, когда именно и удовлетворяли бы своему назначению, бездействуют. Кухня на пароходе образцовая, сервировка отличная, такса кушаньям и напиткам низкая, причем порции дают громадные, которые в пору съесть только двум человекам*. Если вы возьмете билет, например, от Нижнего до Перми и обратно, то вам сделают 10 процентов скидки не только с провозной платы, но и со счета буфетчика. «Мануфактур-Советник» прекрасный ходок. Мы ни разу не шли полным ходом, делая в час 18 верст, при полном же ходе он развивает скорость до 25 верст в час. Одновременно с «Мануфактур-Советником» построен на Воткинском заводе и вступил в навигацию «Граф Строганов». Оба парохода, совершенно одинаковые, принадлежат крупному и богатому акционерному обществу «Иван Любимов и К^о», к которому перешло все пароходное дело известного «соляного короля» Ивана Ивановича Любимова, умершего несколько лет тому назад.

– Почему же общество сдало постройку пароходов казенному заводу, а не строило их на своем заводе? – спросил я лицо, причастное к обществу.

– Да очень просто: самим было невыгодно строить. Казне мы заплатили за каждый пароход по 185 тысяч рублей, а ей они стали почти по 300 тысяч рублей. Как видите, расчет наш оказался более чем выгодный.

А в то время, когда Воткинский завод достраивал названные пароходы, общество успешно оканчивало переговоры с северным пароходным обществом «Котлас–Архангельск–Мурман» о постройке для последнего двух “американцев” для рейсов между Вологдой и Архангельском...

* Например, обед из 4 блюд с кофе или чаем стоит 1 р. 10 к. Порция стерляди или уха из нее – 70 к., порция свежей икры 1 р. 10 к. (Примечание А.И. Фирсова).

К моему глубокому сожалению, в следующем году я не имел возможности снова совершить путешествие по Каме на этом прекрасном пароходе: в навигацию 1908 года «Мануфактур-Советник» и «Граф Строганов» перешли на линию Нижний–Астрахань и плавали под флагом товарищества «Русь» (бывшая компания «Надежда»).

Очень высоко на правом берегу стоит д. Ножовка, в 15 верстах от которой находятся три железодельных завода Демидова, которому принадлежит здесь 56 тысяч десятин земли, а через несколько минут хода после этой пристани мы остановились у села Елова, расположенного на левом берегу. Пристань этого богатого села ведет значительную хлебную торговлю. В селе несколько паровых мельниц, а берег засыпан хлебными амбарами.

VIII

Село Частые. – Оса. – Оханск. – Село Таборы. –
Село Усть-Нытва и Нытвенский завод

Берега Камы становятся все красивее и красивее. Высокий, крутой красный берег кажется неприступным. Все характернее становится левый берег с своими отрогами Уральских гор. Все чаще и чаще среди леса возносится темная пихта. Широко раскинулся лес и по левой понижи. Впереди – леса и леса. Солнце жжет немилосердно. Горячий воздух насыщен испарениями, и дальние леса кажутся подернутыми синью. Кама льется, продолжая по-прежнему тихо нести свои полные воды.

– Удивительно, как нынче «экспроприаторы» не обратят своего благосклонного внимания на волжские и камские пароходы, – беседовал я с командиром. – Ведь сломать тонкие переборки почтовой каюты не стоит ровно никакого труда, а какое сопротивление могут оказать разбойникам два беззащитных почтовых чиновника!

– Совершенно верно. Достаточно сюда явиться двум или трем отчаянным головорезам с браунингами, и весь пароход будет в их полном распоряжении. Мы не вооружены, а с кулаками на них ведь не полезешь. В прошлом году пароходчики ходатайствовали перед правительством о разрешении вооружить команды. Не тут-то было – не разрешили! «Вы еще бунт устроите». А какой тут черт будет бунт устраивать! Моя команда плавает со мной с молодых лет, и за благонадежность каждого матроса я ручаюсь головой. Друг за друга постоим. И такие надежные команды ведь на всех пароходах.

И наши опасения, к несчастью, оправдались всего через несколько дней после этого разговора...

Замечательно красив поднявшийся левый берег.

На припавшем к воде правом берегу стоит большое село Частые, ведущее крупную хлебную торговлю. Против села на реке разбросаны «Частые» острова, и Кама здесь сильно суживается. За селом, одна за другой, находятся деревни с поразительным названием – Согрешиловка и Ерзовка. У последней Кама образует страшную крутую излучину.

Незаметно подошли к Осе. Этот плохонький городок Пермской губернии, имеющий всего 5 тысяч жителей, лежит на очень низком левом берегу, в 3 верстах от реки. Он был основан в 1596 году под именем Новоникольской слободы; позднее числился пригородом Казани, а в 1737 году был включен в Уфимскую провинцию. Служа наблюдательным пунктом за башкирами, город по тому времени был сильно укреплен. В 1774 году он был разграблен пугачевской бандой, а в 1796 году был назначен уездным городом Пермской губернии.

Торгово-промышленное значение города невелико. Жители занимаются производством рогож, кулей и веревок. Осинская пристань ведет довольно крупную отпускную торговлю хлебом, лесом и льном. Обороты пристани в некоторые годы достигают 600000 рублей. В городе имеются: женская гимназия, городское и несколько начальных училищ и ... казенный винный склад. Близ пристани красивый сосновый бор.

– Не знаете ли, почему город имеет такое странное название? – спросил я местного обывателя.

– А во времена Пугачева здесь были дремучие леса, в которых водилось несметное число ос. А как пооголили здешние места, так осы и пропали.

Против Осы лежит у прекрасного бора д. Монастырка. Деревянная часовенка опоясана купою деревьев. Красивое, уютное местечко.

Берега становятся все круче и грандиознее. Темные пихты совсем запленили их. Настоящих Уральских гор еще нет, но отроги их уже перед нами. Перед громадою берегов даже наш гигант «Мануфактур-Советник» кажется лишь небольшим движущимся домиком. Живительный смолистый запах несется с берега. Медленно спускаются сумерки. Легкая дымка окутала горную даль и синеву лесов. Наступила великолепная северная ночь. Но это не та белая ночь, которой я любовался на Северной Двине близ Архангельска, когда полуночное солнце скрывалось на какой-нибудь час. Это не та белая ночь, которая всегда пленяла меня в Петербурге или Финляндии, среди которой можно свободно читать и писать. Это была не белая, а бледная ночь.

Ночью мы простояли несколько минут у Оханска.

Этому жалкому городишку Пермской губернии, имеющему менее 2 тысяч жителей, более приличествовало бы быть селом, чем он вначале и был. Он был основан в начале XVII века Строгановыми в нескольких верстах ниже того места, где он находится теперь, с целью развития на Каме своих рыбных промыслов и назывался Оханым*. Вследствие частых размывов песчаного берега, на котором он находился, его перенесли на то место, которое он занимает ныне. В 1796 году Оханск сподобился стать уездным городом.

Почти против Оханска в Каму впадает р. Юг, на которой в 10 верстах от устья находятся крупные Юго-Камский железодельный завод, Варваринская⁴ листопрокатная и проволочно-гвоздарная фабрики, принадлежащие графине Е.А. Воронцовой-Дашковой, к которой они перешли по наследству от графа П.П. Шувалова.

– Ну и хорош же наш Оханск, – жаловался мне чиновник, недавно попавший в эту трущобу, – и город же, с позволения сказать! Знаменитое щедринское Пошехонье, пожалуй, окажется столицей сравнительно с Оханском. Я полгода тому назад приехал сюда, а до сих пор не могу даже немного освоиться со здешними нравами. Здесь не люди, а какие-то дикари. Вот кого не назовете вы культурными людьми. Умственных запросов никаких, литература для нас пустой звук; что творится на белом свете – это нас не касается. В сплетнях, картежной игре, питье водки и пива проходит все время. Летом публика хоть часто устраивает пикники, – конечно, с изрядным пьянством, а зимой усиленно заседает в портерных. Представьте себе, ведь в городе даже клуба нет. Нет, здесь не Европа, а какая-то Папуасия. Если меня скоро не переведут отсюда, то чувствую, что либо повешусь, либо сопьюсь.

Да, вспомнишь слова Некрасова: здесь «сон непробудный царит». Беда сюда попасть на службу молодому неустановившемуся человеку!

По правому берегу растянулось длинной полосой богатое торговое село Таборы. В селе почти втрое более жителей, чем в самом уездном городе (Оханске). Здесь находятся железные склады и грузовая пристань Очёрского и его вспомогательного Павловского заводов графа С.А. Строганова. Оба завода выделяют ежегодно до 400000 пудов листового кровельного железа. У села по Каме разбросаны Верхние и Нижние Таборские острова.

* Охан по-пермяцки – рыболовный снаряд. (Примечание А. И. Фирсова).

От с. Табор до д. Усть-Нытвы на протяжении десяти верст правый берег засыпан деревьями.

При впадении р. Нытвы в Каму на правом берегу лежит д. Усть-Нытва, где расположены склады и пристань Нытвенского железодельного, чугуноплавильного и литейного завода⁵, отстоящего от Камы на 7 верст. Завод был основан в 1756 году и до последнего времени принадлежал князю Голицыну или графу Строганову (точно не помню), а в настоящее время он является собственностью Камского акционерного общества, во главе которого стоят французы. Завод выделяет одного листового железа до миллиона пудов. Заводу принадлежит немного земли – всего 28 S тысяч десятин, из которых 18 тысяч десятин заняты лесом!

Правый берег до Перми сплошь покрыт лесом, а по левому тянутся поля.

В 12 верстах от Перми по правому берегу на протяжении пяти верст протянулся поселок Курья, весь состоящий из дач, красиво выглядывающих из темной зелени хвойного леса. В поселке есть изящная деревянная церковка. Сообщение дач с городом поддерживается пароходиками.

IX

Пермь. – Прошлое города. – Улицы. – Электрическое освещение. – Кафедральный собор. – Сибирская улица и Сибирская застава. – Общественный сад. – «Центральные номера». – Современный Ринальдо-Ринальдони. – Отвал парохода

В 7 часов утра «Мануфактур-Советник» ошвартовался у пермской пристани. Поднявшись на мостик от отличного любимовского дебаркадера и пересекши улицу, вы уже находитесь на железнодорожном вокзале, в сером, мрачном здании.

Первоначально на месте нынешнего города находилась деревня Брюханова или Брюшниковая (Егошиха тож), основанная Строгановыми на реке Егошихе. В 1722 году по инициативе В.Н. Татищева инженером В.И. де Генниным был устроен медеплавильный завод, быстро приобретший известность в торгово-промышленном отношении, так как около него на Каме начали останавливаться суда, груженные металлами уральских заводов. Здесь образовался рынок, на который начали съезжаться не только окрестные жители, но и издалека. В 1778 году через завод проезжал казанский губернатор князь Мещерский, который и выбрал его

как удобное место для предполагавшегося нового города. Через три года после этого здесь и была основана Пермь.

Город расположен на высоком левом берегу, в 836 верстах от устья Камы и в 15 верстах от слияния последней с рекой Чусовой. Как город новый, он совершенно правильно распланирован. Широкие прямые улицы, хорошо вымощенные, по крайней мере в центре, пересекают его во всех направлениях. Город не велик*, и обойти его весь не представляет большого труда. Главную улицу, Сибирскую, идущую во всю длину города от набережной до Сибирской заставы, можно пройти в 10-15 минут. Город освещается электричеством. Ни в одном губернском городе я не видал такого большого количества фонарей, расставленных на улицах, как именно в Перми. Вообще пермяки питают слабость к электричеству: они осветили им не только собор, но и все приходские церкви, а в домах поместили более чем необходимо электрических лампочек. В 1906 году в городе устроен водопровод.

В городе немало прекрасных каменных домов, из коих некоторые выделяются своими размерами и архитектурой. Укажу, например, на дом пароходовладельца Н.В. Мешкова на набережной и дом крупных чаоторговцев Грибушиных на Покровской улице. Эти два дома – настоящие палаццо.

В сущности для туриста Пермь представляет мало интереса. Человеку, застрявшему здесь без дела, стоит побродить по улицам, осмотреть собор, научно-промышленный музей⁶ и театр.

Очень хорош кафедральный собор во имя св. Стефана Пермского. Он стоит на самом высоком пункте набережной, откуда открывается великолепный вид на Каму и Закамье. Поднявшись по нескольким ступеням, вы входите в широкий притвор, украшенный картинами из жизни великого просветителя зырян. Собор имеет два храма: зимний и летний; в последний вы можете пройти через алтарь первого. Особенно хорош зимний храм. Высокий, светлый, украшенный хорошей новой живописью, он производит очень хорошее впечатление. Здесь находится глубоко чтимая населением чудотворная икона Божией Матери, украшенная дорогой ризой. У амвона стоит архиерейский посох св. Стефана. У столба, около притвора,

* По переписи 1897 г. в Перми оказалось всего 45403 жителя. – (Примечание А.И. Фирсова).

помещается небольшой явленный образ св. Стефана. Он был случайно найден в соборе за шкапом с совершенно новым чистым полотенцем. Какой-то благодетель пожертвовал на образ серебряную ризу и большой серебряный венок. В храме хранятся несколько стягов «союза русского народа». В летнем храме замечателен старинный, многоярусный, художественной работы золоченый иконостас, перенесенный сюда из упраздненного Пыскорского Преображенского мужского монастыря, находившегося в верховьях Камы в с. Пыскорском, близ заштатного города Дедюхина. Собор отличным зимним садом соединен с архиерейским домом.

На Сибирской улице находятся лучшие магазины, вообще неважные, и большинство присутственных мест. Пройдя несколько шагов по ней от набережной, вы увидите налево недурной сквер, сзади которого стоит громадное, прекрасное кирпичное здание зимнего театра, которому может позавидовать любой губернский город. Далее старинный, с треснувшими арками и покоробленными плитными полами гостиный двор. На той же левой стороне стоит большой деревянный, с массивными колоннами дом дворянского собрания. К последнему примыкает флигель, в котором устроены «Клубские номера», едва ли не лучшие в городе. Вот мы и дошли до знаменитой Сибирской заставы, являющейся единственным историческим памятником в городе. Мимо этих двух громадных столбов, увенчанных орлами, прошли миллионы несчастных в далекую Сибирь... Около заставы стоят обширные казармы конвойной команды, которой еще недавно приходилось сопровождать этих несчастных в «места отдаленные». А теперь к казармам приткнут обширный пивоваренный завод Дедюхина.

Непосредственно за заставою находится прекрасный общественный сад. В лучшей его огороженной части, в обширном деревянном здании летом помещается общественное собрание. Здесь вы можете отлично и дешево пообедать. По вечерам в саду играет оркестр музыки.

Лучшие гостиницы в городе – «Клубские номера» и «Центральные номера» Шайдурова. Я останавливался в последних. Эта гостиница находится на самом бойком месте, на углу Сибирской улицы и набережной, носящей название Монастырской улицы. За 3 рубля 25 копеек мне дали огромный номер с прекрасной обстановкой. Вечером в нем, при свете шести электрических лампочек, хоть бал устраивай. Но удивительно у нас в России соединение внешней роскоши и

европейских изобретений с азиатчиной! Горничная щеголяет в fanchon*, а лакей шлепает в стоптанных туфлях и ночной сорочке. В номере бархатная мебель, искусственные пальмы (довольно скверные), туалетное и два зальных зеркала, шесть электрических лампочек, а спать на кровати нельзя: едва я заснул, как уже вскочил, словно ужаленный, – полчища клопов буквально засыпали простыню. Такой массы этой нечисти я не встречал даже на наших отвратительных постоянных дворах. Ну не самая ли характерная смесь французского с нижегородским!

При гостинице имеются красивая столовая и гостиная с роялем, вечером по пермскому обычаю, конечно, заливаемые электрическим светом. В гостиной есть два или три бюста Соломеи. Мне думается, что г. Шайдуров не без умысла избрал для украшения своего отеля изваяния классической танцовщицы: пышные формы и толстые губы дочери Иродианы⁷ сильно напоминают таковые же прелести пермских красавиц. Стол в гостинице вполне удовлетворителен и дешев.

Против гостиницы, у кручи берега сквер с чудосочными деревцами, носящий название Козьего загона. Но какой чудный вид открывается отсюда! Внизу струится красавица Кама. То пробежит по ней пассажирский пароход, то проползет, тяжело пыхтя, буксир с баржами; бесчисленные лодки бороздят ее тихие воды. У самой подошвы горы вьется железнодорожное полотно. По низкому правому берегу стеной стоит дремучий лес; на десятки верст ушел он туда, вглубь материка, даль и ширь его не объять глазу. Налево над рекою повис грандиозный, но чрезвычайно изящный, словно ажурный, железнодорожный мост. Направо за городом виден другой город – Мотовилиха, знаменитый казенный пушечный завод. Там все окутано густым, непроницаемым дымом. Кама в Перми не уже Волги в Ярославле, но гораздо многоводнее ее.

В Перми я был приятно поражен отсутствием велосипедистов; за два дня пребывания там я видел лишь одного несчастного, и тот ехал тихо, скромно и в сторонке от прохожих.

Героем дня в городе во время моего пребывания в нем был разбойник Лбов⁸, бывший унтер-офицер Преображенского полка. Его имя с трепетом и с каким-то почтением произносилось всюду. Этот современный Ринальдо-Ринальдини⁹ своими подвигами, пожалуй, зат-

мил славу своего легендарного предшественника. Рассказывали, что он высокого роста, плечист, строгий брюнет с бледно-матовым лицом, носит темную бородку. Обладает он неслыханным мужеством, способностью найтись в самые критические минуты, искусством превращаться, по мере надобности, из юноши в старца и наоборот и даже долей благородства и великодушия. Будучи необычайно энергичным и подвижным, он сегодня утром во главе своей банды грабит и убивает в Перми, а вечером слава об его «экспроприаторских» успехах гремит уже за несколько десятков верст от города. Вся полиция поднята на ноги, а поймать его не может – у нее на глазах он безнаказанно исчезает со своими разбойниками.

Я не буду перечислять целого ряда изумительных по дерзости преступлений Лбова, но расскажу про беспримерное ограбление им пассажирского парохода. Этот грабеж был до того необычен, что в телеграфном агентстве сначала не поверили сообщению корреспондента, полагая, что это лишь плод его досужей фантазии.

В 9 часов знойного вечера 1 июля 1907 года «Анна Степановна Любимова» отвалила от пермской пристани. На пароходе было 500 пассажиров и около 20 человек команды. В почтовом отделении перевозились 42 тысячи рублей казенных денег. Атаман и его 11 или 12 присных заняли места в разных классах. Один из них сошелся с урядником, ехавшим в третьем классе и, дружески беседуя, выпивал с ним. Около часу ночи пароход приближался к Нытве (в 70 верстах от Перми). Большинство пассажиров уже спали. Раздался сигнальный выстрел. Это убил спящего урядника бражничавший с ним разбойник. Тотчас же со всех концов открылась пальба.

– Ложись! Не шевелись – стрелять будем! Не двигаться с места! – командовали милые экспроприаторы...

Среди команды и пассажиров началась паника. Многие падали ничком на пол и не шевелились, другие как бы оцепенели. Второй жертвой пал матрос Петр Маяков, который, слышав выстрел, растерялся и бросился бежать. Разбойник, думая, что матрос хочет его обезоружить, в упор положил его на месте. Третьим погиб отставной артиллерийский унтер-офицер, которого, очевидно, приняли за жандарма. Шальными пулями оказались ранеными трое пассажиров 3 и 4 классов, из коих один серьезно.

Наведя панику на всех и тем обеспечив себе свободу действий, часть грабителей направилась к машинному отделению.

* fanchon – косынка (фр.).

– Брось работу! – раздался крик кочегару.

Раздался выстрел, но пуля пролетела мимо. Двое разбойников явились к машинисту.

– Застопорь машину. Стрелять будем! – командовали лбовские молодцы.

Раздались выстрелы и один за другим два взрыва. Это рвались пегарды, брошенные в машинное отделение. Взрывом повредило питательную от котла трубу. В то же время разбойники стали обстреливать капитанскую рубку. Командир Матонцев, высокого роста, довольно полный, с рыжеватой бородой мужчина, вахтенные матросы и боцман присели. Несколько пуль пронизали рубку. Одной из них командир был ранен навывлет в ногу. Истекая кровью, командир приказал стать на якорь. В это время в рубку вбежала обезумевшая от страха жена командира. Видя, что муж уже начинает терять сознание, она бросилась в столовую первого класса и стала умолять пассажиров помочь мужу. Нашлись смельчаки, которые на полотенцах и перенесли его в каюту.

Паника на пароходе была страшная; женщины и дети рыдали, некоторые дамы бились в истерике, кто-то прощался. По предложению одного пассажира первого класса решено было открыть каюты и встретить грабителей с кошельками и ценностями в руках.

Так и сделали. Послышались шаги. Это шел сам атаман с широким кожаным поясом, за которым торчали четыре револьвера. В правой руке он держал револьвер, а в левой кинжал. Его сопровождала вооруженная свита. Пассажир протянул руку с кошельком и стал умолять о пощаде.

– Нам ваши деньги и жизнь не нужны. Мы снимаем только царские деньги, – с достоинством произнес великодушный Лбов. – Не волнуйтесь: мы убиваем только тех, кто в мундирах.

Одновременно на нижней палубе происходил разгром почтового сундука. Грабители принялись было подпиливать железные скобы громадного сундука, установленного над машиной. С одной скобой справились быстро, а другая не поддавалась. Два разбойника направились к каюте почтового чиновника. Тот спал. Его разбудили и, держа перед лицом револьверы, заставили его отдать ключи. Тогда в каюту чиновника втолкнули и почтальона; заперли их и приставили к ним караул. Разборка почты заняла минут 30–40. Разбойники не торопились и начали отбирать официальные бумаги. Кстатi ограбили и пароходную кассу. Затем трое молодцов направились к буфету. Буфетчик с женой и горничной заперлись у себя в каюте и молча лежали на полу. Раздался громкий стук.

– Провизия нужна. Отворите.

Дрожа от страха, буфетчик отпер дверь.

Разбойники ввалились в буфет и положили перед собой по револьверу.

– Не бойтесь. Ничего с вами не сделаем. Какая есть провизия?

И приказали завязывать в узлы черный и белый хлеб, колбасу, две бутылки коньяку.

– Сколько с нас?

– Ничего не надо, – замахал руками буфетчик.

– Мы в милостыне не нуждаемся. Говори, сколько?

– Три рубля.

– Мало. Бери больше.

Однако оставили три рубля и удалились.

По сигналу атамана, которому доложили об окончании грабежа, разбойники спустили пароходную шлюпку на воду и стали в нее перебираться.

– Не двигаться с места! Кто тронется, убит будет, – раздалась команда, и шлюпка отвалила.

С лодки послышался свист; таким же свистом ответили с берега, где среди леса горел костер. «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» несло по сонной реке. Через несколько минут костер на берегу погас, а до пассажиров донесся конский топот по направлению к селу Ново-Ильинскому...

Экспроприация 42 тысяч казенных денег и преждевременная насильственная смерть нескольких ни в чем не повинных людей...

Это ли не сюжет современному Вульфису для захватывающего своим интересом криминального романа.

Через год после этого неслыханного на русских реках разбоя я плыл на «А.С. Любимовой» из Перми в Казань. Матрос с дрожью в голосе рассказывал про ужасы роковой ночи и показал мне то место, у которого разбойники высадились с парохода. Это место против Старой Нытвы, на невысоком левом берегу, заросшем густым молодым лесом.

17 февраля 1908 года Лбов был схвачен в Нолинске, где он убил стражника, пытавшегося его задержать. 22 апреля вятский военно-окружной суд приговорил его за это убийство к смертной казни, и 1 мая в Вятке, в стенах тюрьмы, он на виселице покончил свою разбойничью жизнь.

Командир Матонцев остался хромым на всю жизнь. Почтовый чиновник, уволенный со службы за неказание сопротивления разбойничьей банде, через несколько месяцев скончался, оставив без всяких средств к существованию большую семью...

«Мануфактур-Советник» разводил пары. Крючки с криком и гиканьем таскали с пристани в трюм парохода огромные тюки и ящики. Пассажиры всё прибывали и прибывали. В столовых обоих классов пермяки закусывали и выпивали. На палубе было целое гулянье. Ровно в 9 часов вечера раздался третий свисток. Наш милый командир, стоя на командирском мостике, отрывисто командовал в рупор: «Вперед! Тихий ход! Средний!..» «Мануфактур-Советник» незаметно отделился от дебаркадера и побежал вниз. На пристани и берегу что-то кричат, машут платками. Как я был счастлив, что мне предстояло еще три дня любоваться красавицей Камой.

Примечания

Елена Георгиевна Власова

**В контакте с пространством:
образ Урала в литературе путешествий XIX – начала XX вв.
(Вступительная статья)**

¹ Немалая часть поездок ученых путешественников – И.И. Лепёхина, Н.П. Рычкова, П.-С. Палласа, И.-П. Фалька – была возможна только верхом.

² *Белл Дж.* Белёвы путешествия чрез Россию в разные азиатские земли, а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь. – СПб., 1776; *Латкин В.Н.* Дневник Василия Николаевича Латкина, во время путешествия на Печору, в 1840 и 1843 гг. – СПб., 1853; *Дмитриев В.* И мое путешествие в дикие страны отечества. Ореады. 1809; *Вигель Ф.Ф.* Записки. – М., 1864; *Белов И.* Путевые заметки и впечатления по восточной европейской России. – М., 1852; *Мартынов А.Е.* Живописное путешествие от Москвы до Китайской границы. – СПб., 1819; *Мельников-Печерский П.И.* Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь // Отечественные записки. – 1839-1842; *Вердеревский Е.А.* От Закавказья до Зауралья. – М., 1857, и др.

³ *Латкин В.Н.* Дневник Василия Николаевича Латкина, во время путешествия на Печору, в 1840 и 1843 гг. – СПб: Тип. Имп. Акад. наук, 1853. – С. 56.

⁴ *Немирович-Данченко Вас. И.* Кама и Урал. – СПб., 1890; *Левитов И.С.* От Москвы до Томска // Русская мысль. – 1883; *Шмурло Е.Ф.* Волгой и Камой // Русское богатство. – 1889; *Кельцев С.А.* Из поездки на Урал. – М., 1888; *Рейхельт Н.Н.* По северу и югу // Исторический вестник. – 1909; *Фирсов А.И.* По Каме // Исторический вестник. – 1910; *Макк А.А. (Городков А.А.)* Кама: (От Чердыни до Перми) // Светоч и дневник писателя. – 1913; *Поссе В.А.* По Европе и России: Наблюдения и настроения. – СПб., 1909, и др.

⁵ *Макк А.А. (Городков А.А.)* По Каме // Светоч и дневник писателя. – 1913. – № 11. – С. 6.

⁶ *Макк А.А. (Городков А.А.)* Указ. соч. С. 6.

⁷ Появился маршрут от Нижнего Новгорода до Самары и степью до Оренбурга. В частности, он описан в путевых записках: *Ст.* «Оренбургская почта» в «Библиотеке для чтения» 1857 г.

⁸ Имеются в виду путевые отчеты о поездках на север Прикамья: *Хребтов А.К.* Село Нырб // Исторический вестник. – 1906; *Ончуков Н.Е.* По Чердынскому уезду: Поездка на Вишеру, на Колву и на Печору // Живая старина. – 1901; По горной Вишере // Новое дело. – 1902; *Белдыцкий Н.П.* Очерки Вишерского края. – Пермь, 1899.

⁹ Путешествие по Уралу на поезде описывали *Э.П. Янышевский* (Уральская горнозаводская железная дорога и Верхотурский край: путевые впечатления. – Пермь, 1887); *С.А. Кельцев* (Из поездки на Урал. – М., 1888); *Д.Н. Мамин-Сибиряк* (От Урала до Москвы // Русские ведомости. 1881–1882); *Н.Д. Телешов* (За Урал. – М., 1897); *А.А. Колычев* (От Томска до Яренска. Дорожник по Сибири и Азиатской России. 1901); *Н.Н. Рейхельт* (По северу и югу // Исторический вестник. 1909), и др.

¹⁰ К. Я-ский (Колычев А.А.) От Томска до Яренска // Дорожник по Сибири и Азиатской России. – 1901. – Кн. 3. – С. 7.

¹¹ Телешиов Н.Д. За Урал: Из скитаний по Западной Сибири // В Парме. – Пермь: Кн. изд-во, 1988. – С. 308.

¹² С.Г-н (Геммельман С.) По Богословской дороге // Пермские губернские ведомости. – 1906. – 20 июля. – С. 3.

¹³ Мамин-Сибиряк Д.Н. От Урала до Москвы // В Парме. – Пермь: Кн. изд-во, 1988. – С. 285.

¹⁴ Станюкович К.М. В далекие края // Станюкович К.М. Полн. собр. соч. – Т. 5. – СПб., 1907. – С. 446-447.

Филипп Филиппович Вигель

**Записки
1805–1806 гг.**

Печатается по изданию: Записки Филиппа Филипповича Вигеля. – Ч. 2. – Издание «Русского архива» (с подлинной рукописи). – М.: Университетская типография, Страстной бульвар, 1892. – 240 с.

Ф. Ф. Вигель (1786–1856) – автор интереснейших мемуаров, охватывающих период с конца XVIII в. до 1830-х гг. В круг его знакомых входили самые известные в России политические и общественные деятели, писатели, в том числе и А. С. Пушкин. В 1805 г. Вигель побывал в Перми, направляясь в Китай в составе посольства, а в 1806 г. – возвращаясь обратно. Таким образом мы располагаем описанием города Перми начала XIX века, губернатора К. Ф. Модераха и его семейства, Д. В. Дягилева и многих других.

¹ Какси – в настоящее время поселок в Можгинском районе Удмуртской республики. Можги – в настоящее время город Можга, районный центр Удмуртской республики. Пумсы – в настоящее время деревня Пумси в Сюмсинском районе Удмуртской республики. Бокчегурты – по-видимому, имеется в виду деревня Пачегурт, в настоящее время в Увинском районе Удмуртской республики. Чемошур – в настоящее время в Удмуртской республике есть несколько деревень с названием Чемошур.

² Злобин Василий Алексеевич (1750–1816) – винный откупщик из города Вольска. Имел винные откупа в Пермской и Сибирской губерниях. В Перми питейное заведение Злобина было в доме, купленном им у И. Д. Прянишникова, председателя казенной палаты. С 1843 года в этом доме жили пермские губернаторы.

³ Юшковы, Иван Осипович и Наталия Ипатовна – казанские дворяне, имевшие поместье и винокуренный завод в селе Гоньба, расположенном на пересечении Казанского тракта с рекой Вяткой, где была паромная переправа. Они запомнились Вигелю своим радушием и гостеприимством.

⁴ Дом губернатора и губернское правление находились в это время на площади у Петропавловского собора, сгорели в 1842 г.

⁵ Мансуров Борис Александрович – губернатор Казани в 1804–1814 гг.

⁶ Сухтелен был братом генерал-инженера П. П. Сухтелена (1788–1833), создателя российского генерального штаба.

⁷ Нелидов – один из родственников Е. И. Нелидовой – фрейлины императрицы Марии Федоровны, фаворитки Павла Первого.

⁸ Фелицата Турчанинова – владелица Сысертских заводов.

⁹ Речь идет о ставшем впоследствии знаменитым сражении при Аустерлице, городе в Моравии, во время русско-австро-французской войны. Аустерлицкое сражение – решающее сражение между русско-австрийскими и французскими войсками – состоялось 20 ноября (2 декабря) 1805 г. Это была битва трех императоров: Александра I, Франца I и Наполеона I, все трое лично присутствовали при сражении. Главные силы русско-австрийской армии были разбиты французскими войсками и отошли с тяжелыми потерями. Данные о количестве убитых и раненых разнятся, но историки сходятся в том, что потери союзников во много раз больше, чем в рядах французской армии. Победа при Аустерлице показала превосходство новой военной системы Франции, она завершила поражение 3-й антифранцузской коалиции. Австрия вышла из войны, подписав 6 декабря 1805 г. (ст. стиль) Пресбургский мир с Наполеоном, главным условием которого было немедленное удаление русских войск.

Лаврентий Алексеевич Загоскин

**Заметки жителя того света
1839 г.**

Печатается по изданию: Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842–1844 гг. – М.: Гос. изд-во географической литературы, 1956.

Статья опубликована также в книге: *Загоскин Л. А.* Путешествия к американским берегам / Л. А. Загоскин, Г. И. Шелихов. – М.: Дрофа, 2007. – 623 с.: ил. – (Библиотека путешествий).

Л. А. Загоскин (1808–1890) – действительный член Русского географического общества, исследователь русских владений в Америке. Является племянником М. Н. Загоскину, известному русскому писателю, автору исторических романов. До 1838 г. Лаврентий Алексеевич служил в морском флоте, затем подал в отставку, перешел на службу в Российско-Американскую компанию и был направлен на Аляску. 30 декабря 1838 г. Загоскин выехал из Петербурга, путь его пролегал через Пермь.

¹ Малмыш – в настоящее время г. Малмыж в Кировской области.

² Монетный двор в Екатеринбурге был создан при Екатерине I в 1725 г., вскоре после основания города, для передела в монету добываемой на Урале меди. Спустя

несколько лет был закрыт и вновь восстановлен в 1762 г., после направления через Екатеринбург Сибирского тракта. Существовал до 1876 г. Чеканил исключительно медь, отмечавшуюся буквами “е.м.” (екатеринбургская монета”).

³ Ланкастерские школы создавались для бесплатного обучения детей неимущих классов. В них применялся метод взаимного обучения с помощью таблиц, разработанных английским педагогом Д. Ланкастером. В России ланкастерские школы впервые возникли в 1819 г. Наряду с обучением основам грамотности и арифметики главное внимание уделялось ремеслам.

Павел Иванович Мельников-Печерский
Дорожные записки
(На пути из Тамбовской губернии в Сибирь)
1842 г.

Печатается по изданию: *Мельников-Печерский П. И. Дорожные записки: (На пути из Тамбовской губернии в Сибирь) // Мельников-Печерский П. И. Полное собрание сочинений. – 2-е изд. – СПб., 1909. – Т. 7. – С. 533-573.*

Отрывок из «Дорожных записок» не был включен Д. А. Краснопёровым в рукопись, поскольку в это время в Пермском книжном издательстве готовилась к выпуску книга П. И. Мельникова-Печерского в серии «Литературные памятники Прикамья». Вскоре издательство закрылось, и книга не вышла в свет. Редактор счел возможным самостоятельно включить этот текст в составленный Д. А. Краснопёровым сборник, учитывая большой читательский интерес к очеркам П. И. Мельникова-Печерского, посвященным Перми и Пермскому краю. В более полном виде эти очерки были опубликованы в журнале «Отечественные записки» в 1839–1842 гг.

Павел Иванович Небольсин
Заметки на пути из Петербурга в Барнаул
1846 г.

Печатается по изданию: *Небольсин П. И. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул // Отечественные записки. – 1849. – Т. 64. – № 8. – Отд. VIII. – С. 8-16.*

П. И. Небольсин (1817–1893) – писатель-этнограф второй половины XIX века. В сфере его интересов – жизнь и быт населения далеких окраин России. С научной целью он совершил множество путешествий, некоторые – по заданию Русского географического общества.

По словам Небольсина, пермяки говорят не непонятном языке; здесь, что ни слово, то загадка для приезжего. Заметим, что в словаре В. И. Даля все эти слова даны с пометкой “сиб.” – сибирские. С мнением Небольсина решительно не согласен писатель Е. А. Верде-

ревский, который в 1848–1853 гг. жил в Перми. В своей книге “От Зауралья до Закавказья” он пишет: “... г. Небольсин увидел чересчур изуродованный русский язык, как, например, выражение “прошку ширкать” вместо “табачку понюхать”; но, не в обиду почтенным литераторам, все это небольшие с их стороны преувеличения!”

По мнению Вердеревского, это можно сказать о любом провинциальном городе России. Главное – развивать общественное сознание, что приведет к подъему общей культуры, и языковой в том числе.

Вердеревский с удовольствием вспоминает о “мирных вечерах в немногих, конечно, но тем еще более драгоценных кружках, где хозяйка так радушно приветлива и так умно и мило разговорчива, где хозяин так проникнут чистой любовью ко всему правдивому и возвышенному, где с истинным наслаждением и верной оценкой встречается каждое новое замечательное явление отечественной литературы, где еще разговаривают о русской литературе, где имена Авдеева или Тургенева, Григоровича или Дружинина произносятся часто и с уважением, где идут споры о Лермонтове и Пушкине ... где не бывает недостатка в заезжих гостях, часто именитых и просвещенных, которых гостеприимно встречают пермяки и которые не всегда находят в Перми глушь и скуку”.

С этими замечаниями Е. А. Вердеревского нельзя не согласиться.

¹ В Перми были две заставы: Сибирская – при въезде в город с восточной стороны, и Казанская (Московская) – при выезде из города в сторону Казани. Заставы эти соединялись бульваром, который проходил от Сибирской улицы до начала Казанского тракта (шоссе Космонавтов). Чтобы точнее представить границы бульвара, укажем, что центральная аллея парка им. Горького была частью бульвара, который тянулся по территории нынешнего стадиона «Динамо» и городской инфекционной больницы № 1.

² Колосс Родосский – колоссальная медная статуя бога солнца Гелиоса, отлитая на небольшом острове Родос в III в. до н. э. скульптором Харетом. Она опиралась ногами на две скалы при входе в Родосскую бухту. Корабли с распущенными парусами проходили между ног Гелиоса. Через 60 лет после сооружения статуя упала во время землетрясения. Считается одним из «семи чудес света».

³ Пермитяне, пермичи – так автор называет жителей Перми, избегая слова «пермяки», чтобы отличить их от коми-пермяков.

⁴ «Важный сиятельный человек» – казанский губернатор П. С. Мещерский.

⁵ Имеется в виду пожар в Перми 14 сентября 1842 года.

⁶ Рапй – тертый нюхательный табак.

⁷ Ермаковы пушки – автор берет под сомнение принадлежность их Ермаку.

⁸ Воронихин Андрей Никифорович (1759–1814) – живописец и архитектор, крепостной Строгановых, автор и строитель Казанского собора в Петербурге.

⁹ Кабинет его императорского величества – учреждение, ведавшее личным имуществом царской фамилии и занимавшееся некоторыми другими вопросами в 1704–1917 гг. Кабинетские земли – собственность императорской фамилии, управлявшаяся Кабинетом

его императорского величества, входившим в Министерство императорского двора. На кабинетских землях велась добыча золота, серебра, свинца, меди, чугуна, стали.

¹⁰ Мозжечков Павел – художник, резчик печатей, медальер и гравер. В 1839 г. – преподаватель медальерного искусства в Санкт-Петербургском Техническом институте. Биографических данных установить не удалось.

¹¹ Минус 35⁰ по Реомюру равно 43,7⁰ по Цельсию.

Иосиф Белов
Путевые заметки и впечатления
по восточной европейской России
1847 г.

Печатается по изданию: *Белов И.* Путевые заметки и впечатления по восточной европейской России. – М., 1852. – С. 5-11.

Иосиф Белов опубликовал три путевых очерка: по Восточной Сибири, по Западной Сибири, по Московской и Тверской губерниям. Все они изданы отдельными книжками в 1852 году. Биографических данных об авторе найти не удалось, неизвестно даже его отчество. По-видимому, он был петербуржцем. В 1840-е годы Иосиф Белов, офицер при штабе Сибирского корпуса, служил в Омске. Его имя вошло в «Историческую энциклопедию Сибири»: в статье «Путевые записки» упоминается о том, что в книгах И. Белова подробно описана жизнь г. Омска, быт, развлечения, повседневные занятия чиновников и офицеров.

¹ Бульвар в Перми был, он тянулся от Сибирской заставы до Казанской (Московской) и спускался по Казанскому тракту до речки Данилихи. Вероятно, Белов и принял его за Казанский тракт. Теплая церковь – часть Кафедрального собора, состоявшего из двух церквей – зимней и летней; зимняя церковь отапливалась. Преосвященный – так называют архиепископа. Архиепископом Пермским в 1847 г. был Аркадий (Григорий Федоров).

² После большого пожара в сентябре 1842 года пермская гимназия временно была размещена в помещении Благородного собрания.

Петр Алексеевич Кропоткин
Корреспонденции из Восточной Сибири
Дневники
1862 г.

Печатается по изданию: Документы по истории литературы и общественной жизни. – Вып. 4: Дневник Кропоткина. – М.; Л.: ГИХЛ, 1923.

Перепроверено по изданию: *Кропоткин П. А.* Дневники разных лет. – М.: Советская Россия, 1992. – С. 47-49, 269-271.

П. А. Кропоткин (1842–1921) – известный политический деятель, теоретик анархизма, автор «Записок революционера», географ и геолог. После окончания пажеского корпуса двадцатилетний князь Петр Алексеевич неожиданно для родных и близких записался в Амурский казачий полк и 24 июня 1862 г. выехал из Петербурга к месту службы. Таким образом он побывал в Перми и оставил описание города в своих дневниках.

¹ Туалетный уксус – так называли хлорную известь с добавлением хлористоводородной кислоты. Употреблялась для курения помещений с резким запахом.

² Петров – служитель, нанятый семьей Кропоткина для сопровождения их сына в Сибирь.

³ Орогидрографическая граница – буквально: граница, проходящая по суше и по воде. Орография – наука о рельефе земной поверхности.

⁴ Завалишин Ипполит Иринархович, брат декабриста Д. И. Завалишина, автор двухтомного труда «Описание Западной Сибири» (М., 1862).

⁵ По-видимому, речь идет о так называемой торговой казни или ее видоизменениях. Торговая казнь – вид уголовного наказания, возникший в России в XV веке. Казнь заключалась в публичном битье кнутом на торговых площадях или в других присутственных местах, в местах скопления народа. В XVIII в. и более позднем законодательстве она уступает место телесным наказаниям. В течение многих веков существования такой казни выработалась обрядность ее исполнения. Казни подвергались уголовные преступники: воры, разбойники и пр. К сожалению, в краеведческой литературе пока не удалось найти описаний такой казни в Перми, подтверждающих наблюдения П. А. Кропоткина.

Николай Андреевич Белоголовый
Поездка на Урал в 1866 году

Печатается по изданию: *Белоголовый Н. А.* Поездка на Урал в 1866 году // *Белоголовый Н. А.* Воспоминания и другие статьи. – М.: Тип. К. Ф. Александрова, 1897. – С. 533-538.

В 1866 г. официальная Пермь встречала члена императорской семьи, внука Николая I, герцога Николая Максимилиановича Лейхтенбергского (1843–1890), следовавшего через Пермь в Екатеринбург с инспекцией казенных горных заводов. Герцог Н. М. Лейхтенбергский – президент Минералогического общества, сын Максимилиана Лейхтенбергского, женатого на великой княжне Марии Николаевне. Его сопровождали академики Н. Н. Зинин и Н. И. Кокшаров. В свите герцога находился также врач Н. А. Белоголовый (1834–1895), описавший это путешествие в очерке, отрывок из которого включен в настоящий сборник. Помимо врачебной деятельности, Н. А. Белоголовый успешно занимался

литературой. Его перу принадлежат очерки о декабристах, враче С. П. Боткине, писателях М. Е. Салтыкове-Щедрине, И. С. Тургеневе, Н. А. Некрасове, А. И. Герцене, Л. Н. Толстом и др.

¹ Кокшаров Николай Иванович (1818–1892) – известный русский минералог. В 1841 г. Н. И. Кокшаров в составе экспедиции Р.-И. Мурчисона побывал в Перми, встречался с Мурчисоном и впоследствии, о чем оставил воспоминания (Русская старина. 1890. Т. 65, № 3; Т. 66, № 4, 5, 6). Кокшаров принимал деятельное участие в работе Минералогического общества: в 1848 г. стал его членом, в 1865–1891 гг. занимал пост директора общества, а в 1891 г. был избран почетным директором.

Из книги биографа Н. И. Кокшарова И. И. Шафрановского: «Во время его директорства президентом общества был избран герцог Н. М. Романовский-Лейхтенбергский, сын «главнозаведывающего института корпуса горных инженеров» Максимилиана Лейхтенбергского. По примеру родителя «августейший» президент общества играл роль покровителя наук и даже публиковал с легкой руки Кокшарова небольшие минералогические заметки. ...Частичным оправданием ученому может служить лишь то, что в его время только такими путями удавалось укрепить положение общества и получить средства, необходимые для проведения геологических и минералогических исследований.

Очевидно, по таким же соображениям Николай Иванович согласился сопровождать президента-герцога в его поездке на Урал в 1866 г.»

(*Шафрановский И. И.* Николай Иванович Кокшаров. – М.; Л.: Наука, 1964. – 215 с.: ил. – (Научно-биографическая серия).

² Зинин Николай Николаевич (1812–1880) – известный русский химик, учитель А. М. Бутлерова, академик, член Минералогического общества.

³ Ребиндер К. Г. (1822–1886) – генерал-адъютант, учитель и воспитатель герцога Н. М. Лейхтенбергского.

⁴ Возможно, речь идет о состоявшемся во Франции 4 августа 1789 г. заседании Национального учредительного собрания и принятых им декретов. «Деятельность Чернышева» – опять-таки можно предположить, что упоминается бывший военный министр, князь А. И. Чернышев.

⁵ Пелешенко – лакей для ухода за сопровождавшими герцога.

⁶ Степанов – лакей герцога.

⁷ Козаков – лакей для ухода за сопровождавшими герцога.

⁸ Форе – повар, француз.

Илья Семенович Левитов **От Москвы до Томска** **1882 г.**

Печатается по изданию: *Левитов И.* От Москвы до Томска // Русская мысль. – 1883. – № 7. – С. 1-30 (2-я пагинация).

И. С. Левитов – известный беллетрист и этнограф, автор двух десятков книг, в том числе путеводителей по Западной Сибири, Москве и Московской губернии, Тверской губернии и пр.

¹ Макарьевская ярмарка – так называлась ярмарка в честь святого Макария, основателя Макарьевского монастыря в Нижегородской губернии.

² Четверть – старинная мера длины, равная 27,8 см. Глубина воды в 8 четвертей – 142 см.

³ Дача Н. А. Крыжановского (1818–1888), оренбургского генерал-губернатора, находилась на берегу Камы у местечка Святой Ключ (сейчас Красный Ключ), где вытекает минеральный источник, считавшийся святым как православными, так и мусульманами. Эти земли принадлежали башкирам, и были приобретены Крыжановским незаконно во время массового захвата башкирских земель, что установлено специальной сенатской ревизией Уфимской и Оренбургской губерний. В 1881 г. Крыжановский был уволен от службы, дачу его впоследствии купил елабужский купец Стахеев.

⁴ Князь Ливен А. А. – статс-секретарь и сенатор, в 1877–1881 гг. министр государственный имуществ, был членом сенатской комиссии по ревизии Уфимской и Оренбургской губерний в связи с разбазариванием башкирских земель.

⁵ Ливанов Федор Васильевич – писатель, автор романов о расколе. В 1860-х гг. жил в Перми в ссылке.

⁶ 50-тонный паровой молот-гигант установлен на Мотовилихинском заводе в 1875 г. горным инженером Н. В. Воронцовым.

⁷ Сименс Карл-Вильгельм (1823–1883) – немецкий инженер, предложивший в 1856 г. использовать принцип регенерации тепла отходящих газов для повышения температуры в рабочем пространстве плавильных печей (печи Сименса).

⁸ Мартен Пьер (1824–1915) – французский металлург, использовал в 1864 г. новый способ получения литой стали из чугуна в регенеративных пламенных печах Сименса (печи Мартена). Мартеновская печь на Мотовилихинском заводе была построена в 1876 г.

⁹ История гибели «Жаннеты» («Жанетта», «Джанет») и «Роджерса» широко обсуждалась российской общественностью. Известнейший в то время журналист В. А. Гиляровский писал об этих событиях:

«Пришлось мне встретить и возвращавшихся из Сибири американских корреспондентов Гарбера и Шютце, привезших из тундры прах полярного исследователя де Лонга. В 1879 году редактор «Нью-Йорк Геральда» Бернет снарядил экспедицию к Северному полюсу под начальством капитана де Лонга на паровой яхте «Жаннета». К северу от Берингова пролива яхта была раздавлена льдами. Узнав о гибели «Жаннеты», американское правительство послало пароход «Роджерс» для отыскания экипажа «Жаннеты», но «Роджерс» в ноябре 1881 года сторел в Ледовитом океане. Вскоре после пожара «Роджерса» была послана Бернетом новая экспедиция, которую возглавляли лейтенанты Гарбер и Шютце. Они должны были отыскать следы лейтенанта Чиппа с его экипажем.

– Завтра утром надеюсь вас видеть на Рязанском вокзале! – этими словами остановил меня на Мясницкой американский консул Джон Смит, прирожденный москвич.

Гляжу на него во все глаза и ничего не понимаю. Он вынул из кармана телеграмму. Читаю: «Завтра скорым, Гарбер, Шютце».

– Завтра все узнаете. Со скорым прибывает прах де Лонга и матросов, погибших на «Жаннете».

На другой день Джон Смит по выходе из вагона представил меня прибывшим, и через час мы завтракали в «Славянском базаре». Огромное впечатление произвел на меня рассказ о гибели экипажа «Жаннеты» среди льдов и вод, над которыми через пятьдесят лет мчали по воздуху советские герои-летчики челюскинцев и спасли сто одного человека с корабля, раздавленного льдами. Гарбер и Шютце подробно рассказали о своем путешествии за поисками трупов товарищей и показали карты, рисунки и фотографии тех мест Севера, где они побывали. Оба лейтенанта были еще молодые люди. Гарбер среднего роста, а Шютце выше среднего, плотного телосложения, показывающего чрезвычайно большую физическую силу. Лица у обоих были свежими, энергичными. Во время своего двухлетнего путешествия они чувствовали себя совершенно здоровыми, и только Шютце жаловался на легкий ревматизм, полученный в Якутске.

– В двадцати верстах от берега Ледовитого моря, – рассказывали Гарбер и Шютце, – при впадении западного рукава Лены, была метеорологическая русская станция Сагастир, где по временам жили доктор Бунге и астроном Вагнер, с двумя казаками и тремя солдатами, для метеорологических наблюдений. Кроме этого, по восточному и западному рукавам были разбросаны на громадных расстояниях между собой несколько тунгусских зимовок, из которых главнейшей считалась находящаяся на самой Лене, до разделения ее на рукава, тунгусская деревня Булом, отстоящая на расстоянии 1400 верст от Якутска. От Булома и до самого Ледовитого океана тянется страшная тундра. Зимой эта тундра представляет собой гладкую снеговую поверхность, а летом – необозримое болото, кое-где покрытое мелким березовым кустарником.

Когда пароход «Жаннета», затертый льдом, утонул в Ледовитом океане, за сто верст выше устья Лены, де Лонг с экипажем отправился южнее по льду и верстах в тридцати от берега пересел на три лодки, из которых одной командовал сам, другой инженер Мельвиль, а третьей лейтенант Чипп. Вследствие бури лодки были разделены друг от друга, разстались; Мельвиль попал в восточный рукав и благополучно достиг Якутска, Чипп с экипажем пропал без вести, а де Лонг, имевший карту устьев Лены с обозначением только трех рукавов, которыми она впадает в океан, ошибочно попал в одну из глухих речек, которая шла параллельно северному рукаву Лены и терялась в тундре. Если бы де Лонг проплыл на лодке несколько верст западнее и попал в северный рукав, он был бы спасен, так как, поднимаясь вверх, достиг бы

тунгусских деревень. Поднявшись по глухой речке, де Лонг добрался до верховья ее, где нашел брошенную тунгусскую землянку, и, обессиленный, остался отдыхать с экипажем, а двоих матросов, Норосса и Ниндермана, отрядил на поиски жилых тунгусских стоянок, так как, найдя забытую землянку, предположил, что есть близко и селение. Долго шли смельчаки Норосс и Ниндерман по снеговой тундре, без всякой надежды встретить кого-нибудь, и уже обрекли себя на гибель. Однако близ восточного рукава Лены встретили ехавшего на оленях тунгуса, направлявшегося к югу, который взял их с собой и привез в Северный Булом. Это спасло смельчаков, хотя встреча была случайной. На такой дикий север тунгусы никогда не заходили зимой, а на этот раз встретившийся матросам и спасший их тунгус был послан старостой селения Булом к устью восточного рукава Лены, где летом забыли пешни, употребляемые для прокола льда во время ловли рыбы. В Буломе матросам встретился ссыльный Кузьма Ермилов – человек довольно образованный, объяснившийся с матросами по-немецки, и передал им, что месяц назад здесь прошел Мельвиль с экипажем и отправился в Якутск. Кузьма Ермилов съездил в Якутск и привез Мельвиля, который вместе с матросами отправился разыскивать де Лонга, но безуспешно.

В тундре были страшные бураны. Только на следующее лето Мельвиль, перезимовавший в Якутске, отправился с Ниндерманом и Нороссом на поиски и нашел тела товарищей близ той самой землянки, откуда матросы ушли на разведку. Тела были собраны Мельвилем и похоронены на каменном кургане, единственном возвышении в тундре. На кургане был воздвигнут большой деревянный крест с именами погибших. Я видел рисунок этой могилы, сделанный г. Шютце: посреди голой тундры стоит высокий курган из дикого камня, на нем возвышается огромный крест, обложенный снизу почти на сажень от земли несколькими сотнями крупного булыжника. Гарбер и Шютце на маленькой шхуне в сопровождении шести русских матросов, переводчика, сибирского казака Петра Калинкина и офицера Ганта, спасшегося со сгоревшего парохода «Роджерс» и добравшегося до Якутска, отправились на поиски Чиппа. На десятый день они добрались до Булома, где к ним присоединился Кузьма Ермилов, и отправились дальше. В продолжение всего лета, захватив часть осени, пешком и на шхуне путешественники обошли, не забыв ни одного протока, ни одного самого глухого местечка, всю дельту Лены и весь берег океана. В ноябре они, измученные, усталые, отдыхали десять дней на метеорологической станции Сагастир, потом прожили несколько дней в пустой забытой зимовке тунгусов «Китах», затем, еще раз побывав на занесенной снегом могиле товарищей, погребенных Мельвилем, отправились в Якутск и сообщили о неудачных поисках экипажа лейтенанта Чиппа.

Из Нью-Йорка было получено приказание привезти тела де Лонга и его товарищей в Америку, что и было сделано лейтенантами Гарбером и Шютце. Ими же был привезен и дневник де Лонга, который вел он до самой своей смерти в пустынной тундре. Последние строки этого дневника такие: «Наш завтрак состоял из пол-ложки глицерина и куска сапога. Один бог знает, что будет с нами дальше...», и еще: «...съеден последний кусок сапога...» Жизнь автора кончилась с этими строками. Оба лейтенанта были приняты и чествуемы редакцией «Русских ведомостей». Я показал им Москву, проводил их на вокзал и по их просьбе некоторое время посылал через них корреспонденции в «Нью-Йорк Геральд», которые там и печатались».

См. также: *Гильдер У.* Во льдах и снегах: Путешествие в Сибирь для поисков экспедиции капитана Делонга / Пер. с англ. В. Н. Майнова. – СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1885. – 274 с.: ил. – (Прил. к «Историческому вестнику»).

Сергей Андреевич Кельцев
От Москвы до Екатеринбурга
1887 г.

Печатается по изданию: *Кельцев С. А.* Из поездки на Урал. – Ч. 2: От Москвы до Екатеринбурга: (из путевых заметок). – М.: Тип. О-ва распространения полезных книг, 1888. – С. 27-54 (вторая пагинация).

Впервые очерк был опубликован в газете «Московские ведомости», 1887, № 220-265.

С. А. Кельцев – сотрудник «Московских ведомостей». Он был официальным корреспондентом газеты при Высочайших и Августейших особах. Летом 1887 г. Кельцев сопровождал в поездке по Уралу великих князей Михаила Николаевича и Сергея Михайловича и освещал эту поездку в газете. Позднее на основе газетных публикаций была издана книга «Из поездки на Урал».

¹ Воскресенская церковь находилась в Перми на бывшей Вознесенской улице (сейчас ул. Луначарского), на площади у Алексеевского реального училища (авиационный техникум им. А. Д. Швецова).

² Великий князь Михаил Николаевич – четвертый сын императора Николая I. Великий князь Сергей Михайлович – сын великого князя Михаила Николаевича. Здание Мариинской женской гимназии построено в 1887 году, сейчас здесь размещается Сельскохозяйственная академия им. Д. Н. Прянишникова.

³ Кашинские бани – пермские городские бани, принадлежавшие мещанке Е. П. Кашиной. Наиболее популярной из них была баня на Монастырской улице (ул. Орджоникидзе, 19). Она была построена на ручье Медведка.

⁴ Пыскорский Преображенский Ставропигиальный монастырь – один из древнейших в Прикамье – существовал до 1756 г., затем был перенесен на новое место и стал постепенно терять свое значение. В 1781 г. его остатки перевезены в Пермь для постройки кафедрального собора. Ставропигиальный (греч.) – так назывались русские монастыри, бывшие некогда под непосредственным управлением самих патриархов. К началу XX века такие монастыри, сохраняя некоторые давние права, были подведомственны московской синодальной конторе или святейшему синоду, но не зависели от местного епархиального начальства.

⁵ Камкор – первоначальное название Пыскора.

⁶ Стефан Пермский (1345–1396) – миссионер-просветитель, первый епископ Пермской епархии. Составил азбуку для народа коми.

⁷ Сергей Радонежский (1321–1391) – основатель и игумен Троице-Сергиева монастыря.

⁸ Фосфорный завод братьев Тупицыных находился на Заимке, сейчас здесь находится здание географического факультета ПГУ. В доме Тупицыных (ул. Екатерининская, 210) сейчас находится краевой Институт повышения квалификации работников образования.

⁹ Мещерский Платон Степанович (1703–1799) – казанский губернатор. До 1781 г. Пермская провинция входила в состав Казанской губернии. Провинциальным городом был сначала Соликамск, затем, с 1737 г. – Кунгур.

¹⁰ Янишевский Е. П. Уральская горнозаводская железная дорога и Верхотурский край. – Пермь, 1881. – С. 1.

¹¹ Нобель Людвиг (1831–1888) – шведский изобретатель и промышленник. В 1879 г. основал нефтепромышленное предприятие в Баку.

¹² Заштатный город – населенный пункт, пользовавшийся правами города, но не являвшийся административным центром уезда; Дедюхин – заштатный город Соликамского уезда, на месте которого возник современный город Березники.

¹³ Елизавета Христофоровна Абамелек-Лазарева – княгиня, унаследовавшая имение своего отца, Х. Е. Лазарева, жена С. Д. Абамелек.

¹⁴ Иван Иванович Любимов (1838–1899) – пермский купец и промышленник, один из основателей Березниковского содового завода.

¹⁵ Никита и Александр Всеволодовичи Всеволожские – сыновья Всеволода Андреевича (1769–1866), получившего наследство от дяди, Всеволода Алексеича, сенатора при Екатерине II, купившего прикамские заводы у Строганова.

¹⁶ Сольве Эрнест (1838–1922) – бельгийский химик-технолог, разработавший аммиачный способ получения соды из поваренной соли, один из основателей Березниковского содового завода.

¹⁷ Графы Шуваловы – старинный русский дворянский род, представители которого всегда занимали крупные государственные должности.

¹⁸ Чупин Наркиз Константинович (1824–1882) – уральский краевед, историк, географ, педагог и библиограф. Родился и жил в Екатеринбурге, учился в Пермской гимназии и Казанском университете. Его «Географический и статистический словарь Пермской губернии» издавался в Перми в 1873–1880 гг., опубликован не полностью.

¹⁹ Мурчисон Родерик Импи (1792–1871) – английский геолог, исследовал Урал в 1841 г.

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Старая Пермь

1888 г.

Печатается по изданию: *Мамин-Сибиряк Д. Н.* Собрание сочинений в 12-ти томах / Под ред. Е. А. Боголюбова. – Т. 12: Автобиографические произведения. Публицистика. – Свердловск: Обл. гос. изд-во, 1951. – С. 291-338.

Очерк Д. Н. Мамина-Сибиряка (1852–1912) «Старая Пермь» написан по результатам его поездки в Пермь и на север Пермской губернии летом 1888 г. Впервые очерк был опубликован в журнале «Вестник Европы» (1889, № 7, с. 44-105).

¹ «На брезгу» – на рассвете (диал.). Рассветать – брезжить.

² Крупп – сталелитейная фирма, основанная в 1810 г. в Германии Фредериком Круппом.

³ Шишонко Василий Никифорович (1831–1889) – врач по профессии, краевед, библиограф, автор «Пермской летописи», директор народных училищ Пермской губернии.

⁴ Попов Никита Савич (1763–1836) – первый директор Пермской гимназии, автор капитального труда «Хозяйственное описание Пермской губернии» (части 1-2, Пермь, 1804).

⁵ Смышляев Дмитрий Дмитриевич (1828–1893) – земский и общественный деятель, первый председатель Пермской губернской земской управы, публицист, краевед, библиограф, издатель «Пермского сборника» (1859–1860 гг., Москва).

⁶ Соммье Жан-Клод (1661–1737) – французский историк.

⁷ Дмитриев Александр Алексеевич (1854–1902) – уральский историк, краевед, летописец, автор 8-томной «Пермской старины».

⁸ Краснопёров Егор Иванович (?–1897) – пермский земский деятель, статистик, краевед.

⁹ Теплоухов Федор Александрович (1845–1905) – лесовод, археолог, автор многих работ по археологии и этнографии Пермского края.

¹⁰ Рогов Николай Абрамович (1825–1905) – краевед, этнограф, автор «Пермяцко-русского и русско-пермяцкого словаря» (СПб., 1869).

¹¹ «Проход Елены в Балканах» – имеются в виду стратегические позиции военно-го отряда под командованием генерал-майора Домбровского в районе города Елены во время турецкой войны 1877–1878 гг.

¹² Попенные – плата за вырубку леса по числу срубленных деревьев (от слова «пень»).

¹³ Лоты – судна-плоскодонки. Лот – лоток, плоское корытце, выдолбленная плоским кузовком плаха.

¹⁴ Щеголихин – чердынский купец и пароходчик, владелец месторождения железной руды на р. Вишере. Образцы железного блеска выставлял на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке (1887), где и продал это месторождение французам.

¹⁵ Посессионные землевладельцы – лица, получившие от государства земли в условное владение для промышленного использования.

¹⁶ Лэндлорд – землевладелец (англ.).

¹⁷ Марфа Посадница – вдова новгородского посадника И. А. Борецкого, возглавляла анти-московскую партию новгородского боярства.

¹⁸ Вергилий – герой поэмы Данте «Божественная комедия», являвшийся проводником автора по кругам ада.

¹⁹ Леблан Николб (1755–1806) – французский химик, изобретший способ промышленного производства соды.

²⁰ Шлезвиг – надо читать: Шлезинг – французский химик и агроном, строитель содового завода в Париже в 1854 г.

²¹ Сольве Эрнест (1838–1922) – бельгийский химик-технолог и предприниматель. Разработал аммиачный способ получения соды из поваренной соли. Один из основателей Березниковского содового завода, соучредитель компании «Любимов, Сольве и К^о».

²² Эдисон Томас Алва (1847–1931) – американский изобретатель в различных областях электротехники (телеграф, телефон, лампа накаливания, фонограф и др.).

²³ Сканное дело (скань) – филигрань, вид ювелирной техники: ажурный или напаянный на металлический фон узор из тонкой золотой или серебряной проволоки. Басманное дело (басма) – тонкие серебряные листы с тисненными узорами.

²⁴ Эверт-Идес-Избрант – иностранный купец, посланный в 1691 году Петром I в Китай для установления торговых отношений России с Китаем.

²⁵ Татищев Василий Никитич (1686–1750) – русский историк и государственный деятель. В 1720–1737 гг. управлял казенными горными заводами на Урале, основатель Екатеринбурга и Перми.

²⁶ Мессершмидт Даниил Готлиб (1685–1735) – географ и путешественник, приглашенный в 1716 г. Петром I в Россию для изучения природных богатств Сибири.

²⁷ Делиль (1688–1768) – французский астроном и географ, директор астрономической обсерватории Санкт-Петербургской академии наук; в 1740 г. совершил путешествие в Сибирь для определения географического положения сибирских городов.

²⁸ Остерман Андрей Иванович (1686–1747) – государственный деятель, граф. Руководил внутренней и внешней политикой России при Анне Иоанновне. В 1741 г. Елизаветой Петровной сослан в Березов.

²⁹ Миних Бурхард Кристоф (1683–1767) – граф, военный и государственный деятель, президент Военной коллегии при Анне Иоанновне.

³⁰ Бирон Эрнст Иоганн (1690–1772) – граф, фаворит Анны Иоанновны, создатель реакционного режима – «бириновщины». В 1740 г. сослан в Пелым.

³¹ Левенвольд Рейнгольд – граф, обер-гофмаршал, один из приближенных к Анне Иоанновне.

³² Колупаев и Разуваев – литературные герои М. Е. Салтыкова-Щедрина, ставшие нарицательными: грубые, невежественные и циничные хищники.

³³ Кирша Данилов – составитель сборника русских былин и исторических песен.

³⁴ Посошков Иван Тихонович (1670–1726) – известный русский экономист, автор книг: «Книги о скудости и богатстве сие есть изъяснение, отчего приключается скудость и отчего богатство умножается», «Завещание отеческое» (Домострой XVII в.).

³⁵ Михаил Никитич Романов – боярин, дядя первого русского царя Михаила Романова, сосланный Борисом Годуновым в Ныроб в 1601 году.

³⁶ Сибиряков Александр Михайлович – сибирский золотопромышленник, субсидировал многие инициативы по исследованию Сибири.

³⁷ Заволочье (Двинская земля) – историческая область XI–XIV вв., находившаяся за волоком – обширным водоразделом, отделяющим бассейны Онеги и Северной Двины от бассейна Волги.

³⁸ О заинтересовавшем Мамина-Сибиряка сочетании «це ино» пишет и Н. П. Белдыцкий. По его словам, жители Чердынского уезда говорят «че ино», и только на севере уезда – «цокают». (*Белдыцкий Н. П. Поездка на Печору: (путевые очерки и наброски): [Ч. 1. От Чердыни до Якши] // Пермские губернские ведомости. – 1898. – 21 янв.*)

Евгений Францевич Шмурло **Волгой и Камой** **1889 г.**

Напечатано по изданию: *Шмурло Е.* Волгой и Камой: (Путевые впечатления) // Русское богатство. – 1889. – № 10 (октябрь). – С. 87-118.

Е. Ф. Шмурло – профессор русской истории Петербургского и Дерптского университетов, ученый корреспондент в Риме при историко-филологическом отделе Императорской академии наук, автор нескольких научных книг.

¹ Глиссада – скольжение (франц.), в авиации – траектория полетов самолета.

² «Людмила Жуковского» – героиня одноименной баллады поэта В. А. Жуковского.

³ Конторка – здесь: пристань, дебаркадер.

⁴ Дорическая колонна – колонна, отличающаяся строгой соразмерностью своих форм и простотой.

⁵ Нестор (1056–1114) – по преданию, первый русский летописец, автор летописей: «Житие Бориса и Глеба», «Житие пр. Феодосия» и др.

⁶ Гюрята Рогович – состоятельный житель Новгорода, побывавший на далеком сказочном Урале.

⁷ Югра (Югорская земля) – новгородская волость на западном склоне северных Уральских гор.

Дмитрий Николаевич Пешков

Путевые заметки (дневник) от Благовещенска до Петербурга **1890 г.**

Печатается по изданию: *Пешков Д. Н.* Путевые заметки (дневник) от Благовещенска до Петербурга. – СПб., 1890. – С. 60-69.

¹ Бова-Королевич – главный герой одноименной русской волшебной богатырской повести XVI–XVII вв., получившей распространение в виде лубочной сказки.

² Василий Евдокимович Фоминский (у Пешкова в оригинале ошибочно – Фаминский) – владелец кунгурских кожевенных заводов. См.: *Быстрых Т. И.* Три поколения, три истины: (История краеведческого поиска) // В поисках истины: Интеллигенция провинции в эпоху общественных потрясений: материалы науч.-практ. конф. – Пермь, 1999. – С. 89-94.

³ Носков Иван Кондратьевич – купец, кунгурский городской голова.

⁴ Брошюра об оханском метеорите: *Вологдин П. А.* Падение аэролита 18 августа 1887 года в Оханском уезде Пермской губернии. – Пермь, 1887.

⁵ Император Александр I был в Пермской губернии в 1824, а не в 1821 году.

⁶ Цесаревич Александр Николаевич (будущий император Александр II) путешествовал по Пермской губернии в мае 1837 г. В числе сопровождавших его был поэт В. А. Жуковский.

⁷ Максимилиан Лейхтенбергский (1817–1852) – зять императора Николая I, президент Академии художеств, главнокомандующий Горным институтом. Приезжал на Урал в 1845 г. с инспекцией горных заводов.

Федор Андреевич Мейер
По Вишере
1897(?) г.

Печатается по изданию: *Мейер Ф. А.* По Вишере // Пермские губернские ведомости. – 1898. – № 5, 6, 7.

Федор Андреевич Мейер родился 24 апреля 1851 г. в г. Шадринске Пермской губернии, в семье потомственного дворянина, юриста. В 1882 г. поступил на государственную службу. Был секретарем Чердынского и Соликамского уездных по крестьянским делам присутствий, состоял в штате мировых судей Осинского уезда. С сентября 1893 г. работал в Чердынском, Соликамском и Верхотурском уездных земствах, в 1895–1897 гг. являлся членом Чердынской уездной земской управы. В течение многих лет возглавлял Пермское общество дворянской опеки. В 1898–1899 гг. активно публиковался в «Пермских губернских ведомостях». Ф. А. Мейер умер 8 декабря 1918 г. и был похоронен в Перми на новом кладбище (Известия Пермского губисполкома. 1918. 11 дек.).

Справка составлена редактором Т. И. Быстрых на основании статьи: *Шумилов Е. Н.* Скромный представитель провинциальной печати // Журналистика и краеведение: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Б. Н. Назаровского и А. П. Гайдара. – Пермь, 2004. – С. 71-72.

Кроме этого, по мнению редактора, есть все основания полагать, что статья «Из воспоминаний о Д. Д. Смышляеве», опубликованная в «Пермских губернских ведомостях» в 1908 г. (11 ноября, № 246) и подписанная инициалами «Ф. М.», принадлежит перу Ф. А. Мейера. Статья перепечатана в первом выпуске «Смышляевского сборника» (Пермь, 2009). Таким образом, можно установить еще некоторые биографические сведения о Мейере, в частности, о его учебе в Санкт-Петербургском университете, о встречах с Д. Д. Смышляевым и пр.

¹ «Лучить рыбу» – браконьерский способ ловли рыбы остройгой в ночное время при освещении поверхности воды факелами или горящим смолем.

² Чудь – древнерусское название эстов, а также других финских племен к востоку от Онежского озера, по рекам Онеге и Северной Двине.

³ Бог Юмала – в финской мифологии сильный и могущественный бог. Особенно почитался в Биармии. Ему приписывалось создание мира и человека.

Владимир Александрович Поссе
По Европе и России
1907 г.

Печатается по изданию: *Поссе В. А.* По Европе и России: Наблюдения и настроения. – СПб.: Изд. «Нового журнала для всех», [1909]. – С. 370-409.

В. А. Поссе (1864–1940) – врач по специальности, известный журналист и общественный деятель. В 1906–1907 гг. он выступал за создание независимых кооперативных организаций в России и много ездил по стране с лекциями о кооперативном движении. Побывал в Перми летом 1907 г.

¹ Н. В. Мешков не был выслан из Перми. В 1907 г. он находился в Петербурге в связи с изданием журнала «Минувшие годы», который финансировал. Слух о запрещении Мешкову въезда в Пермь возник, вероятно, после привлечения его к дознанию в полиции по поводу поддержки им забастовочных комитетов в 1905–1907 гг.

² Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ) было образовано в Екатеринбурге 29 декабря 1870 г. по инициативе преподавателя мужской гимназии О. Е. Клера, активно поддержанной управляющим Уральским горным училищем Н. К. Чупиным.

³ Женская церковно-приходская школа, построенная по инициативе Павла Николаевича Серебренникова, находилась на улице Пермской (Кирова), 55.

Андрей Иванович Фирсов
По Каме
1907–1908 гг.

Печатается по изданию: *Фирсов А.* По Каме: (Посвящаю моей Лиде) // Исторический вестник. – 1910. – № 12 (Т. СХХII, декабрь). – С. 1107-1131.

Статья сопровождается фотографиями: «Пермь. Кафедральный собор», «Пермь. Сибирская улица», «Пермь. Городской театр», «Пермь. Почта и телеграф; дом Мешкова», «Пермь. Покровская улица; дом Грибушина». Все фотографии хорошего качества. В подписях есть ошибка: дом Мешкова назван «домом Мошкова».

Андрей Иванович Фирсов – страстный путешественник. Мы не нашли его биографических данных, вероятно, он был учителем гимназии и жил в Туле или Тульской губернии, так как ряд своих путевых очерков опубликовал в Туле: «По Оке» (1837), «В вагоне и на пароходе. Из летних скитаний А.И. Фирсова» (1887), «В стране гранита и озер. Очерки Финляндии» (1899). В «Историческом вестнике» (1907, № 11-12) напеча-

тан его рассказ «По рекам Вологде, Сухоне и Северной Двине». А может быть, жил он и в Перми, поскольку в своем очерке «По Каме» он говорит, что это его четвертая поездка по Каме на пароходе «Мануфактур-Советник». Чувствуется, А.И. Фирсов хорошо знал и любил нашу красавицу Каму.

¹ Гальяны – правильно: Гольяны, село в Удмуртии.

² Винтеры – участники карточной игры в винт.

³ В 1840 г. И. П. Чайковский отец композитора, был начальником Камско-Воткинского завода.

⁴ Варваринская фабрика – названа по имени ее владелицы – Варвары Александровны Шаховской, урожденной Строгановой. Впоследствии весь завод стал собственностью ее потомков – графов Шуваловых и Е. П. Воронцовой-Дашковой.

⁵ Нытвенский завод был основан в 1757 г. Анной Александровной Голицыной, урожденной Строгановой.

⁶ Научно-промышленный музей находился на ул. Петропавловской, 38. Был открыт в 1899 г. по инициативе Пермской комиссии Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ).

⁷ Иродиада – по евангельскому преданию незаконная жена иудейского царя Ирода Антипы, приходившегося ей родным дядей. Ирод Антипа – сын Ирода Великого, известного своей попыткой уничтожить младенца Иисуса Христа и убийством младенцев города Вифлеема. Ранее Иродиада была женой брата Ирода Антипы, Филиппа, от которого родила дочь Соломею. Эта преступная связь вызывала недовольство народа. За поруганный нравственный закон вступился Иоанн Креститель, явившийся к тирану и обвинивший его в преступлении. Это разъярило Иродиаду, и она добилась казни Иоанна Крестителя. Соломея, пленившая Ирода своим танцем, потребовала в награду за него голову Иоанна Крестителя.

⁸ Лбов Александр Михайлович (1876–1908) – активный участник декабрьского вооруженного восстания в Мотовилихе в 1905 г. После подавления восстания А. Лбов с группой рабочих организовал партизанскую борьбу («лесные братья»). Рассказ А. И. Фирсова, в общем, достоверен, но операция была произведена не лбовцами, а примкнувшими к ним питерскими боевиками. Лбов содействовал проведению этой «экспроприации», его связи с крестьянами позволили обеспечить встречу боевиков на берегу и быструю переброску их с деньгами по железной дороге. Подробней об этом можно прочитать в рассказе Б. Н. Никонова «Гражданское мужество», опубликованном с комментариями Б. Н. Назаровского в газете «Вечерняя Пермь» (1971, № 165-170).

⁹ Ринальдо-Ринальдини – разбойник, герой одноименного романа немецкого писателя Вульфуса (1762–1827).

Словарь забытых и устаревших слов и выражений

Азям – верхний кафтан халатного покроя из домотканого полотна, зипун.

Акциз – вид косвенного налога на предметы массового спроса (соль, сахар, водку и т.п.), введенный в России в 1866 году.

Аматёр – человек, увлекающийся музыкой или живописью, любитель (в отличие от профессионала).

Аршин – русская мера длины, равная 0,71 м.

Ассессор – младший чин в губернском правлении, гражданский чин 8-го класса.

Барка – сплавные плоскодонные суда для кледи; речное грузовое судно грубой постройки на деревянных гвоздях.

Басманное дело (басма) – тонкие серебряные листы с тисненными узорами.

Бастион (фр. bastion) – угольное укрепление в виде выступа в углах крепостной ограды для обстреливания местности впереди и вдоль крепостных стен и рвов. Применялись до сер. XIX в.

Бахилы – рабочая обувь, бродни.

Беляна – плоскодонное несмоленое судно для сплава леса на один сезон.

Бергамт – горное управление в Сибири и на Урале в XVIII веке.

Биармия – в скандинавских преданиях страна на северо-востоке европейской части России. Некоторые ученые отождествляют ее с Пермью Великой. Столицей Перми Великой в 1535–1719 гг. была Чердынь.

Боец – береговая скала, на которую направлено сильное течение реки.

Вагранка – шахтная печь для выплавки чугуна в литейных цехах.

Вакация – каникулы, праздная пора.

Валёж, валежник – место, заваленное упавшими деревьями, кустами, сучьями (от глагола *валить*).

Великопермский – относящийся к Перми Великой.

Верста – 1,065 км.

Вершок – русская мера длины, равная 4, 45 см.

Вице – первая часть сложных слов, имеющая значение «помощник, заместитель». Например: вице-губернатор.

Вогуличи, вогулы, современное название – манси.

Волокуша – приспособление в виде двух оглобель, скрепленных на концах поперечными досками. На волокушах перевозили грузы по лесным дорогам и тропам.

Вотчина – наследственное владение на Руси (XII – нач. XVIII вв.). Постепенно вотчина становилась земельным владением по праву собственности, в отличие от поместья – земельного владения, служившего жалованьем дворянина за «государеву службу» и считавшегося временным и условным.

Вотьяки – устаревшее название удмуртов.

Вспомоществование – пособие, материальная помощь.

Выгон – место, где пасется скот, пастбище.

Гинекей (гинекей) – в древней Греции так называли женские покои, женские комнаты в доме.

Голбец – 1. подполье в избе; 2. пристройка к русской печке, где сделана дверь, ведущая в подполье.

Гоньба – перевозка людей и грузов на лошадях. Ямская гоньба – ямская повинность.

Гривна – 10-копеечная медная монета, равная по достоинству трем копейкам серебром. Иногда 3-копеечную медную монету называли гривной. Гривенник – 10-копеечная серебряная монета.

Десятина – русская единица земельной площади, равная 2400 кв. сажаням, или 1,09 гектара.

Дроги – длинная телега без кузова, передок и задок которой соединены продольными брусками.

Епархия – церковно-административная территориальная единица, управляемая архиереем.

Епископ – высшее духовное лицо в православной, англиканской, католической церквях, глава церковного округа.

Жалованная грамота – документ, подтверждающий право его владельца на предоставление ему каких-либо льгот, преимуществ.

Застава – место въезда в город, являвшееся пунктом контроля привозимых грузов и приезжающих; воинское подразделение, несущее охрану.

Заутреня – церковная служба до обеда.

Зело – очень.

Золотник – русская мера веса, равная 1/96 фунта или 4,26 грамма.

Заштатный городок – населенный пункт, пользовавшийся правами города, но не являвшийся административным центром уезда.

Зыряне (зырян, зырянин, зырянец) – старинное название народности коми, коми-зыряне.

Игумен – настоятель монастыря.

Игуменья – настоятельница женского монастыря.

Изба – срубная постройка для жилья, а также общественных и казенных надобностей.

Извоз – гужевой промысел, перевозка грузов и людей на лошадях.

Излучина – изгиб реки.

Иконостас – украшенная иконами стена, отделяющая алтарь в церкви.

Именины – праздник: день святого, в честь которого назван человек.

Именитый (имянитый) – знатный, уважаемый, почтенный, известный своими заслугами.

Иноходец – человек, принадлежащий к одному из национальных меньшинств, не русский.

Исправник – начальник уездной полиции.

Кавалергард – военнослужащий одного из полков гвардейской тяжелой кавалерии.

Казенная палата – губернское учреждение, ведавшее поступлением налогов, пошлин, сборов и расходованием казенных средств.

Камень – большая гора с отвесными склонами, крупное скалистое возвышение.

Камергер (нем. Kammerherr; буквально: комнатный дворянин) – почетное придворное звание, степенью выше камер-юнкера.

Картуз – головной убор с козырьком, неформенная фуражка.

Кафтан – русская старинная мужская долгополая верхняя одежда.

Клеврет – 1) в православии – сотоварищ, вольноотпущенник; 2) друг, единомышленник; 3) приспешник, приверженец, готовый любыми способами угождать покровителю.

Коломенка – баржа грузоподъемностью от 7 до 12 тыс. пудов, длиной в 15–20 сажений.

Кольми паче – тем более, особенно.

Крепостной – закрепленный документом, «крепостью», за определенным владельцем.

Крестьянин – сельский или городской житель, основным занятием которого является обработка земли.

Купчая – документ на право владения купленным.

Курья – залив реки, расположенный на месте старого русла.

Кушак – пояс или опояска.

Лаж – доплата при обмене денег; в обиходе – доплата, наценка, «накрутка» частных торговцев на товар, привезенный из других городов, издалека.

Ландкарта – географическая карта; чертеж земли, страны.

Литургия – христианское богослужение, обедня.

Лихоимство – вымогательство, взыскничество.

Льгота – отступление от общих правил при налогообложении в пользу отдельных лиц.

Матица – 1. порода, содержащая руду; 2. балка, брус поперек всей избы, на который настлан накат, потолок.

Мещане – в Российской империи в 1775–1917 гг. податное сословие из бывших посадских людей – ремесленники, мелкие торговцы и домовладельцы. Объединялись по месту жительства в общины с некоторыми правами самоуправления.

Миля – путевая мера длины, равная семи верстам. Различали разные мили: польская – 10 верст, французская – 4,17 верст, английская – 1,5 версты, немецкая или географическая – 7 верст, итальянская или морская – 1,77 верст.

Мирской – относящийся к крестьянской или посадской общине.

Монастырь – религиозная община монахов или монахинь, представляющая собой церковно-хозяйственную организацию.

Монах – член религиозной общины, принявший постриг.

Наместник – представитель верховной власти, которому поручается управление городом, округой.

Нанковый халат – от слова «нанка» – бумажная ткань, вырабатываемая в Китае. Иногда ее называли «китайкой».

Невгласи, (невглас, невеглас, не-виглас) – невежда, невежды.

Обер – приставка к словам, означающая: старший, главный, высший, начальствующий.

Овраг – размытая водой глубокая рытвина на земной поверхности.

Ордер – письменное предписание, распоряжение.

Остяки – название народности ханты.

Откуп – 1. за плату исключительное пользование чем-либо, производство чего-либо; 2. плата за право исключительного пользования чем-либо, производства чего-либо. Откупщик – владелец откупа.

Офеня – в старину: бродячий торговец, коробейник.

Паки – опять, еще, сызнова.

Палой – залив реки, низина, примыкающая к руслу реки.

Панцырь, пансырь – предохранительное вооружение для защиты туловища, имеющее вид рубахи и первоначально состоявшее из нашитых на кожаное платье ремней или пластинок. С XI в. появляются кольчатые и чешуйчатые панцыри. С XIII в. мало-помалу заменяется кольчугой и сплошным доспехом. У нас *пансырем* или *панцырем* назывался доспех в виде длинной рубахи до колен и состоявшей из сплетенных между собою мелких железных колец. Иногда панцырь покрывался бархатом. (Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. 1992, т. 44).

Партикулярный – невоенный, частный, штатский, неофициальный.

Парма – возвышенность, покрытая лесом.

Паства – прихожане церкви, члены монастырской общины.

Пастырь – руководитель христианской общины.

Патриарх – духовное лицо в православной церкви, обладающее высшей властью.

Перебор – пережат на реке, поперечная отмель, место переправы вброд; мелководный участок реки с быстрым течением.

Писцовые книги – книги, содержащие перепись населения, объектов налогового обложения.

Повершье – возвышенность.

Повольники – ушкуйники, речные разбойники.

Пудать – казенный налог, взимавшийся с крестьян и мещан.

Порог – каменистый уступ на дне реки, нарушающий плавность течения.

Посад – поселение вне города, предместье.

Посессионные землевладельцы – лица, получившие от государства земли в условное владение для промышленного использования.

Поскотина – огороженное место в лесу, на лугу для пастбы скота.

Прасол – оптовый скупщик различных припасов.

Преосвященный – эпитет церковного иерарха (архиепископа, митрополита).

Преподобный – праведный, благочестивый. Преподобный отец – монах, ведущий аскетический образ жизни.

Престол – стол в центре алтаря. Царский престол – трон.

Придел – пристройка к церкви или часть церкви с самостоятельным престолом.

Призрение, призьенье – покровительство, благосклонность.

Приказ – административное учреждение.

Приказный – официальное лицо, человек, служащий в приказе.

Приказир – приказный, писец без чина (диал.).

Приказчик, приказшик, прикащик – управляющее лицо, ведающее чьими-либо производственными, торговыми и военными делами.

Приплавить – доставить по воде, сплавить.

Пристань – устройство (мостки) для причаливания судов.

Присутствие, присутственное место – учреждение, канцелярия.

Приход – церковная община.

Приходский – относящийся к церковному приходу.

Прихожанин – лицо, принадлежавшее какому-либо церковному приходу.

Причетчик – церковный служитель (дьячок, пономарь, звонарь и пр.).

Пробирный мастер, пробирщик – мастер, проверяющий качество металла.

Промысел, промысл – 1. деяние, действие; 2. работа по изготовлению чего-либо; 3. добыча чего-либо.

Промышленник – лицо, занимающееся каким-либо промыслом или владеющее каким-либо предприятием для добычи средств существования.

Противный – противоположный.

Пуд – русская мера веса, равная 16,3 кг.

Рассол, разсол, росол – соленая вода, добываемая рассолоподъемными трубами и насосами для выварки соли.

Расшива, расшивная ладья – речное судно от 8 до 24 саженей длины, поднимает 12–24 тысяч пудов груза.

Рацион – суточный паек.

Рухлядь – имущество, состоящее из одежды, украшений, предметов домашнего обихода. Мягкая рухлядь – меха.

Сажень, сажен – старинная русская мера длины, равная 2,134 м.

Сибарит – изнеженный человек, живущий ради сладкой еды, житейских утех и пр.

Скала – одиноко стоящая каменная глыба.

Сканное дело (скань) – филигрань, вид ювелирной техники: ажурный или напаянный на металлический фон узор из тонкой золотой или серебряной проволоки. Сканный – изготовленный из крученой металлической (чаще всего серебряной) проволоки.

Скуфейка – ермолка, тубетейка.

Словоерс (слово-ерик) – от названия буквы «с» в старой русской азбуке («слово») и буквы «Ѣ» – «ер, ерик». Название звука «с», прибавлявшегося к концу слов при разговоре в знак самоуничтожения, почтения к собеседнику.

Староста – выборное или назначаемое лицо, выполнявшее административные обязанности или ведущее дела определенного коллектива.

Стряпчий – должностное лицо, выполнявшее различные административные и хозяйственные обязанности (или тот, кому поручено выполнять эти обязанности).

Сычуг – свиной желудок, фаршированный кашей.

Тем паче – тем более.

Тептери – народность, образовавшаяся из беглых элементов из среды приволжских финнов и чувашей, с течением времени слившаяся с башкирами.

Тигель – сосуд для плавки или нагрева различных материалов.

Товарищ – сотоварищ, компаньон.

Толоки – ближайшие к поселку земли, находящиеся под выгоном для скота; толока – след от вытаптывания скотом хлеба на корню или травы.

Туссок (бурак) – берестяной бидон с двойными стенками для хранения молока и кваса.

Тулум, тулун – речной порог, образованный большими камнями.

Увал – удлиненная возвышенность с плоской вершиной и пологими склонами.

Угодье – место, являющееся предметом сельскохозяйственного использования (лес, поле, луг).

Угор – место, идущее в гору; подъем, высокий крутой берег реки.

Усолья – места скопления подземных соляных источников и добычи соляного раствора.

Успение – кончина, смерть.

Усть – несклоняемое слово в составе географических названий, которым обозначают местность, прилегающую к устью реки.

Устье – место впадения реки, оврага в другую реку, овраг.

Утренняя – в православии: утренняя церковная служба.

Ушкуйники – речные разбойники (от слова ушкой – ладья).

Фунт – русская мера веса, равная 409,5 грамма.

Фут – мера длины, равная 30,48 см.

Храм – здание церкви и сама церковь; помещение, где совершается богослужение.

Хребет – цепь гор.

Целковый – то же, что рубль, основная денежная единица в России.

Челн – выдолбленная из дерева лодка.

Чембары – кожаные или холщовые просторные шаровары, употребляемые как спецодежда.

Черемисы – прежнее название марийцев.

Четверть – торговая хлебная мера веса, равная 24 пудам или 4 мерам; в одной мере 4 маленки, в одной маленке 1,5 пуда; один пуд равен 40 фунтам или 16,38 кг.

Чудотворец – святой, творящий чудеса.

Чудотворный образ – икона, изображающая святого-чудотворца.

Чудской – относящийся к древнему, дорусскому, исчезнувшему населению чудь.

Чуйка – суконный кафтан халатного покроя.

Чулан – нежилое помещение в доме, кладовая.

Шишак – островерхая шапка; воинский головной убор.

Шкворень – вертикальный стержень, создающий шарнир для осей повозки, позволяющий ей поворачиваться.

Шкоут, шхоут – парусное военное или транспортное (реже рыболовное) судно, распространенное в XVII – XIX вв. на Балтийском и Каспийском морях.

Штоф – стеклянная посуда четырехугольной формы с коротким горлом вместимостью 1,23 литра.

Экспроприатор (фр. expropriateur: лишение собственности) – лицо, отбирающее чужое имущество.

Ям – станция, где останавливаются и отдыхают ямщики и проезжающие, кормят лошадей.

Ямской – относящийся к яму, ямщине.

Ямщик – человек, ведающий ямом.

Ямщина – 1. ямская гоньба; 2. денежный побор на ямскую гоньбу.

Ясак – пудать, натуральный налог, выплачиваемый мехами, медом.

Содержание

Для заметок

Предисловие от редактора	5
<i>Власова Е. Г.</i> В контакте с пространством: образ Урала в литературе путешествий XIX – начала XX вв.	8
<i>Вигель Ф. Ф.</i> Записки. [1805—1806 гг.].....	20
<i>Загоскин Л. А.</i> Заметки жителя того света. [1839 г.]	33
<i>Мельников-Печерский П. И.</i> Дорожные записки. (На пути из Тамбовской губернии в Сибирь). [1842 г.]	39
<i>Небольсин П. И.</i> Заметки на пути из Петербурга в Барнаул. [1846 г.]	83
<i>Белов И.</i> Путевые заметки и впечатления по восточной европейской России. [1847 г.].....	94
<i>Кропоткин П. А.</i> На пути в восточную Сибирь. (Дорожные заметки). [1862 г.]	97
<i>Белоголовый Н. А.</i> Поездка на Урал в 1866 году.	110
<i>Левитов И. С.</i> От Москвы до Томска. [1882 г.]	114
<i>Кельцев С. А.</i> От Москвы до Екатеринбурга. (Из путевых заметок). [1887 г.]	128
<i>Мамин-Сибиряк Д. Н.</i> Старая Пермь. Путевые очерки. [1888 г.]....	156
<i>Шмурло Е. Ф.</i> Волгой и Камой. Путевые впечатления. [1889 г.]....	211
<i>Пешков Д. Н.</i> Путевые заметки (дневник) от Благовещенска до Петербурга. [1890 г.]	223
<i>Мейер Ф. А.</i> По Вишере. (Из путевых набросков). [1897(?) г.]	231
<i>Поссе В. А.</i> В даль и глубь России. [1907 г.]	240
<i>Фирсов А. И.</i> По Каме. [1907—1908 гг.]	257
Примечания	271
Словарь забытых и устаревших слов и выражений	291

Для заметок

Для заметок

Краеведческое издание

По Каме и Уралу
Путевые записки

Составитель *Д. А. Краснощёров*

Редактор *Т. И. Быстрых*

Ответственный за выпуск: директор МУК ОМБ *Е. Н. Клешина*

Компьютерный набор *Т. И. Быстрых*

Компьютерная верстка и обработка иллюстраций *А. Г. Щелканов*

Формат 60X84 $\frac{1}{16}$. Усл. печ. л. 18,75.
Бумага ВХИ 80 г/м²

Тираж 300 экз.

Книга отпечатана на оборудовании
ООО “Абрис”
т. 8 (342) 293-32-37, 294-59-19